

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

№ 9

**ЧУВАШСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ
ВЕСТНИК**

АРХЕОЛОГИЯ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ
ПРАВОВЕДЕНИЕ
СОЦИОЛОГИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА
ЭТНОЛОГИЯ

Чебоксары 2014

Учредитель БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования и молодёжной политики Чувашской Республики

Редакционная коллегия:

Ю.М. Артемьев, доктор филологических наук, профессор,
И.И. Бойко, доктор исторических наук, профессор,
Ю.Н. Исаев, кандидат филологических наук (главный редактор),
В.П. Иванов, доктор исторических наук,
М.Г. Кондратьев, доктор искусствоведения, профессор,
А.В. Кузнецов, кандидат филологических наук,
Г.А. Николаев, кандидат исторических наук (заместитель главного редактора),
Л.П. Петров, кандидат филологических наук,
А.А. Трофимов, доктор искусствоведения, профессор (художественный редактор)

Ответственный редактор
Г.А. Николаев

Чувашский гуманитарный вестник
Чебоксары, 2014. № 9

Научный журнал
Основан в феврале 2006 г.
Выходит 1 раз в год

© Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2014
© Редакция журнала «Чувашский гуманитарный вестник» (составитель), 2014

На основе исторических источников выявлен уровень власти болгарских правителей. Она не ограничивалась их формальным почитанием со стороны подданных, социальным статусом, а подтверждалась их правом на высшую судебную власть, государственные налоги, повинности, торговые пошлины, обязательную часть военной добычи, правом принимать самостоятельные решения по важным государственным вопросам, привлекая для этого только самых влиятельных людей государства и т.д.

Ключевые слова: волжские болгары, хазары, власть, правитель, государство, правовой статус, подданные, налоги, повинности, суд.

Автором статьи поставлена задача определить правовой статус болгарских правителей.

Власть хана, как верховного правителя Волжской Болгарии, распространялась на всю территорию государства. Формирование правящего класса в Волжской Болгарии привело к появлению сложных отношений сюзеренитета-вассалитета. Булгарский хан уверенно пользовался «правами сюзерена». Выражение верховной власти правителя в Волжской Болгарии особенно видно из сообщений Ибн Фадлана – секретаря арабского посольства 921–922 гг., когда состоялось официальное принятие булгарами мусульманства. Особенности сюзеренитета-вассалитета во взаимоотношениях булгар арабский посол ощутил на себе еще до непосредственной встречи с самим правителем. Встретить посольство хан Алмуш поехал не лично, а послал «на расстоянии дня и ночи пути... четырех царей, находящихся под его властью, своих братьев, своих сыновей». Алмуш встретил послов позже, «на расстоянии двух фарсахов» (примерно 12–14 км)¹. При этом ему по силам было собрать «царей», «предводителей», основную часть знати своего государства всего за три дня².

Алмаз Раисович Мухамадеев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории общественной мысли и исламоведения Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; e-mail: almazrm42@mail.ru.
Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13–11–16011.

Когда царь пригласил послов в шатер, «цари» (князья) сидели справа от него, Ибн Фадлана со спутниками расположили с левой стороны, сыновья сидели перед ним, сам Алмуш сидел на троне, покрытом византийской парчой. Первый стол с жареным мясом был принесен ему, Алмуш отрезал от мяса несколько кусков, попробовал, затем дал кусок послу Сусану, после чего ему тоже принесли стол. Ни один из князей, сыновей, послов по обычаю не имел права протягивать руки к еде, пока он, царь, не вручит ему кусочек. Как только сидящий получал свой кусок, ему сразу же приносили отдельный столик с яствами, общего стола не было³.

Величие болгарского хана мы наблюдаем из многих деталей сообщения арабского посла. Когда хан ехал верхом, он делал это в совершенном одиночестве, рядом с ним не должно было быть никого. Когда он проезжал мимо, никто не имел права оставаться сидящим – каждый стоя снимал шапку, клал себе под мышку и одевал только после прохождения хана. Точно так же снимали шапки и клали под мышку те, кто входил к царю, включая его сыновей и братьев. Затем они кивали головами в сторону царя, приседали, но оставались стоять, пока сам хан не приглашал их сесть. Каждый, кто находился перед ханом, сидел на коленях и не вынимал и не показывал своей шапки, пока не выходил из юрты. Все болгары, по сведениям Ибн Фадлана, жили в юртах, с той небольшой разницей, что юрта царя была «очень большая, вмещающая тысячу душ и более». Юрта самого хана была устлана армянскими коврами, посередине стоял трон, покрытый византийской парчой⁴.

Власть болгарского хана не ограничивалась формальным почитанием и уважением со стороны подданных, социальным статусом, оно подтверждалось его правом на государственные налоги с «домов», другие подати, повинности и сборы на определенные действия и мероприятия (например, свадьбы, пиры). Царь широко пользовался правом на торговые пошлины на иноземных купцов, обязательную часть военной добычи, правом принимать самостоятельные решения по важным государственным вопросам, привлекая для этого только самых влиятельных людей государства и т.д.

Обычай объезжать правителю владения в относительном одиночестве и оказывать ему повиновение и знаки почтения со стороны подданных еще более ярко выражены были у хазар. Ибн Фадлан в своем отчете намного подробнее описал статус и образ жизни правителя хазар, величаемого каганом. Несмотря на то, что болгарский правитель в отличие от хазарского был существенно «проще» в своем величии, учитывая отношения сюзеренитета-вассалитета между ними, надо полагать, что некоторые элементы этикета все же были восприняты ханом болгар у своего сюзерена.

Каган показывался среди подданных один раз в четыре месяца, в почетном отдалении. Его называли «большой каган», а его заместитель именовался «каган-бек». Каган-бек предводительствовал войсками, командовал ими, совершал походы, управлял делами и руководил государством, наказывал преступников. Каган-бек периодически появлялся перед народом, ему изъявляли покорность не только обычные люди, но и местные правители. Каждый день каган-бек смиренно входил к большому кагану, проявляя

унижение и спокойствие. Входил босым, с дровами на руках, при приветствии большого кагана зажигал дрова, по сожжении которых садился вместе с царем на его трон с правой стороны. Каган-бека замещает кундуркаган, а его в свою очередь – джавшыгыр. Большой каган не дает аудиенции людям, и вообще никому, кроме этих трёх чиновников⁵.

Когда большой каган выезжал верхом, по случаю выезда поднимались боевые отряды, которые держались от своего правителя на расстоянии мили. Ни один из подданных не мог видеть его иначе, как павши ниц, поклоняясь ему, и не поднимет головы, пока он не проследует мимо.

У кагана было двадцать пять жен, причем каждая из них – дочь кого-либо из царей, соседствующих с ним, которую он брал «волей или неволей». Каган имел шестьдесят наложниц, которые отличались красотой. Каждая из жен и наложниц находилась в «отдельном дворце», которых круглосуточно охранял евнух⁶.

Как сообщает Ибн Фадлан, продолжительность правления кагана составляла 40 лет. Если он переживёт этот возраст хотя бы на один день, то «подданные и его приближенные уволят его или убьют и скажут: „У этого ум уже уменьшился, и его суждение стало путаным, неясным“». Истахри описывает архаичный обычай, применяемый в X в. у хазар, когда при возведении нового кагана его начинают душить шнуром и, сильно затягивая, спрашивают, как долго он хочет царствовать. Каган в состоянии полузабытья обязан определить себе срок пребывания в его теле такой силы, то есть царствования, что было связано с верой в божественную силу вождя⁷.

Однако на практике и это не могло являться правовым основанием для его долгого правления. Известно, что не только в случае старости, но и в случае крупных стихийных бедствий, разорения, поражений в войнах, как и другие народы, верившие в божественную силу вождя, хазары расправлялись со своим каганом. Приписав несчастья факту существования данного кагана, «знать» и «чернь» шли к каган-беку и требовали убить кагана, иначе они грозились сделать это сами.

Древний обряд убийства и расправы над стариками стал мотивом в некоторых вариантах тюркоязычного героико-эпического сказания «Ак Кубек», происхождение и начало формирования которого исследователи относят к X в. По одной из таких версий, хан издает приказ, согласно которому каждый должен был убить своего отца возрастом более 60 лет. В целом, историко-этнографические данные свидетельствуют о довольно широком распространении подобного обычая⁸.

В случае смерти большого кагана для него строился большой двор, который охватывал 20 домов, в каждом из которых рылась могила. В могилу клался измельченный до порошкообразности камень, поверх которого накладывалась негашеная известь. Каждый из домов выстилался парчой, сотканной из золота. После похорон всем, кто хоронил кагана, отрубали головы, чтобы никто не знал, в какой могиле покоится правитель⁹.

Обстоятельства, описанные Ибн Фадланом, в общих чертах встречаются и у Ибн Асира, писавшего об этом намного ранее (867). У Ибн Асира

находим некоторые сведения, отсутствующие у Ибн Фадлана или не в полной мере соответствующие его записям: каганом мог быть представитель только одного семейного клана; встретив кагана, подданные не провожают в состоянии ниц, а оказывают ему знаки уважения и сразу идут домой; перед заходом к кагану те, кому повезло к нему попасть, совершают земной поклон, валяются в пыли и только после этого ждут разрешения обратиться; при избрании нового кагана прежнего обязательно душат; приговоренный к смерти в Хазарии накладывает на себя руки сам¹⁰.

Однако власть хазарского кагана трудно назвать неограниченной, чему мешала сакрализация его власти и персоны. В божественную власть правителя верили многие народы мира, находящиеся на ранних этапах развития религиозных представлений. Часто считалось, что, старея, правитель теряет свою силу, по причине чего его убивали или заменяли, как и поступали с хазарскими каганами. Вера в божественные силы кагана и страх его потерять приводили к тому, что практически все действия кагана и все его предметы табуировались. Жизнь хазарского правителя превращалась в цепь тяжелых запретов. При таком положении дел каган не имел возможности полноправно править своим государством¹¹. В данном случае, сакрализация власти кагана – переплетение культа бога-героя с культом вождя – могла стать правовым основанием для его смещения или даже убийства. Как свидетельствуют источники, правление страной в таком случае переходило в руки каган-бека.

Власть болгарского хана не была такой сакральной и неограниченной, что не препятствовало ему показать подданным свою твердость и повелевать ими. К моменту визита Ибн Фадлана среди болгар были приверженцы ислама, ведущие соответствующий образ жизни, исполняющие мусульманские обряды. Алмуш, используя право повелителя болгар, имел прямое влияние на своих соплеменников, как язычников, так и мусульман. В этом отношении показательна ситуация, сложившаяся во время принятия болгарам мусульманства.

Так, болгарский муэдзин, призывая к молитве, провозглашал икаму дважды. Ибн Фадлан сделал замечание, что икаму принято провозглашать лишь один раз, на что Алмуш сказал муэдзину: «Прими к исполнению то, что он говорит тебе, и не противоречь ему». Муэдзин продолжал делать так несколько дней, пока Алмуш, рассердившийся на то, что арабский посол не довез до него четырех тысяч динаров, посланных халифом, дал распоряжение муэдзину, чтобы он снова дважды провозглашал икаму¹².

Удвоение икамы соответствовало учению ханифитов, принятому в Средней Азии. Провозглашение икамы один раз рекомендовали шафииты. Оно было в употреблении в Ираке, при дворе халифа. С канонической точки зрения, оба этих толка ислама равноправны. Однако принятие той или иной формы икамы влекло за собой введение всей системы обрядов и юридических норм данного толка. В данном случае для Ибн Фадлана вопрос об икаме был вопросом престижа, вопросом прежде всего политическим.

После прибытия посольства из халифата Алмуш начал вести себя еще более уверенно. Когда он приказал всем подвластным племенам перекаче-

вать вместе с ним, мнения разделились. Среди болгарских племен, в частности сувар, выделилось целое оппозиционное течение, не спешившее принять ислам. Большая часть сувар во главе с князем Вырыгом сначала откровенно отказалась подчиняться. Алмуш не стал терпеть подобного неповиновения и поспешил напомнить им, что свыше ему дарованы ислам и верховная власть повелителя правоверных, и предупредил: «Кто мне будет противиться, того я поражу мечом». Другая часть племен – эскелы были у Алмуша под контролем, хотя официально еще не приняли ислам. Узнав о предупреждении сувар, они решили не рисковать и тут же согласились на перекочевку¹³.

Алмуш, вначале на хутбе именовавший себя «царем болгар», по совету Ибн Фадлана начал именовать себя «эмиром болгар». Возможно, это и был его действительный царский титул. Название «царя славян» употреблялось более при дворе халифа, чтобы увеличить его авторитет и показать как могущественного владыку северных народов, которыми являлись и болгары. Такой титул мог повлиять на отношение халифского двора к Алмушу. В действительности, как видно из приведенного выше примера, он был далек от господства над народами «Севера», более того, не все болгарские племена беспрекословно подчинялись его велениям.

Болгарский хан принял имя Джаффара ибн Абдаллаха. В общем, изменение имени было не только определенным условием при принятии мусульманства, но и в порядке тюркских обычаев. Л.Н. Гумилев писал, что «тюрки не носили одного и того же имени от рождения до смерти, как европейцы. Имя тюрка всегда указывало на его положение в обществе. Мальчиком он имел кличку, юношей – чин, мужем – титул, а если это был хан, то титул менялся согласно удельно-лестничной системе»¹⁴. По мнению Т. Джануказова, это тесно связано с внутренней историей и государственным устройством тюрков. Имена многих представителей знати отражали также их личные качества и служили своеобразным описанием определенных достоинств и недостатков¹⁵.

Алмуш еще до официального принятия мусульманства, несмотря на вассальную зависимость от хазарского кагана, при первой же возможности пытался продемонстрировать свою самостоятельность и реализовать право реального царя своего народа. Так, хазарский каган силой женился на дочери болгарского царя, которая вскоре умерла. После этого каган начал требовать руку младшей дочери хана. Алмуш упредил очередное несчастье и выдал замуж свою дочь за князя болгарского племенного объединения эсегел, находящегося под его властью¹⁶.

В Дунайской Болгарии IX в. правители были суверенны по отношению к своему могущественному соседу – Византийской империи, соответственно должны были соответствовать своему высокому статусу. Ал-Бекри сообщает: «Царь их – высокого сана: он на голову надевает корону»¹⁷.

Вместе с тем из дошедших до наших дней исторических сведений становится понятно, что на данном периоде развития Болгарского государства хан еще не мог претендовать на абсолютную власть над своими под-

данными. Возникает закономерный вопрос: какими полномочиями и степенью власти обладал болгарский правитель, каким было его правовое положение? Был ли он монархом, а если был, то в какой степени?

Ответы могут дать факты из истории государства и права предыдущих тюркских государств. Как утверждает С. Максуди, изучавший историю древнетюркских государств, правовых норм и взаимоотношений тюрков, ответ на этот вопрос очевиден. Тюркский хан, подобно гуннскому правителю, – монарх, а тюркское государство – монархия. Однако, по данным исследователя, тюркские ханы VI–VIII вв. отнюдь не были абсолютными монархами¹⁸. Соседняя Киевская Русь также являлась раннефеодальной монархией, и ее великие князья также не были абсолютными монархами своего государства. Великий князь являлся старшим (сюзереном) по отношению к местным князьям.

Судя по общим тенденциям и принципам развития общественно-правовых взаимоотношений в средневековых странах, их правители наделялись и верховной судебной властью. Относительно тюркских народов это видно на примере государственного образования гуннов-тенгрианцев и Хазарского каганата, который обладал уникальной судебной системой. Наличие высшей судебной власти в руках правителя болгар прослеживается в сообщениях, относящихся к дунайским болгарам второй половины IX в. Ал-Бекри сообщает, что «царь их... приказывает и запрещает (установленным) порядкам и церемониям, как оно привычно царям и вельможам»¹⁹. Учитывая, что до этого арабский автор говорит о многочисленных чиновниках и управляющих царя на местах, данный отрывок следует отнести к отношению болгарского правителя к правосудию в том числе²⁰.

Византийский посол Приск, четырежды лично видевший короля гуннов Аттилу, сообщал, что однажды он видел его в шатре сидящим в деревянном кресле, два раза – в пирах в деревянном дворце, один раз он наблюдал гуннского правителя в роли судьи, выслушивающего, стоя на крыльце, речи тяжущихся сторон²¹. Также Приск сообщал, что во внутреннем дворе Аттилы посол увидел множество людей, которые «имевшие жалобы, были ему представлены. После, возвращаясь в покои, давал аудиенцию послам варварских народов»²².

Сведения источников о месте болгарского правителя в обществе, несомненно, свидетельствуют и о его судебной власти. Отголосками того, что высшей судебной инстанцией у волжских болгар являлся сам хан, служат примеры из народного фольклора. Легендарный Темень из чувашской мифологии – великий полководец и премудрый правитель – одновременно считался и верховным судьей: «умиротворял враждующих чувашей и судил справедливо»²³.

Таким образом, относительно правового положения правителя в болгарском обществе мы можем сказать следующее. Несмотря на вассальную зависимость от Хазарского каганата, Волжская Болгария начального периода имела широкую автономию, а ее правители в полной мере использовали свою власть среди болгар. Болгарские правители выстроили в Среднем Поволжье свою систему вассалитета-сюзеренитета с племенами бол-

гарского сообщества и местными аборигенными племенами. Они имели право на сбор налогов, торговых пошлин, являлись высшей судебной властью, в пользу них исполнялись повинности и т.д. Вместе с тем болгарские правители не имели над своими подданными абсолютной власти.

Литература

- ¹ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: статьи, переводы и комментарии. Харьков: Изд-во ХГУ, 1956. С. 131.
- ² Там же. С. 32.
- ³ Там же. С. 132.
- ⁴ Там же. С. 136–137.
- ⁵ Там же. С. 146.
- ⁶ Там же. С. 147.
- ⁷ Плетнева С.А. Хазары. М.: Наука, 1976. С. 32.
- ⁸ Урманчеев Ф.И. Героический эпос татарского народа. Казань: Татар. кн. изд-во, 1984. С. 134–135.
- ⁹ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана ... С. 146–147.
- ¹⁰ Марджани Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара. Ч. 1. Казань: Фэн, 2005. С. 42.
- ¹¹ Плетнева С.А. Хазары ... С. 32–33.
- ¹² Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана ... С. 133.
- ¹³ Там же. С. 139.
- ¹⁴ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Тов-во «Клышников, Комаров и К», 1993. С. 89.
- ¹⁵ См.: Махпиров В.У. Древнетюркская ономастика. Алма-Ата: Гылым, 1990. С. 24.
- ¹⁶ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана ... С. 141.
- ¹⁷ Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1. СПб.: Тип. Импер. академии наук, 1878. С. 52.
- ¹⁸ Садри Максуди Арсал. Тюркская история и право / пер. с тур. Р. Мухаметдинова. Казань: Фэн. С. 217.
- ¹⁹ Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах ... С. 52.
- ²⁰ Мухаммадеев А.Р. Высшая судебная власть в средневековых тюркских государствах // Правосудие в Татарстане. 2011. № 4 (48). С. 51.
- ²¹ Иордан. О происхождении и деянии гетов (Gética) / вступ. ст., пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. СПб: Алетей, 2000. С. 310, прим.
- ²² Венелин Ю. Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Т. 1. М.: Университетская типография, 1829. С. 144.
- ²³ Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания. Ч. 1: О жизни и борьбе народа с древнейших времен до XVI века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. С. 23.

A.R. Mukhamadeev

MANIFESTATION OF POWER AND PECULIARITIES OF THE STATUS OF RULERS AT THE INITIAL PERIOD OF THE VOLGA BULGARIA DEVELOPMENT

Based on historical sources, the level of power of Bulgarian rulers was determined. It was not limited to their formal honoring on the part of the lieges, social status, but proved out by their right for highest court, state taxes, duties, trading fees, an obligatory part of the spoils of war; the right to make independent decisions on important state matters, engaging only the most influential people of the state for this purpose, etc.

Keywords: Volga Bulgarians, Khazars, power, ruler, state, legal status, the lieges, taxes, duties, court.

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ ПРЕДМЕТНО-ПОНЯТИЙНОГО ПОЛЯ ТЕРМИНОВ «МЕНТАЛЬНОСТЬ»

ЧГВ, 2014 г., № 9
© Н.И. Егоров

И «МЕНТАЛИТЕТ»:
ЭТНОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются некоторые методологические вопросы, связанные с развитием современной менталистики как самостоятельной социально-гуманитарной научной дисциплины. Особое внимание уделено проблеме дихотомии «менталитета» и «культуры», а также дефиниции и дифференциации понятий «ментальность», «менталитет» и «этническая ментальность».

Ключевые слова: ментальность, менталитет, менталистика, чуваша, этническая культура, этнический менталитет.

Человеческая природа – это не что-то существующее отдельно, в индивидуе, это групповая природа или первичная фаза общества.

Чарльз Кули

Социально-гуманитарная наука постоянно находится в поисках новых идей, теорий, взглядов, парадигм, установок, которые могли бы адекватно отразить современное общественное развитие и предопределить пути её позитивной динамики.

История мировой цивилизации сегодня вплотную подошла к такой черте, когда требуется не только проведение некоей инвентаризации и переоценки традиционно устоявшихся и потерянных в ходе реализации беспрецедентной в новейшей истории программы исключительно меркантильного успеха морально-этических, духовных ценностей, но и отказ от целого ряда ментальностей, направленных на обеспечение материального, технологического и фи-

Николай Иванович Егоров – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: emigulay@mail.ru.

нансово-экономического превосходства. Такая постановка проблемы обусловлена тем обстоятельством, что в начале третьего тысячелетия фроммовская дилемма «иметь или быть» со всей очевидностью разрешилась в сторону первой установки, а вторая, куда более существенная, как-то незаметно выпала из системы ценностных ориентаций общества.

Сегодня в социально-гуманитарной сфере активно эксплуатируется понятие «человеческий капитал». Под этим термином подразумевается качество индивидуума, которое складывается из множества составляющих: образования, материальных ресурсов, доступа к властным структурам, широты, прочности и престижности социальных связей, личных доходов, уровня включенности в общественные структуры, духовной насыщенности образа жизни, эрудиции, воспитанности, профессионализма и т.д. Свою определенную нишу в совокупном гуманитарном капитале личности занимает и ментальность. Человек, общество и этнос суть результат действия многих факторов – природных, социальных, психоментальных, культурных, лингвистических и т.д. Объекты нашего научного интереса, а именно *ментальность* и *менталитет*, могут быть изучены и как системы, и как хаотический набор разных элементов, явлений и событий.

Человек – существо социальное, он живет не только и не столько в мире вещей, человек живет и в мире понятий, запретов, желаний и целей. Одни из них отражают наш повседневный быт и доступны для каждого. Другие понятия за своей кажущейся простотой скрывают вселенную человеческих страстей и интеллектуального сверхнапряжения в поисках ответа на вопрос: что такое человек и в чем смысл его бытия? Одно из таких понятий – менталитет, который в свою очередь является органичной составной частью гуманитарной культуры. В каждом человеке сосуществуют два сознания – индивидуальное, основанное на личностных состояниях человеческой души, и коллективное, свойственное целой социальной группе.

Коллективное сознание – это совокупность представлений, чувств, предпочтений, верований и т.д., общих для членов данного общества. Оно самоорганизуется в некоторую определенную систему, обладающую собственным бытием. Коллективное сознание не заимствуется человеком непосредственно из опыта, эмпирии, а прививается окружающей человека социальной средой. Менталитет формируется культурными влияниями, традицией. Исследуя менталитет, мы пытаемся понять, как отражается явление культуры в мыслях, чувствах и действиях людей.

1. К проблеме дихотомии «менталитет» – «культура»

Прежде чем приступить к изучению культурных влияний на ментальность и поведение, важно и полезно обсудить следующий вопрос: что означает слово «культура»?

В обыденном сознании «культура» выступает как собирательный образ, объединяющий искусство, религию, науку и т.д. В философском пони-

мании под термином «культура» раскрывается сущность человеческого бытия как реализация творчества и свободы¹. Культурное поведение сообществ людей никогда не бывает стихийным: культура, как способ организации деятельности человеческого общества, всегда включает систему запретов, норм и целей, не сводящихся к простому подражанию, больше того – лишь при этом условии она может выполнять свои адаптивные, резистентные и жизнеобеспечивающие функции.

Гуманитарную культуру в определённом смысле можно охарактеризовать и как «систему запретов и целей». Так, Л.Н. Гумилев в одной из своих работ пишет: «Пассионарность растёт, не находя выход, потому что нет новой культуры, то есть *действенной системы запретов и целей* (выделено мною. – Н.Е.), подсказываемых новым или обновлённым мироощущением, ибо старое уже никого не вдохновляет, как любой культ без творческой догматики»².

Нам необходимо понять и постоянно иметь в виду, что «общечеловеческая культура» или «культура мира», «мировая культура» – не более чем сугубо виртуальные научные обобщения, введенные в оборот для удобства операционной практики. В реальности «общечеловеческая культура», как ни покажется парадоксальным, – это прежде всего культура различий, если хотите, культура конфликтов, которые изначально присущи человеческой натуре. Различия всегда были и будут, ибо культура каждого народа индивидуальна и уникальна. Не может быть обобщенной условной «культуры вообще». Культура всегда связана с конкретным обществом, конкретным народом.

Культура каждого народа индивидуальна и уникальна. Её нельзя, невозможно ни отменять, ни отчуждать. Нельзя отнять индивидуальность у национальной культуры. И это надо знать, понять, освоить как истину человеческого общежития и руководство для конструктивного решения конфликтных ситуаций. Это необходимо понять и принять руководству политической деятельностью сегодня, чтобы предотвратить возможные уже завтра «насильственные» конфликты.

Под терминами «ментальность», «менталитет» обычно понимают относительно устойчивую и целостную совокупность мыслей, представлений, верований, духовных ценностей, которая создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции этнического или ещё какого-нибудь иного сообщества людей. В основе формирования определенного типа ментальности лежат культура и традиции, вместе с тем и сама ментальность является глубинным источником и механизмом регуляции развития культуры.

2. Современные подходы к определению культуры

Культуру следует представлять как сверхсложную диссипативную эволюционирующую систему, охватывающую все формы, процессы и продукты жизнедеятельности человеческого общества.

Любое этническое сообщество представляет собой сложноорганизованную целостную систему, состоящую из ряда структурных подразделений: *хозяйственно-экономическое* – производство продуктов потребления и средств производства, организация перераспределения продукции, технология производства, система коммуникаций и т.д.; *биосоциальное* – все, что относится к жизнеобеспечению людей и витальности общества: социальное устройство, семья, родоплеменные и территориальные взаимосвязи; добыча, производство, распределение и потребление продуктов, товаров и услуг; жилище, утварь, одежда; организация досуга, праздники; социализация неофитов и т.д.; *социально-политическое* – структура, слои и страты общества; власть и организация управления; соционормативная культура; право и легитимизация власти и проч.; *идеологическое* – гуманитарная, духовная культура; мифология, верования, религия; этика и эстетика; картина мира, менталитет, нормы и правила коммуникации; дихотомия «свои» и «чужие» и т.д., и т.п.

Все эти подразделения и вся структура этнического сообщества и его культура детерминированы природно-географической средой, вмещающей ландшафт, экосистему. В соответствии с этой системой в составе традиционной культуры современная этнология выделяет также основные подразделения (компоненты): культуру расселения и природопользования; культуру материального жизнеобеспечения; соционормативную культуру и гуманитарную культуру.

Ю.И. Мкртумян сформулировал методологически важное для антрополога предложение разделять многообразие элементов культуры по их функциям в жизни общества, на культуру первичного производства, культуру жизнеобеспечения, соционормативную культуру и культуру гуманитарную³. В этой системе психоментальные переживания и поведение человека, его индивидуальная ментальность и партикулярный, социальный менталитет занимают своё законное место в разряде «гуманитарная культура». Культура в целом, включая и язык, может стать мощным интеграционным социальным и этническим капиталом, а может и не стать. Культура может и должна быть интеграционным ресурсом, но сам по себе ресурс всегда не более, чем потенциал. Для превращения его в капитал необходимо соблюдение, по крайней мере, двух условий: культура должна быть востребована в такой мере, что обладание ею начнет давать экономический, социальный, психоментальный эффект и оказывать осязаемое позитивное воздействие на положение индивида в обществе.

3. Современные подходы к определению менталитета

В социально-гуманитарной сфере наук теперь часто используется слово «менталитет»: говорят о менталитете разных социальных групп, разных народов, разных эпох и даже всего человечества. Современное общество дифференцировано на многочисленные социальные группы, организации и

институты, которые имеют различные интересы и потребности. В таком обществе каждая из составляющих имеет свой специфический менталитет, обусловленный социально-экономическим положением и жизненными интересами членов этих объединений. В связи с множественностью подходов к феномену ментальности и возросшим интересом к самым различным сторонам проявления индивидуального и партикулярного менталитета в последние два десятилетия в специальной литературе стали рассматриваться проблемы изучения психоментальных особенностей различных возрастных групп (школьников, молодежи, студенчества и т.д.), социальных слоев (крестьянства, рабочих, творческой интеллигенции, политиков, предпринимателей и т.д.), профессиональных групп (учителей, медицинских работников, инженеров, военнослужащих, чиновников и т.д.); политических течений (демократов, либералов, партии власти, маргиналов и т.д.), различных территориальных групп (провинциальной, региональной, этнической, городской, сельской и т.д.), представителей разных областей научного знания (гуманитарной, историко-культурной, политической, правовой, экономической и т.п.)⁴. С середины 1990-х гг. в ходе кардинальных и политических реформ в стране в отечественной литературе появились и такие определения менталитета, как «советский», «партийно-советский», «постсоветский», «рыночный» и т.д.

В коллективном характере любого народа представлена совокупность личностных свойств индивидов, однако структура и степень выраженности этих свойств человека как социального биологического вида специфичны и типичны одновременно, поскольку это своеобразное соотношение тесно связанных психоментальных свойств по-своему проявляется в социальных структурах разных уровней: индивидуальном, партикулярном, социальном, этническом, национальном, конфессиональном, профессиональном, гендерном и т.д. В данной работе основное внимание уделяется соотношению индивидуальной и коллективной ментальностей, их взаимодействию, взаимобусловленности и функциональной роли жизнеобеспечения этнических сообществ, то есть разным аспектам проявления этнического менталитета в жизни современного общества.

3.1. К определению понятия «этнический менталитет»

Для целостного и адекватного понимания ценностных ориентаций индивидов и социальных коллективов различных иерархических уровней, от трудовых коллективов до этнических и национальных сообществ, а также подлинной модернизации социально-культурных процессов в обществе необходимо в полной мере учитывать проверенные временем духовно-нравственные традиции и психоментальные особенности народа.

К многочисленным характеристикам любой национальности, помимо таких традиционно учитываемых факторов, как этногенез, этническая история, материальная и духовная культура, включая философию, верования, язык, фольклор и др., следует отнести также психический склад ума или этнический менталитет, этническую психологию, этническое самосознание нации

как определяющие компоненты национальной идентичности и самосохранения этноса в пространственно-временном континууме. Исторический опыт, сила духа людей, их приверженность к тем или иным нравственно-духовным идеалам концентрируются в духовном и психическом складе народа, в его коллективном этноменталитете, культурных и морально-нравственных традициях. Изучая менталитет людских сообществ, социально-культурная антропология пытается понять, как отражаются явления общественной жизни в мыслях, чувствах, сознании, поступках и действиях людей и как менталитет влияет на ход развития социальной жизни индивидов и общества в целом.

Передающиеся от поколения к поколению специфические способы восприятия, понимания и оценки членами этнической общности различных сторон окружающей действительности – так называемой «картины мира» – прежде всего обусловлены психическим складом народа, его культурными традициями и обычаями, национальным характером, темпераментом, этносоциальным менталитетом.

Этнокультурный аспект в определении предметно-понятийного поля категории «ментальность» довольно часто встречается в работах современных этнопсихологов и социальных психологов. Так, Г.М. Андреева на страницах подготовленного ею вузовского учебника по социальной психологии под термином «менталитет» предлагает понимать некую интегральную характеристику этнической культуры, в которой фактически актуализируется самобытное мировосприятие и миропонимание её носителей, то есть коллективное представление о картине мира в сознании всех или большинства членов данного этнического сообщества. Носители той или иной этнокультурной традиции в процессе исторической эволюции выработали сходные способы мировосприятия, в результате чего в их коллективном сознании сформировался во многих отношениях сходный образ мышления, что и выражается в аналогичных образцах поведения большинства индивидов в однотипных ситуациях⁵.

Мировосприятие и культурная традиция, религия и психология являются той питательной средой, в которой выращиваются человеческие реакции на внешние вызовы, не говоря уже о том, что широкий пласт поступков людей вообще диктуется сложившимися в данной традиции идеалами, культурными моделями, стереотипами поведения, а не материальными интересами.

Ментальность и поведение людей являются важными элементами общественной жизни и многих других сфер деятельности, включая бизнес, производство, экономику, коммуникацию... Хотя каждая из социально-гуманитарных дисциплин, занимающихся в той или иной степени психоментальным поведением индивидуума, различных групп людей и всего социума, избирает различный подход и придерживается своей специфической, зачастую уникальной точки зрения на менталитет и социальное поведение людей, все они имеют, по крайней мере, одну общую особенность – опору на формальные, систематические, научные исследования как первичный метод, с помощью которого вырабатывается знание.

Социально-гуманитарные дисциплины прочно опираются на научное исследование, проводимое посредством непосредственного наблюдения, интервьюирования респондентов и лабораторных экспериментов с тем, чтобы выработать знание о том, как и почему люди ведут себя определенным образом. Каждая социально-гуманитарная научная дисциплина следует собственному научному подходу и использует уникальную парадигму и теоретическую базу для понимания и интерпретации данных. Несмотря на различия в подходах, их цели схожи: добыть информацию об индивидах, то есть выработать знание о социальном поведении людей. Однако приходится признать, что различия в методологии, мировоззрении, ценностных установках и интересах специалистов различных отраслей социально-гуманитарных наук представляют особую трудность в изучении такой тонкой материи, как менталитет вообще и менталитет этнический в частности. В исследовательской практике часто отождествляются понятия «национальный характер» и «этнический менталитет», но национальные традиции, традиционная гуманитарная культура, базовые структуры национального характера, по сути, являются фундаментальными составными элементами, лежащими в основе феномена «этнический менталитет». Изучением индивидуальной, партикулярной, социальной, этнической и прочих разновидностей проявления психоментальных особенностей человечества занимается новая социально-гуманитарная дисциплина, получившая название «менталистика».

4. Откуда есть пошла менталистика

Предположение о существовании психологических особенностей этнических общностей, или «национального характера», что в последнее время чаще обозначается модным французским словом «менталитет», или «ментальность», всегда было более или менее скрытой посылкой как обыденного сознания, так и социально-гуманитарных наук. Авторство термина «менталитет» обычно приписывается американскому философу Р.У. Эмерсону (R.W. Emerson, 1803–1882) и датируется 1856 г. В его основе лежит французское слово *mentalit* «мировосприятие», восходящее, в свою очередь, к латинскому прилагательному *mentalis* (*mens, mentis* «ум, мысль, мышление, рассудок»; «благоразумие, рассудительность»; «образ мыслей», «настроение, характер, душевный склад»; «сознание», «совесть»; *alis, alius* «другой», «иной», «прочий, остальной») – букв. «ум и все, что вокруг него», то есть «все, относящееся к образу мыслей, мыслительной деятельности, складу ума».

В свое время французские учёные школы «анналов» Ж. Дюби и Р. Мандру под сильным влиянием идей Л. Февра для обозначения предмета своих научных интересов ввели в научный оборот понятие «ментальность», предпочитая его «коллективным представлениям», «коллективному бессознательному» и другим более или менее близким по содержанию понятиям. По их представлениям, под термином «ментальность» следует понимать совокупность полубессознательных проявлений общества в качестве

важного фактора социальной истории. Так, Ж. Дюби, один из основоположников учения о менталитете, в понятие «ментальность» включал «систему образов, представлений, которые... лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей»⁶.

В журнале «Анналы» М. Блоком (1886–1944) и Л. Февром (1878–1956) понятие «ментальность», до них употреблявшееся исключительно по отношению к «примитивным» народам, впервые было применено к средневековой истории Европы. Они же ввели в парадигму «социальной истории» понятие «умственное оснащение». Авторы этих нововведений полагали, что понятия «ментальность» и «умственное оснащение» («менталитет» в современном понимании) должны были содействовать более широкому изучению особенностей сознания людей в ту или иную историческую эпоху. М. Блок акцентировал внимание на религиозной стороне проблемы и изучал менталитет в связи с народными верованиями и религиозными воззрениями людей. Л. Февр полагал, что менталитет – это эволюционно, то есть исторически, сложившаяся психоментальная структура, определяющая строй мыслей, чувств и поведения индивида и социальной группы и формирующая их системы ценностей и норм общественного поведения, то есть соционормативную культуру в нашем понимании⁷.

Представители школы «анналов» особо подчеркивают, что ментальность есть не набор характеристик, а система взаимосвязанных представлений, регулирующих поведение членов социальной группы. Зарождение научного изучения психоментальных особенностей разных этнических сообществ связано с научной деятельностью Х. Штейнтала (H. Steinthal, 1823–1899), М. Лацаруса (M. Lazarus, 1821–1903), В. Вунда (W. Wund, 1832–1920) и других философов, обративших свой взор на «психологию народов». Они пришли к пониманию того, что у каждого этноса имеется сверхличностное коллективное сознание – так называемый «народный дух», который наиболее рельефно проявляется в фольклорном творчестве. Так, В. Вунд пришел к заключению, что единого коллективного духа в природе не существует, поэтому надо изучать коллективную творческую деятельность индивидов – язык, мифологию, обрядовую культуру и т.д.

В становлении научной концепции менталитета огромную роль сыграли революционные для своего времени идеи К.Г. Юнга (C.G. Jung, 1875–1961) о бессознательном в личности и коллективе, о присущем всему человечеству «коллективном бессознательном», структурные элементы которого являются «архетипами». По представлениям К.Г. Юнга, каждая индивидуальная «духовность» (то есть ментальность) развилась из коллективного бессознательного: «Все основные формы и основные стимулы мышления коллективны. Все, что люди единодушно расценивают как всеобщее, коллективно, так же как и то, что всеми понимается, всем присуще, всеми говорится и делается». По К.Г. Юнгу, существуют четыре основные формы установки души: мысль, чувство, ощущение и интуиция. Коллективное бес-

сознательное, согласно концепции К.Г. Юнга, это наследие эволюционного прошлого человека, наследие, возникающее на основе повторяющихся переживаний многих поколений. Оно почти целиком отделено от личного в жизни индивида и, по-видимому, универсально. К.Г. Юнг феномен коллективного бессознательного трактует как хранилище скрытых реминисценций, унаследованных от предков знаний и представлений; это наследуемое прошлое включает не только расовую и этническую историю людей как особого биологического вида, но и опыт дочеловеческих и животных предков⁸.

В. Вунд рассматривал этническую ментальность как содержание души народов⁹, Ф.Л.К. Хсю (F.L.K. Hsu, 1909–1999) подчеркивал, что психологическая антропология исследует социальные представления, которые совпадают у членов той или иной культуры¹⁰, Г.Г. Шпет (1879–1940) пытался найти «первоначала» и «принципы бытия», которые называл «смыслами», «эйдосами», «идеями», и пришёл к заключению, что обнаружение смысла «принципов бытия» достигается через раскрытие интуитивных актов человеческого разума; ввёл в философскую науку понятие «типические коллективные переживания»¹¹ и т.д. В сущности, во всех этих направлениях речь идет о том предмете изучения, который мы называем «этническим менталитетом».

Американский антрополог Ф.Л.К. Хсю считает, что наиболее существенной характеристикой индивидов является широко распространенные социальные идеи, которых придерживается большинство в культуре, что эти общезначимые идеи, существующие в сознательной и подсознательной формах, есть фундаментальный и первый «физический материал», исследуемый в психологической антропологии независимо от того, кем является носитель общезначимых идей – индивидом, группой индивидов (семья, деревня, племя и т.д.) и к каким категориям эти люди относятся: «примитивным», «цивилизованным», «бесписьменным», «городским», «промышленным»...¹²

В широкое употребление слово «менталитет» вошло недавно. Только в 1994 г. отечественными исследователями были предприняты первые попытки дать новому термину адекватное смысловое наполнение. В зарубежной науке слово «менталитет» вообще не употребляется.

5. «Менталитет» и «ментальность»: проблемы дефиниции и дифференциации

Уже на подступах к анализу различных толкований терминов «ментальность» и «менталитет» возникает необходимость уточнения их предметно-понятийного поля. Прежде всего необходимо уяснить сущность понятия «менталитет», которое почти всегда употребляется в связке с понятием «ментальность».

Изучение истории вопроса показывает, что в зарубежной социально-гуманитарной традиции предметно-понятийная составляющая термина «менталитет» накапливалась и формализовалась во второй половине XX в. в недрах таких направлений изучения проявлений ментальности, как структур-

ная, историческая, культурная и социальная антропологии, семиотика, теория «карнавальная» культуры, теория социальной информации и т.д. В западной социально-гуманитарной науке изучение психоментальных явлений как составной части парадигмы социальной истории стало разворачиваться в 60-х гг. прошлого века в связи с формированием так называемой «новой исторической науки». В основополагающих работах Ф. Ариеса, Ф. Броделя, Ж.-П. Вернана, П. Вилара, М. Вовеля, Ж. Дюби, Э. Лабрусса, Р. Мандру и других активных представителей «новой исторической науки» основное внимание уделялось индивидуальным и коллективным психоментальным представлениям, социально-психологическим установкам, привычкам сознания, автоматизмам поведения, способам мировосприятия и миропонимания людей, представляющих те или иные социальные общности. Апологеты «новой исторической науки» заложили основы современной менталистики. Они, в частности, обосновали теорию диффузности менталитета, полагая при этом, что психоментальные представления и переживания «разлиты» в гуманитарной культуре и обыденном сознании и что не осознаются самими носителями менталитета, но автоматически проявляются в их повседневном поведении, поступках, действиях, высказываниях подсознательно, как бы помимо их намерений и воли. Значительный вклад в разработку проблем менталистики внесли представители культурной антропологии, которые много внимания уделяли гуманитарной и соционормативной культуре, изучали духовную составляющую менталитета и системы взаимоотношений индивидуумов и разных социальных групп в том или ином сообществе.

Новое научное направление развивается лишь тогда, когда возникает его терминологическая дефиниция и появляется развернутое обоснование границы предметно-понятийного поля, исследовательских задач и методов анализа эмпирического материала.

Нет ничего необычного и удивительного в том, что каждый из нас, размышляющих, что же это такое – «ментальность» и «менталитет», вдруг видит себя словно бы вступившим в сократическую беседу с самим собой; словно бы заранее ничего не известно и ничего не ясно, нужно пытаться нащупать под ногами твердую дорогу, начинать с простейших вещей, дабы в конце концов убедиться, что они-то всего сложней. Очень емко это выразил Г.Д. Гачев: «Национальный характер народа, мысли, литературы – очень “хитрая” и трудно уловимая “материя”. Ощущаешь, что он есть, но, как только пытаешься его определить в слова, он часто улечивается, иловишь себя на том, что говоришь банальности, вещи необязательные, или усматриваешь в нем то, что присуще не только ему, а любому, всем народам. Избежать этой опасности нельзя, можно лишь постоянно помнить о ней и пытаться с ней бороться, – но не победить»¹³.

«Неуловимость» ментальности обусловлена, скорее всего, тем обстоятельством, что многие из применявшихся до сих пор способов социально-исторического и социально-культурологического исследования не обеспечивали преодоление такой важной методологической препоны, как сочета-

ние в одной логически связанной модели человека, общества и культуры. Именно менталитет как категория социально и культурно детерминированного поведения личности является тем связующим звеном, которое может их объединить в одно целое.

5.1. К дефиниции «менталитета»

Поскольку термин «менталитет» в отечественной социально-гуманитарной науке является новым, имеет смысл коротко остановиться на некоторых дефинициях, которые давали ему отечественные и зарубежные исследователи.

Менталитет обычно рассматривается как понятие динамическое и в то же время как основа для самоорганизации общества, каркас для культурной традиции. В самом общем виде менталитет – это способ, тип мышления, склад ума, проявляющийся в познавательном, эмоциональном, волевом процессах и характере поведения, дополняемый системой ценностных установок, присущих большинству представителей этнического сообщества. Менталитет выражает «упорядоченность ментальности и определяет стереотипное отношение к окружающему миру, обеспечивает возможность адаптации к внешним условиям и корректирует выбор альтернатив социального поведения»¹⁴.

В западной традиции менталитет первоначально выступал в контексте парадигм историко-психологических и культурно-антропологических исследований и интерпретировался как некая совокупность определенно-коллективного психоментального, умственного инструментария, как своего рода «психологическая оснастка», присущая всем или большинству представителей той или иной социальной группы, трактуемой прежде всего как социокультурная, этническая, национальная общность людей, принадлежащих к одной и той же исторически сложившейся системе культуры, которая дает им возможность по-своему воспринимать и осознать самих себя, свое природное и социальное окружение в круговороте их взаимодействия.

Менталитет проявляется универсально, в любом поступке любого человека, в повседневной жизни, в быту и т.д. Изучение менталитета, этой не имеющей четких контуров и меняющейся с течением времени системы, затруднительно, необходимые сведения приходится собирать по крохам в самых разных источниках. Исследователю нужно найти способы распознавать ментальность в любом тексте, в любом артефакте, созданном человеком, научиться фиксировать психоментальные способы выражения видения мира и социально-культурные представления людей, унаследованные или формируемые в процессе их социального общения. Иногда «трудноуловимый» менталитет в научных штудиях преподносится как «совокупность представлений, воззрений, «чувствований» общности людей определенной эпохи, географической области и социальной среды, особый психологический уклад общества, влияющий на исторические и социальные процессы»¹⁵.

5.2. О партикулярных, социальных и иных разновидностях менталитета

Причина расплывчатости понятий «ментальность» и «менталитет» заключается еще и в том, что отдельные употребления данного термина фиксируют различные аспекты проявления психоментальных явлений в жизни личности и общества или исходят из разных «масштабов», уровней рассмотрения этих явлений – индивидуального, партикулярного, корпоративного, профессионального, социального, гендерного, конфессионального, этнического, национального и т.п. Социальный диапазон ментальности достаточно широк – от «люмпенов», маргиналов, криминальных групп до предпринимателей, административно-управленческой когорты и творческой интеллигенции.

Менталитет, как уже было вскользь отмечено, представляет собой определенную совокупность самых различных – социальных, гендерных, возрастных, профессиональных, локальных и проч. – образцов. Уже при первом приближении к проблеме можно различать несколько видов народной ментальности: этническую, коллективно-общинную, семейно-родственную, религиозную, правовую, профессиональную, крестьянскую, интеллигентскую и т.д., причем каждая из них состоит из множества самых разнообразных видов. В таком многообразии ментальностей заключается определенная опасность, так как каждый индивид имеет свой закрытый внутренний мир и выносит оценки, основанные на своем жизненном опыте и вкусах. И в этом смысле индивидуальные образцы ментальности могут стать препятствием для адекватного понимания и восприятия другого. Поэтому исследование различных вариаций менталитета, которые лежат в основе социального поведения индивидуумов и оценок ими различных явлений и событий, а также общественных процессов, социальных и психоментальных явлений, представляется приоритетной задачей этнологии, культурной и социальной антропологии.

Существует великое множество образов жизни и, соответственно, конструирующие и регулирующие эти индивидуальные образы жизни – ментальности. Поэтому с методологической точки зрения будет правильно, если в ходе анализа оперировать множеством ментальностей. Мы имеем и будем иметь дело с различиями внутри групп и между группами людей, внутри обществ и между обществами, внутри этноса и между этносами, внутри регионов и между регионами, внутри культур и между культурами.

Впрочем, значение имеют, как правило, не сами по себе разные партикулярные ментальности, а наши представления о различиях ментальности и культур, вернее даже о различиях проявления ментальности в соответствующих условиях. Именно на этом поле рождается и сказывается манипулирование различиями психоментальных проявлений индивидов и социальных коллективов. Наши субъективные представления о социальных менталитетах разных уровней и перерастают подчас в неприязнь, противоречия, конфликты, столкновения. Сводный анализ существующих в отечественной литературе дефиниций категории «менталитет» показывает, что под этим тер-

мином понимается нечто общее, лежащее в основе сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, то есть глубинный и потому трудно фиксируемый источник мышления, сознания, интеллекта, идеологии и под-сознательной веры¹⁶.

Без методологической рефлексии любая современная наука немислима, размышления, полные сомнений и противоречий, анализ собственного ментального состояния – это главное условие и признак жизненности современной социально-гуманитарной науки. Так, менталитет может изучаться на уровне индивидуума – отдельной человеческой личности («индивидуальный менталитет») и выступать как набор определённых личных психоментальных качеств, зависящих от уровня образованности, воспитанности, нравственности, социальной принадлежности и проч. Но менталитет также может рассматриваться и на уровне социума – больших и малых человеческих сообществ разных масштабов: конвуксий (семья, трудовой коллектив, школьный класс, студенческая группа, отдел в учреждении или на фирме), консорций (сословие, социальный класс и проч.), субэтнотосов и этнотосов (этнографическая группа, народ), политий (страна, государство, нация) и т.п. Тогда менталитет предстает как ряд характеристик психоментальных проявлений тех или иных групп людей, которые на подсознательном и сознательном уровнях объединяют людей в сообщество и позволяют им отделяться от других сообществ. И наконец, менталитет может интерпретироваться как совокупность неких психоментальных свойств всего человечества, отличающих его от животного мира. Следовательно, обращаясь к «масштабам», в которых рассматривается понятие «ментальность», необходимо провести «демаркационную линию» между теориями универсального, присущего всему человечеству менталитета, и теориями локальных, имеющих ограниченный ареал типов менталитета, например этнических, национальных, региональных, партикулярных и проч.

Менталитет актуализируется прежде всего в повседневной культуре – совокупности ценностей, значений и смыслов, определяющих существование человека в ближайшем его реальном окружении, признанных им и обладающих для него непосредственной достоверностью. В основе менталитета лежат стереотипы народного сознания. Проявляются они в повседневном полуавтоматическом поведении человека и его мировосприятии. Стереотипы поведения выполняют роль программы действия, реализующейся в конкретных обрядах, обычаях, этикете, труде, игре, моде, отдыхе, праздниках, способах восприятия, ухаживания, оскорбления, наказания и т.д., то есть во всем том, что объединяется под ёмким понятием «гуманитарная культура». Главным, общим и универсальным феноменом для постижения как человека, его природы, духа, идентичности, так и общества, этноса, нации в целом представляется культура как антропологическое явление, как коллективный интеллект народа¹⁷, необходимая для четкого представления о менталитете, идентичности человека, личности. Именно культура, коллективный разум позволяют людям идти в одном направлении

или, другими словами, понимать друг друга, оценивать, мыслить и адекватно сосуществовать в конкретной социально-экономической и политической реальности.

Мировая социально-гуманитарная наука, прежде всего в лице культурной антропологии, уже достаточно давно разрабатывает концепцию этнической культуры как одного из важнейших, определяющих элементов национальной идентичности и ментальности индивида. Однако в западной социально-гуманитарной литературе термин «менталитет» не имеет четко очерченных границ предметно-понятийного поля, а потому категория ментальности распространяется на самые разнообразные проявления не только психоментальной, но и духовной, социокультурной, нормативно-этической и прочей жизнедеятельности индивидуума и социальных групп разного уровня. Да и в отечественной научной литературе понятие «менталитет» распространяется на самые разнородные выражения человеческой природы.

В психологических отраслях гуманитарного знания менталитет в первую очередь исследуется в рамках этнопсихологии, имеющей достаточно давние традиции. С позиций этнопсихологии категория «менталитет» обычно позиционируется как определенный уклад социальной жизни той или иной этнокультурной общности, обусловленный психоментальными особенностями людей, составляющих эту общность¹⁸. При этом нередко подчеркивается, что жизнедеятельность этнического сообщества детерминирована антропоэкосистемой (id. этноэкосистемой, этногеобиоценозом)¹⁹, хозяйственно-экономическими и социально-политическими условиями жизни в пространственно-временном континууме. В этнопсихологическом аспекте менталитет определяется как интегральная характеристика людей, живущих в конкретной этнокультурной сфере, которая и служит репрезентативной эмпирической базой для адекватного, аутентичного описания самобытного коллективного представления этих людей о картине окружающего мира и специфике их реагирования на внешние природные и социальные вызовы.

5.3. Проблема разграничения «ментальности» и «менталитета»

Носитель традиционной культуры, как утверждают специалисты, вербальных убеждений не имеет. Эти убеждения заменяют ему некоторые общие способы реагирования на очень обобщенные ряды ситуаций, своего рода социальные рефлексии или привычки, глубоко вкорененные воспитанием, то есть то, что представителями психологической антропологии и этнопсихологами называется менталитетом.

В современной социально-гуманитарной сфере науки существует большое количество различных определений «ментальности» и «менталитета», однако практически все варианты дефиниции далеки от совершенства и подвергаются заслуженной критике. Само определение «менталитета» настолько расплывчато, что часто грешит излишней обобщенностью, а иногда строгой выборностью критериев; нередко «ментальность» определяется без ба-

зовых критериев и по разнообразным показателям. Так, Л. Мясникова рассматривает национальный менталитет как своеобразный коллективный информационный (я бы сказал «интеллектуальный». – *Н.Е.*) феномен, связанный с подсознанием и отражающий «гиперличность народа». По её мнению, «гиперличность народа» формируется в течение тысячелетий под воздействием среды обитания и жизнедеятельности народов (этноэкосистемы или этнобиогеоценоза, по терминологии этноэкологов. – *Н.Е.*). В ней проявляются психоментальные пласты и наслоения разных эпох, она создает архетип, формирует традиции, обряды, обычаи, привычки, мотивы поведения, стиль жизни и формы общения людей. В обыденной жизни глубинные мотивы поведения не сознаются человеком, они определяются автоматически. В подсознании людей хранится многовековой коллективный культурный опыт едва ли не всего человечества, закодированный, как правило, в мифологических образах, мотивах и сюжетах. Согласно представлениям Л. Мясниковой, поступающая в мозг информация из окружающей среды анализируется и обобщается мышлением, таким образом, представления о реальности определяются их мыслительными, психоментальными образами и конструкциями, то есть моделями познания²⁰.

Ментальность как самостоятельный социально-психологический и культурный феномен отличается от общественного настроения, идеологии и коллективных ценностных ориентаций и, скорее, является отражением привычек, пристрастий, коллективных эмоциональных шаблонов в повседневном подсознательном поведении индивида. Общественные настроения переменчивы, а ментальность является относительно устойчивой характеристикой индивидуума или конвиксий, хотя она тоже трансформируется во времени, но более медленными темпами.

Термины «ментальность» и «менталитет» пока ещё остаются неформализованными, и в этом многие современные исследователи усматривают достоинство, позволяющее использовать их в широком диапазоне и соединять психологический анализ и социально-гуманитарные рассуждения о человеке и обществе. Именно таким интегрированным способом чаще всего исследуют ментальность этнических сообществ в современной мировой практике, практически сводя «менталитет» к национальному характеру, психологии и психической антропологии и т.п.

Тем не менее специалисты считают, что понятия «ментальность» и «менталитет» заполнили очень существенную лакуну в русском научном языке. Дело в том, что единственное слово, которым можно определить сразу и «сознание», и «бессознательное», – это «психика». Но оно имеет слишком явные медицинские ассоциации и поэтому в социально-гуманитарной сфере науки – социологической, исторической, антропологической, этнологической и прочей литературе – практически не употребляется.

В социологии был найден парадоксальный выход: слово «сознание» стало употребляться и в значении «бессознательное». Все многочисленные исследования социологического, политического, экономического, экологичес-

кого и прочего содержания, по сути, ставили своей целью исследование бессознательных установок. Именно поэтому в дефинициях категория «ментальность» обычно толкуется в тесной связи с категорией «сознание», которая, в свою очередь, сама трудно поддается более или менее внятному объяснению. В нормативных словарях понятие «сознание» обычно толкуется как человеческая способность к воспроизведению действительности в мышлении или же как психическая деятельность, направленная на адекватное отражение действительности и проч. А как быть со способностью к воспроизведению разного рода фантазий? Несбыточные мечты – это сознание или нечто иное?

Менталитет при рассмотрении его сквозь призму сознания представляется как «глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное, совокупность готовностей, установок и предрасположенностей индивида и социальной группы действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом»²¹.

В западной гуманитарной научной традиции термины «ментальность» и «менталитет» трактуются как глубинный уровень индивидуального и коллективного сознания (включающий и бессознательное, подсознательное), как совокупность желаний, стремлений, установок и предрасположенностей индивидуума или социальной группы действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом. В словарях терминов современной западной философии указывается также, что менталитет формируется на базе этнокультурных традиций, социальных структур и всей среды обитания человека, а сам менталитет, выступая как порождающее начало сознания, как трудноопределимый виртуальный исток исторической динамики культуры, формирует этнокультурные традиции, социальные структуры и нормы общественного поведения²². Представители семиотической школы изучают проявления ментальности и менталитета в знаковых системах, языке, верованиях, обычаях, традициях, этнической культуре в целом и при этом большей частью опираются не на индивидуальные проявления психоментальной составляющей человека, а на так называемое «коллективное бессознательное». Употребление слова «менталитет» снимает эту двусмысленность в работах социологов.

В результате критического анализа существующих в современном обществоведении дефиниций менталитета неминуемо приходишь к выводу, что социально-гуманитарная наука всё ещё не выработала обоснованного критерия научного определения сущности ментальности и менталитета. В последние десятилетия в отечественной этнопсихологии понятия «ментальность» и «менталитет» практически полностью вытеснили понятие «национальный характер», которое в свое время широко применялось для обозначения психоментальных особенностей этнокультурных сообществ. Расплывчатость, аморфность предметно-понятийного поля терминов «ментальность» и «менталитет» ставят автора перед необходимостью относительно подробной экспликации состояния дел вокруг дефиниции интересующих нас

сфер психоментальной деятельности как отдельных индивидуумов, так и социумов различного уровня и масштаба. Поэтому в сугубо практических, аналитических целях следует разграничить предметно-понятийное пространство терминов «ментальность» и «менталитет», употребляющихся в специальной литературе часто как полные синонимы.

В исследованиях историко-этнопсихологического направления в последнее время понятие «менталитет» получило социально-психологическую интерпретацию как проявление группового сознания людей в этническом и пространственно-временном (хронотопическом) контекстах²³. В русле этого направления под термином «менталитет» следует понимать способы социального поведения больших групп людей, продиктованные их мыслительными и эмоциональными установками. Он формируется на основе относительно устойчивой и целостной в данном сообществе людей совокупности мыслей, верований, склада ума, способов поведения, выражения и умолчания, которые передают общественное миропонимание, мировоззрение и мироощущение, коллективные представления и образы, мифы и духовные ценности, признаваемые всем обществом или отдельными его группами. Менталитет – это духовный инвариант бытия, фундаментальный слой коллективного сознания этноса, обусловленный традиционной культурой и предопределяющий опыт социума и поведение индивидуумов.

5.4. К дефиниции «ментальности»

Термины «ментальность» и «менталитет» в литературе часто употребляются как тождественные, и в соответствующем контексте это вполне допустимо. В отечественной менталистике разграничение этих понятий проводится довольно условно, но в теоретическом аспекте разведение этих терминов «по своим квартирам» обусловлено конкретными целями и задачами исследования. Категории «ментальность» и «менталитет» А.Н. Захарова рассматривает как соотношение разных уровней одного явления – группового сознания: более «поверхностный», осознаваемый уровень может быть назван ментальностью, а более «глубинный», подсознательный, неосознаваемый уровень – менталитетом. По представлениям некоторых исследователей, «ментальность более изменчива, а менталитет фундаментален»²⁴.

Следует оговориться, что под ментальностью, равно как и менталитетом, часто подразумевается набор устойчивых состояний, типичных реакций, психоментальных черт и чувств «модальной личности» или «базовой структуры личности». Эта структура представляет собой набор тех качеств личности, которые устойчиво повторяются у людей, принадлежащих к одному обществу («модальная личность») или к одной культуре («базовая личность»).

В современной сфере социально-гуманитарных знаний категории «ментальность» и «менталитет» чаще всего не различаются и термины эти употребляются как синонимы²⁵, но уже в начале XXI в. большинство занимающихся менталистикой исследователей начало подходить к этим понятиям

дифференцированно²⁶. Так или иначе, понятия «ментальность» и «менталитет» нуждаются в философско-социологической и культурологической проработке и уяснении дефиниций. Смысловые подмены, упрощения, путаница несильно будут мешать исследованию, если специальные цели и термины получают четкое, ограниченное толкование. Наверное, для прагматической социальной истории, философии, антропологической психологии, культурологии и этнопсихологии этого достаточно. Ничего страшного не происходит, пока такие терминологические слова берут для начала в общеупотребительной плоскости, а затем, в ходе углубления в проблематику, вкладывают в них узкопрофессиональное однозначное содержание.

Иное дело, если к понятиям «ментальность» и «менталитет» подходить с социально-культурной точки зрения. То есть причислять их ко всеобщности, к тем логико-историческим началам, на которых основывается психоментальная жизнь человеческая: по мнению некоторых, всегда и всюду, хотя и на разные лады; по мнению других, лишь внутри известных исторических форм существования или даже одной-единственной формы, но в любом случае с той смысловой бездонностью, с тем бесконечным разворачиванием, которыми отмечено всякое фундаментальное, исходное начало социально-культурного космоса.

Ментальность – это всё то, что важно для индивидов в создании и поддержании культуры и социальной структуры, а также влияние этнокультуры и социальной структуры на жизнь индивидов, включая их поведение и душевное здоровье. По определению Н.С. Южалиной, «ментальность – это, скорее, один из содержательных (контекстных) элементов, структурирующих целое менталитета»²⁷. Короче говоря, это то, как чувствует, мыслит и действует индивид в условиях данного этнокультурного окружения.

Ментальность у разных людей может быть различной; при этом представители различных этнических общностей при определенных условиях могут обладать довольно близкой ментальностью, а отдельные индивиды, партикулярные и социальные группы одного этноса – разной.

Под индивидуальной ментальностью понимают совокупность особенных установок и предрасположенностей индивидов к определенному типу мышления, мировосприятия и действия. В основе индивидуальной ментальности лежит менталитет этнический, национальный.

Специфичность психоментальных свойств человека проявляется в стереотипах восприятия, чувствования, оценки, а также в его поведении в качестве представителя конкретной этнонациональной общности. Стереотипы национальной ментальности преобладают в структуре психического склада большинства индивидуальных представителей этнической общности. В.В. Козловский представляет ментальность как способ повседневного воспроизводства, сохранения привычного уклада жизни и деятельности. Совокупность индивидуальных ментальностей выражает присущие отдельным социальным и этническим группам и субкультурам традиционные структуры психоментальных, морально-этических, соционормативных и этнокуль-

турных ценностей и представлений, вплетенных в повседневный быт. Ментальность, таким образом, являет собой не психическое состояние, а социально-культурный феномен, поскольку все его элементы представлены в менталитете в качестве воображаемых, мысленных символов, этнокультурных кодов, предметно-вещевых проявлений в результате материальной актуализации, наработанного опыта деятельности и т.д., то есть типичных в данном социокультурном континууме форм и способов практического поведения²⁸.

Ментальности, по мнению Б.Н. Миронова, «можно назвать парадигмами или референтными моделями восприятия, понимания и оценки действительности, выработанными общественным, или массовым, сознанием в рамках данной общности; они разделяются всеми или подавляющим большинством ее членов»²⁹. В узком смысле под ментальностью понимаются коллективные автоматизмы в психоментальной сфере, но к сфере менталитета необходимо отнести также интеллектуальную жизнь, социальные навыки и ценностные ориентации индивидуумов и социума в целом. Б.Н. Миронов совершенно справедливо подчеркивает: «Будучи обусловленными культурными традициями и усвоенными с детства, ментальности обеспечивают отдельного человека и ту общность, к которой он принадлежит, глубинной программой деятельности, правилами и алгоритмами поведения, своего рода инструкциями на все или, по крайней мере, на важные случаи жизни»³⁰.

Ментальность отдельной личности относится к индивидуально стандартизованным моделям действия, мышления и чувствования, а менталитет социума (конвексии, консорции, субэтнуса, этнуса) – к социально стандартизованным моделям чувствования, мышления и активности некоторой устойчивой социальной группы.

Ментальность как понятие позволяет соединить аналитическое мышление с полуосознанными культурными знаками и символами. Взятые в совокупности ментальности, по мнению Б.Н. Миронова, «образуют менталитет – некую систему, нередко противоречивую, которая, тем не менее, обеспечивает отдельного человека моделью видения мира, способами постановки и решения проблем, с которыми ему приходится сталкиваться»³¹.

5.5. «Менталитет» и «этнический менталитет»: общее и отличительное

Менталитет представляется как важнейшая сторона человеческой жизнедеятельности, социальности человека; вся его общественная активность пронизана теми или иными психоментальными представлениями и навыками, специфическим образом окрашивающими ее и во многом ее определяющими.

Л.Н. Пушкарёв и А.А. Горский, пытаясь передать понятие «менталитет» средствами русского языка, остановились на двух дополняющих друг друга терминах – «мировосприятие» и «самосознание». Мировосприя-

тие, по их представлениям, подразумевает не только картину мира, существующую в сознании человека, но и активное восприятие, включающее в себя и действия субъекта, обусловленные представлениями о мире, то есть содержит элемент «двусторонности»: мир воздействует на человека, а человек в соответствии со своим восприятием мира строит свое поведение в нем. «Самосознание» подчеркивает осознание человеком своего места и роли в окружающем мире и обществе³².

«В образном виде, – пишет О.Г. Усенко, – менталитет можно представить строительной конструкцией, фундамент которой – сфера “коллективного бессознательного”, а крыша – уровень самосознания индивида. Структуру менталитета образуют “картина мира” и “кодекс поведения”. Поле их пересечений, очевидно, и есть то, что называют “парадигмой сознания”»³³. В определении О.Г. Усенко речь идет о присутствующем в сознании человека стержне, который может при разных внешних условиях выступать в разных обличьях, но который является единым для этноса и служит как бы его внутрикультурным интегратором.

Более целостное и законченное, но не совсем обоснованное, на мой взгляд, определение понятия «этнический менталитет» дает «Краткий этнологический словарь»: «...свойственный данному народу склад мышления; представляет собой устойчивый изоморфизм (постоянство, неизменность, инвариант), присущий культуре или группе культур, который обычно не осознается и принимается в этой культуре как естественный; он не поддается изменениям под воздействием идеологического давления. Знание этнического менталитета имеет, в частности, значение для определения пропорций между эмоциональным и рациональным уровнем сознания и принятия этнической группой (в лице тех или иных ее представителей) решений, а также меры в воспроизводстве ею дуальной оппозиции – противопоставления “мы” – “они”, “свои” – “чужие”»³⁴.

Вынося оценку данной дефиниции термина «этнический менталитет», С.В. Лурье совершенно справедливо пишет: «Таким образом, под менталитетом понимается некий всегда неосознаваемый и устойчивый пласт психики, который включает в себя определенные мыслительные модели. Наличие таких неизменных мыслительных форм никем не было доказано. Само утверждение о наличии в психике слоя, содержащего какие бы то ни было неизменные парадигмы и присущего всем членам этноса, требует особого обоснования. Однако и то, что указанные оппозиции относятся к неизменным, и то, что глубинные этнические особенности проявляются на уровне принятия решений группой отдельных индивидов, членов этноса, нетрудно опровергнуть»³⁵. Подводя итог обзору существующих в отечественной социально-гуманитарной отрасли наук дефиниций термина «менталитет», С.В. Лурье вынуждена была констатировать, что удовлетворительного определения данного понятия пока не существует.

Современные исследования этнологов, культурных и социальных антропологов показывают, что многие этноопределяющие компоненты тради-

ционной культуры, подчас несмотря на изменения во времени, сохраняют свою актуальность и в наши дни, ибо они обусловлены тысячелетней этнической историей и не утратили своей ценностноопределяющей роли, особенно когда решается вопрос о менталитете, самосознании, идентичности народа и его мировоззрении, миропонимании, о консолидационных процессах в его среде. С этнокультурологических позиций менталитет рассматривается как некая совокупность глубинных национальных или этнических психоментальных структур, обладающих историческим и этнокультурным своеобразием. Специфические особенности этнического менталитета обладают устойчивой стабильностью и мало подвержены изменениям в пространственно-временном континууме национальной истории. Этноменталитет, даже претерпевая некоторые поверхностные изменения в ходе кардинальных политических, хозяйственных, экономических, социально-культурных трансформаций в истории народа, по своей глубинной сути, глубинному уровню индивидуального и коллективного сознания, особенно в области бессознательно, все же остается относительно стабильной, даже постоянной³⁶.

Любое культурное явление так или иначе производится этносом, развивается и распространяется в этнической среде, функционирует в неразрывной взаимосвязи с этносом. Нет культуры вне нации, и не бывает ненациональных культур. Культура всегда этнична, национальна. Надо исходить из того непреложного факта, что в природе не бывает человека без культуры, а любая культура национальна, этнична. Следовательно, любой человек этничен по определению. Отсюда напрашивается заключение: ментальность любого индивидуума в основе своей этнична, национальна. Принадлежность к определенной национальной культуре обозначает характерные для данного этнического сообщества нормы, образцы, идеалы, социокультурные ценности, семейные традиции, национально-этнические, нравственные, психоментальные особенности, выступающие в качестве регуляторов социального поведения и деятельности в рамках требований данного этнического сообщества³⁷.

Этнические константы – бессознательные комплексы, складывающиеся в процессе адаптации человеческого коллектива (этноса) к окружающей природно-социальной среде и выполняющие в этнической культуре роль основных механизмов, ответственных за психологическую адаптацию этноса к окружающей среде. Они сами по себе не имеют содержательного наполнения, а включают в себя лишь «формальные» характеристики, то есть представляют собой определенную и постоянную на протяжении всей жизни этноса форму упорядоченного опыта, которая в соответствии со сменной культурно-ценностных доминант народа в течение его истории получает различное наполнение. Этнические константы представляют собой систему, в рамках которой строго определено их соотношение между собой. Все бессознательные образы, включенные в систему этнических констант тем или иным образом, определяют характер действия человека в мире. Последний специфичен для каждой этнической группы. Система этничес-

ких констант и является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир. На ее основании строятся адаптивно-деятельностные модели человеческого поведения.

Менталитет, или традиционное сознание, – это система мировоззрения, основанная на *этнической картине мира* (выделено мною. – Н.Е.), передающаяся в процессе социализации и включающая в себя представления о приоритетах, нормах и моделях поведения в конкретных обстоятельствах. Через описания этих представлений, в свою очередь, может быть описана культурная традиция, присущая этносу или какой-либо его части в данный период³⁸. Этническая картина мира – сформировавшиеся на основании этнических констант, с одной стороны, и ценностных доминант – с другой, представления человека о мире – отчасти осознаваемые, отчасти бессознательные. В целом этническая картина мира есть проявление защитной, жизнеобеспечивающей функции культуры в ее психологическом аспекте. Она сама может рассматриваться как неспецифический защитный механизм.

Этническая картина мира не является неизменной. Она различна в различные периоды жизни этноса и для тех или иных групп внутри этноса. Это связано с различиями в культурно-ценностных доминантах людей, их коллективными этносоциальными и индивидуальными особенностями на разных пространственно-временных интервалах развития общества. В современном широком понимании термин «картина мира» включает не только материальные и духовные результаты деятельности людей, не только выработанные данной этнической культурой стереотипы взаимодействия микро-, мезо- и макрокосма по схеме «человек – общество – природа», но и коллективные психоментальные особенности и общественное сознание людей, их поведение, действия, ценности.

Разграничивая понятия «менталитет» и «картина мира», А.Т. Хроленко пишет: «Картина мира – осознанное представление, а ментальность сознанием не рефлексивируется. И тем не менее о своеобразии менталитета судят по специфике картины мира»³⁹.

По мнению С.В. Лурье, неиспользование слова «менталитет» в социально-гуманитарной сфере имеет и другой существенный плюс. «Оно, в принципе, может выступать в паре с понятием “традиция” именно постольку, поскольку подразумевает подвижность, соотнесенность как с прошлым, так и с настоящим, возможность сколь угодно глубоких внутренних противоречий»⁴⁰. Следовательно, понятие «менталитет» имеет не только синхронический и локальный характер, но и пространственно-временные измерения. А это уже подводит веское основание под сравнительно-исторические, компаративные аспекты изучения генуинных этнических менталитетов.

Традиция, по мнению С.В. Лурье, выражается в менталитете народа, или, точнее, «менталитет – нематериализуемая составляющая традиции»⁴¹. Она предлагает ввести термин «менталитет» в историческую этнологию, понимая ее в значении «совокупность сознательных и бессозна-

тельных установок», сопряженных с этнической традицией⁴². Органическая связь менталитета с многовековой культурной традицией открывает широкую перспективу для изучения множества диахронических, вернее хронотопологических, пластов этнического менталитета.

Этнический менталитет – это определённый способ мировосприятия, присущий членам того или иного этноса, некая предрасположенность, внутренняя готовность действовать определенным образом; совокупность образов и представлений, которыми руководствуются в повседневной жизни; ставшие неосознанными ориентации и основания для мышления, восприятия, поведения. Под этническим менталитетом подразумеваются определенные традиции и нормы в мышлении, поведении, общественной жизни. Социальная жизнь этноса определяется повседневной жизнью отдельных его представителей. Поэтому современная этнология, культурная антропология, да и социально-гуманитарная наука в целом должны заниматься поиском механизмов, регулирующих общественную жизнь, жизнь конкретных индивидов в различающихся по типам, этническому и социальному составу и другим составляющим сообществах. В основе этнического и, шире, национального менталитета лежит некоторый набор идей и предметов, которые в сознании каждого носителя определённой культуры связаны с интенсивно окрашенной гаммой чувств, эмоций и «сентиментов». Появление эмотивных импульсов в сознании индивида или коллектива приводит в движение всю связанную с ним гамму чувств, что, в свою очередь, является стимулом к более или менее типичной мыслительной и социальной деятельности. В этносоциальном и, шире, национальном менталитете наблюдается синтез индивидуального с коллективным, эмоционального с аналитическим, природного с культурным, рассудочного с подсознательным и прочие оппозиции.

Резюме

В современной России проблемы менталистики стали активно изучаться отечественными психологами, философами, этнологами, социологами и представителями некоторых других направлений социально-гуманитарной сферы относительно недавно, главным образом с начала 90-х гг. XX в. Активный интерес культурологов, социальных антропологов, психологов, философов, историков, этнологов, политологов и ряда других специалистов, практикующих в различных отраслях социально-гуманитарной сферы, к феномену ментальности людей и социального менталитета, особенно в конце XX – начале XXI в., обусловлен осознанием невозможности адекватно объяснить с позиций рационального целый ряд явлений социальной жизни современного человека и общества в целом.

Менталитет – это система или совокупность подсистем, возникших в ходе длительного исторического взаимодействия человека с реальной действительностью – с другими людьми, обществом, природой. Эти понятия обобщены, классифицированы и систематизированы в коллективном интеллекте людей и пребывают в нем в виде системы или, вернее, совокупности

подсистем. Следовательно, менталитет как явление социальное отражает систему кардинальных отношений: «человек – человек» // «человек – общество» // «человек – природа» и «человек – общество – Вселенная». Взаимообусловленная трехсторонняя связь микро-, мезо- и макрокосма как выражение единства бытия человека, общества и природы является основой любой цивилизации, а значит, определяет будущее человечества. Последнее знать нам не дано, но, чтобы оно действительно состоялось, мы должны уже сегодня осознать всю меру ответственности каждого из нас за отношение человека к другим людям, обществу в целом и природе.

Изучая специфику этнического менталитета, отражающегося в самых разных видах и формах его проявления, можно ответить на существенные вопросы, касающиеся роли и места народа в общем социокультурном процессе.

Национальный менталитет в целом обусловлен всем ходом исторического развития не только этноса и региона, но и страны в целом. Поэтому научная разработка проблем менталитета во многом может способствовать конструктивному освещению целого ряда актуальных, социальных, культурных и политических проблем современности, связанных с развитием уровней самосознания и идентичности граждан страны от локального и этнического до гражданского, общенационального, а также с решением остро стоящего в ряду сегодняшних проблем пресловутого «национального вопроса».

Осознание общественно-политической значимости всестороннего изучения индивидуального, группового, социального, этнического сознания и возможностей конструирования психоментальных функций индивидов и общества в целом на рубеже миллениумов привело к зарождению и формированию научно-теоретических основ новой социально-гуманитарной дисциплины, получившей название «менталистика» и призванной изучать эмпирические, теоретические и практические аспекты менталитета населения различных стран, регионов и административно-территориальных образований, этносов и наций⁴³. Менталистика как самостоятельная научная дисциплина начала формироваться на стыке целого ряда социально-гуманитарных направлений: философии, этнопсихологии и социальной психологии, культурной и социальной антропологии, философии, истории, этнологии, социологии и др., и в настоящее время находится на стадии становления. Царящий в специальной литературе широкий разноречивый в дефиниции терминов «ментальность» и «менталитет» объясняется именно различными подходами к объекту изучения с позиций разных социально-гуманитарных дисциплин.

На рубеже миллениумов в мировую социально-гуманитарную науку пришло понимание того, что государственная идеология, политика, стратегия и тактика экономического и социокультурного развития должны быть приведены в соответствие с психоментальным состоянием общества, глубинным архетипическим психоментальным детерминантом населения страны, некой коллективной психологией этноса, общим менталитетом нации.

Литература

¹ Бердяев Н.А. *Философия свободы. Смысл творчества*. М.: Правда, 1989. 608 с.; *Его же*. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.; Мехизев В.М. *Культура как философская проблема // Вопросы философии*. 1982. № 10. Более подробно о дихотомии понятий «культура» и «менталитет» см.: Мацумото Д. *Человек, культура, психология: удивительные загадки, исследования и открытия*: СПб.: Прайм-Еврознак, 2008.

² Гумилев Л.Н. *Древняя Русь и Великая степь*. М.: Тов-во «Клышников – Комаров и К^о», 1992. С. 397.

³ Мкртумян Ю.И. *Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнических культур: материалы симпозиума*. Ереван, 1978. С. 44.

⁴ Подробнее об этом см.: Захарова А.Н. *Особенности «советского» и «постсоветского» менталитетов, оказывающие влияние на экономическое поведение населения в условиях социальной трансформации российского общества // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: история и современность: Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности и 400-летию освобождения Москвы силами народного ополчения под руководством Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского от польских интервентов (Чебоксары, 8–9 ноября 2012 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 125–129.*

⁵ Андреева Г.М. *Социальная психология: учеб. для вузов*. Изд. 5-е. М.: Аспект Пресс, 2008. 149 с.

⁶ Дюби Ж. *Развитие исторических исследований во Франции после 1950 г. // Одиссей: Человек в истории*. М., 1991. С. 52.

⁷ Фильд Д. *История менталитета в зарубежной исторической литературе // Менталитет и аграрное развитие в России (XIX–XX вв.): материалы международной конференции*. М., 1996. С. 11.

⁸ Юнг К.Г. *Архетип и символ*. М., 1991. С. 11; *Его же*. Воспоминания. Сновидения. Размышления. Киев, 1994; Лейбин В.М. *Словарь-справочник по психоанализу*. М.: АСТ, АСТ Москва, 2010. С. 73–75, 94–99, 334–336, 922–926.

⁹ Вундт В. *Лекции о душе человека и животных*. М., 1894; *Его же*. Основы физиологии и психологии. СПб., 1894. Т. 1–3; *Его же*. Система философии. М., 1902; *Его же*. Проблема психологии народов. СПб., 2001.

¹⁰ Hsu F.L.K. *Psychological Anthropology in the behavioral sciences // Psychological Anthropology / Ed. F.L.K. Hsu. Homewood, 1961.*

¹¹ Шпет Г.Г. *Введение в этническую психологию*. М., 1927. Вып. 1; *Его же*. Сознание и его собственник. М., 1916; *Его же*. Очерки истории русской философии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1991; *Его же*. Явление и смысл. М., 1994.

¹² Hsu F.L.K. (ed.) *Psychological Anthropology*. Cambridge (Mass.), 1972. P. 10.

¹³ Гачев Г.Д. *Национальные образы мира*. М.: Сов. писатель, 1988. С. 55.

¹⁴ Козловский В.В. *Понятие ментальности в социологической перспективе // Социология и социальная антропология*. СПб., 1997. С. 35.

¹⁵ Манекин Р.В. *Контент-анализ как метод исследования истории мысли: опыт количественного исследования итальянских текстов эпохи Возрождения (Поджо Браччолини) // Клио*. 1991. № 1. С. 28–33.

¹⁶ Подробнее об этом см.: Любский Р.А. *Политический менталитет: методологические проблемы исследования*. Ростов н/Д, 2001.

¹⁷ Лотман Ю.М. *Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума*. М., 1977.

¹⁸ Дубов И.Г. *Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии*. 1993. № 5. С. 27.

¹⁹ Ямсков А.Н. *История становления и развития отечественной этноэкономики // Этнографическое обозрение*. 2013. № 4. С. 58–60.

²⁰ Мясникова Л. *Российский менталитет и управление // Вопросы экономики*. 2000. № 8. С. 38–44.

²¹ *Самыгин С.И., Столяренко Л.Д.* Общественные настроения и будущее России // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 1996. № 3. С. 61.

²² См., например: Современная западная философия: словарь. 2-е изд. / сост. В.П. Филатов. М.: Остожье, 1998. Статьи: «Менталитет», «Ментальность».

²³ *Акопов Г.В., Рулина Т.К., Привалова В.М.* Менталистика как историко-психологическое направление науки // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы Международной конференции по истории психологии: «IV Московские встречи» (26–29 июня 2006 г.). М.: Ин-т психологии РАН, 2006. С. 453–455.

²⁴ *Захарова А.Н.* Научная категория «менталитет» в зарубежной и отечественной науке // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов ... С. 118.

²⁵ *Дубов И.Г.* Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 27.

²⁶ *Акопов Г.В., Иванова Т.В.* Понятие и междисциплинарное значение ментальности в современной психологии // Психология и ее приложения. М., 2002. Вып. 9. С. 40–41; *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб.: Дм. Буланин, 1999. Т. 1. С. 327.

²⁷ *Южалина Н.С.* Менталитет как социокультурная целостность. Челябинск: Изд. Южно-Уральского ун-та, 2003. С. 29.

²⁸ *Козловский В.В.* Понятие ментальности в социологической перспективе // Социология и социальная антропология. СПб., 1997. С. 35; *Захарова А.Н.* Научная категория «менталитет» ... С. 118.

²⁹ *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). С. 327.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² *Пушкарёв Л.Н.* Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.). М.: Наука, 1994. С. 3; *Его же.* Человек о мире и о самом себе (источники об умонастроениях русского общества рубежа XVII–XVIII вв.). М.: Биоинформсервис, 2000. 261 с.

³³ *Усенко О.Г.* К определению понятия «менталитет» // Русская история: проблема менталитета. М.: Наука, 1994. С. 4.

³⁴ Краткий этнологический словарь. М., 1995. С. 85.

³⁵ *Лурье С.В.* Историческая этнология: учеб. пособие для вузов. М.: Академический проект, Гаудеамус, 2004. С. 58.

³⁶ *Кондаков И.В.* Введение в историю русской культуры. М., 1997. С. 43.

³⁷ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 282.

³⁸ *Лурье С.В.* Указ. соч. С. 298.

³⁹ *Хроленко А.Т.* Основы лингвокультурологии. М.: Флинта: Наука, 2008. С. 55.

⁴⁰ *Лурье С.В.* Указ. соч. С. 57.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 59.

⁴³ *Акопов Г.В., Рулина Т.К., Привалова В.М.* Указ. соч. С. 453–455.

N.I. Egorov

TO THE PROBLEM OF DETERMINATION OF SUBJECT-CONCEPTUAL FIELD BOUNDARIES FOR THE TERMS «MINDSET» AND «MENTALITY»: ETHNOCULTUROLOGICAL ASPECT

The article deals with some methodological questions connected with the development of modern mentalistic as an independent social and nonscience discipline. Special attention is given to the problem of dichotomy of «mentality» and «culture», as well as definition and differentiation of the concepts «mindset», «mentality», and «ethnic mentality».

Keywords: mindset, mentality, mentalistic, the Chuvashes, ethnic culture, ethnic mentality.

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ
МИГРАНТОВ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

ЧГВ, 2014 г., № 9
© В.П. Иванов

В статье проанализированы данные экспертного социологического исследования, проведенного в 2013 г. в г. Чебоксары. Цель исследования – изучение особенностей социокультурной адаптации трудовых мигрантов из Средней Азии и Кавказа в условиях Чувашской Республики. Опрошены эксперты из числа самих же мигрантов – узбеков, таджиков, туркмен, армян, азербайджанцев, чеченцев. На материалах переписей населения рассмотрены динамика изменения численности мигрантов и характер их расселения в городах и районах республики.

Ключевые слова: динамика национального состава населения, перепись, социологическое исследование, миграция, эксперт, социокультурная адаптация, межнациональные отношения.

В данной статье на конкретном «живом» материале небольшого экспертного исследования предпринята попытка рассмотреть некоторые актуальные проблемы адаптации «новых этнических групп» в условиях Чувашской Республики. Содействие адаптации мигрантов в среде местного населения должно стать важной частью общереспубликанской стратегии предупреждения социальных, религиозных и этнических конфликтов. Следует исходить из того, что этнокультурная среда в Чувашии с каждым годом все больше усложняется, и надо ожидать, что этому процессу будут сопутствовать неожиданные для социальной атмосферы республики общественные и политические реакции. В последние годы интенсивность и объем миграционных потоков в целом возрастали за счет трудовой миграции. По крайней мере, в заявлениях ответственных лиц уже слышны тревожные нотки. «Такого массового нашествия к нам нелегалов в прошлые годы не было, – утверждают сотрудники Управления Федеральной миграционной службы (УФМС) России по Чувашской Республике. –

Виталий Петрович Иванов – доктор исторических наук, главный научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: vitali.etno@mail.ru.

И то, что счет таких безвизовых гастарбайтеров с единичных случаев перешел на десятки и сотни, настораживает даже правоохранителей»¹.

По данным миграционной службы, в 2011 г. в Чувашской Республике в различных отраслях было занято порядка 800 иностранных рабочих, из которых почти две трети составляли граждане Узбекистана (51 %) и Таджикистана (14 %). Доля граждан Азербайджана и Армении в составе иностранных рабочих равнялась 14 %². По состоянию на 1 августа 2014 г. имели разрешение на временное проживание в Чувашии 1186 иностранных граждан и лиц без гражданства, а по видам на жительство проживает 1913 иностранцев и лиц без гражданства. «А это ни много ни мало более трех тысяч человек, – подчеркивают сотрудники УФМС, – и основное количество мигрантов составляют граждане стран СНГ»³. Все же надо признать, что указанные цифры весьма скромные, и можно согласиться с социологами, что сегодня «ситуация с трудовыми мигрантами в Чувашии далека от напряженности: их доля в составе трудоспособного населения республики составляет около 0,2 %, поэтому возможности для каких-либо контактов старожильского населения с вновь прибывающими бывшими соотечественниками минимальны. Исключение составляют “колхозные” рынки – традиционные места трудоустройства выходцев из стран Закавказья, Средней Азии, а также российских северокавказских республик»⁴. И в то же время на основе результатов опроса, проведенного в 2014 г. среди молодежи разных категорий, выяснилось, что в обществе по отношению к «временно пребывающим» все-таки присутствуют негативные настроения. Словом, есть над чем задуматься.

В соответствии с соглашением с Министерством культуры и по делам национальностей Чувашской Республики в сентябре 2013 г. группой сотрудников Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН) в составе четырех человек (В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев, И.Е. Ильин, Е.В. Сергеева) было осуществлено малоформатное экспертное исследование на тему «Социокультурная адаптация мигрантов в полиэтническом пространстве Чувашской Республики». Было интервьюировано 90 чел. Экспертный опрос был задуман с целью выявления мнений представителей ряда национальностей, проживающих на постоянной или временной основе в Чувашской Республике. Было опрошено 27 узбеков, 15 таджиков, 15 чеченцев, 14 армян, 14 азербайджанцев и 5 туркмен. В наше поле зрения попали люди разных специальностей, уровня образования, возраста. В их числе и индивидуальные предприниматели, и строители, и работники рынков, и студенты. Согласно нашей анкете, эксперты должны были высказать свое мнение о проблемах адаптации соплеменников в условиях современной Чувашии.

Понятие «мигрант» объединяет разные категории лиц. Часть из них прибывает из бывших советских республик (ныне независимых государств), часть – из республик и областей, являющихся субъектами Российской Федерации. Разумеется, местное старожильское население воспринимает их не раздельно, а как нечто целое, лишь разбивая на группы по географи-

ческому признаку – «среднеазиаты» и «кавказцы». Происходит обыденная типизация по принципу «свой – чужой». Между тем, конечно же, мигрантов из Средней Азии, Казахстана и Кавказа необходимо рассматривать не как однослойные общности. Относительно времени их появления в Чувашии они делятся на старых и новых переселенцев, то есть на приехавших в республику в советский период и на прибывших в постсоветское время, в 1990 – начале 2000-х гг. Миграции из регионов Средней Азии и Кавказа в постсоветский период обусловлены экономическим кризисом, приведшим к росту безработицы среди избыточного трудового населения.

Прежде чем приступить к анализу результатов указанного исследования, считаем важным рассмотреть динамику изменения численности и характер расселения представителей среднеазиатских и кавказских народов в Чувашской Республике.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., население Чувашской Республики насчитывает 1 251 619 чел. (из них указали свою национальность 1 203 550 чел., то есть 96,2 %). Согласно полученным данным, в ней проживают представители 110 народов. Из числа тех, кто указал свою этническую принадлежность, только четыре национальности в совокупности составляют абсолютное большинство (98,5 %) населения республики, а именно: 814,8 тыс. чел. насчитывают чуваша (67,7 % от общего числа указавших национальную принадлежность), 323,3 тыс. чел. – русские (26,9 %), 34,2 тыс. – татары (2,8 %) и 13,3 тыс. – мордва (1,1 %). Значительна численность украинцев (4,7 тыс.), марийцев (3,6 тыс.), белорусов (1,4 тыс.) и армян (1,3 тыс.). Остальные 100 национальностей представлены группами в 1000 и менее человек. Что касается численности представителей народов Кавказа, то она составляет 3021 чел. Выходцы из Средней Азии и Казахстана представлены в еще меньшем количестве – 1540 чел.⁵

Из народов Кавказа в Чувашии зафиксированы представители 27 этносов (табл. 1). Из них сравнительно большими группами в республике проживают армяне (1290 чел.), азербайджанцы (891 чел.), грузины (240 чел.), чеченцы (127 чел.), аварцы (85 чел.) и осетины (64 чел.), численность остальных выходцев из Кавказа составляет 50 и менее человек. Так, табасаранов в республике – 16 чел., абхазов – 17, балкарцев – 9, карачаевцев – 6, ногайцев – 5, абазин – 4, рутульцев – 4, адыгейцев – 3, кумандийцев – 3, талышей – 2, черкесов – 1 чел., удинов – 1 чел., цахуров – 1 чел. Они в абсолютном большинстве представлены мужчинами и являются городскими жителями.

Народы Средней Азии и Казахстана в Чувашии представлены 7 этносами, из которых относительно большую численность имеют таджики (644 чел.), узбеки (565 чел.) и казахи (190 чел.), в то время как туркмен насчитывается 69 чел., киргизов – 47 чел., персов (иранцев) – 13 чел., каракалпаков – 7 чел. (табл. 2).

Вопреки расхожему общественному мнению, китайцы в Чувашии представлены малочисленной группой (6 чел.). Столь же малочисленны груп-

Таблица 1

**Численность выходцев из республик Кавказа
в Чувашской Республике в 2010 г.**

Национальности	Городские и сельские жители			Горожане			Сельчане		
	все го	муж- чины	жен- щины	все го	муж- чины	жен- щины	все го	муж- чины	жен- щины
Аварцы	85	58	27	73	49	24	12	9	3
Азербайджанцы	891	605	286	806	537	269	85	68	17
Армяне	1290	751	539	1129	643	486	161	108	53
Грузины	240	143	97	208	116	92	32	27	5
Даргинцы	51	33	18	47	30	17	4	3	1
Езиды	31	17	14	22	11	11	9	6	3
Ингуши	49	28	21	46	27	19	3	1	2
Кабардинцы	26	16	10	22	14	8	4	2	2
Кумыки	23	13	10	20	12	8	3	1	2
Лакцы (лаки)	23	16	7	20	14	6	3	2	1
Лезгины	50	31	19	46	28	18	4	3	1
Осетины	64	40	24	55	31	24	9	9	–
Чеченцы	127	81	46	108	67	41	19	14	5
Остальные этносы	71	44	27	65	37	28	6	5	1
Итого	3021	1876	1145	2667	1616	1051	354	260	96

Таблица 2

**Численность выходцев
из бывших советских республик Средней Азии
в Чувашской Республике в 2010 г.**

Националь- ности	Городские и сельские жители			Горожане			Сельчане		
	все го	муж- чины	жен- щины	все го	муж- чины	жен- щины	все го	муж- чины	жен- щины
Казахи	190	116	74	129	75	54	61	41	20
Киргизы	47	33	14	32	21	11	15	12	3
Таджики	644	484	160	475	359	116	169	125	44
Туркмены	69	38	31	53	29	24	16	9	7
Узбеки	565	367	198	395	239	156	170	128	42

пы индийцев (6 чел.), ассирийцев и пакистанцев (по 8 чел.), уйгуров (4 чел.). Несколько опережают их по численности корейцы (81 чел.) и курды (24 чел.). Не исключено, что они имеют советское и российское гражданство уже не в одном поколении.

Данные переписи 2010 г. отражают лишь те сведения, которые были получены переписчиками. В их поле зрения априори могли не попасть многие представители народов Кавказа и Средней Азии уже в силу того факта, что они имели проблемные статусы (временные мигранты, отсутствие регистрации, нежелание иметь дело с людьми из госорганов и т.п.). Поэтому не приходится удивляться тому, что руководители национально-культурных объединений данные переписи 2010 г. о численности выходцев с Кавказа и из Средней Азии подвергают сомнению. Они полагают, что их фактическая численность в республике заметно выше.

Для понимания ситуации, сложившейся в настоящее время в республике в связи с постоянным притоком трудовых и иных мигрантов из регионов Средней Азии и Кавказа, интересно проследить за тем, как в последние четыре десятилетия менялась численность указанных этнических групп (табл. 3).

Приток кавказцев и среднеазиатов в Чувашию происходил и в советское время. Приезжали в основном по распределению после окончания учебных заведений, а также как трудовые мигранты. Но больше всего приезжих было в республике в 1980–1990-х гг. Это прежде всего армяне, азербайджанцы, таджики и узбеки.

Таблица 3

Динамика численности выходцев с Кавказа и из Средней Азии
в Чувашской Республике в 1970–2010 гг.⁶

Национальности	1970 г., чел.	1989 г., чел.	2010 г., чел.	Прирост за 1970–2010 гг. (во сколько раз)
Армяне	69	313	1290	18,7
Азербайджанцы	66	422	891	13,5
Грузины	75	151	240	3,2
Аварцы	15	73	85	5,7
Лезгины	30	44	50	1,7
Осетины	42	44	64	1,5
Чеченцы	94	154	127	1,3
Ингуши	12	32	49	4
<i>Всего приезжих с Кавказа</i>	403	1233	2796	6,9
Узбеки	60	210	565	9,4
Таджики	8	135	644	80,5
Туркмены	5	59	69	14
Киргизы	4	64	47	11,7
Казахи	48	194	190	4
<i>Всего приезжих из Средней Азии</i>	125	662	1515	12,1

Прежде всего необходимо заметить, что с каждой переписью населения этническая палитра республики заметно усложнялась, в списке зафиксированных появлялись все новые и новые национальности. К примеру, еще в недавнем прошлом в ходе Всесоюзных переписей населения 1970, 1979, 1989 гг. в списках национальностей значилось всего 35–50 названий народов, а ныне, как уже было отмечено, их более ста.

В межпереписные периоды (1970–1989–2010 гг.) значительно выросла численность выходцев с Кавказа и из Средней Азии всех национальностей. В таблице 3 приведены данные о её динамике за период 1970–2010 гг. Судя по ним, наиболее сильно увеличилось число таджиков (в 80,5 раза), армян (в 18,7 раза), азербайджанцев (в 13,5 раза), туркмен (в 14 раз), киргизов (в 11,7 раза) и узбеков (в 9,4 раза). Правда, при этом численность целого ряда национальностей Кавказа в республике повысилась несущественно.

Судя по официальным данным, основная, а то и абсолютная масса выходцев с Кавказа и из Средней Азии проживает в городских поселениях (табл. 4). Для сравнения: удельный вес горожан в целом по республике составляет 58,8 % (среди чувашей – 47,2 %, русских – 84,9%). Причем, что интересно, данное явление имеет стабильный характер, как в 1989 г., так и через 20 лет, в 2010 г., соотношение горожан и сельчан внутри указанных этнических групп не меняется. Единственным исключением являются данные по таджикам, которые в 1989 г. в большинстве своем зафиксированы как сельчане. Дело в том, что действительно в те годы в Чувашию в целевом порядке приезжали на временную работу группы таджиков по линии действовавшей тогда в Чувашии известной строительной организации «Таджикводстрой». Ее база размещалась в с. Атлашево Чебоксарского района, соответственно, прибывшие на заработки таджики не только прописывались, но и жили там же.

Таблица 4

**Динамика удельного веса горожан и женщин среди них
в составе ряда этнических групп Чувашской Республики
в 1989–2010 гг.⁷**

Национальности	Доля горожан, %		Доля женщин, %	
	1989 г.	2010 г.	1989 г.	2010 г.
Армяне	95,5	87,5	36,5	41,8
Азербайджанцы	78	90,5	30	32,1
Таджики	16,3	73,8	17	24,8
Узбеки	74,8	69,9	34,3	35
Молдаване	81,2	63,1	38,8	42,7
Грузины	74,8	86,7	46,3	40,4
Казахи	69,6	68	37,6	38,9
Чеченцы	47,4	85	37	36,2
Туркмены	78	76,8	20,3	44,9

Интересную картину дает анализ состава выходцев с Кавказа и из Средней Азии в гендерном разрезе. Дело в том, что у всех этнических групп доля женщин существенно меньше доли мужчин (табл. 4). Причем, как и в случае с данными о соотношении горожан и сельчан, с 1989 г. наблюдается стабильность в цифрах. Для сравнения: доля женщин в составе населения республики в целом составляет 53,5 %; чувашского в частности – 53,3 %. Понятно, что трудовые мигранты прибывают на заработки на временной основе, как правило, без жен, без семей. Существенный перевес удельного веса мужчин особенно характерен для таджиков, азербайджанцев и узбеков.

Разумеется, в Чебоксарах, крупном городе, проживает абсолютное большинство горожан-мигрантов (табл. 5). Небольшая их часть расселена в Новочебоксарске, Канаше, Алатыре и Шумерле. Таким образом, в перечисленных городах проживают более 90 % горожан-мигрантов.

Таблица 5

Распределение выходцев с Кавказа и из Средней Азии по местожительству в городах Чувашской Республики в 2010 г.

Национальность	Всего горожан, чел.	Проживают в городах, %					Итого, %
		Чебоксары	Новочебоксарск	Канаш	Алатырь	Шумерля	
Армяне	1129	69,1	14,5	9,6	2,3	2	97,5
Азербайджанцы	806	58,8	13,8	15	4,3	1	92,9
Грузины	208	66,3	16,8	4,3	9,1	–	96,5
Чеченцы	108	86,1	4,6	–	5,5	–	96,2
Узбеки	395	59,5	11,4	6,6	11,6	5,3	94,4
Туркмены	53	75,5	5,7	3,8	–	7,5	92,5
Таджики	475	70,5	8,2	8	2,5	2,9	92,1
Казахи	129	55,8	16,2	6,2	6,2	2,3	86,7

Что касается сельских жителей, то анализ характера их расселения в порайонном разрезе указывает на то, что в своем большинстве они проживают в пяти районах республики – Чебоксарском, Цивильском, Козловском, Канашском и Марпосадском (табл. 6), главным образом в тех районах, по территории которых проходят автомагистрали федерального значения, связывающие Москву, Нижний Новгород, Казань и Ульяновск. Данное обстоятельство позволяет заключить, что основная часть проживающих здесь сельчан-мигрантов занята в сфере придорожного сервиса.

В Цивильском и Чебоксарском районах проживают 58,8 % от общего числа расселенных в сельской местности республики азербайджанцев, 63,3 % армян, 24,6 % казахов, 54,4 % таджиков, 35,3 % узбеков, 79 % чеченцев.

Таблица 6

**Распределение выходцев с Кавказа и из Средней Азии
по месту жительства в сельских районах Чувашской Республики в 2010 г.**

Национальность	Численность сельчан, чел.	Проживают в сельских районах, %					Итого, %
		Чебоксарский	Цивильский	Козловский	Канашский	Марпосадский	
Армяне	161	45,3	3,1	–	7,3	1,9	–
Азербайджанцы	85	22,3	36,5	22,3	3,5	8,2	92,8
Грузины	32	25	15,6	15,6	6,2	3,1	65,5
Чеченцы	19	15,8	63,1	10,5	–	–	89,4
Узбеки	170	20	15,3	5,3	3,5	4,7	48,8
Туркмены	16	33,3	–	18,7	–	–	52
Таджики	169	14,2	40,2	7,1	3	8,9	73,4
Казахи	61	13,1	11,5	16,4	9,8	8,2	59

В настоящей статье мы рассматриваем те группы мигрантов, которые прибыли в Чувашию на исходе периода «перестройки» и в первое десятилетие 2000-х гг. Классификация мигрантов из Средней Азии и с Кавказа в науке в целом уже разработана. Общину мигрантского этнического сообщества специалисты представляют как некую структуру, состоящую, как правило, из следующих условных частей, по-разному взаимодействующих между собой и внешним окружением⁸.

Старожилы общины. Это, как правило, те, кто прожил на данной территории более 7–10 лет и успешно адаптировался к внешним условиям общины. Старожилы представляют собой ядро общины диаспоры, являются хранителями традиций общины, основными производителями диаспорной идентичности.

Недавние мигранты. Это члены общины, прибывшие из территории (страны) исхода недавно, имеющие четкие целевые установки на интеграцию в местное сообщество, стремящиеся перенять нормы поведения местного сообщества и активно перенимающие диаспорную идентичность.

Трудовые мигранты. Члены этнической группы общины, не включенные в сеть взаимопомощи общины, не имеющие целевых установок на интеграцию в местное сообщество. Трудовые мигранты являются носителями прагматической культуры. Они образуют собственные дискретные сети по образцу традиционных, предпочитают по возможности селиться среди своих соотечественников, в том числе и первых двух групп, а также (по традиционному образцу) претендуют на их поддержку и на поддержку функционеров национально-культурных объединений в решении своих проблем, часто безуспешно. Не ориентированы на интеграцию в местное сообще-

ство, хотя часто живут на постоянной основе или периодически выезжают в страну исхода, другие регионы России и возвращаются (приспособительный сценарий).

Соглашаясь в целом с такой типологизацией, мы считаем возможным с учетом конкретных реалий Чувашии подразделять выходцев из регионов Кавказа и Средней Азии на четыре группы:

1) «старожильческие» группы, то есть прибывшие еще в советское время;

2) временные трудовые мигранты, легально находящиеся на заработках в России;

3) нелегальные мигранты;

4) молодые люди, прибывшие для учебы в вузах республики.

В нашем экспертном исследовании, напомним, приняли участие 90 чел. Опрошены были в основном мужчины, только в группе 27 узбекских и 15 чеченских экспертов приняли участие соответственно 10 и 5 девушек.

В состав экспертов в большинстве своем вошли респонденты наиболее активных возрастных групп: 54 чел. в возрасте от 18 до 29 лет, 12 – от 30 до 39 лет, 15 – от 40 до 49 лет, 8 – от 50 до 59 лет и 1 чел. старше 60 лет. Причем в данных группах наиболее равномерно представлены азербайджанцы, армяне, таджики и узбеки, в то время как туркмены и чеченцы – люди в основном молодые, не старше 49 лет. Опрошенные являются выходцами из сельской местности и небольших городов (поселков городского типа), только 25 из них жили в крупных или средних городах.

Уровень образования опрошенных в целом достаточно высокий. В отношении тех, кто приехал из Средней Азии, надо отметить, что они, в особенности узбеки, плохо владеют русским языком, некоторые из них не могут писать по-русски без посторонней помощи. К примеру, на вопрос, кем они работают, узбеки часто пишут «стройтка», «абробчик» (то есть обрубщик), а таджики – «безнецен» (то есть бизнесмен) и т.п. Из 90 экспертов один (таджик) имеет начальное образование, 10 – незаконченное среднее (характерно для таджиков, азербайджанцев, армян, узбеков), 46 – среднее общее (в их числе 17 узбеков, 10 чеченцев, 6 таджиков, 6 армян), 13 чел. получивших среднее специальное образование (в их числе 5 узбеков, 4 азербайджанца), 16 – незаконченное высшее и высшее образование (в их числе 6 азербайджанцев, 5 армян и 5 чеченцев).

Что касается сферы занятости мигрантов, то у каждой этнической группы имеются свои особенности. Это можно проиллюстрировать на примере экспертов. Так, в рыночно-базарно-торговой сфере заняты 12 азербайджанцев из 14, 8 армян из 14 (остальные в строительстве), 13 таджиков из 15, 8 узбеков из 27 (остальные заняты в промышленности и строительстве, а также учатся в вузах). Туркмены и чеченцы в основной своей массе студенты. Таким образом, в целом в состав экспертной группы вошли люди, занятые в самых разных сферах экономики: 13 чел. работают в строительстве, 18 чел. – в торговле, на рынке, 5 чел. – на заводе, 11 чел. называют

себя предпринимателями и менеджерами, 28 чел. являются студентами чебоксарских вузов.

По данным УФМС по Чувашской Республике, в 2013 г. квота на привлечение иностранной рабочей силы выполнена только наполовину. В основном привлекаются неквалифицированные работники. В наукоемких отраслях трудятся 13 иностранных работников (их зарплата превышает 150 тыс. руб.). По данным ведомства, в Чувашию ежегодно приезжают на тех или иных условиях пребывания порядка 12–13 тыс. иностранцев. С начала 2013 г. из других государств сюда прибыли 11 тыс. чел., сняты с миграционного учета 1650 иностранцев. Более 90 % въезжающих в нашу республику – выходцы из республик СНГ. Активно прибывают граждане Узбекистана, Таджикистана, Армении, Азербайджана, Украины, Белоруссии⁹. Еще в 2011 г. было установлено, что от общей численности иностранных работников 44 % составляют граждане Узбекистана, в республике использовался также труд граждан Таджикистана (14 %), Украины (8 %), Азербайджана (7 %), Армении (4 %), Молдовы (2 %) и других государств¹⁰. При этом подчеркивается, что в Чувашии более строго, чем в других регионах страны, регламентируются правила привлечения трудовых мигрантов, что вызвано особенностями развития трудовых ресурсов республики. Понятно, что часть жителей из названных государств стала российскими гражданами, часть проживает нелегально, но доля таких лиц невелика.

Абсолютное большинство опрошенных экспертов (86 чел.) проживает в г. Чебоксары, остальные – в пос. Кугеси, в городах Новочебоксарск и Цивильск. Интересно отметить, что некоторые узбеки, в отличие от других экспертов, название г. Чебоксары в анкетах написали на манер, близкий к чувашскому произношению («горт Чувашкар», «горд Чувашкар»).

Семейное положение экспертов таково: состоят в браке – 39 чел., не состоят – 48 чел., разведенных нет, 2 узбека являются вдовцами. У 4 экспертов, кто состоит в браке (азербайджанец, армянин, таджик и чеченец), жены чувашки.

Что касается материального положения опрошенных, то 22 из них «себе ни в чем не отказывают» (характерно для чеченцев и туркмен – студенческой молодежи), у 18 экспертов «почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры», у 30 – «в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг», у 16 – «на повседневные затраты уходит вся зарплата».

Приезд в Чувашию в большинстве случаев экспертами был «запланирован заранее» (26 чел.) или «рассматривался как один из вариантов» (28 чел.). Именно в Чувашии 21 чел. оказались «случайно, под влиянием обстоятельств». В анкетах многие эксперты добавляли: «приехал к родне», «друзья пригласили (позвали)», «приехал в гости к другу (родственнику)» и т.п. Если азербайджанцы однозначно указывают на то, что «приехали к родне», «по приглашению родственника», то узбеки все как один подчеркивают, что «приехали к другу», «по приглашению друзей». Подтверждается

это тем, что все опрошенные нами азербайджанцы имеют в Чувашии родственников, в то время как таковых среди 27 узбеков оказалось только 3.

На вопрос, по какой причине главным образом приезжают в Чувашию их соотечественники, наши эксперты ответили: «в поисках лучших условий для зарабатывания средств» (25 %), «на учебу» (25 %), «здесь имеются возможности трудоустройства» (12 %), «у многих здесь живут родственники» (11 %). Некоторые таджики-эксперты, не указывая конкретную причину приезда соотечественников в Чувашию, просто и ясно написали: «жить и работать». Только 1,5 % экспертов назвали среди причин переезда «семейные обстоятельства». Азербайджанцы и армяне в большинстве своем отметили, что «у многих здесь живут родственники». Приезд «на учебу» обозначили туркмены и чеченцы, соплеменники которых действительно учатся в вузах Чебоксар. В целом подтверждаются наблюдения, сделанные и в других регионах страны: люди приезжают к родственникам и землякам «по цепочке», практически не имея никаких иных связей, полагаясь лишь на свой интеллектуальный и предпринимательский потенциал¹¹.

Следует отметить, что абсолютное большинство мигрантов в случае выезда из Чувашии настроено вернуться на историческую родину. 13 экспертов намереваются уехать в другой регион Российской Федерации или за границу. Настроения в этом вопросе продиктованы тем положением, в каком пребывают мигранты, а оно чаще всего не всем видится благоприятным (азербайджанец: «уехал бы, да некуда», таджик: «некуда мне» и т.п.).

В ответе на вопрос «Если Вы собираетесь уехать из Чувашии, то в чем причина Вашего намерения?» половина экспертов, в основном узбеки, указали на семейные обстоятельства, другая значительная часть – на необходимость поисков лучших условий зарабатывания средств. При этом ряд экспертов счёл необходимым на полях анкеты дополнительно отметить свои соображения на этот счет (азербайджанец: «не хочу уезжать никуда отсюда»; армяне: «все здесь устраивает», «пока не собираюсь», «съезжу на родину только по делам»; таджики: «но дома лучше», «здесь чисто, не собираюсь уезжать отсюда», «уеду ненадолго, только к родителям»; узбеки: «не хочу уезжать отсюда», «не уехал бы, но придется после учебы»; чеченцы: «хочу на родину», «хочу в Чечню», «хочу к семье», «надо вернуться к родне»).

По мнению $\frac{1}{3}$ экспертов, их соплеменники, проживающие в Чувашии, в первую очередь ощущают себя гражданами России, треть из них – «просто людьми своей национальности», остальные поровну поделились на тех, кто ощущает себя «гражданами своей национальной родины» или «жителями Чувашии». При этом только азербайджанские и армянские эксперты все как один отметили, что их соплеменники ощущают себя прежде всего как «граждане России» и «жители Чувашии», и ни один из них не выбрал варианты: «просто людьми своей национальности», «гражданами национальной родины, где родились и выросли». Между тем эти варианты выбрало большинство узбеков, чеченцев и таджиков.

На вопрос «Какое чувство Вы испытываете по отношению к Чувашии?» 63 эксперта из 90 ответили, что рады жить здесь, 19 заявили, что в целом довольны, но многое их не устраивает. Эксперты-таджики добавляют: «В гостях хорошо, но дома лучше», «Хочу остаться в Чебоксарах». Чеченец добавляет: «Мне без разницы, главное то, что я здесь учусь».

По мнению 54 экспертов из 90 опрошенных, после приезда их соотечественников в Чувашию их социальный статус, как правило, повышается, 33 указали, что он остается прежним, и только 3 (таджики) отметили, что понижается. Характерно следующее: о том, что статус соплеменников повышается, подтверждение сделало примерно одинаковое число экспертов из всех этнических групп.

Нас интересовало прежде всего, что главным образом помогает мигрантам приспособиться (адаптироваться) к местным условиям по приезде в Чувашию. Данный вопрос мы адресовали экспертам, которые отметили среди наиболее важных для них обстоятельств в первую очередь то, что они с местными жителями жили и живут в одной стране – СССР, России (28 % от общего числа ответов), на втором месте вариант ответа: «Приехали к знакомым, родным, они мне (нам) помогли обустроиться, найти работу» (20 %), далее назывались «отсутствие напряженности в межнациональных отношениях» (11 %), «востребованная специальность» (7 %), «стабильность жизни в Чувашии, наличие возможностей найти работу и зарабатывать на жизнь» (6 %).

Что же в основном мешает прижиться (адаптироваться) мигрантам в условиях Чувашии? 36 экспертов указали, что мешает «бюрократия, косность чиновников низших уровней, затрудняющих своевременное оформление документов, видов на жительство и т.п.», 15 из них отметили: «кардинально тот тип взаимоотношений в семье и между полами, который неприемлем для нашей национальной культуры», 14 сослались на «непривычный климат», «иной набор продуктов питания» (чаще всего такой ответ характерен для чеченцев). 10 экспертов указали на «холодность, разобщенность людей» (более всего это ощущают узбеки).

На то, что адаптацию затрудняет «недоброжелательное отношение коренного населения», указали всего 6 экспертов, только 2 отметили такой, казалось бы, значимый для мигрантов фактор, как «иная вера местных жителей».

На бюрократию, на местных чиновников чаще всего жалуются таджики и узбеки: «часто правееко микрат служба», «много проверка мигрант полици» и т.д. Чеченский эксперт данную проблему рассматривает в философском разрезе и указывает, что «все зависит от конкретного человека, от того, как он себя ведет». Что же, и то верно.

Одна из главных проблем, с которой сталкиваются мигранты с Кавказа и особенно из Средней Азии по прибытии в российские регионы, – это плохое знание русского языка. На родине мигрантов качество преподавания русского языка, как правило, низкое. Без удовлетворительного владения рус-

ским языком мигранты обречены на низкостатусную и низкооплачиваемую работу, а также на замкнутость в рамках переселенческих групп. Кроме прочего, плохое владение русским языком резко ограничивает их контакты с местным населением и существенно усложняет взаимоотношения с коллегами других национальностей в процессе трудовой деятельности. В ходе нашего исследования мы пытались выяснить у экспертов, как они оценивают знание русского и чувашского языков своими соплеменниками, проживающими в Чувашии. Азербайджанцы указали, что русским языком их соплеменники владеют «практически все», «каждый второй – точно», чувашским – 3–4 чел. Армяне отметили, что русским владеют «100 % наших», а чувашским – 2 чел. Таджикские, узбекские и туркменские эксперты лишь заметили, что русским языком владеют «многие» их современники, а вот чувашским – единицы. Чеченский эксперт заявил, что «все чеченцы знают русский». Наверное, положение дел с языком у среднеазиатских мигрантов образно, но точно выразил узбекский эксперт: «Каждый из нас владеет русским как-нибудь». Судя по тому, как оформляли эксперты свои анкеты, грамотность таджиков и особенно узбеков имеет весьма низкий уровень.

Социально-психологическое самочувствие трудовых мигрантов на новом месте проживания, где они пребывают в инонациональном окружении, напрямую зависит от состояния межэтнических отношений. Их состояние в Чувашии большинство экспертов оценивает как «очень хорошие» (32 чел.), «хорошие» (46 чел.) и «удовлетворительные, терпимые» (11 чел.). Интересно отметить, что никто из них не оценил их как «неважные», «плохие, враждебные». Социологи, интересовавшиеся рассматриваемыми нами аспектами в ходе изучения современных межэтнических отношений в Чувашии, отмечают: «Сами мигранты в беседе с нами не раз заявляли, что в Чувашии чувствуют себя гораздо комфортнее, чем их друзья, знакомые, родственники в соседних регионах. Таким же “спокойным” регионом называли Республику Марий Эл. Впрочем, бытовое неприятие, особенно на рынках, вымогание взяток – все это имеет место. Бывают случаи и откровенного проявления ксенофобии. <...> В целом обстановка в республике мигрантов вполне устраивает. Как говорят сами мигранты, на самом производстве, в частности на промышленных предприятиях, отношения с местными рабочими нормальные. О проблеме конкуренции практически никто не говорит, поскольку в республике на предлагаемые мигрантам места спроса практически нет. Это неквалифицированные профессии тяжелого ручного труда»¹².

На вопрос «С какими негативными явлениями в межнациональных отношениях вам приходилось сталкиваться в своей повседневной жизни в Чувашии?» 38 экспертов заявили, что не сталкивались. Вместе с тем 19 чел. отмечают, что были «неприятные высказывания о людях другой национальности» (главным образом это азербайджанцы, армяне и чеченцы), а 15 чел. – что случалось видеть «недружелюбное отношение к людям других национальностей, приезжающих в Чувашию» (опять-таки это характер-

но для азербайджанцев, армян, чеченцев). При этом азербайджанские и чеченские эксперты в числе негативных явлений указали «групповые хулиганские действия на национальной почве».

Эксперты поделились своими впечатлениями о том, как у мигрантов складываются отношения с коренным населением. Большинство экспертов считает, что они «в целом нормальные, но случаются недоразумения» (73 чел.). То, что эти отношения неровные и «нередко возникают напряжения», бывают ситуации, когда «вызывают милицию», отметили всего 4 эксперта. Некоторые из них уклонились от прямого ответа, объяснив, что затрудняются судить о ситуации в этом вопросе в целом.

Как показывают исследования, проведенные в различных регионах Центральной России, появление большого числа мигрантов вызывает среди значительной части старожилов настороженность и недовольство изменением привычной бытовой картины. Характерно это и для Чувашии¹³. Соединяясь с другими фобиями и фрустрациями, в глазах старожилов сам факт проживания кавказцев на «их земле» воспринимается как угроза. Основная претензия старожильского населения к переселенцам с Кавказа – «пусть они себя ведут здесь как гости»¹⁴.

Как правило, самую сильную эмоциональную реакцию у мигрантов, особенно с Кавказа, вызывает неуважительные высказывания местных жителей о представителях их национальности, об их традициях, обычаях и языке. На вопрос о том, приходилось ли экспертам лично слышать такого рода высказывания в Чувашии, 10 ответили, что «да, часто», 24 – «приходилось, но редко», 25 – «были отдельные случаи», 30 – «не приходилось». Таким образом, $\frac{2}{3}$ экспертов так или иначе лично слышали неуважительные высказывания относительно своей национальности. Причем чаще всего доводилось слышать негативные оценки о своей национальности армянам, таджикам, узбекам и чеченцам. И в то же время, что интересно отметить, по сравнению с представителями других этносов, и азербайджанские, и армянские эксперты дают высокую оценку отношению старожильского населения к другим национальностям.

Как уже отметили, для любого мигранта большим испытанием является столкновение со случаями унижения, оскорбления на религиозной или этнической почве. Мы спросили у экспертов, как следует вести себя мигранту в такой ситуации. 33 эксперта заявили, что следует ее «разрешить в словесной форме» (такая позиция характерна прежде всего для азербайджанцев и армян); 32 указали на необходимость «обратиться за помощью в правоохранительные органы» (характерно для таджиков и узбеков); по мнению 19 экспертов, следует «просто проигнорировать» – так полагают 3 армянина (из 14 опрошенных), 3 таджика (из 15), 9 узбеков (из 27) и 4 чеченца (из 15). Некоторые эксперты добавили, что «решать надо культурно» (азербайджанец), «решать тихо, мирно» (узбек). При этом в вопросе, как себя вести в указанной ситуации, азербайджанцы и чеченцы подчеркивают, что «все зависит от конкретной ситуации».

О степени социокультурной адаптированности мигрантов к условиям жизни в российских городах, об их настрое и желании «быть принятым» в обществе местного населения свидетельствует и то, общаются ли они со своими соседями – представителями иных национальностей. Однозначно все эксперты указали, что общаются. При этом азербайджанец отметил, что для них «нет разницы, кто из соседей какой национальности», чеченец подтвердил это мнение теми же словами. У 12 азербайджанцев из 14 соседей – чуваша, то же самое у армян, у 11 таджиков из 15 и 13 узбеков из 27 также соседи – чуваша.

Не все мигранты переезжают в регионы России со своей семьёй, в большинстве случаев семьи у них остаются на родине. Среди мигрантов много молодых холостых мужчин, некоторые из них заводят семью по приезде в Чувашию. И не факт, что при этом женятся они непременно на соплеменницах. Некоторые мужчины из трудовых мигрантов, будучи женатыми и имея семью на своей родине, здесь, на новом месте, заводят новую семью. Чаще всего это гражданские браки: сводят их с женщинами из числа местных жителей. Но поскольку отношение выходцев с Кавказа и из Средней Азии к браку с представителем иной веры или национальности, как правило, негативное, нас не мог не интересовать вопрос, каково отношение наших экспертов к фактам заключения брака лицами их национальности с местными жителями. Как выяснилось, 56 из них «ничего не имеют против», 30 однозначно против таких браков. Примечательно выразился узбек: «Лучше узбечки меня никто не поймет». Что тут имеется в виду – язык или что-то из области этнопсихологии, остается неясным. Позитивное отношение к такого рода бракам характерно прежде всего для армян, азербайджанцев и туркмен, у чеченцев и узбеков позиция в этом вопросе более принципиальная. Интересно отметить, что считают допустимым брак с чувашами лишь таджики (3 чел.), туркмены (1 чел.) и узбеки (1 чел.), а с русскими – только 1 чел. (армянин). Азербайджанец-эксперт записал в анкете: «У меня жена – чувашка, я очень этим горд и рад этому!» Армянин полагает: «В принципе, надо бы жениться на своей национальности, но ведь не факт». Узбечки-студентки определенно за одноплеменные браки: «только за узбека, если, конечно, такой найдется», «выйду именно за свою национальность» и т.п.

Как бы то ни было, в глобальной интернациональной среде, какая при- суща крупным российским городам, в том числе и Чебоксарам, большинству трудовых мигрантов так или иначе приходится работать в национально смешанных трудовых коллективах. По мнению 62 экспертов, находясь в таких коллективах, их соотечественники не сталкиваются с конфликтами на почве межнациональных отношений, в то время как 22 респондента указывают, что конфликты возникают, но редко, и только 4 отметили, что часто.

В российских регионах становится привычным жаловаться на то, что прибывающие из Средней Азии и с Кавказа трудовые мигранты более выгодны местным работодателям из-за относительной дешевизны рабочих рук и потому они отнимают у местных жителей рабочие места, порождая

на местах безработицу. В частности, по данным упомянутого выше социологического исследования, в 2014 г. так полагали от 35 до 42 % опрошенно-го старожильческого населения Чувашии¹⁵. Интересно, однако, отметить, что на этот счет мнения наших экспертов разделились: 13 из них, в основном азербайджанцы и армяне, согласны с этим, 34 эксперта считают, что мигранты занимают незначительную часть рабочих мест, а 13 полагают, что мигранты вообще не занимают те рабочие места, на которые могут претендовать местные жители, при этом 30 экспертов затруднились сказать что-либо конкретное по данному вопросу.

Есть расхожее мнение, что мигранты, прибывающие в Чувашию, как, собственно говоря, в любой другой регион России, при обращении по тем или иным вопросам в местные государственные органы непременно сталкиваются с тем, что их принадлежность к какой-либо конкретной национальности играет негативную роль. Так вот, одна часть экспертов (38 чел.) полагает, что данный фактор не играет какой-либо роли, а другая (41 чел.) – что играет, «но в целом вопросы все равно решаются». Остальные 11 экспертов (из 90) все же склонны считать, что «играет однозначно», вопросы из-за этого «не решаются». Следовательно, проблема все-таки существует, и это надо иметь в виду.

В российском обществе мнение о мигрантах из Средней Азии и с Кавказа в немалой степени формируется под влиянием средств массовой информации. В них преобладают негативные стереотипы, основанные зачастую на искаженном общественном сознании, мифах и слухах. Тем более и реальных поводов для этого более чем достаточно. Каждый день приносит в информационное пространство все новые и новые, далеко не позитивные сообщения о жизни мигрантов, об их делах, проступках, а то и преступлениях, не говоря уже о незаконности их пребывания в регионах России. В частных разговорах на эту тему наши эксперты в большинстве своем склонны считать, что местные (республиканские) СМИ Чувашии чаще всего дают о них негативную информацию, в лучшем случае, как отметил один таджик-эксперт, «о нас никакой информации нет, вот и все». Тем не менее 34 эксперта затруднились что-либо сказать на эту тему, 26 сказали, что в сообщениях СМИ больше негатива, 19 – наоборот, позитива, 8 – что в основном информация о них нейтральная.

Процесс социокультурной адаптации мигрантов во многом зависит и от того, как они сами настроены, заинтересованы ли в восприятии особенностей культуры, быта и традиций местного населения. Мы спросили у экспертов, посещали ли они за последние 2 года какой-либо местный театр, концерт чувашских артистов, чувашский национальный праздник (Акатуй и т.п.). Выяснилось, что в этом отношении мигранты не так уж активны. Узбек-эксперт так и заявил: «Приехали не по театрам и праздникам шататься». По сравнению с экспертами других этнических групп, наиболее активными в смысле посещения чувашских мероприятий оказались азербайджанцы и узбеки. Акатуй посетили 7 азербайджанцев, 1 армянин, 2 узбека,

3 таджика и 1 чеченец; чувашский театр – 5 азербайджанцев, 1 таджик, 2 узбека и 4 чеченца. И все. Концерт чувашской эстрады имели случай посетить 1 таджик и 2 узбека. Один из чеченских экспертов указал в анкете, что «побывал во всех чувашских театрах, было интересно». Узбекский эксперт, присутствовавший на празднике Масленицы, отметил: «Было интересно, такого я в жизни не видел». Несколько странно выглядит ответ одного из таджиков: «Нам по нашей вере концерты чужих посещать нежелательно».

Чтобы выяснить, насколько настроен мигрант обустроиться на новом месте, прижиться, не оставаться в стороне от той жизни, в которой живут местные жители, имеет ли он желание понять и принять какие-то необходимые условности, которые желательно соблюдать, находясь «на чужой стороне», мы задали им следующий вопрос: «Представьте себе: к Вам в Чувашию в гости приехал земляк (родственник, друг). Что Вы подарили бы ему на память?» Расклад ответов экспертов сложился интересный: 31 из них заявили, что «национальный сувенир», 11 – конфеты чебоксарской кондитерской фабрики «Акконд». В разрезе национальностей выглядит это так: 7 азербайджанцев подарили бы «просто национальный сувенир», 2 – конфеты «Акконд», 5 – чувашский бальзам «Парне», 1 – пиво чувашского производства; армяне: 2 – «национальный сувенир», 2 – конфеты «Акконд», 1 – книгу о культуре чувашей, 2 – картину «Вечерние Чебоксары», 1 – пивную кружку с орнаментом; таджики: 4 – конфеты «Акконд»; узбеки: 16 – «национальный сувенир», 2 – конфеты «Акконд», 1 – книгу о культуре Чувашии, 1 – чувашский костюм. Интересны дополнительные пометки в анкете, сделанные узбеками-экспертами: «теплые перчатки», «чувашская тубетейка», «лапти», «шоколад», и т.д. В целом, как видно, продукция кондитерской фабрики «Акконд» начала играть роль чувашского национального символа.

Трудовые мигранты уже в силу своего социального статуса, желая лучше трудоустроиться на новом месте и стремления больше заработать средств не могут являться сторонниками усиления напряженности межнациональных отношений в местах своего пребывания. Такая однозначная позиция нашла отражение и в ответах наших экспертов на вопрос «Если в Чувашии произойдет усиление напряженности в межнациональных отношениях, то какой будет Ваша позиция?». 57 экспертов указали, что будут всеми силами способствовать тому, чтобы конфликты не обострились, а проблемы решались спокойно. В то же время $\frac{1}{3}$ экспертов (30 чел.) вовсе не хотели бы вмешиваться в эти споры и конфликты. Только один эксперт – узбек – заявил, что будет активно участвовать в подобных конфликтах.

Трудовые мигранты, приезжающие в незнакомый регион, изначально настроены на нелегкие условия жизни и трудовой деятельности, для них характерна внутренняя мобилизованность на непременно достижение запланированных целей и задач. В отличие от местных жителей, им, образно выражаясь, расслабляться не приходится. Тем не менее, что для нас было неожиданно, большинство экспертов (57 чел.) заявило, что в будущее они смотрят «с надеждой и оптимизмом», а 29 – «спокойно, без надежд и иллю-

зий», и только один эксперт ответил, что «со страхом и тревогой». Таким образом, у мигрантов, проживающих в Чувашии, потенциал позитивных настроений достаточно высок. Но при этом и то правда, что большинство опрошенных нами экспертов ясно осознаёт, что расхожие и зачастую мнимые представления местного старожильского населения о мигрантах «с юга» имеет достаточно устойчивый характер и каждому проступку выходцев из Средней Азии и с Кавказа придается этническая окраска. Поэтому в современных условиях основной стратегией адаптации мигрантов, находящихся в Чувашии, является включение в принимающее сообщество прежде всего с опорой на собственные сетевые ресурсы этничности, на родственные связи. Однако процессы в таком направлении не представляются оптимальными, ибо, оказываясь погруженным в «свою» среду, мигрант не чувствует необходимости менять свое поведение и восприятие мира. Как показало наше исследование, он оказывается «не выключенным» из прошлой жизни, основной и часто единственной системы мировосприятия.

В этом смысле результаты нашего исследования вопросов адаптации в целом не расходятся с наблюдениями, сделанными в других городах и регионах страны: для мигрантов, обычно изначально не обладающих достаточным социальным капиталом, по сравнению с местным населением, с интегрированными «старожилами» на начальном этапе включения наиболее значимыми являются групповые ресурсы (этничности, землячества). Тщательный анализ сетевых взаимодействий (трансфертов) в анклав, проведенный в Москве, в целом подтвердил, что основу взаимодействия в этническом анклав составляют следующие представления: а) информация о трудоустройстве на новом месте, б) помощь советами и рекомендациями по решению конкретных проблем, в) помощь деньгами, г) помощь в организации семейных или религиозных праздников, похорон, свадеб и т.д., в гораздо меньшей степени – помощь конкретными делами (ухаживание за больными, личная помощь в оформлении документов и т.д.)¹⁶.

Подытоживая материалы нашего небольшого исследования, можно утвердительно отметить, что мигранты из стран Закавказья, прежде всего армяне и азербайджанцы, сегодня ощущают себя в Чувашии (по крайней мере, в Чебоксарах) уже достаточно укорененными и более адаптированными, чем мигранты из Средней Азии, главным образом узбеки и таджики. Последние вовсе не мотивированы на погружение в местную среду, причем не столько из-за контрастных различий в социально-культурном и религиозном отношении, сколько в связи с тем, что изначально настроены на временное пребывание на новом месте по причине, как правило, сезонного характера их трудовой деятельности. Выяснилось, что, как и в других регионах страны, большинство мигрантов с Кавказа удачно интегрировалось в местную социально-культурную и экономическую среду, имеет более выраженную заинтересованность в том, чтобы пригласить родственников или близких друзей и земляков из исторической родины, с тем чтобы таким образом обеспечить себе привычную этнопсихологическую атмосферу, позво-

ляющую компенсаторно культивировать на новом месте привычные традиции и обычаи жизнедеятельности. Этого не могут позволить себе выходцы из Средней Азии, так как в большинстве своем являются временными мигрантами. А отсюда сравнительно большая сугубо этнокультурная замкнутость и закрытость и соответственно изолированность от местной среды.

Литература и источники

- ¹ Аргументы и факты – Чувашия. 2013. 30 октября – 5 ноября.
- ² *Бойко И.И., Харитонова В.Г.* Жители Чувашии о «кавказцах» и трудовых мигрантах // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. М., 2011. С. 150.
- ³ См.: Аргументы и факты – Чувашия. 2014. 13–19 августа. С. 12.
- ⁴ Этнокультурное развитие и межэтнические отношения в Чувашской Республике: научный отчет по материалам социологического обследования 2011 г. Чебоксары, 2012. С. 26.
- ⁵ Здесь и далее итоги переписи 2010 г. по Чувашской Республике извлечены из материалов, помещенных на сайте Чувашстата (chuvash.gks.ru).
- ⁶ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 818, 913, 1303–1305, 1307. Материалы Всесоюзных переписей населения по Чувашской АССР 1926, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.; Основные итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. респ. упр. статистики, 1990.
- ⁷ Там же.
- ⁸ См., например: *Мокин К.С.* Адаптация мигрантов: варианты стратегий // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции. М., 2009. С. 105.
- ⁹ См.: Московский комсомолец – Чувашия. 2013. 11–18 декабря.
- ¹⁰ Этнокультурное развитие и межнациональные отношения ... С. 16.
- ¹¹ *Мокин К.С.* Указ. соч. С. 101.
- ¹² *Бойко И.И., Харитонова В.Г.* Общины выходцев из Средней Азии и с Кавказа в Чувашии // Новые этнические группы в России: пути гражданской интеграции. С. 298–299.
- ¹³ Общегражданская идентичность, этнокультурные и конфессиональные предпочтения студенческой и учащейся молодежи Чувашии: научный отчет по материалам социологического исследования 2014 г. / сост. И.И. Бойко, В.Г. Харитонова. Чебоксары, 2014. С. 26–32 // НА ЧГИГН. Отд. X.
- ¹⁴ *Ярлыкапов А.А.* Кавказцы в центральных регионах России // Новые этнические группы в России: пути гражданской интеграции. С. 93.
- ¹⁵ Там же. С. 31.
- ¹⁶ Анализ сетевых связей и адаптационных потребностей этнокультурного анклава Московского мегаполиса: аналитический отчет / РАН. М., 2004. С. 223.

V.P. Ivanov

SOME PROBLEMS OF SOCIOCULTURAL ADAPTATION OF MIGRANTS IN THE POLYETHNIC SPACE OF THE CHUVASH REPUBLIC

The article analyzes the data of the expert sociological research conducted in 2013 in Cheboxary. The research objective was study of the peculiarities of sociocultural adaptation of labor migrants from Central Asia and the Caucasus under the conditions of the Chuvash Republic. Experts from among migrants - Uzbeks, Tajiks, Turkmens, Armenians, Azerbaijanis, Chechens have been interviewed. The dynamics of change of the number of migrants and the nature of their resettlement in the towns and districts of the republic has been reviewed on the materials of population censuses.

Keywords: dynamics of the national structure of the population, census, sociological research, migration, expert, sociocultural adaptation, international relations.

ЧГВ, 2014 г., № 9
© А.И. Мордвинова

ТЕНДЕНЦИИ И ИМЕНА В ЧУВАШСКОЙ ЖИВОПИСИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

В живописи художников Чувашии конца XX в. расширились тематические рамки. Сохраняя традиции реалистического искусства, она обрела и новые формы. Широкое распространение получил «суровый стиль», рожденный в московском искусстве. Отражением глубокого интереса творческой элиты к национальной культуре явилось рождение этнофутуризма, который стал наиболее ярким выражением самобытности чувашского искусства. В произведениях живописцев нашли место и проявления постмодернистского мироощущения современного человека.

Ключевые слова: живопись Чувашии, российское изобразительное искусство, реалистическое искусство и новые направления, классики и новые имена.

Художественный процесс в российском изобразительном искусстве последней трети XX в. – периода переходного состояния государства от одной общественной системы к другой – сложен и многогранен. Современное так называемое постцивилизационное общество – это качественно новая социальная реальность, движение вперед которого «оказывается возможным преимущественно путем переконструирования, а не дальнейшего расширения»¹. Происходят трансформации и в художественной жизни. Чувашское изобразительное искусство переживает изменения, схожие в значительной степени с общероссийскими. Однако существуют и особенности его развития. Сегодня, когда в XXI в. мы прошли путь длиной почти в полтора десятилетия, можно различить в творчестве художников основные тенденции и новые черты, зародившиеся в последней четверти XX в. Попробуем проследить эти качественные изменения в чувашском изобразительном искусстве, помня о том, что далеко не все ново-

Антонина Ильинична Мордвинова – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник искусствоведческого направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: amordvinova@yandex.ru.

введения приходили на периферию: наиболее радикальные, нонконформистские явления имели место лишь в столицах.

Как бы ни казалось теперь странным, советский человек почти не знал искусства русского авангарда, не видел картин Малевича, Кандинского и Ларионова. Заклейменные официальной критикой, они были известны лишь узкому кругу специалистов. Конечно, в 1950-х гг. в Москве делались редкие попытки показать произведения художников-авангардистов начала XX в. Чаще всего это случалось в небольших музеях и выставочных залах, на неофициальных «квартирных» выставках, о которых столичная элита знала и которые по возможности посещала. На фоне такого закрытого существования потрясением для широкой публики были не только выставки американских художников в конце 1950-х гг., но и выставки художников-коммунистов П. Пикассо и Д. Сикейроса, прошедшие в Москве во времена «хрущевской оттепели». Вслед за этим в Москве и Петербурге появляются тысячи художников, ищущих новые пути в искусстве. Мощным явлением стало творчество художников «сурового стиля», который в искусстве всех регионов России также получил широкое распространение.

Касаясь истории возникновения и развития профессионального искусства Чувашии, напомним, что оно существовало в рамках традиций русской реалистической школы второй половины XIX в. Первыми профессиональными художниками в Чувашии были Н.К. Сверчков и М.С. Спиридонов, организовавшие филиалы Ассоциации художников революционной России (Спиридонов – в Чебоксарах, Сверчков – в Омске, затем в Чебоксарах). Они продолжили демократические традиции передвижников и главной задачей для себя видели создание произведений, рассказывающих о жизни молодого Советского государства. В течение нескольких десятилетий искусство развивалось в строгих рамках, определенной идеологией государства. И только во второй половине XX в., с рождением «сурового стиля» в 1960-х гг., в искусстве назрел перелом. Появились новые темы и жанры искусства, новые формы в выставочной и экспозиционной деятельности, множество художников с ярким индивидуальным почерком и оригинальным взглядом на мир. Со времени так называемой перестройки происходит сложное преобразование духовной жизни общества, возникают новые ценностные ориентиры. Утопические надежды на общественное устройство по принципам свободы, братства и равенства рухнули, гуманитарные проблемы глобального масштаба нависли над человечеством, внедрились в сознание современных людей, даже тех, кто отказывается принять эти реалии и упорно пытается жить идеями безвозвратно ушедшей эпохи социализма. Значительная часть нашего общества такой и являлась в рассматриваемый период: сорока- и даже тридцатилетние люди сформировались в лоне советской эпохи. Однако сложнее приходилось старшему поколению. Трудно было определиться в противоречащих друг другу требованиях жизни, когда нравственные принципы прошлого времени еще сохраняют свою ценность, а действительность диктует иные законы. Вот здесь, как кажется, и происходит отделение «зерен

от плевел». Ясно, что кому-то из художников надо становиться «современным», чтобы быть востребованным, а кто-то, не изменяя себе, как и в прежние времена, творит в подлинном пространстве искусства, свободно выражая свой взгляд на мир. Попробуем и мы определить некие «зерна» в искусстве Чувашии второй половины XX в., которые проросли впоследствии тенденциями и яркими именами.

Для многих художников метод «соцреализма» в рассматриваемый период, а во многих случаях и сегодня остается главным в творчестве. Среди художников, видевших основной задачей искусства беспрекословное следование политической программе Советского государства, в первую очередь надо назвать Н.В. Овчинникова (1918–2004), творившего и в начале XXI в. Картины, посвященные историческим событиям страны и республики, прославляющие вождя Октябрьской революции В.И. Ленина, затем космонавта А.Г. Николаева, принесли ему награды и звания народного художника Чувашии и России. Его многофигурные композиции, написанные в реалистической манере, были повествовательны и иллюстративны. Этим решался вопрос о понятности и доступности искусства народу, постулированный еще В.И. Лениным в первые послереволюционные годы. Возглавляя долгие годы (с 1963 по 1989 г.) Союз художников Чувашии, Н.В. Овчинников в какой-то мере получил возможность направлять развитие чувашского искусства в указанном партией направлении. Произведения художников, работавших в рамках официального искусства, характеризовались односторонностью трактовки любых тем и сюжетов. Идеологический штамп и внешняя достоверность вполне удовлетворяли и вкусы большинства зрителей. После падения тоталитарной системы художники этого ряда пытались удержаться на «государственном» уровне при помощи изображения исторических лиц, востребованных сегодняшним обществом – ученых, просветителей, народных героев, чьи имена не скомпрометированы политической деятельностью. Заметим, это было еще и следствием возросшего в 1980–1990-х гг. всеобщего интереса к истории и культуре своей родины. Живописцы Чувашии все чаще обращаются к событиям истории чувашского народа и его выдающимся представителям. Н.В. Овчинников пишет картины-портреты просветителя И.Я. Яковлева, поэта К.В. Иванова, создает почти пятиметровое полотно «Навеки вместе. Встреча Ивана Грозного с посланцами чувашского народа по пути следования в Казань в 1554 году» (1980–1985), портреты К.В. Иванова (1989) и М. Сеспеля (1999), архитектора XVIII в. П.Е. Егорова (2001), картины «Н. Бичурин и А. Пушкин» (1994–1995), «И.Я. Яковлев на приеме у Николая II» (1997) и др. В 2000-х гг. появляется композиция «Президент России В.В. Путин и Президент Чувашии Н.В. Федоров» (2003). Но постепенно искусство художника теряло вместе с актуальностью и профессиональный уровень исполнения.

В этой области подлинными шедеврами стали произведения В.И. Агева, который всегда отличался своей независимостью и узнаваемой яркой манерой письма. В картинах «К.В. Иванов на празднике хора низовых

чуваш в 1912 г. Деревня «Тăхăрьял» (1987) и «Народный поэт К.В. Иванов на празднике хоровода в 1912 году» (1988–1989) он показывает именно глубокую связь поэта со своим народом.

Не всякое реалистическое искусство советской эпохи можно приписать к «соцреализму». Это направление имело крепкие корни в демократическом искусстве второй половины XIX в., развивавшемся на основе академической школы, но черпающем темы из окружающей жизни. Последователи И.Е. Репина работали главным образом в жанрах портрета, натюрморта и пейзажа, редко обращаясь к тематической картине. Обладая высоким профессиональным мастерством, выпускники Ленинградского института живописи, архитектуры и скульптуры Р.М. Ермолаева и В.С. Гурин, затем и их коллеги и ученики П.Г. Григорьев-Савушкин, Ф.П. Осипов, В.Л. Немцев, П.П. Козлов и другие живописцы в 1950–1960-х гг. воспели и в полной мере передали в своих картинах красоту и многообразие окружающего мира, что можно было сделать в тех условиях лишь в формах реалистического искусства. Для них актуальными были темы не «масштабные», а «вечные». Эти качества делали каждое их произведение значительным, а в каждом портрете или натюрморте ощущалось самое искреннее переживание художника. Из-под кисти Р.М. Ермолаевой в 1950–1960-х гг. вышли «Юннатка», натюрморты «Сирень» и «Рыбы», портреты народной артистки Чувашии О.И. Ырзем, народного художника Е.И. Ефремовой. Пейзажи, ставшие классикой чувашского искусства, создали В.С. Гурин («Полдень на Волге»), Ф.П. Осипов («Большая вода», 1949), В.Л. Немцев («Красный домик», 1962). Графические и живописные портреты людей самых разных профессий, в том числе и творческих, написал П.Г. Григорьев-Савушкин (портреты учительницы Полидоровой, доктора филологических наук В.Г. Егорова, народного художника Чувашской АССР, заслуженного деятеля искусств РСФСР М.С. Спиридонова и др.). В целом, творчество известных художников Чувашии старшего поколения с началом перестройки мало изменилось.

В последнее десятилетие XX в. еще работали П.П. Козлов, А.В. и Л.М. Акцыновы, В.И. Белов и др. В 1990-х гг. П.П. Козлов пишет не только замечательные, «ароматные» летние пейзажи и натюрморты, но и «сюжетные» портреты, в которых остается верен своей теме. В «Автопортрете» (1991) и полотне «Лето красное» (1996) он изображает героев в деревенском интерьере, среди рукотворных вещей, где благоухают яблоки и огородная снесь. В картине «Портрет И.Г. Наумовой в старинном костюме» (1996) художник обращается к истинным ценностям уходящего времени. Для него нет иной красоты, кроме красоты родной земли и дома.

Одна из последних работ В.И. Белова – «За что?» (1990) – выразила, на наш взгляд, новое осмысление старшим поколением исторических событий советского времени. Сюжет ясно прочитывается: пожилые крестьянин и крестьянка, интеллигент, хрупкий подросток – все они попали в кровавое жерло коммунистической государственной машины. Художник нашел адекватное трагическому событию живописное решение: монохромные серые

фигуры, застывшие на горящем красным пламенем горизонте, как будто олицетворяют тысячи расстрелянных, ни в чем не повинных людей. Красногвардейцы с револьверами вокруг них – такие же жертвы своего времени. Надо отметить, что эта тема была замечательно решена П.В. Павловым в картине «Раздумье» из цикла «Земля» еще в 1977 г.

Творчество Н.П. Карачарскова, также выразившего себя в рамках реалистического искусства, – еще одна яркая страница в изобразительном искусстве Чувашии. Талант и энтузиазм, с которым он работает в жанровой картине, позволили ему создать интересные и оригинальные работы, центральной темой которых стали история и жизнь советской деревни. В его работах от солнечного раннего «Портрета птичницы Л.И. Агаковой» (1959) до глубоких образов крестьян в серии «Люди колхоза “Янгорчино”» 1970–1980-х гг. и монументальных произведений «Победители. 9 мая в Янгорчино» и «Чувашская рапсодия», мы видим претворение современных идей и собственных предпочтений проверенным методом реалистической живописи.

Интересным и ярким явлением стало творчество Р.Ф. Федорова, попытавшегося синтезировать в своей живописи достижения различных культур. Исследователи изобразительного искусства Чувашии Н.В. Воронов и А.А. Трофимов писали о нем: «Р. Федоров внимательно изучал русское искусство – иконопись, картины А. Архипова, Ф. Малявина, перспективные построения К. Петрова-Водкина... В творчестве Федорова традиции русского и чувашского искусств сплелись органично и целостно в совершенно новой, свободной и современной интерпретации. <...> Художника интересуют прежде всего люди, человеческое в человеке, а не национальная принадлежность»². Есть смущающее противоречие в оценке учеными творчества этого живописца в том же тексте, где они называют его одним из значительных мастеров чувашской национальной школы живописи. В чем причина столь расплывчатых определений? По нашему мнению, Р. Федоров далек от поисков «национального языка» живописи. Заимствование художником изобразительного языка разных культур поначалу вывело его на новый путь живописных поисков, где он достиг блестящих результатов. В живописном полотне «Сеспель» (1969) он «продирается» сквозь идеологизированные мифы о революции, создавая яркий и трагический образ поэта. Значительным успехом стала его монументальная картина «Фреска о хлебе» (1985), давшая одну из наиболее глубоких характеристик чувашского народа – труженика и землепашца. Однако рационализм, лежащий в основе поисков художника, заставлял его двигаться к новым формальным решениям, но отнимал у картины живое чувство сопереживания, глубокого проникновения в народное художественное мышление. Говорить о целостности творчества Р.Ф. Федорова как одного из ведущих мастеров республики невозможно. Уже в 1980-х гг. появляются работы, в которых заявлены серьезные темы, но они не стали событием в художественной жизни республики, даже несмотря на их значительные размеры. Так, в картине «Земля поэта», снова

изображающей М. Сеспеля, или в трагическом полотне «Лбищенская трагедия», рассказывающем о последних часах жизни В.И. Чапаева, появляются манерность и прихотливая декоративность, которые все более и более становятся характерными чертами живописи Федорова.

Если уж говорить о национальных чертах в изобразительном искусстве, то наиболее интересными и значительными в этот период стали картины В.И. Агеева, во многом определившие своеобразие чувашской живописи. Начиная с конца 1960-х гг. он упорно искал то главное, что могло бы выразить мировоззрение и характер народа. В то время, когда В.И. Агеев начал свой путь, подобные проблемы широко не обсуждались, хотя в творческой среде интерес к национальной культуре уже возникал штрихообразно рядом с главной линией развития советского искусства – его интернациональностью. Лишь А.И. Миттов пробивался интуитивно сквозь идеологизированные штампы к этому «жизненному ядру» чувашской культуры. Но формальная сторона его искусства, новый изобразительный язык обществом пока не воспринимались.

В отличие от Миттова, Владимир Иванович Агеев выходил на новый путь в более привычных формах. Сначала интуитивно, затем совершенно осознанно он сумел выразить в своих произведениях народные эстетические представления. Уважая, любя свой народ и веря в него, он ощущает его историю, начинающуюся на этой территории еще в VII в., как свою собственную и всего своего рода. Ощущает корни, питающие «тотальную мощь бытия», возвращенную чувашской землей. Так, в обряде застолья есть момент, когда мужчины встают из-за стола, чтобы исполнить величественную старинную песню «Алран кайми аки-сухи». Подняв чаши высоко в руках, они начинают ее в глубокой тишине. Издалека набирая силу, разрастаясь, звучит мощный хор, тревожа сердце своей силой и высокими словами любви и почтения:

Из рук не выпускаемые плуг-соха,
Из памяти не выходящие отец-мать!
Тура-Пюлеха старше нет,
Отца-матери дороже нет!

Вся мудрость предков и весь смысл земной жизни заключены в простых словах этой торжественной песни, ставшей неофициальным гимном чувашского народа. Охваченные единым чувством, суровые мужские голоса, то угасая, то взлетая ввысь, произносят святые для чуваша заклинания, рождают картины родной земли и образы ушедших предков. Утверждением жизни, пониманием главных ее ценностей преисполнены они. Так и картины Владимира Агеева, они кажутся нам полными мощной, из глубины веков идущей, животворящей силы. К этому он пришел долгим путем поисков, усиливая внешний сюжет внутренней философией. Это понимание своего, родного, исконного постепенно становится одной из определяющих линий в чувашском искусстве.

В реалистическом направлении живописи важны и формальные, технические стороны мастерства, так как они находятся в неразсторжимой связи с содержанием, отражая, несомненно, внутренние его импульсы. В изобразительном языке В.И. Агеева: манере письма, фактуре красочного слоя, колористическом и композиционном строе – казалось бы, внешне мало что меняется. Но в своих изысканиях он движется по восходящей линии: от академической школы к высшему реализму – рембрандтовского порядка. Он художник, мыслящий свою картину Космосом, в котором частица его – чувашский мир, со всем его прошлым и настоящим. Он историк и исследователь, создавший собственную теорию живописного полотна. «Картина не географическая карта, чтобы на ней было зафиксировано 100 % предметного мира»³, – говорит художник и рассказывает о том, что очень важно понять взаимоотношения предмета и фона. Весь мир – фон. Он же есть Космос, подвижный и изменяющийся каждое мгновение. Предметом становится та его часть, которая необходима художнику сейчас для выражения своей идеи. Надо «остановить» этот предмет, выделить его из общего фона. Это можно соотнести с теорией атомного ядра, вокруг которого движутся элементарные частицы. Она апробирована художником на сотнях холстов. Движение частиц дает нам представление о целом, выделяя то один, то другой ракурс. Мы не можем видеть все сразу. Так и художнику приходится выбирать из множества деталей одну, и только это дает возможность увидеть целое и главное.

Сформировав свою теорию и постоянно следуя ей в работе, В.И. Агеев обрел невероятную свободу. Высокий артистизм исполнения, композиционная сложность сюжетов, предельная эксплуатация цвета остаются и до сегодняшнего дня характерной чертой его картин. Но все эти живописные полотна, изображающие исторические события и мифологические сцены, картины деревенской жизни и портреты, были бы просто великолепно организованной композицией, если бы не то, о чем болит душа художника, что понятно и нам. Мудрые крестьяне, привыкшие терпеть и надеяться, отчаянные воины, обольстительные девы и усталые женщины... В его «космических» размышлениях много чувства, в красочной стихии – живое ощущение жизни. Вся глубина внутренней жизни художника – на животрепещущей поверхности холста.

Творческий путь Владимира Ивановича Агеева сложен, и прост одновременно. С одной стороны, его искусство вписывалось в «рамки» официального реализма и внешне не противоречило ему. Оно формировалось в его недрах и в целом сохраняло принцип внешнего жизненного правдоподобия. Сложность картин художника именно в том, что национальная природа его образов и символов не лежит на поверхности. Кажущаяся традиционность таит в себе мощную внутреннюю силу – важную тему, высокую идею, большое чувство. И это оказалось не пустыми словами, как это было с официальным искусством, которое декларировало те же идеи. Однако со временем стало ясно, что почти все художники, писавшие на историко-революци-

онные, ленинские и другие темы, сошли со сцены. Художников, способных самостоятельно осмыслить новые темы и другие исторические пласты, осталось единицы. Более того, оказалось, что в последние десятилетия нет никого, кроме Агеева, кто бы работал в историческом жанре в традиционном его понимании. Это один из самых сложных жанров искусства, ведь реальные события прошлого во многом закрыты от нас пеленой времени. Историки дают лишь тему, иногда сюжет для воспроизведения. И только большой художник силой своего воображения и интуиции воспроизводит яркие картины былой жизни. В.И. Агеев обладает особой способностью проникновения в глубь исторического времени и пространства. Изображение прошлого – не красивая сказка о подвигах предков, весьма воинственных. В историческом и мифологическом жанрах он воссоздает не предметный мир глубокой старины, а яркие и живые образы, очень сильные по своей психологической характеристике. В картине «Казнь пугачевца-чуваша» художник изображает в образе распятого героя самого себя, тем самым обозначая причастность ко всем событиям исторического прошлого своего народа. Как всегда, огромная внутренняя энергия и дух сопротивления живут в агеевском герое. Сила его взгляда и физическая мощь, бурное «движение» фона и цветовые контрасты – все служит идее художника: чувашский народ, переживший самые трагические события истории, сохранил себя и свою культуру для будущего. В.И. Агеев создает картины о далеких битвах под стенами великих городов наших предков – Биляра и Сувара, о пугачевщине и языческой архаике, исторические портреты ярчайших людей нации – К. Иванова, Н. Бичурина. Причина успеха художника в том, что он всегда был предельно честен в своем искусстве и остается таковым. Абсолютное нежелание вписаться в «общественную» жизнь (читай, в официальную иерархическую систему) местного Союза художников позволило ему остаться яркой индивидуальностью. Владимир Иванович понимает удел художника как полную самоотдачу на этой стезе.

Изобразительный язык еще одного живописца, движущегося к постижению сущностных тайн природы «чувашского мира», также лежит в рамках реализма и также разительно отличается от традиционных приемов искусства этого направления. Реализм картин Н.А. Енилина очень условен и далек от тезиса: «Отражение жизни – в формах самой жизни». Любое изображение пейзажа (не этюда, конечно, а картины) оборачивается у него в монументальное, эпическое полотно, где всегда присутствует ощущение земли-матери, непрерывности времени и родовой связи со своими предками, выраженное каким-то необъяснимым образом, невероятной силы внутренним чувством. Ритм композиционного построения, преобладание «земляных» красок, приглушенный, «тихий» колорит вслед за воображением художника уносят нас в далекое прошлое, где среди холмов и оврагов «как будто есть матери голос»⁴. В полотнах «Земля» (1973–1974), «Сенокосная пора» (1976), «Ожидание» (1978), «Здесь матери водили хороводы» (1984–1985), «Матери ждут» (1994) и др. есть обобщенный образ родины. Характерные для

Чувашии волнообразные линии холмов, будто застывшие, как изваяния, фигурки людей, прозрачность их силуэтов придают картине некоторую архаичность и символизм. Это мироощущение, присущее художнику, позволяет ему удивительным образом, оставаясь в стороне от новых тенденций этнофутуризма, быть в авангарде поисков национального языка в живописи. Творчество Николая Енилина несет на себе печать его индивидуальности, талантливой и самобытной. Он художник, который чувствует и знает прошлое на уровне подсознания и не боится возвышенного, эпического языка искусства. Ориентация на старину, способность увидеть неизменные черты жизни и характера чувашей присущи отнюдь не многим современным художникам.

Конец 1960 – начало 1970-х гг. ознаменованы появлением в искусстве Чувашии новых тенденций, расходящихся с академическим направлением. Речь идет, прежде всего, о «суровом стиле», отразившем усиливающееся чувство кризиса, внутреннего раздвоения общества «развитого социализма». Восприняв творческие идеи этого стиля, выпускники Московского художественного института им. В.И. Сурикова Николай Егорович Егоров и Петр Васильевич Павлов привнесли в чувашское искусство новые ценностные ориентиры, которые уже формировались, как мы видели, и на собственной почве чувашского искусства. Появление молодого поколения живописцев активизировало творческие поиски чебоксарских мастеров. Перенесение акцента с праздничных, «бесконфликтных» событий на будничные позволяло взглянуть на реальные человеческие проблемы, ярче выявить личностные качества и, в итоге, духовное состояние всего общества. Эти тенденции, подхваченные многими художниками, породили произведения самого разного формата: масштабные исторические полотна и камерные психологические портреты, тематические натюрморты и пейзажи, в которых настроение и философский подтекст преобладали над реалистическим отображением.

Каждое появление «суровых» полотен П.В. Павлова на выставках становилось значительным событием. «Ополченцы Красной гвардии» (1969), «Земля» (1971), цикл таких же большеформатных картин под названием «Земля» («Красные пахари», «В партизаны», «Раздумье», «Рожь»), картина «Год 1941-й» из цикла «Без вести пропавший» (все – 1977) показывают эпизоды Гражданской или Великой Отечественной войн. Бедствия, прошедшие через судьбу каждого человека, запечатлены художником как глубоко личные переживания. Герои его картин часто оказывались в ситуациях, которые требовали от человека важного, иногда судьбоносного выбора жизненного пути. Не раз этот выбор был трагическим, что характерно для тематических картин «шестидесятников». Полотна П.В. Павлова монохромны в цвете, аскетичны в выражении чувств, строги в изображении деталей. Однако именно эти качества заставляют нас пережить их предельную идейную и эмоциональную наполненность. Не являясь ни бытовой, ни исторической картиной в привычном понимании этих жанров, полотна художника являются вершиной такого художественного явления, как «суровый стиль», в котором монументализация и драматизация событий дополняются искренностью и

ясностью авторской позиции, часто противоположной принципам социалистического реализма. В 1980–1990-х гг., наряду с работой в портретном жанре, художник продолжает эту тематику в картине «Похороны коммунара» (1985). Из-под кисти Павлова появляются и картины на сюжеты из истории Чувашии. Это в первую очередь картины из цикла «Песни старой Чувашии» (1987–1990) – «Мать», «Семья», «Когда очистились холсты». П.В. Павлов находит новые мотивы, в них звучат новые, более мягкие, лиричные интонации. Высветляется и колорит полотен. Новая живописная линия имеет место и в пейзажах художника.

Н.Е. Егоров, создавший ряд картин разного жанра, в том числе и сюжетные, оставался верен «суровому стилю» вплоть до начала 1990-х гг., когда он оставляет светскую живопись, став церковным художником. Для произведений, посвященных мирному труду («Портрет капитана В. Галкина», 1979; «Люди трассы», 1984; «Дядя Аркадий – колесный мастер», 1990), характерна камерность тем. Наиболее ярко «суровый стиль» проявился в его натюрмортах – «Земля дедов» (1977), «Натюрморт с хмелем» (1979), которые сегодня представлены в экспозиции Художественного музея.

В этом стиле работает и выпускник факультета прикладного искусства Московского текстильного института Анатолий Александрович Силов, оставивший в последние десятилетия гобелены ради живописи и графики. Обширная география его поездок по всему миру, в первую очередь по странам Африки органично соединила в картинах художника декоративную манеру письма с живыми впечатлениями от экзотической природы и культуры туземцев. Вообще, хочется отметить, что мода на декоративные эффекты в живописи широко распространилась среди современных авторов. Вслед за старшим поколением (Р.Ф. Федоров и др.) этим увлекаются многие молодые: О. Кокорина, Г. Кабилова, Е. Туманова. Однако большинство картин А.А. Силова отличается динамической ритмикой, перевозчанной, мощной энергетикой, почерпнутой из тысячелетней культуры древних народов.

Возвращаясь к петербургской академической школе, которая традиционно дает Чувашии значительное количество профессиональных живописцев, назовем имена среднего поколения художников. В 1970–1980-х гг. окончили «репинский» институт и вернулись в республику Ю.А. Бубнов (1979), А.М. Федосеев (1983) и Н.П. Комаров (1988). В годы их учебы в Академии художеств, которая традиционно считалась консервативной, наместились большие перемены. Появление в ней таких мэтров живописи, как Е.Е. Моисеенко, Б.С. Угаров и А.А. Мыльников, и признание правомерности свободной манеры письма, иногда отказа от правильного академического рисунка ради выразительности композиции открыли большие возможности для проявления индивидуальности художника. Естественно, это предопределило уход большинства художников от метода «соцреализма». Большим творческим диапазоном обладают и чебоксарские художники. Они восприняли и тот высокий строй, и гражданственную позицию, что было в творчестве их учителей.

Юрий Александрович Бубнов, по специальности художник-реставратор, удачно выступил как живописец-станковист. Им написаны портреты архитектора Т.В. Ижановой (1985) и художника Е.П. Сизова (1989), портрет-посвящение «Саша. (Памяти художника-реставратора А.А. Комарова.)» (1984–1985). Во всех есть яркая индивидуальная характеристика, дополняемая окружающей атрибутикой. Главное, в портретах художника всегда присутствует эмоциональное напряжение, глубина раскрытия образа. Острая, несколько графичная манера письма усиливает это впечатление. Многофигурным историческим картинам «Чебоксарские комиссары. 1921–1924 гг.» (1987), «Восстание. (Въезд Пугачева в Чувашию.)» (1991–1998) также присущи выразительность композиций, динамичность ритмического построения. Однако в них больше театральности, нежели глубины раскрытия трагических событий истории.

А.М. Федосеев, окончивший живописный факультет по мастерской академика Б.С. Угарова, ныне заслуженный художник России, стал одним из ведущих живописцев республики. Он не отличается большим количеством созданных работ, но каждая из них, будь то портрет, пейзаж или жанровая композиция, современна и актуальна по содержанию, свежа по композиционному решению. В художественном воплощении выбранного сюжета, его оригинальном осмыслении и обостренном чувстве современности – во всем очевидно интеллектуальное начало. Под лаконичным формальным решением А.М. Федосеев шифрует приметы современной жизни, ее духовных поисков и потерь. Начиная с самых ранних работ – «Дорога» (1983), «Вечер в городе» (1988), «Туман и люди» (1991) – определились стиль и тематические предпочтения художника, склонного к анализу и размышлению. Ради достижения художественной правды он рисует реальные картины жизни, которые, тем не менее, кажутся фантастическими, придуманными им ради выражения своих идей и мыслей. Они действительно вызывают в зрителе необычайно сильное ответное чувство и интерес.

Светлую, импрессионистичную живопись принес в чувашское искусство Анатолий Петрович Рыбкин, сегодня петербуржец, но выросший в д. Вурманкасы Мариинско-Посадского района и получивший начальное художественное образование в г. Чебоксары. Уже первое его возвращение в Чувашию в 1996 г. со своей персональной выставкой осталось в памяти ярким событием. Откровением стали картины, где он явил свои размышления и чувства к родной земле, дому, матери, свой восторг перед сущим. Такая открытость, немыслимая в рамках официального искусства прежде, явилась, как кажется, знаком нового времени. «В жизни самообнажаться душой неприлично, – пишет он в дневниках. – А как в живописи? Если она не на заданную обществом тему, а выплескивается прямо из души твоей, и потому она и живая, живопись эта...»⁵ Художник «неординарного композиционного мышления» и невероятно чувствительный к любому проявлению жизни внес в чувашское искусство необыкновенную теплоту. «... Очередной круг во времени, и прохождение очередного витка в пространстве завершается возвра-

щением в родительский дом. Здесь набираем в легкие чистый воздух, отогреваемся у родного очага, наполняем душу покоем»⁶, – говорит художник. Ему непременно надо передать красками этот тихий поток жизни, потому что день уходящий может стереть в душе самые яркие впечатления. Он пишет свои переживания, не откладывая на потом, ибо невозможно остановить этот поток изменений, что называется жизнью. Наиболее яркие пейзажные и портретные образы художника служат одним из средств не внешнего, но глубинного выражения национального характера и национальной идеи. Новую струю внес Анатолий Рыбкин и в портретном жанре. Тревожно звучащая нота ускользающей красоты, уходящей из человеческих взаимоотношений гармонии.

Творческая индивидуальность А.П. Рыбкина предопределила и особенности его почерка, стиля. Формальная сторона его живописи чрезвычайно привлекательна. Трепетность мазка, переливчатость воздушного потока, который он непременно хочет передать в своих работах, легкость, с какой он рисует и выстраивает свои оригинальные композиции, впечатляют. Оригинальность в соединении с простотой, вниманием к самым обыкновенным, даже бытовым вещам наполняет произведения А. Рыбкина поэзией и подлинной красотой.

Среди работающих в свободной живописной манере художников необходимо отметить талантливую молодую творческую пару – Елену Никифорову и Евгения Полякова, которые окончили в 1996 г. отделение живописи Красноярского художественного института, первая – отделение графики, второй – живописи. Крайне интенсивные цветовые решения, мощная экспрессивная манера письма, сюжеты, простые, как сказка со счастливым концом, – в этих картинах нет надуманности. Примитив в стиле Н. Гончаровой и М. Ларионова рожден их пониманием непреходящих ценностей жизни, их образом жизни вдали от столичной суеты, в своем особнячке на тихой улице г. Шумерля. Живя в провинции, они сохраняют в своих работах уровень высокого искусства, что бывает нечасто.

Сильно выраженное личностное начало становится все более важным критерием современной живописи. Самостоятелен на этом пути и Юрий Ювенальевич Ювенальев, с именем которого связана еще одна линия искусства, точнее сказать, пейзажного жанра. В его творчестве реализована так недостающая в чувашском пейзажном искусстве способность создавать не просто этюды, а картины. Любой ландшафт или его малая часть видится художником как законченный образ. Этому способствует, вероятно, избранная им тема, пока единственная в течение всего творческого пути, который начался еще в 1970-х гг. Тема эта – родная земля и родная деревня Аслыялы. Можно обозначить условные границы серий, выходящих из-под кисти художника: «Деревянные дома», «Крестьянский двор», «Деревья» и др.

Живописная манера Ю.Ю. Ювенальева ярка и легко узнаваема. Сформировались своя техника письма и колорит. Оставаясь в пределах tonальной живописи, художник насыщает пространство светом. Свет и воздух у

художника всегда выступают в роли главного организатора пространства картины. Они собирают все ее компоненты в единое целое. Особенно часто художник пишет полюбившееся ему вечернее предзакатное освещение, где лучи солнца мягки, но еще достаточно сильны, чтобы выстроить композицию, где звучат линии, силуэты и тональные контрасты предметов. Многие картины отличаются особой атмосферой погружения в патриархальное бытие. В статичных композициях, где пустынные дворы и улицы, незримо течет поток времени. В картинах «Старые ворота», «Дворик», «Звонница» художник пишет амбары и клетки, построенные еще прадедом художника – им около ста лет. Убедительность творческих достижений художника исходит в том числе и из этой конкретности изображаемого.

Деревня Аслыялы символизирует у художника тот порядок и строй, который отражает мировую гармонию. Она выражена через пейзаж со знакомыми домами и старыми деревьями, в листве которых запутались лучи солнца, через тишину над застывшей от мороза улицей и ощущения тепла, идущего от земли в летний день. Пейзажи художника не тождественны правдоподобному копированию красивых пейзажей. Через свои картины Юрий Ювенальев приобщает нас к пониманию всеобщего и великого. Его творчество хочется выделить как нечто существенное в чувашском пейзажном искусстве потому, что национальная тема решается им по-своему, самостоятельно и воспринимается как одна из значительных.

Продолжая разговор о пейзажном жанре, одном из главных в нашей живописи, необходимо сказать, что было написано много картин в традициях русской реалистической школы. На примере пейзажа можно рассмотреть тенденции чувашской живописи в целом, ибо этот жанр ярко выражает общую линию искусства. Характерный для большинства художников стиль определился еще в начале XX в. и имел место в течение всего столетия. Очень важно, что вторая половина века явила в этих рамках высокопрофессиональное искусство, которое, к сожалению, постепенно теряло эпическую форму, манера пейзажистов нивелировалась, задача создания картины-пейзажа уходила, на выставках оставались главным образом этюды, во многом потерявшие художественное качество. Наиболее яркими пейзажистами последней трети ушедшего столетия стали художники-реалисты Е.А. Вдовичева, Л.М. и А.В. Акцыновы, В.Л. Немцев, обладавшие светлым восприятием жизни. К выдающимся их работам можно отнести и произведения, созданные в жанре натюрморта. Так, «Черемуха» (1991) и «Сирень» (1993) кисти Евгении Аркадьевны Вдовичевой, «Калина красная» (1982) Виктора Леонтьевича Немцева, «Чувашия» Раисы Фоминичны Терюкаловой представляют наивысшие достижения чувашской живописи в этом жанре.

Собственным почерком обладал М.Е. Егоров, создавший целую галерею пейзажей Заволжья. Линия эпического пейзажа была подхвачена А.В. Даниловым. Первые его произведения выделились и монументальностью формы, и звучностью цветового решения, восхищали неординарностью подхода и широким обобщением. Никого не оставили равнодушным его изображения ха-

рактрных для Чувашии овражистых, холмистых ландшафтов с вековыми деревьями. Так, картина «Конец августа – конец лета» с ее главным «геро-ем», кряжистым дубом, кажется, символизирует чувашскую природу. Одно из лучших произведений А.В. Данилова – «Одинокий дуб» (1986). Пейзажи родного края, исторической части Чебоксар написаны Н.И. Садюковым. Чаще всего они камерны, но художнику присущи и обобщающие, монументальные образы. В картинах «Весна. Пробуждение» (1983), «Родина» (1986), при относительно небольшом размере и мягком, сгармонированном колорите, присутствует ощущение широкого пространства, даже величия.

По этому пути идут во многом И.И. Даренков (например, в полотне «Вечер», 1991), В.А. Иванов («Весна на Диксоне», 1991; «У Карского моря», 1994). Среди художников следующего поколения – В.В. Мытиков («Предчувствие весны», 2000).

Говоря о пейзаже, снова хочется вспомнить А.И. Миттова, в творчестве которого ярко проявилось новое понимание пейзажа как некоей национальной составляющей. Лес, поле со стогами, деревенское кладбище, сцены жатвы или обрядовое действие в священной роще – это всегда отождествление материального и духовного, природного и человеческого. Отражая специфику «мифологического восприятия» крестьянином природы, эти пейзажи были началом нового освоения чувашской национальной культуры.

Стоит обратить особое внимание и на пейзажные произведения В.И. Агеева. Как уже отмечалось, в них живет мудрая народная мысль и чуткая душа чувашского крестьянина, его глубокое понимание смысла и красоты человеческой жизни и яркое эмоциональное восприятие окружающего мира. Наиболее величественной составляющей в картинах художника является природа. Своими лесами и глубокими оврагами она всегда была защитницей для чувашского народа, и он ее обожествлял. Представленная огромными вековыми вязами с узловатыми стволами, горячей, бугристой землей, затаенными речными затоками, маленькими полянами в лесной глуши, она почти одушевлена, но кажется иногда равнодушной к кипящим человеческим страстям и судьбам. Когда художник пишет свои динамичные многофигурные исторические полотна, изображение природы почти условно: только широкие мазки цвета и едва намеченные детали обозначают место действия. Но в жанровых полотнах природа развернута во всем своем великолепии, и она редко снисходит до маленькой человеческой жизни.

Художественно-графический факультет Чувашского педагогического института им. И.Я. Яковлева в 1970–1980-х гг. дает плеяду очень интересных, самобытных художников. Одной из главных фигур становится Н.С. Ведерников, закончивший этот факультет в 1965 г. и начавший преподавать здесь же в 1966 г. Он застал А.И. Миттова, который работал здесь с 1961 по 1964 г. после возвращения из Ленинграда. Под влиянием новых художественных идей Николай Ведерников начинает свой путь, во многом близкий по манере к художникам «сурового стиля». Но не раннего его периода, начала 1960-х гг., а более позднего – «интеллектуального», с его философичностью и обращением

к многозначным символам. В картинах «Из воспоминаний» (1975), «Микула Селянинович» (1977), в натюрмортах «Семена» (1979), «Чеснок» (1986) и в более поздних – «Натюрморт с хушпу» (1990), «Клюква» (1992) и др. – художник немногословен и мудр. Он находит глубинную связь с мировоззренческими ценностями русского и чувашского народов. Появившиеся на выставках произведения художника, можно считать, были первыми, что впоследствии отнесли к метафизическому направлению в живописи. Ограничив свои композиции минимумом предметов, он выявляет их суть, соединяет их внутренним смыслом, составляет из них гармоничное целое. Этому служат и основанная на тонких цветовых отношениях палитра, и трепетная фактура живописи. В полотнах Н.С. Ведерникова каждый предмет предстает в качестве некоего знака, «идеального типа».

Заслужив огромный авторитет среди студентов, Николай Сергеевич сумел воспитать в них самое серьезное отношение к своей профессии. Из его талантливых учеников стали замечательными художниками Н.Г. Кумбиров, В.Ф. Гришаев, С.Н. Кадикин, П.В. Петров, Е.М. Есин и др. Они ярко проявили себя в различных жанрах и видах искусства. В живописи Николая Кумбирова, в «Натюрморте с журналом “Творчество”» (1972), в более поздних композициях, таких, как «Млечный Путь» (1992), всегда присутствуют размышления о человеческой жизни и судьбе, о творческом пути художника. Так, и Владимир Гришаев, создавший значительные монументальные произведения в технике витража, мозаики и росписи, показавший себя как тонкий график, был в своих произведениях философом. Он оставил совсем немного живописных работ. Однако его триптихи «Забывтая земля» (1988) и «Натюрморт с халатом» явились в свое время откровением. «Говорящие» предметы – разрушающиеся дома, остовы колодца и сарая, кривая калитка, открытая в никуда, – они и были настоящим российской деревни. Привязанный к мольберту халат и два других, «восседающие» на стульях по сторонам от него, передают острое ощущение утраты в обществе духовных ориентиров и внутренней гармонии современного человека.

Линию «метафизического» натюрморта усилил Евгений Есин. Триптих «Старые вещи» (1988), «Бабушкин самовар» (1992), «Серебристый натюрморт» (1996) и др. – это рассказы не столько о предметах, окружающих человека, сколько о самом человеке. Строгие кубистические или изящные и прихотливые, они выражают и настроение, и мысли художника. Так же сложны и неоднозначны натюрморты Олега Польшяева и Максима Вдовичева, первый из которых весьма изыскан в своих цветовых поисках, второй – экспрессивен и резок.

Очень яркий след в чувашском искусстве оставил П.В. Петров, работы которого, появившись в начале 1970-х гг., сразу же сделали его известным и за пределами республики. Он из тех художников, кто своей интуицией, внутренним чувством предугадывает будущие перемены в духовной жизни общества. Как некий индикатор общественного духа, он отражает настроение, нараста-

ние трагического мироощущения современников. Безликая, монотонная жизнь «маленького» человека отчуждена от великолепия и мудрого устройства природы, которая в своем величественном безмолвии живет сама по себе, не замечаемая человеком. Немногословные произведения художника вызывают душевную смуту и протест, притом что мы не можем не видеть красоту окружающего мира в пейзажах художника. В его творчестве нашли отражение поиски российских художников философско-метафизического направления.

Таким образом, пейзажный жанр, на наш взгляд, наиболее разнообразно представил тенденции чувашской живописи. Кроме того, он ярко выражает общие направления искусства. В этом жанре решались некоторыми художниками проблемы национального характера и языка живописи, хотя основная масса пейзажистов оставалась в своем творчестве в рамках простого реалистического отображения визуального мира.

Что касается портретного жанра, то в чувашском изобразительном искусстве создана в течение столетия целая галерея образов. Являющиеся выражением идей и идеалов своего времени, они представляют также и замечательные индивидуальные портретные характеристики. Большая часть портретов исполнена в реалистической живописной манере, где в рассматриваемый период значительных изменений не наблюдаем. Разве что был утрачен в некоторой степени художественный уровень исполнения, каким обладали, например, Н.К. Сверчков, Ю.А. Зайцев, затем Р.М. Ермолаева, П.Г. Григорьев-Савушкин. Но, оставив в стороне традиционный «академический» портрет, рассмотрим этот жанр в творчестве таких неординарных художников, как В.И. Агеев и С.Н. Юхтар (Михайлов). Собственно портретов ими создано не очень много. Но их отношение к проблемам жанра лежит в русле поисков национального образа. Так, у Юхтара человек в миниатюрных работах существует как малая частица мироздания, зависимая от законов верховных сил. Это место человека, определенное всем строем мировоззрения чувашей, прочитывается во взглядах В.И. Агеева и во всех его произведениях. У С.Н. Юхтара это выражено еще ярче. Человек занимает здесь гораздо меньше места, чем, скажем, изваяния антропоморфных идолов, во множестве населяющих почти каждый его лист. Однако созданные Юхтаром редкие портретные образы не забываются. Один из первых – портрет поэта М. Сеспеля, где видим оригинальную, неординарную трактовку при всей внешней простоте изображения. Без всякого налета революционного романтизма, этот образ соединил в себе наивную веру 22-летнего юноши, почти мальчика, в скорое светлое будущее и горечь невыносимого разочарования. Странное соединение слабо прорисованного, нечетко очерченного лица и шершавой поверхности красочного слоя дают ощущение почти истлевшей фотографии, исчезающего образа.

Три портрета издателя В.С. Шипилевского, созданные Юхтаром, напротив, очень реальны, но фоном для каждого из них служат зыбкие, непостоянные и совершенно разные по формальному решению образы природы, искусства и поэзии. Яркую личность известного издателя и друга художни-

ка представляют не просто три изображения его в разном возрасте, но это три этапа в жизни, три ипостаси личности, которые приходится прочитывать, разгадывать и выстраивать по мере расшифровки всех деталей.

Есть интересное решение в чувашском искусстве исторического портрета. Этот жанр занимает значительное место в творчестве В.И. Агеева, чуваша, который своим внутренним чутьем, природной интуицией воспроизводит древние образы Аттилы и Алмуша, которых он знает и чувствует, как своих братьев. В них соединились философия и страсть, все поражения и победы, радость и боль своего народа. Образцом такого портрета предстала «Чувашка» (1989) Ю.П. Матросова, редко обращающегося к этому жанру.

Еще одной областью живописцев являются автопортреты и портреты творческих людей – артистов, поэтов, художников. Среди них можно выделить выдающиеся по мастерству работы А.М. Федосеева («Портрет художника Праски Витти», 1987; «Автопортрет», 2003) и Р.Ф. Терюкаловой (автопортреты разных лет; «Портрет Е.Е. Бургуловой», 1989). Ассоциативны работы А.П. Анохина, посвященные Р.М. Ермолаевой («Во имя любви», 2007) и И.Л. Козоровицкой («Вечерние воспоминания», 2007). Графичен и декларативен портрет художника Е.П. Сизова («ПЛАКАТ, ПЛАКАТ», 1989), написанный Ю.А. Бубновым.

Отдельного разговора заслуживает художественная линия, определяемая как этнофутуризм. Это искусство последних двух-трех десятилетий развивается в национальных республиках России. Оно получает мощную подпитку в самобытной традиционной культуре народов, живущих на ее территории. Не остались в стороне и живописцы Чувашии. Нами уже было отмечено, что гениальный Миттов первым поставил вопрос о создании национального языка искусства, побудил следующее поколение художников к поискам этого самого «национального».

Сюжетные композиции, портреты и пейзажи многих чувашских художников, кого волнует жизнь и судьба собственного народа и формирование собственного современного языка искусства, проистекают из обращения к прошлому. Это сплав из их собственных воспоминаний и сформированных веками представлений чувашей об окружающем мире. Это погружение в сферу уходящих народных традиций и родовых взаимоотношений. Отсюда рождается в картинах та ритуальность действий и торжественность постановки фигур. Они отсылают нас в прошлое. Художники как бы протягивают нить между поколениями, поворачивают нас лицом к уходящим отцам и дедам, чьи черты уже стираются в памяти, голоса забываются, но их дела и слова как будто определяют наш земной путь.

Особый композиционный прием, усиливающий это впечатление, – второй план как важнейшая составляющая картины. Смутные изображения-видения, иногда почти стертые очертания фигур создают пространство прошлого, которое символически присутствует в сегодняшнем мире. Этот прием мы видели первоначально у А.И. Миттова. Герои картин часто не инди-

видуализированы, а сюжеты не повествовательны. Обращаясь к форме иносказания и символа, им удается глубже проникнуть в суть патриархального жизненного уклада, характера чувашей, их нравственных и эстетических идеалов. Композиции, внешне статичные, за редким исключением (например, В.И. Агеев), дают впечатление живого и подвижного мира, воплощенного в легендах, песнях, народном фольклоре, но увиденного глазами нашего современника.

Оторванные в большинстве своем от непосредственной народной жизни, художники теперь уже горожане, тем не менее сохраняют в себе этот уходящий из нашей цивилизованной жизни корневой пласт ощущений и понятий. Это делает их живопись интересной и значительной.

Одним из первых (после А.И. Миттова), кто встал на путь поисков оригинального национального языка в изобразительном искусстве, стал Станислав Юхтар. Его творчество – бесспорный случай, когда талант и присущее ему ощущение современных художественных проблем поставили его на одно из заметных мест в чувашском искусстве. Древняя народная мифология и архаическая культура предков изучены им и использованы в новых формах. Произведения художника глубоко национальны, оригинальны и незабываемы по красоте исполнения. Они похожи на тончайший орнамент чувашской вышивки, богаты символическими элементами и знаками.

Со временем эти мотивы, органично вплетаясь в сложную полифоническую структуру произведения, теряли преобладающее значение, но не исчезли совсем. Орнамент выступает в новой роли как элемент, придающий ювелирную красоту аскетичному в целом строю картин. В сумеречном колорите «Танца на углях» или «Поминовения» из триптиха «Поминальные песни» (1991), где белеют, мерцают зыбкие силуэты женщин, акварельно тают контуры изб, тонко прорисованы складки одежд, не последнее место в создании художественного образа занимают филигранные орнаменты нагрудных и наспинных украшений рубах или головных уборов. Деликатно прочерченный рисунок монограммы, авторской подписи или текста старинной песни – еще один декоративный элемент произведений С.Н. Юхтара, органично вписанный им в художественную структуру.

В новых, оригинальных, появляющихся целыми сериями миниатюрных картинах Юхтара 1990-х гг. изобразительная канва становится еще сложнее. В них соединяются несколько временных слоев, изображения целого пантеона чувашских богов, фантастических животных, деревьев и трав. Монохромность цвета сменяется мерцанием старого золота, серебра и бронзы, многоцветьем различных предметов. В этих миниатюрах художник заново переосмысливает древние орнаменты и символы, превращает их в новые пластические образы. Дерево жизни, «тухья», «яркӑсем» (набедренные украшения) становятся центром композиции. Он утверждает их высокий художественный статус, проверенный временем, через декоративное великолепие.

Художник перестает быть аскетом. Теперь для него мир предков полон жизни. Усиливается сюжетная канва, где вольно уживаются реальные и фан-

тастические образы, миф предстает зрелищем, живой картиной из прошлого. Общий сумеречный колорит не позволяет охватить все детали картины сразу. Как будто сквозь пелену времен пытаемся мы рассмотреть происходящие события и детали прошедшей жизни. Это необычайно интересно и в полной мере дает нам эстетическое удовольствие. Художник достигает замечательного мастерства, прорисовывая тончайшей кистью каменную кладку древних болгарских крепостей и храмов, языческие святилища и орнамент трав. Графическая красота произведений С. Юхтара сродни ювелирной тонкости чувашской вышивки. Однако он сумел соединить графику с живописью, сохранив при этом удивительную цельность произведения. Это является наиболее заметной и оригинальной особенностью юхтаровского почерка.

Одной из лучших в этом ряду стала серия из пяти миниатюр «Палъксем» («Памятники»), посвященная доктору искусствоведения А.А. Трофимову. Здесь он окончательно отказывается от использования рельефных грунтов и работает в гладкой манере письма. Композиционный строй этих работ сложен, но гармоничен. Первый, поверхностный взгляд увлекает смелыми новациями: художник соединяет плоский орнамент и трехмерный объемный мир, он меняет реальные масштабы и пропорции предметов; рядом с языческими чувашскими памятниками и мифологическими образами возникают у него вавилонские и ассирийские, утверждая их родственное происхождение. Но в основе композиции всегда лежит расчет, который придает особую, магическую красоту графике фигур, цветовых пятен, линий и пропорций. С присущей ему интуицией и воображением С. Юхтар находит логику соединения, неразрывности всех этих предметов, явлений, образов, тянущих нить памяти от поколения к поколению до нашего времени. В этом едином потоке оправдано присутствие каждого предмета, детали, фигуры.

Эволюция творчества Юхтара очевидна. От поверхностного отношения к традиционным ценностям чувашского народа в ранний период творчества он очень быстро приходит к пониманию их как неизменного, выработанного народом в течение всей его истории наследия. Как оказалось, носителем народного мировоззрения и философии является сам художник, интуитивно нашедший для себя ориентиры именно в этой бесконечной глубине, художник, понявший, что он сам, вместе со всем своим родом, входит в эту систему. Он вживается в притягательный для него знакомый и незнакомый мир прошлого, ища в нем свои корни. Этим объясняется и появление в картинах Юхтара изображений себя, друзей, близких по духу художников. В миниатюрных размерах полотна эти портретные образы едва угадываются, но приобретают в контексте сказанного большое значение.

Снова обратимся к формальной стороне произведений. Эта сторона искусства меняется вслед за содержанием. Станислав Юхтар – художник, для которого важно не только что изобразить, но и как это сделать. Содержание картины, ее очевидные и тайные смыслы во многом определяются формой и силой мазка, его тоном и колоритом, динамикой штриха, выбором материала и многими другими компонентами. Юхтар много размышляет

над этими вопросами и, как истинный творец, бесконечно экспериментирует. Так, начав писать, как все живописцы, на холсте масляными красками, он скоро начинает производить опыты с грунтом, который становится рельефен, иногда даже объемен. Художник уже в первых работах добивается ощущения архаичности и некоторой графичности живописи, которая сродни изобразительному языку народного искусства. Однако эта фактура диктует лаконичность формы и скупость цвета, сопротивляется, не позволяет использовать многослойную тонкость письма. К художнику приходит понимание того, что миниатюрное письмо, которое скоро становится основным языком его живописи, требует основы более нежной, чем холст.

Изучая древние технологии, он останавливается на дереве, апробированном мастерами многих стран, и на темперной живописи, доведенной древнерусскими иконописцами до высокого совершенства. Обработывая доску, покрывая ее грунтом и паволокой, художник заранее ощущает возможности этого материала и техники, позволяющей рисовать и писать без предварительной прорисовки. Он выявляет из темноты фона светлые формы и мерцающие цвета, использует отмывки и трафареты, стирает четкие грани предметов тонкими прозрачными слоями, преодолевая плотность позолоты, рисует тончайшей кистью руны орнамента. Сквозь «старую» позолоту поверхности просвечивает темная основа, а световые приплески и тонкие пробелы дают ощущение светящегося внутренним светом пространства.

В рамках старой темы Станислав Юхтар находит все новые краски и мелодии, новые образы и выразительные средства. Яркая индивидуальность, зрелость и чутье художника, чьи мысли и стремления направлены на поиски национальной формы и содержания искусства, делают его одним из тех художников, которые полнее всего воплотили в своем творчестве духовный мир чувашей. Он дает необычайно тонкое и трепетное воспроизведение тайного смысла традиционных обрядов и современный взгляд на космогонические представления предков.

Очень важное место занимают этнофутуристические искания художников в поэзии Геннадия Айги, в которой, с одной стороны, мы видим инновационный характер, а с другой, опору на древние культурные пласты, на традиции народной песни, поэзии и другие искусства. Вспомним и слова А.И. Миттова: «В своей работе мне приходится опираться главным образом на чувашскую музыку, на чувашские народные песни, предания, поговорки, на родной чувашский язык»⁷. По этому пути пошли и другие художники, благо, вторая составная часть термина четко обозначает непреходящую актуальность этого искусства. С позиции этнофутуризма, это направление является одним из путей примирения традиционной и современной урбанизированной культуры. «Этнофутуризм – это искра, возникающая внутри культуры при соприкосновении двух полюсов ее сущности. Этими полюсами являются, с одной стороны, наиболее присущие и наиболее свойственные народу представления, с другой – самые новые, самые модернистические проявления мировой культуры», – написано в их программе⁸. Определяю-

щим и объединяющим художников этого направления выступает интерес к чувашской мифологии и в целом к архаической культуре.

Эта линия чрезвычайно ярко развивается в искусстве Г.Г. Фомирякова. По его художественной концепции, в чувашских мифах и легендах нет зла – изначально в человеке заложено только добро. Это утверждение он, кстати, попытался осуществить в экспозиции выставки «Белая Чувашия», созданной по его проекту (совместно с Г.Н. Орковым). Первочуваш – воплощение добра и света. Волнующая, чуть пугающая тайна прошедших времен отринута художником ради создания нового мифа. Он и Она (первочеловеки) возникают на наших глазах из потока мозаичных мазков самых светлых и ярких красок (в картине «Люди»). Конечно, фигуративность не исчезла совсем из полотен Фомирякова, но она теряет свою весомость, «телесность», плоть. Очень рационально создает художник угловатые, ломкие, почти прозрачные фигуры Мужчины и Женщины (Адам и Ева – сбиваемся мы на стандартные образы). Кажется, им высчитан каждый мазок: нет ни одного спонтанно рожденного, случайного. Так же методично разработан для этих фигур, изображенных во всю высоту холста, фон. Он представляет из себя бесконечное пространство, заполненное сотнями не сразу прочитываемых маленьких человеческих фигур, обозначенных светлым силуэтом. Они имеют не большее значение, чем травы, орнаментирующие землю. Возвышающееся в центре полотна «древо жизни» – стилизованный элемент чувашского орнамента. Он говорит нам, что эти люди – чувашаи. Возможно, художник идет по верному пути (если вообще верить в конечную его цель), отказываясь от «оптического» искусства и постоянно уходя от найденного. Только при этом чувашская идея все более приобретает вселенский характер – а это уже другая философия... Но оригинальный и глубокий талант художника стремится сломать привычные для нас рамки искусства, его бесконечные поиски ответов на поставленные им вопросы, наверное, не раз еще заставят самого художника и нас с вами взглянуть на современное национальное искусство, на его задачи по-новому. А серьезность и абсолютная неконъюнктурность творческих установок Г. Фомирякова, хочется верить, позволят ему приблизиться к искомому универсуму.

От груза урбанистических проблем художник стремится к деревенским избам, исполненным покоем вечерних сумерек, к теплым от солнца полям... Все это было отмечено искренним чувством молодого живописца и выделяло его среди многих. Новые работы, с которыми Г. Фомиряков появился на выставке «Мир этих глаз», а затем на «Белой Чувашии» после длительного перерыва, удивили совершенно новыми гранями таланта. Поворот в его творчестве был предопределен характерной чертой художника, когда постоянные сомнения и постоянный поиск заставляют двигаться вперед. В последних произведениях ясно определился его интерес к языческому прошлому чувашского народа, к истокам национальной культуры, который вел его по пути, не испробованному еще ни одним из чувашских живо-

писцев. Совершенно узнаваем его художественный язык, хотя он также постоянно трансформируется.

Сопоставление чувашских художников с мастерами Среднего Поволжья приходит непроизвольно: уж очень близки пути их поисков. Снова можно вспомнить одного из самых ярких марийских живописцев И.В. Ефимова. Они близки с Г.Г. Фомиряковым в своем стремлении найти первоначальную формулу искусства и в своем движении от реалистичной фигуративности к абстракции. Оба пришли к этому после долгих поисков и ухода от выставочной жизни. Хотя, надо отметить, что И.В. Ефимов раньше пришел в искусство и обременен уже многими регалиями.

Необходимо еще раз отметить, что в чувашском искусстве эти тенденции ярко проявились задолго до того, как были сформулированы программа и декларация этнофутуризма. Так, характерные его особенности ярко обозначились в творчестве известного художника Праски Витти, появившегося в Чувашии в середине 1980-х гг. И хотя главная область его творчества – художественные эмали, в живописи он также верен своему стилю и следует декоративности и плоскостности народных изделий. Большое внимание он уделяет знакам и символам древней чувашской культуры и мифологии, как носителям исторической и культурной информации. Параллели мы можем найти и в творчестве художника Измаила Ефимова и Юрия Таныгина из Марий Эл, Андрея Алешкина и Юрия Дырина из Мордовии, Александра Суворова, Алексея Чернышева и Виталия Окуна из Удмуртии.

Не умаляя значение художников-традиционалистов, отметим, что на рубеже XX–XXI вв. невозможно втиснуть в рамки описательно-повествовательной картины все результаты культурфилософского процесса нашего времени. Не каждый художник способен перестроиться на восприятие современности, новых основ жизни. Разрушение тоталитарной системы государства разделило наше общество на две половины: людей, всеми силами держащихся старых устоев, и людей, открытых новой реальности. Известно, что быть современным удастся не каждому человеку: это предполагает и широту взглядов, и знание исторических процессов и связей, и благожелательный интерес ко всему новому, даже в экстравагантных его проявлениях. Можно принимать или не принимать эту современность, но понять необходимо. Сегодня художнику нелегко сохранить свою индивидуальность в огромном потоке разнообразной информации после снятия идеологических запретов в стране, трудно удержаться и от соблазна пополнить ряды салонных художников ради легкого заработка. И многие из них припали к источнику древнего народного искусства. Чаще всего идеализируя кто языческие, кто христианские его стороны, они, тем не менее, открыли для себя не только разнообразие и выразительность художественной формы, но и богатейший духовный опыт предыдущих поколений, дающий необходимые ориентиры в поисках новых идеалов.

Рубеж XX–XXI вв. оказался для чувашского искусства очень сложным, как и для всего постсоветского искусства. Время поисков, период уз-

навания закрытых доселе целых пластов неофициальной культуры, андеграунда, способствовало продвижению новых форм и идей, характерных для всего европейского искусства. Возникнув в США в 50-х гг., искусство «новой реальности» – постмодернизм – оказалось востребованным в послепострестроечный период в России, в том числе и в Чувашии. В постмодернизме превалирует не авторский стиль, а нарочито стертый, банальный язык, разорванное сознание героя, фрагментарность повествования, внешняя «неотделанность». Композиция как плацдарм для бесконечных аллюзий, арена для интертекстуальных игр. Установка идет не на глубину или интенсивность, а на скольжение по поверхности. Исследователь современного искусства И. Хассан дал базовую таблицу, где схематически суммированы разбросанные по разным трудам формулировки различий между модернизмом и постмодернизмом. К постмодернизму можно отнести такие качества: открытая, разомкнутая антиформа, игра, случай, анархия и т.д.

Постмодернистское искусство включает в себя всю историю культуры – от архаики и примитивизма до наиболее актуальных художественных течений, а также художественный опыт всех стран и народов. Что еще очень важно, происходит резкое, во многом искусственное сближение высокой и массовой культур. Грани между ними размываются для создания новой реальности. Главным героем становится человек из «толпы». Качественное изменение искусства, конечно же, явилось следствием изменения нашего мира. Художники постмодернизма играют, иронизируют, фантазируют. Смысловые подтексты – неотъемлемая часть этого искусства. Картина составляет как мозаика – из отдельных жизненных явлений, ситуаций и образов, частных и деталей; без анализа и размышлений собирает художник постмодернизма картину мира, в реальность которого не верит в первую очередь он сам. В живописи, литературе, кино и театре – во всех видах искусства, как в зеркале, отразился мировоззренческий надлом современного человека. Рухнули мифы о прекрасном будущем. Реальный мир абсурден, но таковым он и принимается современным человеком.

Жанровая неопределенность, полистилистика, маргинальные темы и поверхностное их касание – вот характерные черты нового явления. Другой его стороной стали интеллектуальность, широта познаний, тонкое чувствование всего предметного мира и изящное его воплощение в живописи. Хотя нельзя отрицать в творчестве некоторых его представителей черты примитивизма и брутального цветового решения.

В чувашском искусстве волна постмодернизма распространяется со времени I Республиканской молодежной выставки 1988 г., когда впервые были представлены на суд зрителей произведения художников нижегородской группы «Черный пруд». Сами художники – великолепно образованные (кто-то учился в Петербурге, кто-то «самообразовался»), апеллирующие понятиями и терминами современного языка философии, цитирующие поэтов «серебряного века», музицирующие и, главное, имеющие собственный яркий, индивидуальный почерк в искусстве, – произвели огромное впечатление на мно-

гих чебоксарских художников. Близкий к ним своей эрудицией и внутренней раскрепощенностью, своими поисками в живописи и графике, И. Улангин стал первым на пути этого искусства. «Маленький», трогательный человек, с повседневными своими заботами, абсолютно лишенный отрицательных свойств, а главное, агрессии и не сопротивляющийся злу, переходит из холста в холст, из листа в лист. Помещенный иногда фантазией художника в странные интерьеры, пейзажи и ситуации, он становится занимательным объектом, которого, кажется, рассматриваешь в микроскоп, тогда как он об этом и не подозревает.

Множество направлений и течений в искусстве раскрепостило творческие возможности этих художников. Свобода, воспринятая молодым поколением как обязательная составляющая жизни искусства, создала яркую картину сегодняшней художественной жизни, однако она стала пробным камнем для многих из них. Отсутствие необходимого профессионализма породило значительное количество дилетантов от искусства, что также является характерной чертой сегодняшнего дня.

Профессиональное изобразительное искусство Чувашии со времени зарождения насчитывает почти сто лет. За это время прожиты десятки ярких творческих судеб, созданы тысячи произведений. В разных видах искусства – живописи, скульптуре, графике – отражены история страны, философия времени и эстетические идеалы. Развиваясь в контексте реалистической русской школы, чувашское искусство не выходило за ее рамки. Не сразу оно стало самостоятельным и выросло до проблем национального характера. Однако вторая половина XX в. стала периодом, когда, опираясь на достижения предыдущего времени, достигнув необходимого уровня профессионализма и зрелости, искусство выдвинуло ярких и оригинальных художников, которые сумели осмыслить и выразить национальную самобытность и своеобразие чувашского народа.

Одна из интереснейших проблем современного искусства – возникновение новых художественных форм на основе старых традиций, соотношение общих тенденций и индивидуального в творчестве тех немногих мастеров, которые обратились к этим традициям. Народное искусство, имеющее тысячелетние корни, стало предметом изучения не только художников-прикладников, но и живописцев и графиков. Причиной появления этого нового веяния является та культурная ситуация, которая побуждает современного человека обратиться к национальной истории, повышает интерес к мифологии, фольклору, древним формам искусства. Оно подпитывается исследованиями историков, археологов, этнографов и других ученых. Появляются все новые и новые публикации, приоткрывающие страницы прошлого.

Сильно еще поколение художников, создававших в советское время картины большого социального значения, картины, отражающие важные события современной жизни, лучшие ее стороны. Но потребность в подобных полотнах сегодня исчезла вместе с тоталитарным государством. Новая реальность предъявляет и новые требования к искусству. Они, на наш взгляд, в

значительной мере реализуются в чувашской живописи. Здесь работают мастера, для которых были и остаются главными ценности общечеловеческого характера, духовные и культурные сокровища своего народа, не поддающиеся сиюминутным конъюнктурным требованиям. Их ярко индивидуальное, интеллектуальное творчество выводит чувашское изобразительное искусство на новый уровень. Здесь также работают художники, основой искусства которых стали смелые эксперименты и поиски новой формы выражения реального мира.

Сегодняшний день изобразительного искусства Чувашии отмечен утратой монолитности. Оно встало перед выбором многообразных художественных идей и форм самовыражения. Пути художников разошлись по разным направлениям. Однако проблемы национального самосознания стали определяющими. Огромный интерес современного общества к национальной истории и культуре, понимание народного искусства как наследия огромной ценности определяют сегодня творческие поиски разных поколений художников.

Литература и примечания

¹ Горюнов В.П. От цивилизации к постцивилизации // Человек и современный мир. СПб., 1997. С. 29.

² Воронов Н.В., Трофимов А.А. Изобразительное искусство Советской Чувашии. М.: Советский художник, 1980. С. 10.

³ Из бесед с художником в 2006 г.

⁴ Айги Г.Н. И: склоны поля // Стихи разных лет, 1955–1989. М.: Советский писатель, 1992. С. 110.

⁵ Волны моей жизни: альбом / сост. В.С. Шипилевский, Д.Ш. Гайнутдинов, А.И. Мордвинова, Х.Д. Гайнутдинов. Чебоксары, 2004. С. 32.

⁶ Там же. С. 15.

⁷ Анатолий Иванович Миттов: воспоминания, стихотворения. Очерки, художественно-критические статьи. Дневниковые записи, рассказы, стихи художника / сост., прим. и коммент. О.В. Таллеровой-Миттовой. Чебоксары, 1990. С. 59.

⁸ <http://suri.ee/etnofutu/texts/obraz.html>.

A.I. Mordvinova

TENDENCIES AND NAMES IN THE CHUVASH PICTORIAL ART OF THE END OF THE 20th – THE BEGINNING OF THE 21st CENTURIES

Topic areas have extended in the pictorial art of Chuvash artists of the end of the 20th century. Keeping the traditions of realistic art, it found new forms, too. The “severe style” given rise in the Moscow art got a wide circulation. Reflection of great interest of creative elite to national culture was the birth of ethnofuturism, which became the brightest expression of the distinctive character of the Chuvash art. Manifestations of post-modernist perception of the world of modern in the works of painters found a situation, too.

Keywords: pictorial art of Chuvashia, Russian fine arts, realistic art and new directions, classics and new names.

ЧГВ, 2014 г., № 9
© Э.Е. Лебедев

**СТРУКТУРАЛИСТИЧЕСКИЙ
ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ
ГЛАГОЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ
В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ**

Структурная грамматика – научное течение в лингвистике, возникшее в начале XX в. благодаря трудам выдающегося швейцарского языковеда Ф. де Соссюра. Она представляет собой концептуальное учение о языке, включающее в себя базовые положения о языковой системе, взаимосвязях ее компонентов, языковых уровнях и т.д. В статье предпринимается попытка описания основных элементов морфологической системы глагола в чувашском языке – грамматических категорий – через призму структурной грамматики.

Ключевые слова: структурализм, система языка, языковые уровни, глагольная морфология, грамматическая категория.

В настоящей статье ставим цель рассмотреть основные положения структурной лингвистики, выработанные с момента ее возникновения, и применить некоторые из этих положений в отношении системы глагольных словоизменительных форм и категорий в чувашском языке.

Структурное направление в лингвистике ведет свое начало с трудов выдающегося швейцарского ученого-языковеда Ф. де Соссюра. В сборнике его лекций «Курс общей лингвистики», ставшем своего рода фундаментом, на котором развивается современное языкознание, выдвигается ряд основополагающих тезисов этой отрасли науки, такие, как четкое разграничение понятий «язык» и «речь», представление языка в качестве знаковой системы, диахрония и синхрония в языке и др.¹

Традиционно выделяются три классические школы структурной лингвистики – пражская школа, выражавшая идеи функциональной лингвистики (под руководством Н.С. Трубецкого и Р. Якобсона), копенгагенская школа,

Эдуард Евгеньевич Лебедев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: edlebed@gmail.com.

где разрабатывалась теория глоссематики (Л. Ельмслев) и американская школа во главе с Л. Блумфилдом, З. Харрисом и др., поставившая во главу угла дескриптивную, или дистрибутивную, лингвистику². Эти школы, развивавшие свою деятельность в первой половине XX в., дали импульс для активного развития идей структурной лингвистики во всем мире, в том числе и в России. Среди наиболее известных отечественных специалистов данного направления языкознания можно назвать И.И. Ревзина, А.А. Холодовича, Н.Д. Арутюнову, Т.В. Булыгину, В.Г. Гака, А.А. Зализняка, И.А. Мельчука, В.М. Солнцева, Ю.А. Степанова, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского, Ю.Д. Апресяна и др.³ Структурализм, несомненно, внес весомый вклад в развитие синхронного изучения языковых систем: структурные методы исследования помогают раскрыть внутренние, сущностные особенности изучаемого языка. И если первые работы по структурной лингвистике изучали главным образом формальную сторону знака, то впоследствии акцент делается на изучении его содержательной стороны (ономасиологический подход).

Краеугольным камнем всей теории структурной лингвистики является понимание языка в качестве особой системы знаков, которая представляет собой замкнутое и самодовлеющее целое. Понятие «структура языка», собственно давшее название всему направлению, можно определить как сеть особых отношений (противопоставлений) между элементами языковой системы. Другими словами, структура языка представляет собой устройство языковой системы, состав образующих ее единиц и отношения между ними⁴. Отсюда мы можем сделать вывод о неразрывной связи между системой и структурой языка. При этом структура языка может быть познана через систему функциональных правил, а основу системы языка составляют противопоставления ее членов.

Кроме того, система языка является иерархией, состоящей из нескольких уровней. Выделяются четыре основных языковых уровня: фонетический – уровень звуков и фонем, морфологический – морфемы, лексический – словоформы, синтаксический – сочетания слов и предложения. Отметим, что эти уровни в значительной степени взаимосвязаны и имеют много точек соприкосновения. Элементами, образующими эти уровни, являются только те языковые единицы, которые могут вступать в парадигматические и синтагматические отношения с единицами того же уровня, при этом с единицами других уровней эти отношения будут иерархическими. Таким образом выстраивается вполне логичная схема взаимоотношений языковых единиц.

Под единицами языка признаются односторонние и двусторонние элементы языка (знаки), имеющие разные значения и функции и устанавливаемые на основании формальных и семантических критериев. Если говорить о морфологических единицах, то таковыми являются корневые морфемы и деривационные морфемы. В диахроническом же аспекте морфемы представляют собой бывшие слова, которые утратили способность к синтаксическому употреблению, или части слов, образовавшихся слиянием и сложе-

нием слов. Эта ситуация особенно характерна для тюркских языков. Процесс изменения слова путем присоединения к нему несамостоятельных знаков (то есть знаков, которые не могут функционировать самостоятельно) называется модификацией, в результате которой образуются словоформы. Сочетание же словоформ уже переносит нас на другой уровень языка – синтаксический.

Анализ языкового материала можно вести как от целого (системы) к частному (единицам), так и от частного к целому. При анализе текстов (фрагментов речи) исследователь извлекает закономерности и правила их построения. Если исследование проводится от простых единиц к более сложным, то анализу подвергаются морфемы, словоформы и сочетания словоформ. Важным моментом анализа является то, что внутреннее семантическое содержание (значения) указанных языковых единиц могут быть определены только с учетом всех их взаимоотношений в системе языка, в контексте. В отношении морфологического уровня мы можем говорить в этой связи о морфологическом контексте. Кстати, подход, в основе которого лежит идея о том, что связи языковых единиц могут быть выявлены только с помощью их окружения, является основным при дистрибутивном анализе (американская школа дескриптивизма в структурной лингвистике). При описании определенного уровня языка следует устанавливать лишь такие семантические различия, которые выражены формально либо имеют значимый нулевой показатель. После установления формально выраженных семантических различий наступает этап создания инвентаря единиц, где необходимо указать их дистрибуцию, функции и значения. Последние должны определяться в соответствии с их системными отношениями. В результате суть морфологического анализа сводится к выявлению отношений между отдельными единицами языка, на основании чего строится система морфологических (словоизменяемых) категорий, обладающая своими структурными связями. Следует учитывать, что каждый элемент языка имеет свою, строго определенную правилами языка область функционирования, и это необходимо понимать при структурном анализе языковой системы. Комбинаторика языковых единиц подчинена особым правилам (называемым традиционно грамматическими), в силу того, что эта подчиненность заложена в них объективно, она является их сущностным свойством.

«Функция» является центральным понятием пражской школы структурализма. Лингвистами, относящимися к представителям этой школы, на наш взгляд, совершенно справедливо язык понимается как особая функциональная система, основными функциями которой признаются коммуникативная и функция оформления мысли. В соответствии с этим положением, изучение единиц языка правомерно вести от функции к форме с анализом ее семантического содержания. Подобный подход вполне оправдал себя на базе изучения германских и славянских языков. Считаем, что он правомерен и в отношении научного исследования материала языков, относящихся к тюркской группе.

Развитие теории структурной лингвистики привело к созданию учения о грамматических оппозициях (по аналогии с оппозициями в фонологии), которые являются бинарными и состоят из маркированного и немаркированного членов. Маркированность и немаркированность члена оппозиции определяется по обладанию (и, соответственно, необладанию) им каким-либо семантическим признаком. В отношении внутренней составляющей языкового знака справедливо говорить о существовании общего грамматического значения, которое охватывает все частные значения формы, обусловленные контекстом. Существующие оппозиции в некоторых случаях имеют способность нейтрализоваться. Например, в чувашском языке в тех случаях, когда форма причастия прошедшего времени с показателем *-нӑ/-нӗ* выступает в предикативной функции, нейтрализуется значение лица – *эӗ, эсӗ, вӑл каланӑ* «я, ты, он (она) говорил(а)») в отличие от формы прошедшего времени глагола (*эӗ каларӑм, эсӗ каларӑн, вӑл каларӗ*).

Другим подходом к изучению языка в структурном отношении является дистрибутивный анализ, который ориентирован на описание внешней стороны знака и представляет собой основной подход дескриптивной лингвистики. Исходя из условий, в которых находилась американская лингвистика в начале XX в., структурное направление в ней всегда имело практическую, прикладную направленность. Важным для всей языковедческой науки постулатом, которому следовали американские структуралисты, стало понимание того, что каждый язык имеет свою оригинальную систему, к которой в целом не может быть применима методика описания, основанная на классической школе греко-латинских грамматик. Именно описание языка на основе языковых фактов стало главной целью исследований по дескриптивной лингвистике, теоретическое осмысление же этих фактов отошло на второй план. Следуя такому пути, дескриптивисты внесли большой вклад в языкознание, обогатив его новыми методами исследования.

Такие основные понятия дескриптивной лингвистики (прежде всего, теории Л. Блумфилда), как непосредственная составляющая, связанная и свободная формы, экзоцентрическая и эндоцентрическая конструкции, стали широко использоваться и за пределами структурного направления. Главным принципом дескриптивного исследования явился принцип направленности от текста к получению адекватных, правильных сведений о языке. Эти сведения должны обеспечить верное понимание речи носителей языка и правильное построение фраз и текстов на описываемом языке⁵.

Важным понятием современной структурной лингвистики считается понятие «лингвистическая модель». И хотя сам термин «модель» носит достаточно общий, философский характер, здесь мы видим явное влияние точных наук, так как указанное понятие имеет по своей сути тесные соответствия с математическими моделями. Последние, как известно, служат для того, чтобы представить некий объект, скрытый от непосредственного наблюдения, с целью его изучения. Те же задачи, собственно, выполняют и лингвистические модели.

Следует понимать, что модель любой языковой структуры – это всегда вариант своего рода идеализации объекта исследования. Достижение полного соответствия модели объекту, видимо, невозможно, хотя и необходимо стремиться к этому. Лингвистическая модель прежде всего должна отражать наиболее существенные черты исследуемого объекта. При этом должно присутствовать четкое понимание того, что даже если созданная модель абсолютно не противоречит существующим правилам отношений единиц в структуре языка, она может и не соответствовать реально существующим объектам, так как в роли определенных ограничителей в любом языке могут выступать такие экстралингвистические факторы, как традиции, привычки, всякого рода условности и др. Так, например, фраза на русском языке *Я хочу, чтобы я пошел*, вполне адекватна с точки зрения структурных отношений единиц системы, однако в реальной жизни она вряд ли встречается.

В связи с тем, что моделирование языка имеет общие черты с математическим моделированием, в структурной лингвистике используются некоторые понятия из элементарной математики. К ним относятся такие, как «множество», «сумма множеств», «пересечение», «бинарное отношение», «симметричность», «эквивалентность», «вероятность» и др. Применение этих математических терминов в лингвистике обусловлено стремлением к созданию таких моделей языка, которые могли бы по возможности наиболее точно отражать существующие реалии.

Таковы вкратце основные понятия и методы структурной лингвистики, выработанные на протяжении первой половины XX в. различными направлениями этого течения. Мы постарались отобрать наиболее важные, на наш взгляд, постулаты структурализма, с тем чтобы рассмотреть их сквозь призму чувашского языкового материала. Конечно, мы отдаем себе отчет, что в рамках одной статьи невозможно охватить весь комплекс вопросов, связанных со структурным подходом к изучению языковой системы. Тем более что структурная лингвистика в последние десятилетия активно развивалась, возникали новые направления и течения, которые уже достаточно сильно оторвались от своих истоков, первых школ структурализма, и живут как бы своей самостоятельной жизнью. Часть из них относится к теоретическим направлениям, например, изучающие типологию языка, другие же решают более практические, прикладные задачи (машинный перевод). В этой связи мы ограничимся применением в нашей работе только основных положений структурной лингвистики, разработанных ее основоположниками.

Глагольная морфология в чувашском языке традиционно включает в себя описание прежде всего тех формальных показателей, которые передают словоизменительные значения. Аффиксы со словообразовательными значениями, несмотря на то, что тоже являются морфемами (только деривационными), обычно в грамматиках чувашского языка даются в отдельном разделе. Здесь применяется функционально-семантический подход,

в соответствии с которым функции и значения словоизменительных и словообразовательных аффиксов различаются. В нашем исследовании мы также ограничимся реляционными морфемами, основной функцией которых является не образование слова с новым номинативным значением, а лишь его модификация, без нарушения лексического содержания.

Реляционные морфемы объединяются в морфологические категории, которые в лингвистической традиции чаще называют грамматическими категориями. Эти категории, соответственно, представляют собой совокупность морфологических показателей, объединенных общим грамматическим значением и, что с точки зрения структурной лингвистики имеет особую важность, образуют тесные системные связи друг с другом. Отношения между этими морфемами можно назвать парадигматическими, или оппозитивными. В чувашском языке исследователями традиционно в грамматических описаниях выделяются следующие глагольные морфологические категории: категория статуса (чаще всего используется термин «аспект»), категория наклонения, категория времени, категория лица. Отдельно рассматриваются так называемые безличные формы, к которым относятся имена действия (включая инфинитив), причастия и деепричастия. По существу, эти формы исходя из их функционально-семантической природы можно объединить под одним общим наименованием. В частности, В.Г. Гузев предлагает использовать по отношению к ним термин «категория номинализации действия»⁶. Учитывая тот факт, что грамматические категории являются своеобразным остовом морфологической структуры языка, который скрепляет все его словоизменительные формы, описание глагольной морфологии необходимо осуществлять на базе словоизменительных категорий глагола.

Глагольная морфологическая **категория статуса** в чувашском языке представляет собой совокупность грамматических форм, которые передают значения отрицания, возможности и невозможности действия. В качестве члена оппозиции с так называемым «нулевым аффиксом» сюда можно включить и положительную форму. Однако в данном случае мы согласны с мнением В.Г. Гузева о том, что отсутствие формального показателя в тюркских языках не всегда является значимым⁷. По этой причине в настоящей статье мы рассмотрим структурные отношения лишь трех указанных выше форм.

Глагольное отрицание передается в чувашском языке несколькими формальными показателями, которые образуют свою систему противопоставлений, прежде всего по семантическому признаку. К ним относятся формы как синтетические, так и образованные аналитическим способом. Рассмотрим их по порядку:

-ма- / -ме-. Эта форма, состоящая из двух инвариантов, противопоставленных по фонетическому принципу (по ряду гласного звука), имеет достаточно широкую область функционирования. Прежде всего, она вносит отрицательную семантику в значения форм прошедших времен. К ним относятся: прошедшее категорическое (или очевидное) время – *кур-ма-рӑм* «я не видел», *кил-ме-рӑн* «ты не пришел»; давнопрошедшее время – *кай-ма-*

самтӓм «я не ушел», *вула-ма-самтӓн* «ты не читал» (отрицательная форма этого времени в речи употребляется редко)⁸. Также этот отрицательный аффикс функционирует с деепричастными и причастными формами – *пулма-сан* «если не будет», *па-ма-сӓр* «не давая», *ил-ме-н* «не взял, не взявший, не берущий» и др.

-м-. Передает отрицательное значение будущего времени: *юл-м-ӓп* «не останусь», *пӗл-м-ӗп* «не буду знать». Функционирует также в сослагательном наклонении: *кай-м-ӓттӓм* «я не пошел бы», *пӗл-м-ӗттӗм* «ты не узнал бы».

-мас- / -мес-. Обозначает отрицание действия в настоящем времени и в прошедшем многократном времени: *пы-мас-тӓп* «я не пойду», *ыйт-мас-тӓн* «ты не спрашиваешь»; *вӗрен-мес-тӗн* «ты не учишься» и др.

Отрицательные слова и частицы *мар* и *ан*. Аналитические форманты со значением отрицания. Образуют отрицательные формы повелительного наклонения: *калам мар* «я не скажу», *ан кала* «не говори», *ан калатӓр* «пусть не говорит» и т.д. Также передают отрицательное значение в формах так называемых причастий долженствования и будущего времени (в этих случаях может функционировать и отрицательное слово *сук*): *каймалла мар* «не нужно ходить», *килес мар* «не приходиться», *ӗсес сук* «не пить» и др.

Таким образом, мы установили, что формы глагольного отрицания в чувашском языке имеют свои области функционирования в зависимости от семантических факторов. Так, формальный показатель *-ма-* / *-ме-* охватывает большую часть глагольных форм прошедшего времени, а также причастий и деепричастий. Аффикс *-м-* представлен формами будущего времени и сослагательного наклонения, *-мас-/мес-* формами настоящего времени и прошедшего многократного времени. Отметим, что наличие в случае с прошедшим многократным временем указанного аффикса обусловлено, прежде всего, первой частью составной формы этого времени – *-ат-* / *-ет-*, которая, несомненно, происходит от аффикса настоящего времени глагола. Наконец, аналитические формы отрицания, образованные при помощи служебных слов и частиц *мар*, *сук*, *ан*, относятся к области повелительного наклонения, долженствования, то есть связаны с модальной семантикой, а также образуют отрицание от причастия будущего времени на *-ас* / *-ес*.

Значение возможности в чувашском языке передается с помощью формального показателя *-ай-* / *-ей-*: *вул(а)-ая-тӓп* «я могу читать», *сырай-рӗ* «он смог написать» и др. Форма возможности имеет способность сочетаться с аффиксами всех времен глагола, здесь отсутствует строгая семантическая обусловленность.

Статус невозможности не имеет своего отдельного формального показателя и выражается сочетанием аффиксов возможности и отрицания – *-ай-* / *-ей-* + *-ма-* / *-ме-* (*-мас-* / *-мес-*, *-м-*): *ил-ей-ме-рӗм* «я не смог взять», *пар-ай-ма-рӓн* «ты не смог дать» и т.д.

Таким образом, категория статуса в чувашском языке конституируется тремя грамматическими формами: отрицания, возможности и невоз-

возможности, между которыми существуют определенные отношения. Формальные показатели глагольного отрицания делятся на синтетические и аналитические, область функционирования каждого из них ограничена указанными выше семантическими факторами. Аффикс возможности универсален: он имеет способность сочетаться со всеми временными формами, то есть здесь отсутствует какой-либо дополнительный семантический фактор. Форма же невозможности по своему значению состоит в оппозиции с формой возможности, однако по способу образования занимает особое место в иерархии формальных показателей категории статуса: она образована путем сочетания двух других аффиксов данной категории, то есть представляет собой составной аффикс.

Категория наклонения в чувашском языке также состоит из нескольких форм и их вариантов. Общим значением форм, входящих в состав этой категории, является значение модальности. Модальность понимается нами прежде всего как «отношение содержания высказывания к действительности»⁹.

Будет справедливо говорить о соотношении двух больших групп наклонений в чувашском языке – изъявительном наклонении (или индикативе) и косвенных наклонениях. Значение изъявительного наклонения сигнализирует о соответствии действия объективной действительности. Это наклонение не имеет своего формального показателя и конституируется временными формами, которые составляют отдельную глагольную категорию – категорию времени.

Группу косвенных наклонений составляют формы следующих наклонений – повелительного, уступительного и сослагательного. Мы считаем возможным в дополнение к указанным наклонениям выделить еще два, которые традиционно отдельно не рассматриваются в чувашских грамматиках – это долженствовательное и желательное наклонения.

Повелительное наклонение образуется совокупностью форм, которые изменяются по лицам и составляют, таким образом, отдельную парадигму.

Значение повеления в первом лице передается при помощи следующих формальных показателей: *-ам / -ем, -ар / -ер*: *кал(а)-ам* «скажу-ка», *ил-ем* «возьму-ка», *си-ер* «давайте поедем», *вул(а)-р* «давайте почитаем» и т.д.

Единственное число второго лица повелительного наклонения не имеет формального показателя, и в этом случае мы можем говорить о наличии «функционального нуля», то есть о значимом отсутствии аффикса: *кил* «приходи», *кай* «иди уходи» и т.д. Множественное же число второго лица выражается личным аффиксом – *-ӓр / -ӓр*: *шухӓшл(а)-ӓр* «думайте», *ӓс-ӓр* «пейте» и др.

Третье лицо оформляется аффиксами *-тӓр / -тӓр* в единственном числе и *-чӓр / -чӓр* во множественном числе: *пул-тӓр* «пусть будет», *юл-чӓр* «пусть останутся» и др.

Отрицательная форма повелительного наклонения состоит из сочетаний с рассмотренными выше отрицательной частицей *ан* и отрицательным

словом *мар*: *каям мар* «не пойду-ка», *ан кай* «не иди», *ан кайтӑр* «пусть не идет», *каяр мар* «не пойдём», *ан кайӑр* «не идите», *ан кайчӑр* «пусть не идут».

Парадигма синтетических форм уступительного наклонения образуется путем присоединения к основе аффиксов лица и аффикса *-ин*: *кил-ӗп-ин* «пусть я приду», *кил-ӗсӗ-н* «пусть ты придешь», *кил-ин* «пусть он придет», *кил-ӗпӗр-ин* «пусть мы придем», *кил-ӗс-ӗр* «пусть вы придете», *кил-ӗс-ин* «пусть они придут». Добавим, что в речи эта форма малоупотребительна.

Формальным показателем сослагательного наклонения в чувашском языке является сочетание аффиксов будущего и прошедшего времени *-ӑ-тт-* / *-ӗ-тт-*, *-ӑ-чч-* / *-ӗ-чч-*. К ним присоединяются аффиксы лица: *ил-ӗтт-ӗм* «я бы взял», *ил-ӗтт-ӗн* «ты бы взял», *ил-ӗччӗ* «он бы взял», *ил-ӗтт-ӗмӗр* «мы бы взяли», *ил-ӗтт-ӗр* «вы бы взяли», *ил-ӗчч-ӗс* «они бы взяли».

Семантику долженствования передают как синтетическая, так и аналитическая формы. В качестве синтетической формы выступает аффикс *-малла* / *-мелле*, который по традициям чувашской грамматики считается аффиксом причастия. Действительно, этот аффикс может выполнять функции причастия со значением долженствования: *Вихтӑр та халех нырай-масть, пирӗн унна каласмалли сӑмах нур* (Артемьев) «Виктор тоже сейчас не может прийти, нам **нужно** с ним **переговорить** (досл. «есть слово, **чтобы сказать**)». В этой функции аффикс *-малла* / *-мелле* часто принимает так называемый аффикс выделения *-и*. Но нас в данном случае интересует другое, финитное употребление этой формы, которое в речи чувашей встречается гораздо чаще: *Вӑл ҫакӑн пек каласса Карпеев вусех кӗтменчӗ, ӗнтӗ мӗн тумалла-ха?* (Алентей) «Карпеев совсем не ожидал, что он так скажет, что же теперь **делать?**»; *Йӑла тӑрӑх, ун чухне ҫӗре чавма, сухалама, шӑтӑк алтма юраман, хӗрлӗ, кӑвак тӗс тӑхӑнмалла мар...* (Артемьев) «По обычаю, в это время нельзя было копать, пахать, выкапывать ямы, **нельзя носить** одежду красного и синего цвета». Форма долженствования наклонения может принимать аффикс прошедшего времени *-ччӗ*: *Паян пӗтӗм ҫын ырласа кӑна тӑмаллаччӗ хӑвӑра, алӑ ҫинче йӑтса ҫӳремеллеччӗ* (Гордеев) «Сегодня все вас **должны были** только **хвалить, носить** на руках».

Аналитическая форма долженствования наклонения образуется при помощи сочетания аффикса причастия на *-ас* / *-ес* с вспомогательным глаголом *пул* «быть, становиться». При этом лицо также выражается аналитически – притяжательным местоимением: *манӑн пӑх-ас пулать* «мне надо посмотреть», *санӑн пӑх-ас пулать* «тебе надо посмотреть», *унӑн пӑх-ас пулать* «ему надо посмотреть» и т.д.

Значения желательного наклонения передаются также синтетически и аналитически. Синтетический тип этого наклонения представляет собой сочетание аффиксов причастия будущего времени на *-ас* / *-ес* и причинного падежа *-шӑн* / *-шӗн*. Так как лицо в этой форме не выражено отдельным

аффиксом, оно передается с помощью личных местоимений: *эпё ка-яс-шайн* «я хочу пойти», *эсё ка-яс-шайн* «ты хочешь пойти», *вёл ка-яс-шайн* «он хочет пойти» и т.д.

Аналитическая форма состоит из сочетания аффикса причастия будущего времени на *-ас / -ес* и вспомогательного глагола *кил* «приходить». Лицо выражено притяжательным местоимением: *ман си-ес килет* «я хочу есть», *сан си-ес килет* «ты хочешь есть», *ун си-ес килет* «он хочет есть» и т.д.

Как мы видим, категорию наклонения составляют несколько подкатегорий, каждая из которых образуется системой присущих только ей формальных показателей, передающих те или иные модальные значения – повеления, уступительности, сослагательности, долженствования и желания. Отметим, что некоторые из этих подкатегорий состоят как из синтетических, так и из аналитических форм, которые в свою очередь имеют определенные системные взаимосвязи.

Категорию времени образует относительно большое количество форм. Эти формы обычно классифицируются по признаку их состава: в зависимости от того, состоят они из одного аффикса или сочетания аффиксов, они могут быть простыми или сложными (или составными). В тюркологии существует точка зрения, в соответствии с которой по функционально-семантическим признакам систему глагольных времен можно классифицировать в зависимости от «момента или периода временной ориентации». Так, в турецком языке выделяются три основные группы временных форм – формы первичной ориентации (ориентированные на настоящий момент), вторичной ориентации (на прошлый момент) и формы третичной ориентации (на будущий момент)¹⁰. Исходя из такого подхода, на наш взгляд, в чувашском языке можно выделить две группы временных форм – формы ориентации на настоящий момент и формы ориентации на прошлый момент. К первой группе относятся следующие времена глагола: настоящее время, прошедшее категорическое (или очевидное) время, будущее время. Часто в работах по чувашскому языку приводят форму так называемого прошедшего неочевидного (или неопределенного) времени, которая образуется при помощи аффикса причастия прошедшего времени на *-нй / -нё*. Здесь мы придерживаемся мнения И.А. Андреева, который считал, что в данном случае нет смысла выделять отдельную форму времени, так как здесь речь идет о предикативной функции причастия¹¹. Вторая группа временных форм – ориентации на прошлый момент – включает в себя формы прошедшего многократного времени, давнопрошедшего времени. Рассмотрим их по порядку.

1. Временные формы ориентации на настоящий момент.

Настоящее время образуется с помощью аффикса *-ат / -ет*: *сырат-йп* «я пишу», *кил-ет-ён* «ты приходишь» и т.д. Если говорить о внутреннем, семантическом содержании этой формы, то ее значение охватывает достаточно большой временной отрезок. Это может быть и актуальное действие, проходящее в данный момент (*Эп хаҫат вулатйп* «Я (сейчас) читаю газету»), и постоянное действие (*Хёрём халё шкулта вёренет* «Моя дочь

учится в школе»), и будущее действие (*Ыран сан пата пыратпӑр* «Завтра мы приходим к тебе»). Данную временную форму мы можем сопоставить с так называемым настоящим-будущим временем в турецком языке¹².

Прошедшее категорическое (или очевидное) **время**. Формальными показателями этого времени является аффикс *-рӑ / -рӗ* и его инварианты *-тӑ / -тӗ, -чӗ: кай-рӑ-м* «я ушел», *кил-тӗ-н* «ты пришел», *ил-чӗ* «он взял» и др. Значение этой формы – действие, произошедшее в прошлом, которое говорящий либо сам наблюдал, либо уверен в том, что оно состоялось.

На состав формы **будущего времени** в чувашском языке имеются две точки зрения. Согласно первой из них, данную форму образует нулевой аффикс: *кил-ӗп* «я приду», *вул-ӑн* «ты прочитаешь» и т.д.¹³ Вторая точка зрения, сторонниками которой являются М.Р. Федотов и В.И. Сергеев, состоит в том, что в качестве формы будущего времени можно выделить аффикс *-ӑ / -ӗ: кил-ӗп* «я приду», *вул-ӑн* «ты прочитаешь» и т.д.¹⁴ Подобная ситуация возможности двойной трактовки выделения формы возникла из-за морфонологических особенностей чувашского языка. В случае непосредственного соседства двух гласных на стыке корня и морфемы, как правило, происходит их стяжение, например, *вула + -ӑ = вулаӑ* и др. То есть гипотетически могло произойти стяжение аффикса будущего времени *-ӑ / -ӗ* и первого гласного аффикса лица: *-ӑн / -ӗн, -ӑн / -ӗн, -ӑпӑр / -ӗпӑр, -ӑр / -ӗр*. Наиболее принципиальна в этом случае ситуация с третьим лицом. Из-за омонимии двух форм в единственном числе мы должны признать либо нулевой аффикс будущего времени, либо нулевой аффикс третьего лица: *кай-ӗ* «он пойдет», *кил-ӗ* «он придет». Факты других времен глагола в чувашском языке говорят нам о том, что здесь, вероятнее всего, реализуется второй сценарий. Сторонники выделения отдельного аффикса будущего времени в качестве аргумента приводят также образование формы сослагательного наклонения, рассмотренной нами выше, где мы наблюдаем сочетание аффиксов будущего и прошедшего времени. Подобный способ передачи семантики сослагательности существует не только в чувашском языке, он присутствует, например, и в турецком языке – *gid-ecek-tim* «я бы ходил», *gid-ecek-tin* «ты бы ходил» и др. Таким образом, считаем, что точка зрения, в соответствии с которой в чувашском языке имеется отдельный аффикс будущего времени *-ӑ / -ӗ*, более соответствует истине. Основной семантикой этой формы является значение действия, которое говорящий намерен осуществить в будущем. Степень его уверенности в совершении этого действия несколько ниже, чем в случае со значением формы настоящего времени.

2. Временные формы ориентации на прошлый момент. Эти формы объединяет формальный признак наличия в качестве их второго компонента аффикса прошедшего времени *-(m)тӑ / -(m)тӗ*.

Прошедшее многократное время. Его формальным показателем является сочетание аффиксов настоящего и прошедшего времени *-ат + -тӑ*, или *-ат + -чӗ: сыр-ат-тӑ-м* «я много писал», *ил-ет-тӗ-н* «ты долго брал»

и т.д. Значение этой формы можно выразить как действие, которое происходило многократно в прошлом.

Давнопрошедшее время образуется сочетанием аффиксов *-ca-* / *-ce-* и *-ттă-* / *-ттĕ-* (*-ччĕ-*): *кай-са-ттă-м* «я (тогда) уже ушел», *кил-се-ттĕ-н* «ты (тогда) уже пришел» и т.д. Первый компонент этой формы, по-видимому, восходит к аффиксу деепричастия *-ca-* / *-ce-*. К этому мнению склоняется подавляющее большинство исследователей¹⁵. Значением этого времени является действие, произошедшее до какого-либо другого действия в прошлом, либо действие, которое произошло давно безотносительно от связи с другим действием: *Энĕ тĕлĕкре каллах Тамарăна курсаттам, çавăнна вăранас килместчĕ* (Артемьев) «Во сне я снова увидел Тамару, поэтому мне не хотелось просыпаться»; *Манмастăн иккен, пĕр хут çеç айна санна пĕрле тĕл пулсаттамăр тахçан, халь те астăватăн* (Илпек) «Ты, оказывается, не забыл, мы ведь с тобой только один раз его как-то **повстречали**, а ты до сих пор помнишь».

Категория времени глагола является достаточно сложной по своему составу и взаимодействиям отдельных форм глагольной категории. Признание того факта, что в соответствии с семантикой все формы времен глагола можно распределить в две большие группы, объединяемые по признаку ориентированности на момент времени, значительно облегчит систематизацию этих форм и позволит лучше понять их взаимосвязи.

Категория номинализации действия – наиболее распространенная по своему составу среди других категорий глагола. Она делится на три группы форм в соответствии с их функционально-семантическим содержанием. Это 1) имена действия и инфинитив, 2) причастия (или субстантивно-адъективные формы), 3) деепричастия.

1. Формы, объединяемые в эту группу, передают значение представления действия в качестве предмета. К ним относятся инфинитивные формы с показателями *-ма* / *-ме* и *-машкăн* / *-мешкĕн*, а также форма на *-у* / *-ў*, обладающая большей степенью субстантивации: *вула-ма* «чтение, читать», *ил-ме* «взятие, брать», *кай-машкăн* «пойти», *кил-мешкĕн* «прийти», *сут-у* «продажа», *ил-ў* «покупка» и др.

В значении имен действия часто выступают субстантивированные формы причастий прошедшего и будущего времени *-нă* / *-нĕ* и *-ас* / *-ес* в сочетании с так называемым аффиксом выделения *-и*: *сыр-нă* + *-и*=*сыр-ни* «написанное», *пул-ни* «произошедшее», *кая-сси* (*кай-асс-и*) «уход», *кил-есси* «приход» и др.

2. В отношении правомерности употребления термина «причастие», используемого традиционно для обозначения форм, входящих в эту группу, мы писали в наших предыдущих работах¹⁶. За основную функцию этих форм большинством исследователей принимается адъективная функция. Однако следует иметь в виду, что она не единственная: большая часть так называемых причастий может выполнять и другие функции (например, субстантива и предикатива). Поэтому, возможно, имеется необходимость в создании

другого термина, более точно отражающего сущность этих форм. В тюркологии в отношении их уже используется термин «субстантивно-адъективная форма», который, однако, тоже нельзя признать полностью соответствующим фактам чувашского языка.

К формам со значением представления действия в качестве признака или предмета относятся следующие: на *-нă / -нĕ* с семантикой прошедшего времени (*лар-нă* «сидевший», *пĕл-нĕ* «знавший»), *-акан / -екен* – настоящего времени (*кала-(а)кан* «говорящий», *ил-екен* «берущий»), *-ас / -ес* (*кил-ес* «тот, который придет», *ыйтас* «тот, который спросит»). Помимо указанных форм в грамматиках по чувашскому языку отдельной группой выделяются так называемые «непродуктивные причастия» – на *-ан / -ен*, *-анци / -енци*, *-и*, *-мăш / -мĕш*¹⁷.

3. Наиболее многочисленная по своему составу группа данной категории. Общим значением форм, объединяемых в эту группу, является представление действия в качестве адverbума. Частные значения этих форм представляют собой различные обстоятельственные значения. Стоит отметить, что состав деепричастий, выделяемых отечественными и зарубежными авторами, несколько отличается. Если у первых к деепричастиям относятся прежде всего формы с таксисными значениями, то у вторых деепричастиями считаются формы с более широким семантическим содержанием. Поводом для включения сложных форм (то есть форм, состоящих из нескольких аффиксов) в состав деепричастий, несомненно, является их семантическая составляющая: все они передают различные адverbбиальные значения. Из подобных форм прежде всего можно назвать форму на *-нăранпа / -нĕренпе*, состоящую из аффиксов причастия *-нă / -нĕ*, исходного падежа *-ран / -рен* и компонента *-па / -пе*, восходящего к древнетюркскому послелогу *berü* «с, от»¹⁸. У турецких авторов список таких сложных деепричастных форм еще более расширен. К ним относятся, например, формы на *-нăран / -нĕрен*, *-нăшăн / -нĕшĕн*, *-нă чух / -нĕ чух*¹⁹, *-аспа / -еспе*, *-асран / -есрен*, *-маллипе / -меллипе*, *-нипе* и др.²⁰ К таким случаям, по нашему мнению, нужно подходить с точки зрения степени адverbбиализации форм. Если по отношению к формам на *-нăранпа / -нĕренпе* и *-аспа / -еспе* можно с полной уверенностью говорить, что они по их функциям и семантике уже практически потеряли связь с соответствующими причастными формами и состоялись в качестве деепричастий, то другие приведенные выше формы еще имеют эту связь с формами на *-ас / -ес*, *-ни*, *-малли / -мелли*, и, возможно, их следует рассматривать в разделе, посвященном причастиям.

Категорию деепричастия в чувашском языке, по нашему мнению, конституируют следующие формы:

Форма с показателем *-са / -се*. Наиболее распространенная в речи форма деепричастия. Передает значение одновременной или разновременной (предшествование) соотнесенности по времени с другим действием: *Асталла кайса, мĕн туса вăхăт ирттермелле-ши?* (Мранькка) «Куда бы

сходить и что бы **поделать**, чтобы провести время?» (досл. «пойдя и делая»). Интересен тот факт, что в чувашских говорах и простонародной речи эта форма может выступать и в качестве финитной, передавая при этом значение прошедшего времени: *Вӓл килсе* «Он пришел».

Форма с показателем -а / -е. В основном встречается в редуцированном виде. Имеет значение соотнесенности по времени с основным действием: *Унтан вара, килте вутӓ кирлӓ мар пулсан та, вӓрманна кайса виӓӓ лав турат тие-тие килчӓ* (Илпек) «Затем он съездил в лес и **привез** (досл. «загружая») три подводы хворосту, хотя в доме были дрова».

Форма с показателем -сан / -сен. Традиционно относится к деепричастным. Но помимо значения обстоятельства времени может передавать и значение условия совершения действия, то есть выражает условную модальность. *Улма лартса пӓтерсен апатланма кӓмеллеччӓ* (Илпек) «**Посадив** картофель, должен был зайти на обед»; *Чӓрех пулсан, мӓнлерех-ши вӓсен шӓпи-таланӓ?* (Вутлан) «**Если они живы**, то как же сложилась их судьба?»

Форма с показателем -иччен. Передает значение предела во времени. *Хӓй... ача чухне чупса сӓренӓ улӓха каять те выртса йӓрет, аш каниччен йӓрет* (Ефимов) «Она... идет на лужайку, где бегала в детстве, и плачет, **пока не успокоится**».

Форма с показателем -нӓсем / -нӓсем. С этой формой реализуется значение постепенного повышения интенсивности совершения действия, степени и меры его развития: *Сын ватӓннӓсемӓн ачи-пӓчине ытларах юратать теӓӓ сав...* (Григорьев) «Говорят, человек **по мере своего старения** сильнее любит своих детей...».

Форма с показателем -массерен / -мессерен. Значением этой формы является кратность совершения действия: *Кашни ярса пусмассерен тӓван ялӓ сывӓхланать унӓн* (Алентей) «С **каждым шагом** (досл. «каждый раз, когда наступает») приближается его родная деревня».

Форма с показателем -нӓранна / -нӓренне. Эта форма имеет значение момента начала действия: *Мускавран тухнӓранна Тараев пӓрремӓш хут туйми сывӓрса кайрӓ...* (Кипек) «С **тех пор как выехал** из Москвы, Тараев впервые крепко заснул».

Форма с показателем -асна / -есне. Передает значения действия, соотнесенного по времени с другим действием. *Сур сӓр ситесне сил тухрӓ пулмалла та, чӓрече кантӓкне тилеш тураттисем лексе кӓтӓртаттарма пусларӓс* (Афанасьев) «С **наступлением** полночи, похоже, поднялся ветер, ветки рябины зашуршали, задевая стӓкла окон».

Структурные и функционально-семантические особенности этой категории можно раскрыть только с учетом подробного изучения функций, присущих каждой из подкатегорий – имен действий, причастий и деепричастий. Необходимо, на наш взгляд, признание того, что эту категорию могут составлять не только простые, но и составные и, возможно, даже аналитические формы, что функциональные возможности так называемых причастий и деепричастий в чувашском языке на самом деле гораздо более широ-

кие, чем они представлялись в большинстве научных работ по чувашской грамматике до настоящего времени.

Категорию лица в чувашском языке составляют аффиксы трех групп: 1) к аффиксам со значением первого лица относятся *-ӓн / -ӓн, -нӓр / -нӓр, -м, -мӓр / -мӓр*; 2) значение второго лица передают аффиксы *-ӓн / -ӓн, -ӓр / -ӓр, -н*; 3) значение третьего лица имеют нулевой аффикс и аффиксы *-сӓӓ, -с*.

В заключение хотелось бы отметить, что структуралистический подход к изучению глагольной морфологии чувашского языка в целом представляет собой достаточно перспективное направление. Однако необходимо понимать, что сам по себе структурализм в языкознании, особенно на настоящем этапе весьма неоднороден. От тех классических течений этого направления, о которых мы говорили в начале нашей статьи, отделилось множество новых, постструктуралистических ответвлений. Поэтому при описании структурных связей в чувашском языке было бы правильнее учитывать все последние разработки отечественных и зарубежных лингвистов в области структурного языкознания, использовать современный терминологический аппарат, наиболее объективно отражающий факты действительности.

Литература

- ¹ *de Соссюр Ф.* Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 31–274.
- ² *Засорина Л.Н.* Введение в структурную лингвистику. М.: Высшая школа, 1974. С. 45–157.
- ³ См., напр.: *Ревзин И.И.* Современная структурная лингвистика: проблемы и методы. М.: Наука, 1977; *Апресян Ю.Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). М.: Просвещение, 1966; *Успенский Б.А.* Принципы структурной типологии. М.: Изд-во МГУ, 1962; *Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1971.
- ⁴ *Степанов Ю.А.* Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. С. 93–94.
- ⁵ *Засорина Л.Н.* Указ. соч. С. 145–157.
- ⁶ *Гузев В.Г.* Глагольное словоизменение в турецком языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. СПб: Изд-во СПбГУ, 2011. С. 308–315.
- ⁷ *Гузев В.Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 50.
- ⁸ *Сергеев Л.П., Андреева Е.А., Котлеев В.И.* Чӑваш чӗлхи. Шупашкар: Чӑваш кӗнеке изд-ви, 2012. С. 367.
- ⁹ *Гузев В.Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения. С. 63.
- ¹⁰ *Гузев В.Г.* Глагольное словоизменение в турецком языке. С. 317.
- ¹¹ *Андреев И.А.* Причастие в чувашском языке. Чебоксары, 1961. С. 103.
- ¹² *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 225–229.
- ¹³ *Павлов И.П.* Хальхи чӑваш литература чӗлхи: морфологи. Шупашкар: Чӑваш АССР кӗнеке изд-ви, 1965. С. 239.
- ¹⁴ *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 3. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. С. 89–95; *Сергеев В.И.* Хальхи чӑваш чӗлхи : морфологи : вӑренӗ кӗнеки. Шупашкар: ЧПУ изд-ви, 1992. С. 100.

¹⁵ См., напр.: Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. С. 197; *Павлов И.П.* Хальхи чăваш литература чĕлхи : морфологи. С. 248.

¹⁶ См., напр.: *Лебедев Э.Е.* Функционально-семантические особенности причастия на *-нă/-нĕ* в чувашском языке // Чувашский гуманитарный вестник. № 8. Чебоксары, 2013. С. 113.

¹⁷ *Сергеев Л.П., Андреева Е.А., Котлеев В.И.* Чăваш чĕлхи. С. 391–394.

¹⁸ Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. С. 96.

¹⁹ *Ersoy F.* *Çuvaş Türkçesi Grameri.* Ankara: Gazi Kitabevi, 2010. S. 400–414.

²⁰ *Durmuş O.* *Çuvaşça'nın Şekil Bilgisi.* Edirne, 2009. S. 409–464 (в рукописном варианте).

E.Ye. Lebedev

STRUCTUROLISTIC APPROACH TO THE STUDY OF VERB MORPHOLOGY IN THE CHUVASH LANGUAGE

Structural grammar is a scientific current in linguistics, arisen at the beginning of the 20th century thanks to the works of an outstanding Swiss linguist F.de Saussure. It represents the conceptual doctrine about language, including base regulations on language system, interrelations of its components, language levels, etc. The article undertakes to describe the basic elements of the morphological system of verb in the Chuvash language – grammatical categories – through the prism of structural grammar.

Keywords: structuralism, language system, language levels, verbal morphology, grammatical category.

В данном исследовании литературное творчество И. Ефимова-Тхти представляет интерес не только как художественно-эстетическое, но и как историко-культурное явление, позволяющее вносить некоторые коррективы в понимание истории развития чувашской литературы первой половины XX в.

Ключевые слова: И.Е. Ефимов, чувашская литература первой половины XX в., проза, поэзия.

И.Е. Ефимов (литературное имя – Илле Тхти) – один из выдающихся деятелей чувашской литературы первой половины XX в. Характерной чертой творческой манеры писателя стало обращение к истокам и богатству самобытного чувашского фольклора, что явилось предпосылкой для отражения чувашского мира в его произведениях. Развивая традиции комической прозы, он расширил границы комического повествования, наполнив его национальным содержанием так органически и достоверно, что его произведения подняли проблематику чувашской литературы тех лет на новую высоту и стали литературным достижением 1920–1930-х гг. Переломный характер эпохи определил тип его литературных героев, эволюцию мышления писателя, критическую направленность комизма.

Илья Ефимович Ефимов родился 4 сентября 1889 г. в д. Ньюшкасы Янтиковской волости Цивильского уезда Казанской губернии (ныне Янтиковский район Чувашской Республики) в крестьянской семье. В 1897 г. восьмилетнего Илью отец отвел в соседнее с. Алдиарово в церковно-приходскую школу. Осенью 1899 г. мальчик был переведен в открывшуюся в род-

Ирина Юрьевна Кириллова – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: irinakir1@mail.ru.

ной деревне школу грамоты, в 1900–1903 гг. продолжил учебу в церковно-приходской школе при Свяжском Успенском монастыре.

В 1903 г. И. Ефимов поступил учиться в Казанскую учительскую семинарию. Прием был строгий: избирались наиболее достойные ученики, не принимались лица со слабым здоровьем, с физическими недостатками. Поступающие сдавали экзамены по Закону Божию, церковнославянскому и русскому языкам, арифметике и пению¹. И.Е. Ефимов был единственным человеком в родной деревне, получившим среднее специальное образование до революции 1917 г.²

В годы учебы пробудился его интерес к изучению устной народной словесности, к истории и культуре чувашского народа, и в этом большую роль сыграли преподаватели семинарии Н.И. Ашмарин и Н.В. Никольский. Н.И. Ашмарин, крупнейший исследователь языков, истории и культуры народов Среднего Поволжья, к сбору материала для будущего 17-томного «Словаря чувашского языка» привлекал и семинаристов, которые записывали образцы живой разговорной речи, тексты устной народной словесности. Особое значение придавалось ведению записей об особенностях быта, нравов, культуры населения той или иной местности. По подсчетам этнографа Н.Р. Романова, в словарь Н.И. Ашмарина включено порядка 500 слов, оборотов и выражений, а также образцов текстов, представленных семинаристом И. Ефимовым³.

Своим наставником И. Ефимов считал также Н.В. Никольского, который всячески поощрял его интерес к литературной и общественной деятельности. Будучи лидером чувашской интеллигенции, ратовавшей за создание и развитие единой общенациональной этнокультуры на базе чувашского языка⁴, он личным примером убеждал учеников, что интеллигенция должна служить своему народу. По инициативе переводческой комиссии при Управлении Казанского учебного округа по изданию учебников и учебных пособий для нерусских школ, членом которой был Н.В. Никольский, И. Ефимов перевел иллюстрированный арифметический задачник известного удмуртского педагога-просветителя И.С. Михеева. На 60 страницах задачника было представлено свыше 400 упражнений для учеников начальных классов чувашских школ, а также наглядные картинки⁵. Для арифметических действий в структуре текстовых задач переводчик использовал житейские представления детей, стараясь сохранить богатство национального языка и стиль народной речи. Потому эти короткие тексты читаются как отдельные самостоятельные рассказы со своими героями – *Чухан Мётри* (Митька), *Ѕамарта Лукки* (Лука), *Куштан Макѡм* (Максим) – и социально-бытовыми проблемами чувашской деревни. Все это способствовало восприятию ребенком конкретных образов и действий, тем самым помогая усвоить содержание задачи. В этих упражнениях уже просматривается своеобразный стиль будущего писателя – в чем-то просторечный, где-то иносказательный, со временем он раскроется в его более поздних произведениях.

В начале XX в., преследуя просветительские цели, чувашские публицисты издавали ряд очерков о жизни соплеменников на фоне быта других народов⁶. Интерес к последним был обусловлен прежде всего намерением лучше познать родной народ, посмотреть на свое сообщество как бы со стороны, извне. В первых очерковых произведениях И. Ефимова также затрагиваются социальные вопросы, свободно сочетаются элементы публицистики и художественного письма, глубина исследовательской мысли с живой образностью. В очерках «Эп суралнă сĕршыв» (Страна, где я родился; 1907), «Финляндияра пурăнакан халăхсем» (Народы Финляндии, 1908), «Ху-сан урамĕсенче» (На улицах Казани, 1908) молодого автора задевает за живое то, как безрассудно живут его соплеменники. Он с иронией описывает их быт и нищенское существование, видя причину их бедствий в пьянстве и разгульном образе жизни. Представители же других народов – финны, евреи, татары и другие – работают с утра до вечера, пивом и водкой не увлекаются, приобщены к различным наукам и ремеслам.

По окончании семинарии выпускники согласно уставу учебного заведения должны были прослужить в должности учителя начального сельского училища не менее шести лет. В 1908 г. И. Ефимов был определен учителем в Таутовскую земскую четырехлетнюю школу Аликовской волости Ядринского уезда (ныне д. Таутово Аликовского района Чувашской Республики). За благословением на учительский труд он с товарищем по учебе Н.Н. Никитиным летом едет в г. Симбирск – к патриарху И.Я. Яковлеву. В Таутовской школе, следуя примеру своих преподавателей, через сбор и изучение фольклорных материалов молодой учитель прививал ученикам любовь к устному народному творчеству и чувашской культуре.

После обращения Н.И. Ашмарина и Г.И. Комиссарова к чувашской интеллигенции с призывом собирать фольклорно-этнографический и лингвокультурологический материал⁷ основная творческая энергия чувашских писателей и учителей была направлена на создание национального фонда письменной культуры, в том числе и художественной литературы. Были собраны сотни томов рукописей, отдельными книгами изданы фольклорные тексты. В 1911 г. в Казани на свои средства И. Ефимов выпустил книги «Тавăт, Мĕлĕш, Шураç юррисем. Туй юррисем» (Песни деревень Таутово, Ходяково и Шерашево. Свадебные песни) и «Пуян пулас килсен çак кĕнекене ил» (Если хочешь разбогатеть, купи эту книгу). Своеобразие стиля писателя раскрывается уже в названиях произведений. Во вторую книгу вошел рассказ, в котором бичуются лень и безделье Хорася, он был назван именем главного героя. Развивая традиции писателей-просветителей, автор изменил заглавие книги, полностью разнящееся с сюжетной линией рассказа. Прочитав его, читатель понимает, что без труда нет богатства, лень и разгульная жизнь ведут к нищете и прозябанию.

Ежегодно летние месяцы И. Ефимов проводит в сельской местности, где изучает духовную и материальную культуру чувашей, собирает фольклорный и этнографический материал. В Российском этнографичес-

ком музее (Санкт-Петербург), этнографических музеях Берлина (Германия), Московской государственной художественно-промышленной академии им. С.Г. Строганова и музее «Симбирская чувашская школа. Квартира И.Я. Яковлева» (Ульяновск) сегодня хранятся более 250 предметов национальной одежды, украшений и других предметов материальной культуры чувашей Ядринского, Цивильского и Курмышского уездов Казанской и Симбирской губерний, собранных писателем и его учениками в 1908–1914 гг.

С 1914 г. И. Ефимов учительствовал в Перевозинском двухклассном земском училище Сарапульского уезда Вятской губернии (ныне с. Перевозное Воткинского района Удмуртской Республики). В местной газете «Кама» увидели свет его статьи и фельетоны, рассказывающие о нелегких учительских буднях и положении в стране в годы Первой мировой войны, но к сожалению, они не сохранились. Осенью 1915 г. И. Ефимова призывают в царскую армию, где он служит в воинских частях городов Самара и Жиздра (Калужская губерния).

До Октября 1917 г. чувашаи, получившие среднее педагогическое образование и проработавшие несколько лет учителями, могли продолжить учебу в духовных семинариях Казани, Симбирска и Уфы. Часто они шли туда, чтобы пробить дорогу в высшие учебные заведения, а иногда и с тем, чтобы освободить себя от воинской повинности. Преследуя обе эти цели, в августе 1916 г. И. Ефимов поступил в 5 класс Уфимской духовной семинарии. Здесь выучились в свое время этнолог, писатель и педагог Г.И. Комиссаров, краевед, поэт и педагог П.А. Петров-Туринге, один из руководителей поволжских социал-революционеров Т.Н. Николаев-Хури и др.

В Уфе перед И. Ефимовым открылись новые возможности для литературной и общественной деятельности. Здесь он близко знакомится с Г.И. Комиссаровым, работавшим помощником инспектора семинарии. Он укрепил его убеждения о развитии чувашского народа как самостоятельной нации. Позже в своих воспоминаниях Г.И. Комиссаров отметит: «Немало меня удивило то, что у Ильи Ефимовича под спокойной внешней оболочкой скрывалась пылкая кровь, страстная любовь к простому народу и неустойчивая готовность работать для него»⁸.

Но И. Ефимову не удалось окончить семинарию: осенью 1916 г. его вновь призвали в армию и отправили на военно-тыловые работы. В составе войск Уфимского гарнизона он остался в Уфе. В 1914–1917 гг. здесь вокруг Г.И. Комиссарова объединяются чувашские деятели науки и культуры, которые в апреле 1917 г. создают Уфимское чувашское национальное общество. И. Ефимов, как активный национальный представитель, был выбран членом правления Общества.

Интеллигентская часть уфимского сообщества разделилась во мнениях относительно дальнейшего развития чувашской нации: одни (Э. Турхан) были за создание христианской коммуны без конфессионального и социального разделения народа, за национальное объединение во имя свободного развития культуры и языков, другие (И. Ефимов) возвышали народную

культуру, противопоставляя ее христианско-миссионерской пропаганде. Позиция И. Ефимова хорошо отражена в статье «Пара слов о чувашской литературе до 1917 г.» (1917): «Устное народное творчество самой чувашской массы – песни, сказки и прочее – объявлено было как от лукавого... а дурман религиозно-литературно-поповский, я полагаю, действительно остается над чувашами до настоящего времени». Развитие чувашского народа и культуры он видит только в единении чувашей, как самостоятельной нации со своим национальным языком: «Если перенестись в обстановку дореволюционной России, то мне возражали бы так: чуваша живут в великодержавной, многомиллионной Руси, численность чуваш едва превышает один миллион. К тому же они еще некультурны, отсталые. Имеется налицо самодержавная Русь, она задает тон на весь мир, а ее оружие всюду на полях брани побеждает. Так к чему же толковать о чувашской литературе? Это пустая трата времени и сил. Будет благо чувашам скорее забыть свой язык, принять спасительное православие, перейти на русскую культуру, всосаться, как нежное дитя, в грудь этой миродержавной культуры, и больше ничего»⁹. Статья не закончена, но из нее явствует, что политические изменения в стране могут и должны повлиять на культурное развитие нации.

27 января 1918 г. в Казани был показан первый чувашский спектакль – по пьесе А.Н. Островского «Не так живи, как хочется». Во время антракта И. Ефимов читал со сцены стихотворения собственного сочинения. И преуспел в этом действе. Современники не раз отмечали артистический дар поэта-импровизатора, его ораторские способности, умение владеть вниманием публики.

В деле обогащения чувашской литературы народным духом большое значение писатель придавал фольклору, чем обусловлен его интерес к истории чувашского народа. В 1918 г. И. Ефимов приступает к написанию исторической поэмы «Элихун» (1918–1926), в которую вошли как сюжеты из исторических преданий, так и исторические события второй половины XVI в. В ее поэтике обнаруживаются эпические традиции чувашского песенного фольклора и письменной поэзии чувашей конца XIX – начала XX в. Это было одно из первых лиро-эпических произведений в чувашской литературе, посвященное историческому прошлому чувашей¹⁰. Историзм поэмы проявляется не только в отражении конкретных исторических событий и персонажей, но прежде всего в сочетании масштабности эпического повествования с конкретными реалиями эпохи, вплоть до деталей быта.

В поэме отразились события XVI в., время похода русских войск на Казань. Один из князей Андрей Курбский останавливается в чувашской деревне Шмалак у богача Валема Туксара и влюбляется в его дочь Селиме (из ее сна можно предположить, что отец выдает дочь за богатого князя). Селиме же влюблена в храброго Элихуна, который пытается спасти свою возлюбленную. Далее описывается битва за Казань и ее падение.

Немаловажную роль играют в поэме описания восстаний «инородцев» против Московии. Так, в одной из кровопролитных войн за независимость на

Арском поле Элихун и его войско терпят крупное поражение. В последней картине Элихун с Этрелем показаны у Воробьевых гор, куда Элихун прибывает в надежде найти и освободить любимую девушку Селиме. Старец Этрель размышляет о нелегкой судьбе чувашского народа, вечно находящегося под чьим-либо гнетом: не успели отделаться от казанских ханов, как попали в руки Ивана Грозного. Поэма не завершена, но главная ее идея ясна – показать борьбу чувашского народа за свои земли, политическую и социальную свободу.

С октября 1918 г. И. Ефимов преподает на педагогических двухгодичных курсах по подготовке учителей школ I ступени при Шихранской учительской семинарии Цивильского уезда (ныне г. Канаш Чувашской Республики), одновременно активно сотрудничает с газетой «Канаш» (ныне «Хыпар»), где печатает статьи «Ачапа асламăшĕ» (Дите с бабушкой), «Пуп таврашĕ» (Окружение попа), «Умри ёç» (Предстоящая работа). Как педагога, его беспокоят прежде всего отсутствие учебников и книг на чувашском языке и атеистическая пропаганда.

В 1919 г. в Казани отдельной книгой была издана поэма «Колчак», принесшая автору широкую известность. Написанное в разгар Гражданской войны, произведение носило выраженный пропагандистский характер и преследовало цель решить актуальную задачу – привлечь на сторону «красных» широкие слои чувашского населения. Здесь уместно напомнить, что к весне 1919 г. первое в мире социалистическое государство оказалось в сложном положении: армия «верховного правителя России» А.В. Колчака развернула широкомасштабное наступление против частей Красной армии с востока.

Идея поэмы «Колчак» заключена в социально-политической и моральной дискредитации Колчака и лидеров Белого движения – царских генералов, офицеров, священнослужителей, интервентов¹¹. Отсюда и проистекала задача создания особого рода народного произведения – с простотой формы рассказа, пронизанностью его мировосприятием трудового народа. Изданная большим тиражом, книга приобрела широкую известность среди чувашей: многие пересказывали ее наизусть, поэма повсеместно инсценировалась самодеятельными драматическими кружками.

Сюжетно-композиционный строй поэмы «Колчак» выстроен в форме описания застолья окружения А.В. Колчака с вытекающими из него последствиями. Изображение носит явно гротескный характер: все преувеличено до чрезмерности – комические портреты, карикатурная гиперболизация главных действующих лиц, восхваляющие адмирала монологи, безобразные действия героев и перечисления разнообразных блюд. К примеру, фигуры священнослужителей – обжор, сладострастников и пьяниц – оказываются в резком противоречии с тем аскетическим идеалом, которому они, как люди церкви, служат.

Сцена праздничного гулянья у И. Тхти очень близка к народно-пиршественному образу, весьма распространенному в мировой литературе.

«В акте еды границы между телом и миром преодолеваются в положительном для тела смысле: оно торжествует над миром, над врагом, празднует победу над ним. Этот момент победного торжества обязательно присущ всем пиршественным образам»¹². Преувеличенные пиршественные образы имеют здесь чисто отрицательное значение: это – преувеличение недолжного.

Идейное содержание поэмы в период пересмотра исторической роли Белого движения и А.В. Колчака, великолепного флотоводца и ученого, сегодня неактуально. Но ценителей поэтического слова должен привлечь именно художественный стиль произведения, форма изложения, нежели его внутреннее содержание. При односторонней оценке исторических событий образный строй поэмы и ее язык оригинальны: здесь и народно-бытовая разговорная речь, и открытая публицистика, и близкий к мировой народной смеховой культуре пиршественный образ, и присущая фольклорным частушкам гиперболизация, и выдумки веселого рассказчика-острослова. Народно-песенный стих умело сочетается с формой стихотворного рассказа, где присутствует сказовая речь, ранжированная острым юмором и образами из устного поэтического творчества. «Колчак» представляет собой сатирическую поэму, которая положила начало развитию сатирического жанра в чувашской лиро-эпике¹³.

Стремление к познанию выразительных черт в стилистике и структуре чувашского языка, постижению форм проявления в нем мыслей, чувств, народного юмора позже нашло отражение в разговорной речи таких героев, как Шерхулла, Тхти (герой рассказов), Тхтаби, Иван Ашак и др. Писатель проникал в тайну разговорной конструкции простых людей, умело перенимал интонацию их речи, их выражения, обороты, фразы. Он изучил все тонкости языка и уже с первых шагов в литературе стал пользоваться им легко и непринужденно.

Летом 1919 г. И. Ефимов переехал в Москву, где в первое время работал выездным инспектором Народного комиссариата просвещения. В 1922–1924 гг. он занимает должность директора московского детского дома № 14, где в период голода 1921–1922 гг. были размещены дети из Чувашии. Он преподает им чувашский язык. В 1923 г. он женился на Семиной Анне Михайловне, работавшей няней в этом же детском доме. Дети от первого брака – дочь Александра и сын Владимир.

Голод, постигший Поволжье в 1921–1922 гг., описан поэтом в поэме «Высĕлăх сÿл» (Голодный год, 1921). Это произведение вошло в литературу как ярчайшее описание голода, человеческих мук, страданий плоти, убивающих и дух. Полный вариант поэмы, где автор воспроизводит живые картины действительности, противопоставляя роскошную жизнь столичных и заморских богачей захудалой и голодной жизни чувашских крестьян, в свое время не был напечатан из идеологических соображений:

Чӑх ашӑсем, ветчина,
Хур какайӑ — закуска,
Ҫичӑ тӑслӑ кӑлпаси
Сӑтел ҫине лартнӑ-ҫке. <...>
Ҫакӑ Мускав ҫыннисем
Пӗтӑресӑ ужина.

Тем те кӑҫал ҫиетпӑр:
Пӑрҫа улӑм, ҫӑвӑлҫа,
Хуратулӑн хӑмӑлӑ,
Йӑкелпеле кӑчкӑсем —
Этем ҫимӑҫ мар ӑнтӑ,
Чун тухасран ҫех вӑсем.

Курятина, ветчина,
Гусятина — закуска,
Колбаса семи видов
Поставлены на стол. <...>
Вот так эти москвичи
Уплетают ужин.

Что только не едим в этот год:
Гороховую солому, листья,
Стебель гречихи,
Желуди да почки —
Вовсе не людская еда,
Так, для поддержания души в теле*.

Или следующие строки:

Пулнӑ-пулман тыр-пула
Иртнӑ хӑлле Советсем
Хӑвармарӑҫ нормине,
Отряд салтак ярас пуҫтарчӑҫ¹⁴.

Неудавшийся урожай
Прошлой зимой Советы
Забрали до единого,
Выслав отряд солдат.

В советскую эпоху строки о продотрядах ни в коем случае не прошли бы в печать, и автору пришлось их сократить. Если в оригинале автором раскрывается сущность неправомερных действий советской власти, усугубивших положение народов Поволжья в год засухи, то в его сокращенном варианте мы видим лишь картины жизни крестьян в голодный период. В поэме Илле Тхти главная идея выражена открыто, никак не завуалирована, как, например, в рассказах. К изданию текст был представлен автором с сокращениями, и оставлены лишь общие, поверхностные фабульные линии (1925).

Стихотворения «Хӑлле» (Зима, 1924), «Ҫӑнӑ ҫул» (Новый год, 1924), «Сурхури» (Рождество, 1925), «Ӕлӑк нумай макӑрнӑ...» (Много слез выплакано в старину, 1925) говорят о близости авторской строфики и народной поэзии. Особенности своего мировидения и эстетические взгляды подсказывают ему обратиться к традициям чувашского фольклора. Из поэтики устного народного творчества И. Тхти заимствовал народную строфу, образность, художественность народно-поэтической речи, характер символики и образы. Его лирический герой умеет отчетливо выражать свое мнение о судьбе народа, он целеустремлен и уверен в правильности своих идей, изображение в произведениях подчинено реалистическому принципу:

Мекек-мекек качака
Ҫуллен хӑсӑр ҫӑресен,
Мӑне кирлӑ качака?
Ҫыруҫ тавраш поӑтсем
Усӑр сӑмах ҫырсаҫӑн,
Кама кирлӑ ҫавӑсем?¹⁵

Мекеке коза
Если из года в год яловая,
Зачем нужна коза?
Поэты вроде писак
Если пустословят только,
Кому нужны такие?

В этом стихотворении использован психологический параллелизм, присущий народным песням: автор сравнивает пустословных, бездарных поэтов с животным, не дающим потомства. Подобная ассоциативность дает

* Здесь и далее перевод текста автора.

наглядное представление о никчемности первых. Ироничный смех поэта отличает его стихи от фольклорных композиций.

Постепенно И. Тхти отходит от поэзии, отдавая предпочтение прозе. Ориентирующемуся на народно-поэтические традиции, ему нелегко было принять изменения, происходившие в чувашской поэзии¹⁶, способствовавшие переходу чувашского письменного стиха от силлабики к силлаботонике. В 20-е гг. XX в. чувашская поэзия должна была дать предпочтение той метрической основе, которая диктовалась как внутренними, так и внешними факторами. В эпоху строительства новой культуры с точки зрения русско-европейских революционных веяний наиболее соответствующей социалистическому содержанию считалась силлаботоника. Уже к концу 1920-х гг. споры о теории стихосложения стали сопровождаться идейно-политическими обвинениями: сторонники силлабического стиха автоматически становились защитниками изживших форм дореволюционной культуры¹⁷.

Так, романтическо-юмористический стиль, характерный у Тхти для поэтических произведений, постепенно заменяется шутивно-ироническим, ярко проявившимся в его последующих рассказах.

Желание получить профессиональное образование приводит И. Тхти в Высший литературно-художественный институт им. В. Брюсова (1924). После его закрытия в 1925 г. он перевелся на литературное отделение этнологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Годы учебы стали для писателя серьезным испытанием в материальном плане, но они (1925–1930 гг.) оказались самыми плодотворными в творческом отношении. Посещение занятий и общение с русскими учеными открыли перед ним возможность приобщения к русской и мировой культуре и литературе. Произведения этого периода свидетельствуют о существенном развитии авторского письма и становлении его собственного стиля, когда внешний смех переходит во внутренний, в самоиронию. При этом художественный смысл не всегда имеет открытое и прямое выражение. Язык как таковой – это лишь внешняя оболочка. В его произведениях есть еще другой «язык» – язык искусства, который нередко называют «подтекстом». То, что сказано писателем на этом «языке», не совпадает, а нередко даже и противоречит тому, что передает внешнее, лежащее на поверхности переплетение фактов и фраз (это касается и названий произведений). Поэтому читатели далеко не всегда и не сразу воспринимают подлинный смысл его творений. Чтобы понять суть произведений Тхти, необходимо овладеть этим своеобразным языком, вникнуть в подтекст.

Творческий путь Илле Тхти начал со статей и очерков, впоследствии его публицистический стиль нашел отражение в очерковых рассказах. Произведения очеркового жанра в содержательном плане имели просветительскую направленность, отличались информативностью, актуальностью поднимаемых вопросов. В произведениях с публицистическим «креном» автор затрагивает проблемы развития культуры и образования чувашского

народа: «Ваҫкӑ, Ванькӑ, Ахмет» (Васька, Ванька, Ахмед, 1926) «Купӑста» (Капуста, 1927), «Витаминсем» (Витамины, 1927). Структура подобных произведений отличается открытостью и синкретичностью, вследствие чего очерк становится очерком-рассказом. Присмотревшись к логике философско-публицистических раздумий писателя, можно убедиться в том, что для него важна как судьба страны, республики, так и жизнь отдельного чуваша («Ҫиҫӗм ҫамахӗсем») (Галушки из молнии, 1927). Творчество Тхти во многом определило пути развития художественно-публицистического стиля в чувашской литературе, в некоторой мере способствовало его становлению и развитию в последующие годы (творчество Хв. Уяра, Л. Таллера, Хв. Агивера).

Сюжетная линия рассказов И. Тхти, подчиняясь естественной логике развития, строится на вполне обыденных явлениях действительности. Особенностью такого подхода к проблеме сюжета становится его умение видеть в незначительных деталях глубокий социальный смысл. Так, фабулу рассказа «Иптеш» (Друг, 1924) составляют семейно-бытовые сцены, объединенные логикой размышлений рассказчика. Герой-рассказчик Тхти (не автор-писатель!) обсуждает с читателем полученное от редактора местной газеты письмо с критикой его произведений и незаметно переходит к выяснению семейных отношений с якобы политически осведомленной женой. Манерой общения он напоминает зощенковского героя-рассказчика, но существенно отличается от него своей рассудительностью, ловкостью маскировать истинные мысли под игру в наивного обывателя. Он слегка подтрунивает над собой, снижая свой образ: «...Это не по советским законам, но такой вот я человек, в порядках новых не разбираюсь. Люди в обыденной жизни раскрываются, пронизательнее, образованнее становятся. Я же не такой». Но здесь не осмеяние себя или необразованной жены, ироническое осмеяние обращено к явлениям новой жизни. Так формируется причудливая реальность отображенного мира, сочетающая противоположные грани действительности: «Гротескировано-драматичное самобичевание героя насыщает воплощенный мир абсурдностью реальности, фатальной ее безысходностью, почти что кафкианским мироощущением»¹⁸.

Накопленный годами опыт и новые постижения в учебе давали писателю богатый материал для творчества. Свои рассказы И. Тхти создавал на будничном материале сельского быта. Его герои – простые деревенские жители, и их ничем не обязывающие мысли и чувства, к сожалению, противоречат целям нового общества. Это противоречие и составляло тему его творчества. Так, в рассказе «Шикли шикленӗ» (Испуганный, 1925) автором показано внутреннее состояние бывшего кулака в условиях социалистических преобразований. Он готов вместе со всеми курить табак, только бы его определили к середнякам. Ранее не боявшийся никого и ничего, теперь он пугается даже перебегающего дорогу зайца. Шерхулла из одноименного рассказа – чудаковатый, исполненный чувством собственного достоинства пастух, с которым сегодня считаются и бывшие кулаки. Новая

власть дала ему право «строить свою жизнь», но Шерхулла еще не знает как. «Не надо было идти на свадьбу к богачам. Сам виноват, стыдно мне: богатые меня в свой круг не взяли, а от бедных, выходит, сам отстранился», – делает вывод герой. Шерхулла есть образ советского обывателя 1920-х гг. В рассказах «Мун-ча-ла» (Мочалка, 1928), «Алло, Окиатро, алло» (1928), «Пит ла-йӑх» (Очень хорошо, 1928) через своеобразное переплетение образов и речевых оборотов, аллегорий и игры слов запечатлевается внутреннее преображение героя-рассказчика в переходную эпоху.

В рассказах И. Тхти ярко активизирован «я»-рассказчик. Если у его предшественников, писателей-просветителей М. Юмана, Г. Тал-Мрза и др. это образ интеллектуального героя-моралиста, передающего близкие к авторской позиции взгляды, то у Тхти зона между «я» и автором расширяется. «Я» здесь – представитель разных социальных слоев, отражающий настроение народа. Так история одного человека у писателя выступает как проявление развития всего человеческого общества. Здесь видится невозможность прямого и открытого отображения сложных и противоречивых процессов и животрепещущих вопросов социально-политической жизни общества, что вынуждало писателя искать иноязычные формы, жанрово-поэтические возможности средств изображения. С развитием политического самосознания автора трактовка действительности сменяется более выраженным ироничным отношением к миру. Смешное перестает вести в рассказах самостоятельное существование, а подчиняется художественной цели изображения жизни во всей ее сложности.

Произведениям писателя свойственны раздробленность абзацев, многословность при создании художественных картин, короткая, обрывистая фраза, многослойность мыслей, которые органично вписываются в доминирующую тенденцию художественного языка русской прозы конца 1920 – начала 1930-х гг. (в творчестве Ю. Олеши, И. Бабеля, В. Шкловского). Но это рассматривается нами лишь как фактор внешнего влияния. Внутренне же И. Тхти «был погружен в стихию чувашского языка, из доньев народного языка он извлекает нужные ему интонации, фразеологию, общий строй и ритм речи»¹⁹. Язык является существеннейшей частью комизма писателя. В его рассказах часто нет занимательной интриги, поэтому комическое чаще всего создается исключительно языковыми средствами. Благодаря живому народному языку с его художественно-образительными средствами писатель лепит яркие образы. В рассказе «Мочалка» герой открыто высмеивает себя: «Наверное, все-таки я глупый, а жена моя наверняка умная». Он несколько раз повторяет слово «наверное», чем подвергает сомнению сказанные им слова. Здесь находчивость и хитрость героя, его приспособленность к жизни, умение ориентироваться в любом трудном положении и найти из него выход.

В том, что его герои часто маскируются под наивных людей, которые таким образом защищают свое достоинство, становясь морально выше своих собеседников, Г.И. Федоров рассматривает национальное философское со-

знание чувашского народа. Именно он впервые заговорил о синтезе комического и трагического в творчестве писателя, о том, что И. Тхти «трагизм и драму судеб своих героев отображает через ироническую, юмористическую жизненную ситуацию»²⁰, что свойственно чувашскому характеру. Такого рода игра для автора становится «средством сопротивления жизненным трудностям и спасения от творческого тупика»²¹. Так, писатель в своих произведениях умело показывал разносторонность реализма переходного периода, раскрывал политически познавательные, психологические и просто бытовые стороны жизни чувашского народа.

Ввиду своей идеологизированности, недопонимания сути художественного текста критика часто упрекала писателя в безыдейности его произведений. По отзывам, автор рассказов «Шерхулла», «Ҫиҫём ҫамахё» (Галушки из молнии), «Аслă, аслă, чаплă, сумлă паттăрсем» (Великие, умные, знаменитые, уважаемые богатыри) не замечает нововведений, пишет лишь о несовершенствах жизни в деревне, а им уже не место в советской литературе. Поводом для подобных утверждений послужило своеобразное видение И. Тхти противоречий жизни. Показывая старое и новое в причудливой, порой комической форме, он не проводит между ними резкой грани. Его герой не вообразимо-идеальный, а реальный, из плоти и крови, несущий в себе веками накопленное сознание, с трудом воспринимающий новое, нетрадиционное. Да и сам конфликт литературы «старое – новое» является фоновым, не определяющим атмосферу его творчества. Написанное в стиле рекрутских песен стихотворение «Чăваш поэтсене. Мухтав юрри» (Хвалебный гимн великой плеяде чувашских поэтов и писателей всех времен и веков, 1925) выражает боль не принятого народом (а может, и не признанного по достоинству) поэта за судьбу родной литературы:

Чăваш поэт пуличчен
Тăлăх-турат пулас-мĕн,
Ҫĕтĕк-сұрăк тăхăнса,
Урам тăрăх тăсапса,
Хура-мара хутаҫпа
Ыйткаласа ҫўрес-мĕн.

Чем чувашским поэтом быть,
Стать бы бедной сиротой,
В лохмотья бы обрядиться
Да по улицам бродить,
Котомку нацепив на себя,
Ходить попрошайкой.

В такой абсурдно-образной форме передано отношение к состоянию всего литературного процесса (абсурд как принцип построения текста находит отражение и в прозе И. Тхти). Подчиненная цензуре и направляемая ею, закрывающая глаза на несправедливость – такая литература не удовлетворяла писателя.

В последний год учебы в Московском университете Илле Тхти заявляет: «Занятие чувашской литературой, теоретическое и практическое изучение русского языка, литературно-переводческое дело для меня не случайность, а вопрос всей моей прошлой жизни и будущей моей работы. Вся моя деятельность с 1905 г. по настоящее время была посвящена родному народу. По окончании университета я должен ехать в Чувашскую республику»²².

В 1928 г. он возвращается в Чебоксары и начинает преподавать чувашский язык и литературу в Чебоксарском центральном чувашском педтехникуме. В том же году в сентябре он женился второй раз – на Кире Николаевне Шишкиной, русской по национальности. Через год у них родилась дочь Вера. В 1931 г. его техником переводят в г. Цивильск, и, оставшийся без работы, Илья Ефимович досрочно уходит на пенсию по инвалидности из-за прогрессирующей болезни – туберкулеза легких. Последующие годы он посвящает себя литературному творчеству, периодически подлечиваясь в противотуберкулезных санаториях Москвы, Ялты, Крыма, с. Чуварлеи (Алатырский район Чувашской Республики).

1930-е гг. были самыми сложными для И. Тхти. Ужесточение цензуры, невозможность печататься в периодических изданиях, ложные обвинения, трудное материальное положение – эти обстоятельства во многом повлияли на творчество писателя. Пересмотрев свои социально-политические взгляды, он переходит на иные средства художественного выражения исторического сознания. Он использует все обретенные им ранее формы и приемы комического, но их структура и функционирование подчинены уже несколько иным задачам. Социология смеха позднего Тхти связана с проблемами жизнеустройства, с проблемами времени, в рамках которого он творил. С углублением социальных и житейских проблем усиливается ироническое начало в творчестве писателя. Именно комическое изображение проблем позволило автору не только сказать народу правду, но и выразить свое к ней отношение.

В рассказе «Помидор» (1934) определяются тенденции развития комического. Здесь сюжетно-композиционная линия выстраивается на изображении развития мировосприятия главного героя Ивана, деревенского жителя, в период коллективизации. Все перемены в жизни крестьян он воспринимает в сопоставлении со старым, что характерно для чувашского менталитета. Изменяющееся внутреннее состояние «нового чуваша» в сюжетном плане автор передает через параллельную композицию. Комизм здесь заключается в самой изображаемой ситуации: Иван, женатый человек, в очередной раз придя на свидание к одинокой Улю, совершенно случайно становится свидетелем разговора любовницы с другим мужчиной. Она угощает гостя помидором и слушает его рассказ о том, как и когда появился этот овощ в России, попутно затрагивая историю Христофора Колумба. Подслушивая за печкой о приключениях землеоткрывателя, Иван дивится его храбрости и стыдится своей трусости: «Ты один такой – дальше порога пройти не смеешь; проживаешь свою жизнь, теснясь за печкой, словно мышь». Услышанное меняет полностью мировоззрение главного героя. И он по-другому строит свою дальнейшую жизнь: решает больше не изменять жене, погружается в новую коллективную общественную жизнь, чего раньше так сильно опасался. Через мировосприятие Ивана автор умело раскрывает перед читателем особенность чувашского национального менталитета – страх перед всем новым, неизвестным, нежелание расстаться с привычным. На пер-

вый взгляд «Помидор» – это агитационный рассказ с социологической направленностью, но внутреннее аллегорическое мышление позволяет характеризовать его как классический образец чувашской малой прозы 1930-х гг.

Мастерство И. Тхти проявляется в том, что он чутко реагирует на самые разные явления действительности, в том числе и негативные. По мере роста политического самосознания писателя изменяется и облик любимого героя И. Тхти. Комическое в нем начинает играть новую роль: юмор еще больше усиливает трагическое или, наоборот, «смягчает» его светлой улыбкой. Герой рассказа «Парём 777 тенкё» (Долг 777 рублей, 1931) уже не представляется наивным, он разучился смеяться. Уклад жизни 1930-х гг. преобразил его, научил жить по плану пятилеток, жизненные ценности мерить денежными знаками. Заботу родителей, их любовь он перевел на денежное выражение и решил рассчитаться с ними в рублях: «За то, что, лежа в колыбели, плакал от укусов комаров, вшей, клопов, мучаясь от чесотки, и беспокоил вас этим; за то, что стирала мне одежду, пекла хлеб, варила мне еду и за другое, матери 50 руб.» Авторская ирония направлена на героя, в лице которого высмеиваются порядки, лишаящие «новых» хозяев жизни элементарных человеческих качеств. В рассказе формализм и косность развенчиваются посредством не только иронической манеры изложения, но и речевого саморазоблачения героя.

И. Тхти никогда не забывал о своем крестьянском происхождении и о близости к земле. В трудный в материальном плане 1933 г. он нанимается бригадиром овощной бригады колхоза «Капнер» в своей родной деревне. Он хорошо разбирался в агрономии, пчеловодстве, что подтверждает цикл статей «Хурт-хăмър калавĕсем» (О пчеловодстве, 1935)²³.

В 1934 г. И. Тхти избирают членом Союза писателей СССР. Несмотря на болезнь, осенью 1936 г. он выезжает для сбора фольклорного материала в Татарскую республику. Семье необходимы были денежные средства, а впечатления от услышанного и увиденного он намеревался использовать в дальнейшей творческой работе²⁴. Так, с 2 сентября по 4 ноября 1936 г. он участвует в лингвистической экспедиции, организованной Чувашским научно-исследовательским институтом социально-культурного строительства (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук), которая проходила в чувашских деревнях Октябрьского района Татарской АССР (ныне Нурлатский район Республики Татарстан). Записанные образцы фольклора проанализированы И. Ефимовым в рукописи «Некоторые примеры конструкции предложений в чувашских народных песнях и сказках, собранных в октябре 1936 г. в деревнях Гайтанкино и Ново-Гайтанкино Октябрьского р-на Татарской АССР»²⁵.

30 июля 1937 г. вышел печально известный приказ НКВД СССР за № 0047, согласно которому в целях социальной защиты предписывалось в течение четырех месяцев изолировать от общества «антисоветские элементы». К их числу относились и отсидевшие в лагерях по политическим статьям. В Чувашию, как и во все остальные регионы страны, пришла разрядка – сколько отправить в лагеря, а сколько расстрелять. Для это-

го в ходе упрощенного судопроизводства сотрудникам НКВД нужно было выявить доказательную базу их причастности к контрреволюционной деятельности (например, добиться личных признаний) и принять соответствующие меры²⁶. В поле зрения попали чувашские писатели Н. Шубоссинни, П. Хузангай, В. Митта, И.С. Максимов-Кошкинский, Г.И. Комиссаров и др. Цензуру настораживал и критический дух произведений И. Тхти. В 1938 г., за месяц до его смерти, газеты писали: «Хитрый, словно лис, своими подлизывающимися манерами старый деревенский образ жизни в своих рассказах он выдает за современный, советский. В поэме “Няине-паппине” он грезит победой фашистов и на их языке омерзительно пишет о чувашском народе и его писателях. Вот так выглядит еще один враг народа»²⁷. Или: «Написать о народе и чувашской деревне так, как он, способны лишь враги»²⁸. Понятие «враг народа» ввел И.В. Сталин, и «этот термин сразу освобождал от необходимости всяких доказательств идейной неправоты человека или людей, с которыми ты ведешь полемику: он давал возможность всякого, кто в чем-то не согласен со Сталиным, кто был только заподозрен во враждебных намерениях, всякого, кто был просто оклеветан, подвергнуть самым жестоким репрессиям, с нарушением всяких норм революционной законности»²⁹. Отдавшему всю свою жизнь служению родному народу писателю было больно принять подобные обвинения в свой адрес, что и приблизило его смерть. И.Е. Ефимов умер 22 февраля 1938 г. в больнице. Он похоронен в г. Чебоксары.

Литературное наследие Илле Тхти представляет интерес не только как художественно-эстетическое, но и как историко-культурное явление, оно позволяет вносить коррективы в понимание истории развития всей чувашской литературы. На фоне тех писателей, кто выражал свои идеи тенденциозно, напрямую, героев изображал шаблонно, схематично, выделяется творчество Тхти. Герои его произведений наделены «повествовательной» свободой, непринужденностью наивного и простодушного обывателя и как бы случайно затрагивают злободневные проблемы общества. В этом случае нелегко было определить позицию самого автора. Благодаря его прозе чувашское образное мышление поднялось на новый уровень. Писатель показал, что «мир героев» и «мир автора» – понятия не идентичные, что явилось знаковым для прозы того периода. Развивая традиции чувашской комической прозы, И. Тхти расширил границы комического повествования, широко вводя в него аллегорию, игру слов, самоиронию, соединив текст и подтекст, показав огромный психологический потенциал комизма, вобравшего в себя формы внешне правдоподобного воспроизведения действительности.

Литература и источники

¹ Александров Г.А. Формирование дореволюционной чувашской интеллигенции и ее идейные поиски // Проблемы национального в развитии чувашского народа: сб. ст. Чебоксары, ЧГИГН, 1999. С. 220.

² Даров М.Ф. Как мы подружались с И.Е. Тхти: воспоминания // НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. № 1247. Инв. № 7302.

³ Романов Н.И. И. Ефимов-Тхтинен асанса // Таван Атл. 1958. 2 №. С. 92.

⁴ *Леонтьев А.П.* «Хыпар»: минувшее и настоящее. Факты. События. Личности. Судьбы. Чебоксары: ГУП ИПК «Чувашия», 2011. С. 176.

⁵ *Ефимов-Тәхти И.Е.* Наглядный арифметический задачник на чувашском языке для начальных училищ / под ред. Н.В. Никольского. Казань: Центр. тип., 1908. 60 с.

⁶ *Кузьмин Н.* Тутарсемпе чăвашсем [Татары и чуваш]. Казань, 1906. В «Хыпаре» Н. Кузьмин опубликовал очерк «Сул сиче курни» (Увиденное в пути. 1906. № 12), в котором возвеличивал быт казанских татар и призывал чувашей к просвещению. О башкирских чувашах писал С. Кириллов (НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 152. Л. 1–17).

⁷ *Ашмарин Н.И.* Программа для составления чувашского словаря. Казань, 1900.

⁸ *Комиссаров Г.И.* О чувашах: исследования, воспоминания, дневники, письма / сост. и прим. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. С. 303.

⁹ *Тәхти И.Е.* Поэзи, проза, публицистика. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1979. 294–295 с.

¹⁰ *Родионов В.Г.* Чăваш литератури, 1917–1930-мĕш сс.: вĕренÿ пособийĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2008. С. 356.

¹¹ *Хлебников Г.Я.* Сатира Илле Тхти // Поэтика чувашской советской литературы: начальный этап (1917–1922). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1990. С. 35.

¹² *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худ. лит., 1990. С. 257.

¹³ *Родионов В.Г.* Чăваш литератури, 1917–1930-мĕш сс. С. 358.

¹⁴ *Тәхти И.* Выслăх сÿл // Суйласа илнисем. Шупашкар: ЧПГĂИ, 2009. С. 66.

¹⁵ *Тәхти И.* Мекек-мекек качака // Çавăнтах. С. 49.

¹⁶ *Сеспель М.* Стихосложения и правила ударения // Канаш. 1920. 17 ноября.

¹⁷ *Родионов В.Г.* Чувашский стих: проблемы становления и развития. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. С. 116.

¹⁸ *Федоров Г.И.* Проблема художественного единства комического и трагического мировидения как эстетический феномен чувашской прозы XX в. // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 322.

¹⁹ *Хузангай А.П.* Новая трактовка истории чувашского слова? // Лик. 2006. № 2. С. 79.

²⁰ *Федоров Г.И.* Художественный мир чувашской прозы 1950–1990-х гг. Чебоксары, 1996. С. 54.

²¹ *Кудрявцева Р.А.* Марийский рассказ XX века (история и поэтика жанра). Йошкар-Ола, 2008. С. 59.

²² НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 214. Инв. № 1412.

²³ *Тәхти И.* Хурт-хăмър калавĕсем // Сунтал. 1935. 7–8 №.

²⁴ НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. № 87. Инв. № 151.

²⁵ Там же. Отд. V. Ед. хр. № 398. Л. 196–274.

²⁶ Из истории одной репрессии: Шевле Михаил Васильевич (2012). URL:/http://www.gia.archives21.ru/default.aspx?page=/3700/4984/4990/8008&s_page=6 (дата обращения 22.09.2014).

²⁷ *Родионов В.Г.* Чăваш литератури, 1917–1930-мĕш сс. С. 281.

²⁸ *Степанов Н.* Сиенлĕ калавсен сборникĕ // Сунтал. 1937. 12 №. С. 2.

²⁹ О культе личности и его последствиях: доклад первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 5.

I.Yu. Kirillova

ILYA EFIMOVICH YEFIMOV: STROKES TO THE CREATIVE PORTRAIT

In this research, I.Yefimov-Takhti's literary creativity is of interest not only as art and aesthetic, but as a historical and cultural phenomenon as well, forcing to introduce some amendments in understanding the history of development of the Chuvash literature in the first half of the 20th century.

Keywords: I. Ye. Yefimov, Chuvash literature in the first half of the 20th century, prose, poetry.

ЧГВ, 2014 г., № 9
© Н.М. Иванова

СОЦИОЛОГИЯ РЕГИОНА: ОПЫТ И ТЕНДЕНЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье на основе анализа научных публикаций, архивных источников рассматриваются опыт и тенденции социологических исследований в Чувашии в 2000-х гг. Выявлены основные темы и актуальные направления исследований, подведены итоги, и акцентируется внимание на практических задачах, стоящих перед региональным социологическим сообществом.

Ключевые слова: регион, Чувашская Республика, социология, социологические исследования, научные публикации

В 2000-х гг. в отечественной социологии произошло становление ряда новых исследовательских направлений. В 2008 г., анализируя уроки возрождения и перспективы развития данной отрасли знаний, директор Института социологии Российской академии наук М.К. Горшков констатировал, что российская социология в начале XXI в. характеризуется гораздо большей дифференциацией как в обсуждении теоретических разработок, так и в эмпирических направлениях и поисках. Им также отмечено, что наряду с исследованиями глобального и национально-социетального характера резко возрос интерес к социальным проблемам регионального плана¹. Обоснована позиция, что в современных условиях разработка региональной проблематики и деятельность социологов в регионах приобретают все большее как научное, так и прикладное значение. Актуальность развития данного сектора социологического общества подтверждается и опытом исследований в регионах, представленным, в частности, в публикациях социологов Татарстана², Мордовии³, Ульяновской области⁴ и Марий Эл⁵.

Развитие Чувашской Республики в постсоветский период характеризуется многими важными, в том числе и неоднозначными, событиями и процессами в общественно-политической и социально-экономической сферах.

Наталья Михайловна Иванова – социолог (г. Чебоксары); e-mail: human2000@yandex.ru.

Они являются частью общероссийского контекста, а также носят региональный специфический характер. Существенный вклад в их фиксацию и анализ внесли исследователи-социологи. В данной статье анализируются опыт и тенденции социологических исследований в Чувашии в 2000-х гг. Автором изучены научные публикации (монографии, статьи в научных сборниках и периодических изданиях, брошюры, тезисы и доклады научных конференций) данного периода. Большую информативность имеют материалы проведенных автором интервью с представителями регионального социологического сообщества, материалы «круглого стола» социологов Чувашии, организованного в 2009 г. в Филиале Волго-Вятской академии государственной службы в г. Чебоксары (ныне Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации). Эмпирическую основу статьи также составили источники из научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Рассматривая особенности развития социологической отрасли знания в Чувашии, необходимо отметить обстоятельства, касающиеся развития российской социологии в целом. Исторически сложилось так, что ведущие центры отечественной социологической мысли появились в столицах – Москве и Санкт-Петербурге. В настоящее время в них работают Институт социологии Российской академии наук, Институт социально-политических исследований (ИСПИ) Российской академии наук, Российский независимый институт социальных и национальных проблем (РНИСиНП). Необходимо упомянуть также Центр социологических исследований Московского государственного университета, действующие факультеты социологии Высшей школы экономики, Московского и Санкт-Петербургского государственных университетов. Данные учреждения и структуры осуществляют фундаментальные теоретические разработки и служат базой для реализации крупных исследовательских проектов.

Иная картина наблюдается в регионах России. Можно согласиться с мнением социологов из Мордовии, что развитию любой отрасли научного знания присущ ряд основных составляющих: диапазон исследований, динамика публикаций, ее статус в общественном сознании и системе образования, создание специальных научных организаций, обществ, изданий и т.п. Их наличие в регионах обусловлено идеологической и социально-политической обстановкой в стране, уровнем развития в ней фундаментальной и прикладной науки⁶. В России региональные структуры представлены социологическими кафедрами и факультетами в вузах, где ведется высшее профессиональное и послевузовское образование по социологическим специальностям, а также профильными подразделениями в научно-исследовательских институтах и центрах.

Разные уровни организации и ресурсной базы социологических структур на местах обуславливают неравномерное распределение проводимых в регионах социологических исследований. В частности, по данным Е.А. Гришиной, из общего числа исследований на долю Центрального федерального

округа в 2008 г. приходилось 30, Приволжского – 26, Северо-Западного – 13, Уральского – 10, Южного – 9, Сибирского – 8, Дальневосточного – 4 %. Основную их часть составляет изучение конкретных организаций и предприятий, носящее локальный и узкоспециализированный характер⁷.

В Чувашии сообщество социологов находится в стадии становления. Н.Г. Семедова-Полупан характеризует его как «социологически» необразованный субъект, отмечая малочисленность профессиональных кадров и проблематичность проведения исследований⁸. В 2000-х гг. одним из центров социологических исследований стал отдел социологии Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН), созданный в 2001 г. Работа также ведется исследователями Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева и других региональных вузов.

Помимо организационно-структурных аспектов, важным является определение проблематики исследований. Вопросы развития социологии в регионах волнуют научное сообщество. В этой связи большой интерес представляют мнения, высказанные в ходе дискуссии в журнале «Социологические исследования» в рамках VIII Харчевских чтений «Региональная социология: становление и направления исследований», состоявшихся в 2006 г. Итоги форума, в котором приняли участие ученые Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Белгорода, Саранска, подведены в статье Н.В. Романовского⁹. Одним из ключевых вопросов было уточнение употребляющихся в настоящее время понятий «региональная социология», «социология в регионах» и «регион как объект социологического исследования». Аргументированной выглядит позиция члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина, считающего, что целесообразней говорить о социологии в регионе, а не о региональной социологии. Социологические исследования проводятся в каждом регионе, и задача заключается в том, чтобы в разных регионах социологи могли говорить на одном языке, что в свою очередь невозможно без единой методологии и методики. Успешным примером реализации проекта, опирающегося на сеть социологов в регионах, типовую программу, методику и инструментарий, Н.И. Лапин считает исследовательскую программу «Социокультурная эволюция России и ее регионов».

Г.Е. Зборовский (Екатеринбург) акцентировал внимание на проблемах исследовательских возможностей социологов в регионах¹⁰. При этом он подчеркивает, что любая наука, в том числе социологическая, не может «делиться» по критерию места расположения или занятия ею на центральную и региональную. По результативности не только в столице, но и во многих регионах страны можно найти хорошо известных социологическому сообществу ученых. Существуют неясности и с определением понятия «регион» и, как следствие, понятия «региональное социологическое пространство». У региональной социологии нет своего предметного поля, в содержательном от-

ношении оно сконструировано искусственно. На основании данных аргументов Г.Е. Зборовский заключил, что региональной социологии как таковой, то есть как отдельного направления или линии развития социологической науки, в нашей стране нет. Но это не значит, что в регионах нашей страны не развивается социология. Есть достаточно много свидетельств ее значительных достижений (проводимые социологические исследования, публикации и др.). Среди актуальных трудностей Г.Е. Зборовский выделяет качество исследований локального характера. Схожей точки зрения придерживается В.В. Козин (Саранск), отрицательно оценивающий идею «региональной социологии», фактически означающей, по его мнению, концентрацию на вопросах сугубо краеведческого характера.

Общим выводом участников дискуссии стало то, что региональный срез исследований позволяет сфокусировать внимание социологической общественности на вопросах, которые в силу разных причин оказались вне сферы внимания ученых и руководителей регионов страны. Очевидной является задача дальнейшего укрепления контактов между социологами разных регионов.

Позитивную роль в расширении взаимодействия между социологами разных регионов призваны играть профессиональные ассоциации или сообщества социологов. В России таковых несколько: Российское общество социологов (РОС), Российская социологическая ассоциация (РоСА), Русское социологическое общество им. М.М. Ковалевского (РСО) и др. Согласно официальной информации, РОС, созданное в 1989 г., в настоящее время насчитывает 62 региональных отделения с общим количеством индивидуальных членов более 3500 чел., действует 30 его исследовательских комитетов¹¹. РоСА, созданная в 2003 г., к 2008 г. объединяла 58 региональных и 5 местных отделений¹². Данные организации выступают инициаторами различных научных мероприятий (всероссийских конгрессов социологов, конференций, чтений, школ), проводят конкурсы научных работ, имеют свои печатные издания («Вестник РОС», «Социология»). Силами региональных отделений организаций осуществляются исследования общероссийского масштаба.

Однако существующие определенные проблемы во взаимоотношениях между РОС и РоСА не способствуют решению практических задач по консолидации социологического сообщества. Это отметили в ходе интервью эксперты И.Е. Ильин и Н.Г. Семедова-Полупан, предпринимавшие попытки создания региональных отделений общероссийских социологических организаций в Чувашии. Социологи в регионах опираются главным образом на собственную инициативу и ресурсы.

Характеризуя развитие социологии в 2000-х гг. в Чувашской Республике, можно выделить ряд направлений научных изысканий. Многолетнюю исследовательскую работу по аграрной проблематике ведет И.Е. Ильин¹³. Ее результаты представлены в трёх монографиях¹⁴ и серии статей, опубликованных как в Чувашии¹⁵, так и за ее пределами¹⁶. В них анализируются

концептуальные модели аграрной реформы в России на рубеже XX–XXI вв., а также ее социально-экономические последствия и результаты. На основе анализа статистических материалов и собственных исследований И.Е. Ильин высказывает мнение, что земледелец не только не стал самодостаточным субъектом преобразований, а явился, скорее, объектом манипулирования властей. В реформировании необходим приоритет социально ориентированных принципов, которые должны доминировать над технологическими, политическими и прочими подходами. И.Е. Ильиным были рассмотрены экономические, социальные, структурные и организационные направления аграрных преобразований в агропромышленном комплексе Чувашской Республики, в том числе с учетом менталитета и национального характера крестьянства. Определена степень адаптации сельского населения к реформированию сельскохозяйственного производства в рыночных условиях и многоукладной экономики на селе, показано отношение крестьянства как к прежним, так и к инновационным формам хозяйствования.

Работы И.Е. Ильина привлекли внимание и получили положительную оценку со стороны коллег, работающих по данной проблематике¹⁷, а также признание на общероссийском уровне. Его статья «“Великий перелом” в чувашском селе. Результаты и следствия аграрной реформы», посвященная анализу результатов и последствий аграрной реформы в Чувашии, была признана лучшей в номинации «Региональная социология» по итогам конкурса на лучшие статьи, опубликованные в журнале «Социологические исследования» в 2006 г. Заведующий лабораторией социальной структуры и социодинамики села Института аграрных проблем РАН П.П. Великий (Саратов) в обзоре, посвященном российской аграрной социологии, отмечает значимость исследований И.Е. Ильина¹⁸. В.И. Староверов также выделяет И.Е. Ильина в числе активных российских социологов-аграрников¹⁹.

Один из вопросов аграрной тематики в Чувашии, в частности о сельской потребкооперации, исследовался Ю.С. Гуровым. Для выявления степени совпадения социальной реальности с нормативными актами и сложившимися представлениями, относящимися к потребительской кооперации, им в 2007–2008 гг. было проведено исследование, создана эмпирическая база данных социологической информации по районам Чувашской Республики (Канашскому, Красноармейскому, Батыревскому)²⁰.

Существенный вклад в становление и развитие политической социологии в регионе внес Д.М. Шабунин. Предметом его исследований, в том числе в сотрудничестве с зарубежными коллегами из Slavik Research Center Hokkaido University (Япония), являлись национально-государственная трансформация республик Поволжья (включая Чувашскую Республику)²¹, становление региональной политической элиты²².

Большая работа Д.М. Шабуниним проделана по изучению электоральных процессов в Чувашии постсоветского периода. На материалах итогов федеральных и региональных выборов и регулярно проводимых социологических опросов (в сотрудничестве с Н.Г. Семедовой-Полупан) выявлена

динамика политических предпочтений избирателей, электоральной активности в регионе. Получили освещение перипетии борьбы различных политических сил и группировок в ходе выборов Президента Чувашии и других избирательных кампаний²³. Анализировалось также отношение региональных властей к реформе 2004 г., которая предусматривала отход от прямых выборов глав субъектов Российской Федерации. Данная реформа в определенной степени сузила исследовательское поле, сместив внимание на субрегиональный (муниципальный) уровень, но работа была продолжена. В частности, интерес представляют материалы исследования электоральных предпочтений жителей г. Чебоксары 2007 г.²⁴

Н.Г. Семедовой-Полупан начата разработка другого нового направления исследований – социологии управления. В частности, ею в монографии²⁵ и серии статей²⁶ рассматриваются организационно-управленческие аспекты деятельности органов власти, проблемы взаимоотношений власти и общества, доверия со стороны населения, особенности смены высшего регионального руководства.

Интерес представляют совместные исследовательские проекты Д.М. Шабунина и Н.Г. Семедовой-Полупан по актуальным проблемам, связанным с коррупцией. Были осуществлены два крупных исследования²⁷. В 2007 г. по заказу Министерства экономического развития и торговли Чувашской Республики и при участии Министерства юстиции Чувашской Республики проведено исследование «Оценка уровня восприятия коррупции в Чувашской Республике». Было показано отношение к коррупции различных возрастных, образовательных и имущественных групп населения, сделан вывод о системном характере этого явления, для борьбы с которым необходим комплекс мер. В 2008 г. по заказу Министерства экономического развития и торговли Чувашской Республики было проведено исследование «Оценка уровня восприятия коррупции предпринимателями Чувашской Республики». Был опрошен существенный массив – 978 предпринимателей. Анализировались отношение предпринимателей к коррупции и коррупционным сделкам, их мнение о причинах, порождающих коррупцию, распространенность коррупционного поведения и уровень коррумпированности различных сфер общества²⁸.

В 2000-х гг. получили развитие исследования по молодежной тематике. Обзор исследований и появившихся работ осуществлен автором данной статьи²⁹. Итоги исследовательской работы по молодежной проблематике получили отражение в монографиях и серии статей И.Е. Ильина³⁰, Д.М. Шабунина³¹, Н.М. Ивановой³².

Проблемы молодой семьи находятся в центре внимания М.Н. Красновой³³. На основе ряда исследований она рассматривает комплекс вопросов: ценностные ориентации, социальные проблемы молодой семьи. Среди немногочисленных публикаций по гендерной проблематике следует выделить работы О.Н. Мирошниченко³⁴.

Разработку нового исследовательского направления – социолингвистики – начали Э. Алос и Фонт и зарубежные специалисты³⁵. Социолингвистика является разделом языкознания, изучающим связь между языком и социальными условиями его бытования. В центре внимания исследователей социальные аспекты функционирования языков, многоязычие, языковой сдвиг в Чувашии и др.

В 2000-х гг. одним из центров социологических исследований являлся отдел социологии ЧГИГН. В данный период был накоплен опыт разработки и проведения социологических исследований по различной проблематике, по итогам которых подготовлены научные отчеты и публикации. Проведение исследований стало возможным благодаря сотрудничеству с республиканскими органами власти, грантодающими организациями и коллегами из ведущих социологических центров страны.

Во многом новаторским стал проект «Чуваши Приволжского федерального округа», поддержанный в рамках окружной ярмарки социальных проектов «Саратов – 2001» Приволжского федерального округа 2002 г. (участники И.Е. Ильин и др.). Проведена комплексная экспедиция, и создан этнокультурный паспорт поселений чувашей, проживающих в Буинском, Тетюшском и Дрожжановском районах Республики Татарстан, в Цильнинском районе Ульяновской области, в Шемуршинском районе Чувашской Республики³⁶.

В 2003 г. по заказу администрации г. Чебоксары было проведено социологическое исследование «Чебоксары – культурная столица Поволжья 2003 г.». Коллективом исследователей (руководитель – И.Е. Ильин, участники – Н.М. Иванова, Н.В. Семенова) поставлена задача выявить актуальные проблемы социального самочувствия и социокультурной жизни жителей столицы. Полученные данные были представлены органам власти, общественности и нашли отражение в статье³⁷.

В 2005 г. по заказу Министерства по физической культуре, спорту и туризму Чувашской Республики проведено исследование «Оптимизация здорового образа жизни населения в Чувашской Республике»³⁸.

Интересным опытом стало сотрудничество с Центром социологических исследований Московского государственного университета при реализации общероссийского социологического исследования «Реальные и потенциальные последствия реформ для учителей» (2005), проведенного в Чувашии, Свердловской, Самарской и Воронежской областях (руководители – И.И. Бойко, Д.М. Шабунин, участник – Н.М. Иванова). В ходе регионального этапа исследования в Чувашии опрошены учителя и директора городских и сельских школ, руководители муниципальных органов управления образованием, представители школьных и попечительских советов, родительских комитетов, других органов общественно-государственного управления школой. Круг изучаемых вопросов включал социально-демографические и профессиональные характеристики, социальный и экономический статус, социальное самочувствие, удовлетворенность различными сторонами жизни и степень адап-

тированности, профессиональные проблемы и собственно отношение к реформе образования учителей и директоров школ³⁹. Результаты исследования, имеющие несомненную социальную значимость и актуальность, были представлены общественности в республиканской прессе⁴⁰.

В 2007 г. по Программе научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, финансируемой правительством Чувашской Республики, было осуществлено исследование «Мониторинг рынка труда специалистов с высшим профессиональным образованием в сфере машиностроения, энергетики и строительства в Чувашской Республике» (руководитель – Д.М. Шабунин, участники – Н.М. Иванова, В.Г. Харитонов). На основе опроса выпускников вузов по данным специальностям и информации с предприятий республики изучены реальное положение на рынке труда и потребности в специалистах с высшим образованием в сфере машиностроения, энергетики и строительства⁴¹.

В 2008 г. в рамках общероссийского исследования по заказу Института этнологии и антропологии РАН, при поддержке Министерства регионального развития Российской Федерации был проведен социологический опрос «Изучение общественного мнения о развитии гражданского общества» в г. Чебоксары (руководитель – И.И. Бойко, участники – Д.М. Шабунин, Н.М. Иванова). С целью изучения динамики социального самочувствия сельских жителей и выявления актуальных проблем в 2009 г. было проведено под руководством И.Е. Ильина очередное исследование по аграрной тематике «Региональный сельский социум в условиях рынка»⁴². В 2011 г. по заказу Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики было проведено исследование «Формирование толерантного поведения обучающихся». Опросом было охвачено семь образовательных учреждений Чувашской Республики (участники – Н.М. Иванова, В.Г. Харитонов). При выборе школ учитывались поселенческий фактор и статус образовательных учреждений. Впервые в центре внимания исследователей оказались вопросы толерантности, этнической и гражданской самоидентификации, оценки подрастающим поколением современной этнокультурной ситуации и межнациональных отношений⁴³.

В 2013 г. по итогам исследования «Информационно-коммуникационные технологии в этнокультурном развитии региона (на примере Республики Чувашия)» при грантовой поддержке Российского государственного научного фонда по целевому конкурсу молодых ученых издана монография⁴⁴.

Определенным подведением итогов исследовательской работы стал выпуск отделом социологии ЧГИГН в 2008 г. сборника научных статей, приуроченный к Году социологии в России и Году земледельца в Чувашии⁴⁵.

Отдельное внимание следует уделить крупным исследовательским проектам, реализуемым социологами ЧГИГН. Значимым шагом в развитии этносоциологических исследований в регионе стал переход от эпизодических исследований к систематически организованной работе. С 2002 г. институт в сотрудничестве с Министерством культуры, по делам национально-

стей, информационной политики и архивного дела Чувашской Республики начал реализацию регионального мониторинга «Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике». В ходе данного проекта изучаются общая ситуация в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, взаимодействие основных этнических групп в регионе, отношение жителей к мигрантам, этноязыковые проблемы, деятельность национально-культурных объединений и другие актуальные вопросы. Социологические исследования были проведены в 2002 г. в сельских районах Чувашии, в 2009–2014 гг. – в общереспубликанском масштабе⁴⁶.

Результаты мониторинга нашли отражение в сборнике научных статей⁴⁷, отдельных публикациях⁴⁸ и научных отчетах⁴⁹. За прошедшее время сложилась также традиция представления данных мониторинга, имеющих большой общественно-политический интерес научному сообществу, общественности и органам государственной власти, представителям национально-культурных объединений, традиционных конфессий и СМИ⁵⁰. На обсуждение выносятся комплекс вопросов: современные этнокультурные и этносоциальные процессы в Чувашской Республике, развитие межнациональных и межконфессиональных отношений, роль органов власти, деятельность национально-культурных и общественных объединений, принципы формирования и проблемы сохранения этнокультурного наследия чувашского народа, этнокультурная коммуникация в полиэтническом регионе.

В своем выступлении 3 ноября 2011 г. на «круглом столе» «Сохранение мира и согласия – основа развития республики», посвященном Дню народного единства, Президент Чувашии М.В. Игнатьев отметил: «Важным условием для устойчивого развития нашей республики, как и для любого субъекта Российской Федерации, являются мир и согласие между разными народами и конфессиями, толерантное отношение людей друг к другу. Общественно-политическая ситуация в Чувашской Республике на протяжении многих лет стабильна и предсказуема. В этом, безусловно, ваша большая заслуга как руководителей национально-культурных объединений, традиционных религиозных организаций и многонационального народа Чувашии»⁵¹.

Подытожим, что озвучиваемые в ходе указанных выше обсуждений позиции и оценки подчеркивают необходимость координации деятельности официальных органов власти, научных кругов и институтов гражданского общества с целью обеспечения этноконфессионального мира и согласия, создания условий для сохранения этнокультурной самобытности и развития культуры народов, проживающих в регионе. Этносоциологические исследования становятся неотъемлемым направлением в изучении комплекса общественно-политических и социально-экономических проблем современного развития Чувашской Республики. Проведение социологических исследований и мониторингов состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в Чувашской Республике входит в перечень мероприятий подпрограммы «Реализация концепции государственной национальной политики Российской Федерации в Чувашской Республике»⁵².

Накопленный опыт позволяет не только подвести некоторые итоги, но и обозначить новые исследовательские задачи в развитии этносоциологического направления. Исходя из необходимости постоянного внимания к вопросам этнокультурной сферы и межнациональных отношений, эффективным инструментом является мониторинговый формат исследований. Он позволяет регулярно проводить социологические замеры, накапливать и анализировать информацию в динамике. Учитывая латентный характер многих ситуаций в сфере межнациональных отношений, представляется целесообразным сосредоточить внимание на раннем прогнозировании конфликтов, проявлений этнической, религиозной и политической нетерпимости и экстремизма. Это требует, в частности, более глубокого изучения уровня этнической толерантности и интолерантности, отношения населения к мигрантам из Кавказского региона и стран Азии и к другим индикаторам потенциальной конфликтности. Востребовано изучение этноязыковых процессов в различных средах общения. Перспективной темой является значимость для жителей региона их этнической принадлежности и ее соотношение с государственной (гражданской) самоидентификацией.

Большой интерес и значимость имеет реализация проекта «Социокультурная эволюция России и ее регионов», инициированного Центром изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук под руководством Центра изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук. В 2005 г. руководителями проекта Н.И. Лапиным и Л.А. Беляевой были разработаны программа и типовая методика подготовки портретов регионов; в 2010 г. с учетом накопленного опыта подготовлена их модифицированная версия⁵³. Целью проекта является создание социокультурных портретов регионов, обобщающий анализ процессов интеграции и дифференциации социокультурного пространства современной России. Портрет включает следующие разделы: регион как социокультурное сообщество, население и поселения, социальное самочувствие населения, культурный потенциал и капитал населения, трудовая мотивация и экономическая активность, уровень жизни, проблемы ее качества, социальная стратификация и мобильность, реалии инновационной деятельности, правопорядок и правонарушения, государственное и муниципальное управление. Среди методологических подходов исследовательской программы одним из ключевых принципов является сопоставимость: единство типовых параметров различных регионов, методов получения эмпирических данных, результирующих индексов и индикаторов. По мере подготовки портретов регионов формируется социокультурный атлас России.

Сотрудничество началось на этапе разработки типовой методики. В 2006–2007 гг. работа продолжилась в рамках грантового проекта «Социокультурный портрет Чувашской Республики» при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Коллективом исследователей (И.И. Бойко, В.С. Григорьев, В.П. Иванов, Н.М. Иванова, И.Е. Ильин, Н.Г. Семедова-Полупан, В.Г. Харитонов, Д.М. Шабунин) было проведено общереспубли-

канское социологическое исследование и собран комплекс статистических и аналитических материалов. Ценную консультативную помощь в подготовке социологического опроса оказали руководители Центра социологических исследований Московского государственного университета С.В. Туманов и А.А. Ионов.

Крупным подведением итогов реализации проекта стала публикация монографии «Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте» под редакцией Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой, в которой представлена в числе первых портретов регионов и Чувашская Республика⁵⁴. В 2011 г. вышла в свет коллективная монография «Чувашская Республика: социокультурный портрет» (ответственные редакторы И.И. Бойко, В.Г. Харитонов, Д.М. Шабунин)⁵⁵.

В ходе реализации проекта «Социокультурная эволюция России и ее регионов» сложилась эффективная практика подведения итогов, апробации результатов исследований, обмена опытом и совершенствования методологии в ходе ежегодных всероссийских научно-практических конференций, проводимых региональными научными учреждениями под научно-методическим руководством ЦИСИ Института философии РАН. Исследователи Чувашии принимают регулярное участие в работе данных конференций (в разные годы с докладами выступали И.И. Бойко, И.Е. Ильин, Д.М. Шабунин, Н.Г. Семедова-Полупан, Н.М. Иванова и др.). Конференции были проведены: в 2005 г. в Москве (Институт философии РАН), в 2006 г. в Тюмени (Тюменский государственный университет⁵⁶), в 2007 г. в Курске (Курский государственный университет); в 2008 г. в Чебоксарах (Чувашский государственный институт гуманитарных наук⁵⁷), в 2009 г. в Смоленске (Смоленский филиал Орловской региональной академии государственной службы⁵⁸), в 2010 г. – в Ульяновске (Ульяновский государственный университет⁵⁹), в 2011 г. – в Казани (Казанский национальный исследовательский технологический университет⁶⁰), в 2012 г. в Уфе, в 2013 г. в Вологде, в 2014 г. в Перми. Конференции собирают широкий круг специалистов из различных регионов, представителей региональных органов власти. В IV Всероссийской научно-практической конференции «Социокультурные портреты регионов: опыт комплексной реализации», прошедшей 19–21 сентября 2008 г. в Чебоксарах, приняло участие более 40 исследователей из 15 регионов страны. Собранным на конференции приветствовал первый Президент Чувашской Республики Н.В. Федоров, который отметил, что разрабатываемая тема имеет не только теоретическое, но и прикладное значение, в том числе для принятия управленческих решений на государственном уровне⁶¹.

К 2014 г. в проект включились 24 региона европейской части России, Урала, Сибири и юга России. Работа ведется под руководством научно-координационного совета «Проблемы социокультурного развития России и ее регионов», созданного при секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН. В Чувашии работа в мониторинговом режиме была продолжена в 2012 г.

С 2011 г. внимание исследовательского коллектива (И.И. Бойко, А.П. Долгова, Н.М. Иванова, Н.Г. Семедова-Полупан, В.Т. Тарасов, В.Г. Харитоновна) было акцентировано на проблеме социокультурной модернизации регионов России, в том числе Чувашии. На базе инструментария Центра исследований модернизации Академии наук Китая (руководитель – профессор Чуаньци Хэ), доработанного академиком Н.И. Лапиным для России, осуществлен мониторинг стадий модернизации, их фаз и уровня как в Чувашской Республике, так и в регионах Приволжского федерального округа⁶².

Характеризуя развитие социологического сообщества региона, следует отметить, что большое значение имеет представление итогов своей работы на общероссийском уровне и развитие связей с социологическим сообществом. В частности, результаты исследований сотрудников отдела социологии ЧГИГН нашли отражение в публикациях в таких ведущих российских рецензируемых научных журналах, как «Социологические исследования», «Социология», «Труд и социальные отношения», «Регионология»⁶³, в «Вестниках» Саратовского государственного социально-экономического университета, Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова⁶⁴ и др.

Социологи Чувашии также принимают регулярное участие в различных научных мероприятиях международного, всероссийского и межрегионального уровня. Так, И.Е. Ильин, Н.Г. Семедова-Полупан, Д.М. Шабунин, Н.М. Иванова являются участниками всероссийских социологических конгрессов: II Всероссийского социологического конгресса «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы» 2003 г.⁶⁵, III Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: проблемы и пути взаимодействия» 2008 г.⁶⁶, IV Всероссийского социологического конгресса «Социология в системе научного управления обществом» 2012 г.⁶⁷, IV Очередного Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» 2012 г.⁶⁸ В 2013 г. опубликована статья Н.Г. Семедовой-Полупан в сборнике Европейской социологической ассоциации (ЕСА)⁶⁹.

Важное значение имеет и деятельность в сфере социологического образования в регионе, подготовка учебно-методической литературы. В частности, стоит отметить публикации А.П. Карпова⁷⁰, Ю.С. Гурова⁷¹, О.Н. Мирошниченко⁷².

Между тем в современном обществе роль социологов меняется. В дискуссиях о тенденциях развития социологии эксперты говорят о таком явлении, как «публичные социологи». Разделив функции социологии на четыре составляющие: публичную, профессиональную, критическую, прикладную, – выделяют активность социологов в публичной сфере⁷³. Применительно к российским реалиям данная сторона деятельности социологов пока востребована в недостаточной степени. Тем не менее сделаны начальные шаги по становлению экспертного сообщества. В данном плане в Чувашии также

накоплен определенный опыт. Так, Н.Г. Семедова-Полупан и Д.М. Шабунин принимали участие в работе Школы публичной политики (2003) – проекта региональной общественной организации «Открытая Россия», направленного на содействие развитию образовательного и культурного пространства России, становление гражданских инициатив и структур гражданского общества. Д.М. Шабунин также выступает экспертом фонда развития информационной политики московского отделения фонда Карнеги. Н.Г. Семедова-Полупан регулярно сотрудничает с информационным агентством REGNUM, предоставляя актуальные данные социологических исследований.

Говоря о перспективах развития социологической отрасли знаний, необходимо отметить и практические аспекты. Можно согласиться с мнением Г.И. Осадчей, что основной тенденцией, характеризующей перспективы развития социологии в России, является развитие прикладных социологических исследований. И качественно, и количественно они будут расти, прежде всего за счет маркетинговых исследований, исследований рынков, производств и информации. Очевидно, расширится перечень услуг. Наряду с базами данных, презентациями в виде графиков и таблиц, будут еще в большей мере востребованы аналитика, прогноз развития предмета изучения, рекомендации по применению результатов исследований⁷⁴.

Большинство показателей является статистическими, и они, соответственно, собираются Росстатом. Но 4 показателя: удовлетворенность населения медицинской помощью, качество образования, отношение к уровню криминогенности и в целом удовлетворенность деятельностью органов – должны получаться по результатам массовых опросов населения, что ставит перед социологической наукой практические задачи обеспечения достоверной информацией, исключения административной зависимости или ангажированности социологических служб при изучении мнения населения, единой методологии и методики проведения опросов, анализа их результатов.

В этой связи актуальной является позиция Н.Г. Семедовой-Полупан, считающей, что социологическое сопровождение деятельности органов государственной власти и муниципального управления должно явиться одним из приоритетов научно-исследовательской деятельности в Чувашской Республике⁷⁵.

В целом, в постсоветский период российская социология стала одним из главных источников получения социального знания. Россия объединяет множество региональных сообществ в особых условиях жизнедеятельности каждого из них. Определению общегосударственной региональной политики и ее практической реализации должна способствовать основательная разработка в научно-теоретическом и прикладном аспектах актуальных вопросов развития регионов. Социологическое исследование должно учитывать то особенное, что имеет тот или иной регион (конкретные условия, факторы и механизмы социальной организации жизнедеятельности данного территориального сообщества), а также включенность данного сообщества в общесociетальные связи (общегосударственную организацию).

Очевидно, что в современных условиях репрезентативные, имеющие реальное значение исследования не могут быть осуществлены вне российских регионов. На региональном уровне социология может решить две важные задачи: во-первых, предоставить информацию о возможных социальных последствиях социально значимых решений, принимаемых на различных уровнях государственного управления; во-вторых, предложить научно обоснованные с социологической точки зрения альтернативные решения.

Важнейшими практическими задачами, встающими в этом контексте перед региональным социологическим сообществом, являются: развитие социологического образования в региональных вузах; расширение социологических поисков, развитие новых специальных социологических дисциплин; повышение внимания к развитию коммуникативных связей между социологическими обществами, организациями, научными школами в общероссийском и региональном разрезе; создание сети научно-популярных социологических изданий (печатных и медийных, включая более широкое использование возможностей телевидения и Интернета).

Литература, источники и примечания

¹ Горшков М.К. Уроки возрождения и перспективы российской социологии // Полвека борьбы и свершений. М., 2008. С. 77, 79.

² Зиятдинова Ф.Г., Ершов А.Н. Социология в Татарстане // Социс. 2009. № 2. С. 135–139.

³ Козин В.В., Курков В.М. Развитие этносоциологических исследований в Мордовии // Регионология. 2004. № 4. С. 190–201; Сухарев А.И., Козин В.В., Сидоркина В.М. Социология Мордовии: становление и направления исследований // Социс. 2006. № 8. С. 35–42.

⁴ Перемена мест: попутная социология. Ульяновск, 2010.

⁵ Этнокультурная интеграция в Республике Марий Эл: проблемы реализации: сб. науч. ст. Йошкар-Ола, 2012.

⁶ Сухарев А.И., Козин В.В., Сидоркина В.М. Социология Мордовии: становление и направления исследований. С. 35.

⁷ Буланова М.Б., Медведева Д.М. Социологическое образование в региональных вузах России // Социс. 2011. № 10. С. 133–138.

⁸ Семедова-Полупан Н.Г. Роль социологического знания в диалоге между обществом и властью // Изменение системных координат российской государственности: исторические дилеммы и содержательные вызовы: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, г. Чебоксары, 9 февраля 2012 г. Чебоксары, 2012. С. 457–458.

⁹ Романовский Н.В. Региональная социология или социология в регионах // Социс. 2007. № 2. С. 144–148.

¹⁰ Зборовский Г.Е. Социология в регионах – проблемы и перспективы // Социс. 2006. № 8. С. 43–47.

¹¹ Российское общество социологов. URL:http://www.isras.ru/ROS_about.html.

¹² Российская социологическая ассоциация. URL:<http://rosa.socio.msu.ru>.

¹³ См. подробнее: Ильин Иван Егорович: биобиблиографический указатель. Чебоксары, 2012.

¹⁴ Ильин И.Е. Аграрная реформа в России на рубеже XX–XXI вв. Чебоксары, 2005; *Его же*. Аграрная реформа в полиэтничном регионе России (социологический анализ). Чебоксары, 2005; *Его же*. Современное российское село: реформы и повседневность: монография. Чебоксары, 2014.

¹⁵ Ильин И.Е. Многонациональная деревня региона: толерантность в межэтнических отношениях // Социологическая мысль Чувашской Республики. Чебоксары, 2000. С. 341–348; *Его же*. Российская деревня в условиях аграрного реформирования (социологический аспект) // Там же. С. 349–352; *Его же*. Современная аграрная реформа – объект и предмет междисциплинарного исследования // Гуманитарные науки в истории и современном развитии общества. Чебоксары, 2006. С. 317–334; *Его же*. Реалии российской деревни (региональный срез) // Материалы Всероссийской конференции, посвященной 75-летию со дня открытия Чувашской государственной сельскохозяйственной академии. Чебоксары, 2006. С. 286–287; *Его же*. Приоритетные национальные проекты: модернизация социальной сферы села // Социология региона: итоги, проблемы, перспективы. Чебоксары, 2009. С. 144–160; *Его же*. Сельское хозяйство и крестьянство Чувашии в условиях реформ (1990–2000-е гг.) // Региональные особенности аграрных отношений в России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Году земледельца в Чувашской Республике. Чебоксары, 2010. Ч. 1. С. 215–227; и др.

¹⁶ Ильин И.Е. Крестьянство Чувашии в конце XX – начале XXI в. (цивилизационный аспект) // Крестьянство и власть Среднего Поволжья: материалы VII Межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Саранск, 2004. С. 164–168; *Его же*. Менталитет и национальный характер крестьянства как детерминанты современной аграрной реформы в России: историко-социологический анализ // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении: материалы VIII межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. М., 2005. С. 146–154; *Его же*. Социально-духовный облик сельского населения полиэтнического региона // Природа человека и общество: диалог мировоззрений: материалы VIII Международного научно-богословского симпозиума, 14–15 июня 2005 г. Н. Новгород, 2005. С. 190–192; *Его же*. Образ жизни крестьянства полиэтнического региона (историко-социологический анализ) // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: материалы I Всероссийской (IX Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья, 12–13 мая 2006 года. Самара, 2007. С. 186–194; *Его же*. Сельская Чувашия в конце XX – начале XXI века (историко-социологический анализ) // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века: сб. ст. Всероссийской научной конференции историков. М., 2006. С. 78–86; *Его же*. Современная аграрная реформа в Чувашии: итоги, проблемы, перспективы // Островские чтения «Теоретическое обоснование стратегии долгосрочного развития агропромышленного комплекса как социо-эколого-экономической системы». Саратов, 2007. С. 46–52; *Его же*. Город и деревня изменяющейся России в XXI веке: социальная цена реформ // Проблемы изучения взаимосвязей города и деревни Среднего Поволжья: материалы II Всероссийской (X Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2009. С. 610–617; *Его же*. Аграрные преобразования и социальная политика в средневолжской деревне на рубеже XX–XXI вв.: исторический опыт и уроки реализации // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность: материалы III Всероссийской (XI Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Ижевск, 17–19 октября 2010 г.). Ижевск, 2010. С. 186–192; *Его же*. Чувашское село в условиях экономического кризиса: этносоциальные процессы // IX Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. Петрозаводск, 2011. С. 274; и др.

¹⁷ См.: Широкалова Г.С. Рецензия на: Ильин И.Е. Аграрная реформа в России на рубеже XX–XXI вв. Чебоксары, 2005 // Чувашский гуманитарный вестник. 2006. № 1. С. 214–217; *Её же*. Рецензия на: Ильин И.Е. Аграрная реформа в полиэтническом регионе России (социологический анализ). Чебоксары, 2005 // Вестник Чувашского университета. 2006. № 5. С. 502–505.

¹⁸ Великий П.П. Российская аграрная социология: этапы, имена, идеи // Социс. 2008. № 7. С. 103, 106.

¹⁹ Староверов В.И. К истории возрождения российской сельской социологии // Социс. 2008. № 10. С. 46.

²⁰ *Гуров Ю.С.* Сельская потребительская кооперация Чувашии (социальный аспект) // Социс. 2009. № 5. С. 142–143.

²¹ *Шабунин Д.М.* Политическая трансформация региона: изменение государственных институтов и конституционный процесс в Чувашской Республике. Чебоксары, 1999; Чувашская Республика // Регионы России: хроника и руководители / под ред. К. Мацузато. Т. 8. Саррото, 2003; *Его же.* Национально-государственная трансформация республик Поволжья в постсоветский период // Проблемы социально-политической теории и практики в современной России: сб. науч. ст. Чебоксары, 2006. С. 18–66.

²² *Шабунин Д.М.* Трансформация региональной политической элиты в Чувашской Республике в постсоветский период // Демократия в современной России: опыт, проблемы: сб. науч. ст. Чебоксары, 2007.

²³ *Шабунин Д.М.* Президентские выборы в Чувашии 1991–2001 // Региональные выборы и проблемы гражданского общества в Поволжье (в рамках III Конгресса по политической регионологии, Большое Болдино, 21–23 сентября 2001 г.). Московский центр Карнеги. 2002. № 3; *Его же.* Особенности электорального поведения: федеральные и региональные выборы в Чувашской Республике // Проблемы социально-политической теории и практики в современной России. С. 67–91; *Его же.* Электоральные предпочтения населения Чувашской Республики // Социокультурные портреты регионов России: опыт комплексной реализации: сб. материалов IV Всероссийской научно-практической конференции, 18–22 сентября 2008 г., Чебоксары. Чебоксары, 2008. С. 137–146.

²⁴ *Шабунин Д.М., Семедова-Полупан Н.Г.* Электоральные предпочтения жителей г. Чебоксары. Июль – август 2007 г.: научный отчет. Чебоксары, 2007.

²⁵ *Семедова-Полупан Н.Г.* Оценка эффективности государственной и муниципальной службы в Чувашии: опыт социологического исследования. Изд. дом LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013.

²⁶ *Семедова-Полупан Н.Г.* Государственное управление здравоохранением в Чувашской Республике // Социокультурные портреты регионов России: опыт комплексной реализации: сб. материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2008. С. 132–136; *Её же.* Инновационные аспекты деятельности органов власти и управления в Чувашской Республике // Современная Россия: проблемы социально-экономического, экологического и духовно-политического развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции, июнь – июль 2009 г., Волгоград. М., 2009. С. 243–244; *Её же.* Власть и общество: социокультурные аспекты доверия // Новые проблемы социокультурной эволюции регионов: сб. материалов VII Всероссийской научно-практической конференции, 12–15 октября 2011 г., Казань. Казань, 2011. С. 174–176.

²⁷ *Шабунин Д.М.* Восприятие уровня коррупции населением Чувашской Республики // Социокультурные портреты регионов России: опыт комплексной реализации: сб. материалов IV Всероссийской научно-практической конференции, 18–22 сентября 2008 г., Чебоксары. Чебоксары, 2008. С. 103–109; *Семедова-Полупан Н.Г.* Коррупция как социальное явление: опыт социологического исследования // Вестник Чувашского отделения Российского философского общества. Чебоксары, 2009. Вып. 3. С. 104–117.

²⁸ *Шабунин Д.М., Семедова-Полупан Н.Г.* Оценка уровня восприятия коррупции предпринимателями Чувашской Республики: (материалы социологического исследования): аналитический отчет. Чебоксары, 2008.

²⁹ См.: *Иванова Н.М.* Молодежь Чувашской Республики на рубеже XX–XXI вв.: историография и перспективы изучения темы // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 41–46.

³⁰ *Ильин И.Е.* Основные черты социального облика сельской молодежи // Социально-экономические проблемы перехода к рыночным отношениям: сб. ст. Чебоксары, 1996. С. 87–101; *Его же.* Социология молодежи: социальный и духовный облик. Чебоксары, 1999; *Его же.* Социология бизнеса: социальный портрет молодого предпринимателя // Чебоксарский кооперативный институт Московского университета потребительской кооперации: сб. науч. ст. пре-

подавателей и аспирантов. Чебоксары, 1999. Вып. 13, ч. 1. С. 180–184; *Его же*. Философско-религиозные ориентации молодежи // Общество, государство, религия: сб. ст. Чебоксары, 2002. С. 15–28; *Его же*. Молодежь и религия // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе: бюллетень этнологического мониторинга и предупреждения конфликтов. 2002. № 35. С. 39–40.

³¹ *Шабунин Д.М.* Правовое сознание современной молодежи (этнонациональные особенности). Чебоксары, 1999.

³² *Иванова Н.М., Ильин И.Е.* Формирование этнической толерантности у современной молодежи // Чувашский национальный музей: люди, события, факты, 2003 г. Чебоксары, 2004. Вып. 4. С. 35–40; *Иванова Н.М.* Социальные проблемы в молодежной среде и пути их решения // Социальная защита: профессионализм, партнерство и ответственность: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. М., 2005. С. 109–126; *Её же*. Молодежь Чувашской Республики на рубеже XX–XXI веков: социокультурный облик и тенденции развития. Чебоксары, 2008; и др.

³³ *Краснова М.Н.* Молодая семья как социальный институт // Социологическая мысль Чувашской Республики: сб. ст. научно-теоретической конференции. Чебоксары, 2000. С. 260–272; *Её же*. Ближайшее будущее глазами современной молодой семьи в Чувашии // Материалы II Российского конгресса «Мир семьи». М., 2001. С. 119–121; *Её же*. К вопросу об изученности состояния семьи в Поволжском регионе // Семья в современном обществе: от традиций к инновациям: сб. ст. межвузовской научно-практической конференции, Чебоксары, 8 февраля 2008 г. Чебоксары, 2008. С. 333–337; *Её же*. Ценностные ориентации молодой семьи в республиках Поволжья (на 2001–2002 гг.) // Этническая культура народов Волго-Камья: традиции, трансформации и современные процессы: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Йошкар-Ола, 2009. С. 199–205; *Её же*. Молодая семья в Чувашии: модели отношений // Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем: материалы Третьей Международной научной конференции РАИЖИ и ИАЭ РАН. М., 2010. С. 391–395; *Её же*. Изучение проблем молодой семьи в полиэтничном регионе // Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX–XXI вв.: сб. ст. Всероссийской научной конференции (III Арсентьевские чтения). Чебоксары, 2010. С. 248–253; *Её же*. Ценностные ориентации молодой семьи (по результатам пилотажного исследования в г. Чебоксары) // Эффективность, результативность и качество государственного и муниципального управления: материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Чебоксары, 4 февраля 2011 г. Чебоксары, 2011. С. 212–216; *Её же*. Молодая семья Чувашской Республики в условиях модернизации // Проблемы модернизации России: история и современность: сб. ст. Всероссийской научной конференции. Чебоксары, 2011. С. 102–106.

³⁴ *Мирошниченко О.Н.* Женщины-госслужащие: гендерные проблемы профессиональной самореализации и карьерного роста // Социология региона: итоги, проблемы и перспективы. Чебоксары, 2009. С. 216–242; *Её же*. Гендерные аспекты карьеры женщин на государственной службе: монография. Saarbrücken, 2011.

³⁵ *Алос и Фонт Э.* Языковой сдвиг в Чебоксарах: результаты опроса старшеклассников // Культура и искусство: традиции и современность: материалы Международной очно-заочной научно-практической конференции. С. 124–133; *Его же*. Этноязыковая ситуация в городах Чувашской Республики: социологический аспект // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа. Чебоксары, 2013. № 2. С. 265–293; *Kate Lindsey* New methodologies for surveying language shift in the Republic of Chuvashia, Russia // Культура и искусство: традиции и современность: материалы Международной очно-заочной научно-практической конференции. Чебоксары, 2013. С. 140–149.

³⁶ Чуваши Приволжского федерального округа: научный отчет по проекту. Чебоксары, 2002.

³⁷ *Иванова Н.М., Ильин И.Е.* Социология города: от описательного анализа к комплексному исследованию: (к постановке проблемы) // Социология региона: итоги, проблемы, перспективы. Чебоксары, 2009. С. 187–193.

³⁸ *Ильин И.Е.* Оптимизация здорового образа жизни сельского населения Чувашской Республики. Чебоксары, 2005.

³⁹ Проведение мониторингового исследования по оценке реальных и потенциальных последствий реформ, осуществляемых в рамках проекта, для учителей: научный отчет по исследованию. М., 2005 // Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. X. Ед. хр. 1944.

⁴⁰ *Бойко И., Шабунин Д.* МК в Чебоксарах. 2006. 28 февраля – 7 марта.

⁴¹ Мониторинг рынка труда специалистов с высшим профессиональным образованием в сфере машиностроения, энергетики и строительства в Чувашской Республике: аналитический отчет // НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1948; Социально-профессиональный портрет молодых специалистов Чувашской Республики / В.С. Григорьев, Н.М. Иванова, В.Г. Харитонов, Д.М. Шабунин // Социология региона: итоги, проблемы, перспективы. Чебоксары, 2009. С. 6–15.

⁴² Региональный сельский социум в условиях рынка: научный отчет по проекту // НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1954.

⁴³ Этническое самосознание молодого поколения: (по материалам социологического исследования) // Народная школа. 2011. № 5. С. 43–44.

⁴⁴ *Иванова Н.М., Харитонов В.Г.* Информационно-коммуникационные технологии в этнокультурном развитии региона (на примере Республики Чувашия). Чебоксары, 2013.

⁴⁵ Социология региона: итоги, проблемы, перспективы. Чебоксары, 2009.

⁴⁶ Исследования 2002 г. (N=328), 2009 г. (N=755), 2010 г. (N=566), 2011 г. (N=600) проведены отделом социологии Чувашского государственного института гуманитарных наук. Научные руководители – И.Е. Ильин в 2002, 2009–2010 гг., И.И. Бойко в 2011 г., участники – Н.М. Иванова, Д.М. Шабунин, Н.Г. Семедова-Полупан, М.Н. Краснова, В.Г. Харитонов.

⁴⁷ Вопросы этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашской Республике. Чебоксары, 2003.

⁴⁸ *Ильин И.Е.* Социокультурные и межэтнические процессы в Чувашской Республике: (историко-социологический анализ) // Региональные особенности аграрных отношений в России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Году земледельца в Чувашской Республике. Чебоксары, 2010. Ч. 2. С. 448–454.

⁴⁹ Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике: научный отчет по проекту // НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1951; Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике: научный отчет по проекту // Там же. Ед. хр. 1952; Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике: научный отчет по проекту // Там же. Ед. хр. 1953.

⁵⁰ Министерство культуры, по делам национальностей, информационной политики и архивного дела Чувашской Республики: сайт. URL: http://gov.cap.ru/list4/publication/res.aspx?gov_id=12&pos=398&id=6860; Протокол заседания Совета по делам национальностей при Министерстве культуры, по делам национальностей, информационной политики и архивного дела Чувашской Республики от 21 декабря 2010 г. <http://gov.cap.ru/hierarchy.asp?page=./299/362/138596/432330/433037/793314/941909/941924>.

⁵¹ Выступление Президента Чувашской Республики М.В. Игнатьева на встрече с представителями национально-культурных объединений 3 ноября 2011 г. http://gov.cap.ru/list2/view/02SV_SPEECH_OV/form.asp?id=12169&pos=17&GOV_ID=712.

⁵² Реализация Концепции государственной национальной политики Российской Федерации в Чувашской Республике: подпрограмма. URL: <http://gov.cap.ru/hierarchy.asp?page=./299/439/654816/655163>.

⁵³ Социокультурный портрет региона: типовая программа и методика, методологические проблемы. М., 2006; *Латин Н.И., Беляева Л.А.* Социокультурный портрет региона России: программа и типовой инструментарий (Модификация – 2010). М., 2010.

⁵⁴ Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М., 2009.

⁵⁵ Чувашская Республика: социокультурный портрет. Чебоксары, 2011.

⁵⁶ *Шабунин Д.М.* Опыт проведения социологического исследования по проекту «Социокультурный портрет Чувашской Республики» // Опыт апробации типовой методики «Социологический портрет региона». Тюмень, 2006. Ч. 2. С. 196–199; и др.

⁵⁷ *Иванова Н.М.* Социально-демографический портрет молодежи Чувашской Республики на рубеже XX–XXI вв. // Социокультурные портреты регионов России: опыт комплексной реализации: сб. материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2008. С. 146–155; *Ильин И.Е.* Российское село: социально-экономическая дифференциация в контексте социокультурной модернизации // Там же. С. 258–267; и др.

⁵⁸ *Ильин И.Е.* Сельская Чувашия в XXI веке: социокультурный портрет // Социокультурные основания стратегии развития регионов России. Смоленск, 2009. С. 211–217; *Полупан-Семедова Н.Г.* Государственные и муниципальные услуги как фактор социокультурной жизни региона // Там же. С. 211–217; и др.

⁵⁹ *Ильин И.Е.* Социодинамика повседневной жизни сельского населения в условиях социально-экономических изменений // Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Ульяновск, 2010. С. 229–236; *Полупан-Семедова Н.Г.* Социокультурные аспекты преподавания основ религиозной культуры и светской этики в Чувашской Республике: (по материалам социологического исследования) // Там же. С. 256–261; и др.

⁶⁰ *Иванова Н.М.* Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в регионе: (молодежный аспект) // Новые проблемы социокультурной эволюции регионов: сб. материалов VII Всероссийской научно-практической конференции, 12–15 октября 2011 г., Казань. Казань, 2011. С. 186–191; и др.

⁶¹ *Харитонов В.Г.* Создаются социокультурные портреты регионов России // Социс. 2009. № 6. С. 139–140.

⁶² Рост индустриальной модернизации в Приволжском регионе (Чувашская Республика) // Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Институт философии РАН; сост., общ. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: Academia, 2013. Гл. 14. С. 204–217; *Бойко И.И., Харитонов В.Г.* Демографические процессы и модернизация в регионах ПФО // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России: материалы X Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Пермь, 14–17 октября 2014 г. / Пермский гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2014. С. 51–54; *Тарасов В.Т.* Регионы Приволжского федерального округа: стратегия модернизации в условиях неравномерного развития // Там же. С. 125–129.

⁶³ *Ильин И.Е.* Региональные особенности аграрного реформирования России: (социологический анализ) // Труд и социальные отношения. 2001. № 3. С. 18–29; *Его же.* Толерантность межэтнических отношений в сельских районах Чувашии // Регионоведение. 4/2003–1/2004. С. 197–201; *Его же.* Крестьянство Чувашии в конце XX – начале XXI в. // Регионоведение. 2004. № 3. С. 178–181; *Его же.* Региональная социальная политика – фактор стабилизации сельского социума // Труд и социальные отношения. 2005. № 3. С. 49–58; *Его же.* Оценка современной аграрной реформы в регионе // Регионоведение. 2005. № 3. С. 83–88; *Его же.* Социальный портрет сельской Чувашии рубежа XX–XXI веков // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 46–54; *Его же.* Сельский социум в условиях либеральных реформ // Социология. 2007. № 1. С. 189–198; *Его же.* «Великий перелом» в чувашском селе: результаты и следствия аграрной реформы // Социс. 2007. № 11. С. 69–78; *Его же.* Модернизация социальной сферы: диагностика и пути оптимизации // Социология. 2009. № 3. С. 73–87.

⁶⁴ *Иванова Н.М.* Молодежь Чувашской Республики на рубеже XX–XXI вв.: историография и перспективы изучения темы // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 41–46; *Ильин И.Е.* Российское село в условиях аграрного реформирования: исторический опыт, тенденции и проблемы // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета, 2010. № 1. С. 157–160; *Его же.* Аграрные преобразования в Чувашской Республике на рубеже XX–XXI вв.: этапы, проблемы, перспективы // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2010. № 3, т. 2. С. 111–116; *Его же.* Повседневная жизнь сельского населения в свете междисциплинарных исследований // Вестник Чувашского университета. 2010. № 4. С. 37–41; *Его же.* Человеческий потенциал

российского села: состояние и перспективы // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2011. № 1, ч. 1. С. 77–83.

⁶⁵ *Полупан-Семедова Н.Г.* Образование и карьера // Российское общество и социология в начале XXI века: социальные вызовы и альтернативы: тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе: в 3 т. М., 2003. Т. 2. С. 573; *Ильин И.Е.* Содержание и механизм реализации современной аграрной реформы в Чувашской Республике // Там же. Т. 3. С. 282–283.

⁶⁶ *Ильин И.Е.* Человеческий потенциал российского села (региональный аспект) (тезисы) // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М., 2008; *Бойко И.И., Григорьев В.С., Шабунин Д.М.* Социокультурные противоречия в полиэтнической среде // Там же.

⁶⁷ *Ильин И.Е.* Повседневная жизнь сельского населения современной России: (к постановке проблемы) // Социология в системе научного управления: материалы IV Всероссийского социологического конгресса. М., 2012. С. 1866–1867.

⁶⁸ *Иванова Н.М., Харитонова В.Г.* Региональные средства массовой информации: востребованность и перспективы развития // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСПИ. М., 2012. С. 2619–2623.

⁶⁹ *Семедова-Полупан Н.Г.* Strategic directions of health care in Chuvashia // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / ed. by V.A. Mansurov. 1 CD ROM, Moscow-Torino, 2013.

⁷⁰ *Карпов А.П.* Введение в социологию: текст лекций. Чебоксары, 2005; *Его же.* Социология: текст лекций. Чебоксары, 2008; *Его же.* Теоретические предпосылки социологического понимания России: теории социальной эволюции // Проблемы социально-политической теории и практики в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции, 5–6 декабря 2008 г. Чебоксары, 2009.

⁷¹ *Гуров Ю.С., Евграфова Т.Н.* Социология: учеб. пособие. Чебоксары, 2009; и др.

⁷² *Мирошниченко О.Н.* Социология: (учеб. пособие: курс лекций). Чебоксары, 2009; *Её же.* Прикладная социология: учеб.-метод. пособие. Чебоксары, 2011.

⁷³ *Тоценко Ж.Т., Романовский Н.В.* О тенденциях развития социологии в современном мире // Социс. 2007. № 6. С. 11.

⁷⁴ *Осадчая Г.И.* Заметки о социологическом образовании в России: рефлексия новых требований общества // Социс. 2009. № 2. С. 105.

⁷⁵ *Семедова-Полупан Н.Г.* Роль социологического знания в диалоге между обществом и властью. С. 458.

N.M. Ivanova

SOCIOLOGY OF THE REGION: EXPERIENCE AND TENDENCIES OF RESEARCHES

Based on analysis of scientific publications and archival sources, the article scrutinizes the experience and tendencies of sociological researches in Chuvashia in 2000s. The main subjects and actual directions of researches were determined and summed up, and emphasis is placed on the practical tasks facing the regional sociological community.

Keywords: region, Chuvash Republic, sociology, sociological researches, scientific publications.

ЧГВ, 2014 г., № 9
© Ю.В. Гусаров

ДВЕ АВТОБИОГРАФИИ ЭТНОГРАФА И ФОЛЬКЛОРИСТА В.К. МАГНИЦКОГО

Публикуются две автобиографии известного этнографа и фольклориста Поволжья В.К. Магницкого, 175-летие которого отмечается в нынешнем году. Обе автобиографии написаны в 1880-е гг. – в пору расцвета его творческой деятельности. Первая представляет собой ответы с дополнениями на вопросы печатной библиографической анкеты, разработанной казанским краеведом Н.Я. Агафоновым, вторая – рассказ от первого лица о родных и поре детства. Первый документ является белой рукописью, второй – незаконченным черновиком. Документы удачно дополняют друг друга в информационном отношении, уточняют наши знания о жизни и творчестве В.К. Магницкого, истории его семьи и рода. Документы хранятся в архивах Москвы и Казани, ранее не публиковались.

Ключевые слова: история этнографии России второй половины XIX в., этнография чувашского народа, краеведение, магницковедение, мемуарные источники, В.К. Магницкий.

Гуманитарное сообщество Поволжья в долгу перед памятью этнографа и фольклориста В.К. Магницкого (1839–1901), научная деятельность которого является «частью фольклорно-этнографической жизни России второй половины XIX века»¹. Книги учёного не переиздавались и давно стали библиографической редкостью. Что касается его статей, опубликованных в столичных и региональных газетах и журналах, то многие из них ныне малодоступны и, по сути, выпали из научного оборота. В центральных и региональных архивах хранятся творческие рукописи В.К. Магницкого и его обширная переписка с родственниками, учёными, литераторами и краеведами Поволжья, которые содержат обширный материал по историографии, истории и культуре регионов и народов Поволжья. Однако лишь малая часть архивного наследия учёного опубликована.

Юрий Владимирович Гусаров – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: gsr63@yandex.ru.

Время не пощадило и материальную память об этнографе. Не сохранился родовой дом Магницких в с. Советское Ядринского района Чувашской Республики, отремонтированный В.К. Магницким после выхода в отставку². Он состоял из трёх срубов (горницы и кухни, соединённых холодными сенями) с мансардой. Так называемый «Дом В.К. Магницкого» в с. Советское³ на самом деле принадлежал работникам Магницких Григорьевым. Вот вкратце их история. В 1880–1890-х гг. Магницкие взяли на воспитание сироту, мордовку по национальности, Пелагею Ивановну Иванову (1878 – не ранее 1963), родом из какого-то селения в приходе церкви с. Чемеево Ядринского уезда⁴. Девушка стала жить у Магницких и помогать им по хозяйству, быстро выучилась русскому языку. В.К. Магницкий принимал активное участие в её судьбе – даже баловал, давал деньги на обновки, а когда та не захотела жить с нелюбимым мужем, уладил дело с разводом. После того, как П.И. Иванова вторично вышла замуж за уроженца д. Старое Шуматово Е.Г. Григорьева, Магницкие помогли молодым поставить дом рядом со своей усадьбой. Григорьевы ухаживали за одинокой Анной Константиновной Магницкой, когда она состарилась, а после её смерти в 1941 г. к ним перешёл дом Магницких. Также часть бывшего сада священников отошла под огород Григорьевых. В годы войны их дочь, учительница химии Советской средней школы А.Е. Григорьева (1913–1996), продала один из срубов дома Магницких. Затем оставшиеся два разобрала и использовала для ремонта родительского дома (вторично дом был перестроен её братом в 1957–1958 гг.)⁵. После смерти А.Е. Григорьевой дом принадлежал её сестре В.Е. Макаровой (1902 – не ранее 1997) и зятю последней В.Е. Лукину. Сегодня он стоит нежилой.

Список утрат продолжает склеп родителей этнографа в ограде бывшей деревянной церкви, построенный их детьми в 1890 г.⁶ По рассказам старожилов, после войны на месте старой деревянной церкви (в 1884 г. была перевезена в д. Ойкасы Ядринского уезда, после чего деревню переименовали в с. Александровское) и прилегающего к ней участка сада Магницких, который в 1930-х гг. отошёл к колхозу, построили молочно-товарную ферму. При этом большую часть сада со 150 яблонями, посаженными К.Е. Магницким «симметрически правильными рядами»⁷, вырубил, а могильный крест склепа приспособили в качестве столба ограды. По свидетельству краеведа, учителя школы с. Советское Г.Ф. Артемьева (1930–2011), могильная плита склепа сохранилась, но находится под землёй⁸. Тексты надписей на ней приведены в рукописном сборнике историко-краеведческого кружка Советской средней школы за 1964 г., руководителем которого он являлся⁹.

Незрячий краевед приобрел у А.Е. Григорьевой несколько мемориальных вещей В.К. Магницкого, которые передал в школьный музей. Среди них – учебник по истории Д.И. Иловайского, оттиск некролога этнографа, написанного Н.М. Кедровым, и др. Хорошо помню фотоснимок учителей Елабужского городского трёхклассного училища, помещенный под стекло в черной раме с над-

писью: «Многоуважаемому Василию Константиновичу, г-ну Магницкому, от преподавателей Елабужского городского трёхклассного училища. 1890–1894». Он был подарен этнографу по случаю выхода в отставку. В центре композиции размещался портрет В.К. Магницкого, по углам – портреты четырёх учителей. К сожалению, после смерти Г.Ф. Артемьева эти экспонаты пропали.

Давно, еще в 1920-х гг., был разбит стеклянный футляр с венком над памятником учёному на старом сельском кладбище. Затем пропал вделанный в венок образок (икона). Не прошло и года, как его вернули, но за это время растащили сам венок¹⁰. В 1950-х гг. хулиганы украли чугунную ограду и верх памятника В.К. Магницкому¹¹, а вандалы нашего времени покушались уже на его чугунный пьедестал¹².

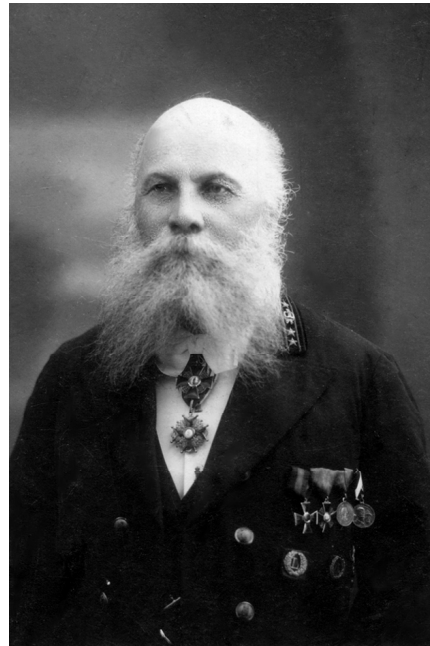
Нуждается в благоустройстве парк имени В.К. Магницкого, открытый в 1956 г. на месте уцелевшей части сада Магницких. По описанию, в нём имелись две аллеи с продольными и поперечными дорожками, посыпанными песком, пруд, скамейки для отдыха, цветочные клумбы, произрастало 87 видов растений¹³. Ныне от прежнего благоустройства не осталось и следа, а сам парк производит впечатление заброшенного.

Из личных вещей Магницких сохранились только семейный альбом, собрание фотографий их родственников и знакомых, подсвечники, посуда и мебель, приобретенные в сентябре 1976 г. Чувашским национальным музеем у А.Е. Григорьевой, а также личная библиотека В.К. Магницкого, купленная Чувашским научно-исследовательским институтом языка, литературы и экономики (ЧНИИЯЛИЭ, с 1994 г. – ЧГИГН) у неё же в 1950 г. Потомки Магницких Е.В. Гарцева (Алатырь) и Е.П. Ключевская (Казань) располагают старинными семейными фотографиями, часть которых введена в культурный оборот¹⁴.

Ещё в 1919 г. у писателя И.Н. Юркина, корреспондента В.К. Магницкого, возникла идея издать сборник трудов учёного по чувашской истории и этнографии, которые составляют большую часть его творческого наследия. Через газету он обратился к общественности с призывом присылать ему письма и фотографии этнографа, его газетные публикации и др.¹⁵, однако осуществить задуманное не сумел. В конце 1920-х гг. чувашское отделение языка и культуры Восточного педагогического института (Казань) планировало подготовить к изданию рукописи В.К. Магницкого из состава хранившегося в институте его личного архива¹⁶, что также осталось в планах. В 1950 г., в преддверии 50-летия со дня смерти учёного, директор ЧНИИЯЛИЭ П.Г. Григорьев направил в Чувашский обком КПСС докладную записку с проектом программы юбилейных мероприятий, в котором имелся пункт об издании сборника статей В.К. Магницкого в 1952 г.¹⁷ В 1951 г. в институте сменился директор, и идея с изданием сборника избранных трудов осталась на бумаге¹⁸. Сегодня в условиях активного развития краеведения и расширения тематики исследований чувашеведческих наук актуальность переиздания трудов учёного-этнографа очевидна, как никогда.

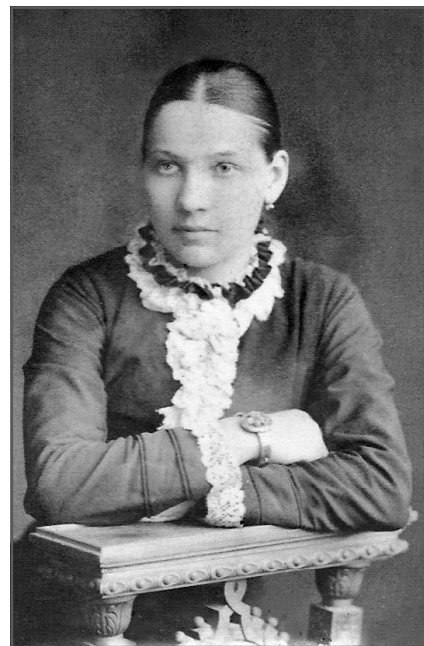
Константин Егорович Магницкий
1885–1887 гг., Казань.
Чувашский национальный музей

Михаил Константинович Магницкий
1916 г., Казань. Личный архив
Е.П. Ключевской (г. Казань)

Константин Константинович Магницкий
Не ранее 1914 г., Пенза.
Чувашский национальный музей

Александра Константиновна Магницкая
1860-е гг., Казань (?).
Чувашский национальный музей

Изучение жизни и творчества В.К. Магницкого началось сразу после его смерти. Авторами первых трудов об этнографе были его друзья и приятели Н.М. Кедров, И.А. Износков, Н.Я. Агафонов, Н.В. Никольский¹⁹. Вершинным достижением этого периода стала работа внучатого племянника этнографа – М.К. Корбута²⁰, который пользовался материалами личного архива и библиотекой дяди. Любопытно, что исследователи творчества М.К. Корбута формируют у него интереса к гуманитарным наукам связывают с влиянием В.К. Магницкого²¹. В послевоенный период были опубликованы содержательные статьи А.Ф. Башкировой, Н.Р. Романова, Д.В. Абашевой и др. о жизни и творчестве этнографа²².

Новая волна интереса к наследию этнографа пришлась на годы перестройки и постсоветский период, характеризовавшиеся активизацией гуманитарных наук. В 1989 г. вышел в свет сборник материалов научно-практической конференции, посвящённой 150-летию В.К. Магницкого, авторы которого рассмотрели разные вопросы научного наследия этнографа и фольклориста²³. Результаты изучения биографии и творчества В.К. Магницкого в XX в. во многом подытожила монография Д.В. Абашевой²⁴. В 2000–2010-х гг. был опубликован ряд работ, в которых наряду с традиционными были подняты новые вопросы магницковедения – о личной библиотеке этнографа и его семейной родословной²⁵. В их ряду выделяется книга правнучатых племянниц В.К. Магницкого – Е.П. Ключевской и И.П. Крыловой, которая содержит новые материалы по биографии этнографа и его родных, фотографии из семейных архивов²⁶.

Свой вклад в изучение биографии В.К. Магницкого внесли его земляки-краеведы. Г.Ф. Артемьев собрал воспоминания об этнографе его земляков и потомков²⁷, опубликовал юбилейные статьи о нём в Ядринской районной газете. Его младший товарищ, учитель Г.И. Филиппов, выпустил сборник краеведческих зарисовок об учёном и его малой родине²⁸.

Новым словом в деле популяризации творчества учёного стал электронный книжный ресурс, подготовленный Национальной библиотекой Чувашской Республики к 175-летию со дня его рождения, включающий более 50 трудов В.К. Магницкого и исследований о нём²⁹.

Несмотря на достижения историографии, научные и краеведческие труды В.К. Магницкого, прежде всего не относящиеся к чувашской этнографии, остаются недостаточно изученными. Актуальной задачей остаётся создание научной биографии В.К. Магницкого и полной библиографии его работ (сводный список трудов учёного-этнографа в сборнике статей, посвящённых его памяти³⁰, не полон и содержит ошибки), что требует новых архивных поисков.

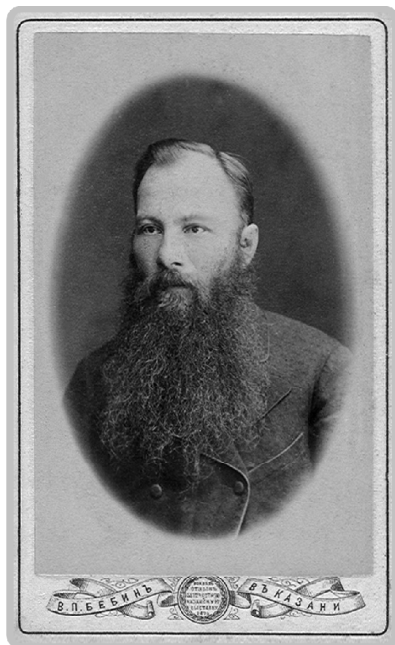
Ниже публикуются две автобиографии В.К. Магницкого, хранящиеся в архивах Казани и Москвы. Оба документа созданы в 1880-х гг. – в пору расцвета творческой деятельности этнографа. Они известны исследователям жизни и творчества В.К. Магницкого: первый использовался при подготовке упомянутой выше сводной публикации его трудов, второй – в исследованиях об этнографе³¹. Однако из-за неразборчивого почерка документы были использованы лишь частично, в ряде случаев допущены ошибки при распоз-

нании текста. Оба мемуарных источника ранее не публиковались.

Первый документ представляет собой ответы на вопросы биобиблиографической анкеты, составленной казанским литератором и краеведом Н.Я. Агафоновым (1842–1908) для задуманной им так называемой «Казанской энциклопедии». Ответы выполнены этнографом на печатном бланке анкеты. Документ хранится в личном фонде Н.Я. Агафопова в Российском государственном архиве литературы и искусства (Москва) в составе дела с подготовительными материалами для биографий и библиографии творчества литераторов Казанского края. Здесь имеются анкеты, письма и другие материалы, относящиеся к уроженцам Чувашии и деятелям чувашской культуры: историку Н.С. Арцыбышеву, этнографу и писателю С.М. Михайлову, просветителю И.Я. Яковлеву, юристу А.В. Соколову, писателю В.П. Невельскому и многим малоизвестным ныне литераторам. Документ имеет форму тетрадного блока размером 22,5×35,5 см, заполнен коричневыми чернилами (дополнения на отдельных листах – карандашом и чёрными чернилами). Текст белой, с единичными исправлениями; на первом, третьем и четвёртом листах документа имеются подписи этнографа.

Документ был составлен при следующих обстоятельствах. В апреле 1877 г. Н.И. Золотницкий передал В.К. Магницкому просьбу Н.Я. Агафопова прислать его краткое жизнеописание со списком опубликованных статей³². Из-за смены служебной деятельности и переезда из с. Беловолжское Чебоксарского уезда в г. Уржум Вятской губернии В.К. Магницкий задержался с выполнением просьбы. Только 26 декабря 1877 г. по почте он отправил Н.И. Золотницкому письмо с заполненным «запросником» и своими фотографиями (получено Н.Я. Агафоновым 2 января 1878 г.³³). Позднее дважды, в 1883 и 1886 гг. (вероятно, по просьбе Н.Я. Агафопова), этнограф присылал дополнения к библиографии своих трудов. При формировании архивного дела дополнения были подшиты в сгиб анкеты, что нарушило очередность листов (при публикации хронология документа восстановлена).

По личной инициативе этнограф распространил анкету среди знакомых вятских литераторов, представив заполненные экземпляры в распоряжение приятеля-краеведа³⁴. Отметим, что и ранее он неоднократно снабжал Н.Я. Агафо-

**Василий Константинович
Магницкий**

1880-е гг. (?), Казань. Семейный архив Гарцевых (г. Алатырь)

нова историческими материалами. Например, в начале 1880-х гг. передал сведения о биографии и несколько черновых рукописей чувашского этнографа С.М. Михайлова, в 1900 г. – копии документов цивильских дворян Завадских³⁵.

Документ содержит хронологию учёбы и служебной деятельности этнографа и ряд других биографических сведений. Представляет интерес список его публикаций в центральных и местных изданиях, а также завершённых и неоконченных рукописей за 1861–1885 гг. Информация о последних подтверждает слова Н.А. Архангельского о том, что после смерти В.К. Магницкого осталось «множество рукописей»³⁶, и даёт нить к архивным поискам.

Из публикуемого документа видно, что В.К. Магницкий не имел под рукой всех своих работ, не всегда помнил их выходные данные (в таком случае прибегал к многоточиям, а однажды бесхитростно признался: «Не помню»³⁷). О некоторых он, видимо, забывал или же игнорировал их как малозначительные. Скажем, в списке упомянута лишь одна из шести его статей, напечатанных в газете «Волжский вестник» в 1883 г. Не случайно Н.Я. Агафонов, публикуя список трудов учёного, оговорился, что не считает его «безусловно полным»³⁸.

При этом личный архив этнографа собирал с начала своей творческой деятельности. Так, в 1861 г. он выслал родителям на хранение рукопись своей первой статьи вместе с номером «Казанских губернских ведомостей», где она была напечатана³⁹. Известен и такой факт: в 1870 г. этнограф поручил брату, писарю Казанской губернской канцелярии М.К. Магницкому, собрать все свои статьи, напечатанные в «Казанских губернских ведомостях»⁴⁰. Сохранности личного архива не способствовал образ жизни судебного следователя и инспектора училищ, связанный со служебными командировками и переездами. Иногда этнографу приходилось проявлять изворотливость, чтобы заполучить свои публикации: с его слов, не получив оттиска статьи, опубликованной в «Казанских губернских ведомостях» (по практике того времени редакции газет и журналов дарили авторам оттиски их работ или соответствующие номера своих изданий), он «утянул» нужные номера из газетной подшивки Беловолжского волостного правления⁴¹.

Документ позволяет дополнить библиографию трудов учёного, список его псевдонимов, сведения о деловых контактах и др. Из него видно, что В.К. Магницкий не придерживался единообразия при библиографическом описании, в некоторых случаях указывал дополнительную информацию о тиражах книг, размерах полученных гонораров, называл редакции, куда представлял рукописи и др. Эти комментарии добавляют штрихи к портрету учёного и творческой истории его трудов. Оказывается, некоторые из них подвергались значительным (до половины объёма) цензурным сокращениям.

Выясняется, что в деле сотрудничества с редакциями этнограф был мотивирован, в том числе, возможностью получить даровую годовую подписку на газеты и журналы или авторские оттиски. Так, после того как в 1873 г. редакция газеты «Русские ведомости» не обеспечила его такой подпиской, он прекратил с ней пятилетнее сотрудничество. В 1883 г., направляя в Вятский губернский статистический комитет свой сборник фольклорных

материалов, он писал, что сочтёт себя вознаграждённым, если в его пользу будет напечатано узаконенное количество отдельных оттисков, в ином же случае просил возвратить рукопись⁴².

Второй документ, названный автором «Автобиография», хранится в отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского федерального университета (ОРРК НБ КФУ). Документ представляет собой авторскую черновую рукопись с исправлениями и дополнениями. В отличие от предыдущей – формализованной – автобиографии, он представляет собой сочинение от первого лица. Текст выполнен чернилами коричневого цвета и карандашом в два столбца (основной текст и дополнения) с обеих сторон листа, что характерно для делопроизводственной практики того времени. Рукопись имеет размер 22,5×35,5 см; листы сложены поперёк пополам, сшиты в левом верхнем углу чёрной ниткой. На первом листе имеется помета Н.Я. Агафонова от 27 сентября 1902 г. о получении им документа в своё «полное распоряжение» от племянника учёного А.М. Магницкого⁴³. Е.П. Ключевская считает, что это было сделано по распоряжению его отца М.К. Магницкого, в семье которого хранился архив покойного брата⁴⁴.

Следует отметить, что основной научный архив и библиотека В.К. Магницкого находились в с. Шуматово Ядринского уезда Казанской губернии. После смерти этнографа его братья хотели пожертвовать богатую библиотеку В.К. Магницкого Симбирской чувашской учительской школе^{44а}, что не осуществилось. По свидетельству земляков, сёстры этнографа Анна и Александра Магницкие бережно хранили книги и рукописи брата. В 1920-х гг. М.К. Корбут неоднократно проводил летние месяцы в с. Шуматово, где в кабинете дяди работал с его архивом и библиотекой⁴⁵.

В 1925 г. Центральный чувашский музей через Н.В. Никольского вёл переговоры о покупке рукописей и библиотеки Магницкого с его сестрой Анной Константиновной. В проекте сметы музея на 1925/26 финансовый год на эти цели даже было заложено 300 руб.^{45а} По неизвестной причине договориться не удалось, и в конце 1927 г. М.К. Корбут передал личный архив В.К. Магницкого в составе 21 тома в кабинет чувашского языка и культуры чувашского отделения Восточного педагогического института (ВПИ), где фонду был присвоен регистрационный номер (№ 1097). Но и после этого в распоряжении М.К. Корбута оставались документы дяди-этнографа. В 1929 г. он писал председателю Общества изучения Чувашского края, композитору С.М. Максиму, что «нашёл много интересных писем научного содержания и несколько неизданных работ Магницкого, касающихся чуваш»⁴⁶. Всю личную переписку этнографа М.К. Корбут планировал передать в кабинет чувашеведения ВПИ⁴⁷. Е.П. Ключевская помнит рассказы матери о том, что при аресте М.К. Корбута (1933) были конфискованы его архив и библиотека, в которых могли находиться книги и рукописи В.К. Магницкого⁴⁸.

В 1931 г. в связи с основанием Чувашского государственного педагогического института (1930) чувашское отделение ВПИ было закрыто.

В 1941 г. личный архив учёного поступил на хранение в Государственный исторический архив Чувашской Республики⁴⁹. В 1941, 1978 гг. он пополнился новыми документами⁵⁰. Ныне в его составе 28 единиц хранения, среди которых есть материалы, не имеющие отношения к фондообразователю (архив чувашского поэта Т.К. Кириллова, материалы чувашско-лингвистического отделения ВПИ), ранее хранившиеся в ВПИ.

«Автобиография» не датирована, однако указание на жительство К.Е. Магницкого в с. Шуматово свидетельствует о том, что она была написана до смерти последнего (1889), возможно, в 1880–1882 гг., когда этнограф находился в добровольной отставке и жил в Казани в доме брата Михаила. Документ не завершён и обрывается на описании поры детства автора. Черновой характер рукописи объясняет наличие стилистических погрешностей и произвольных сокращений слов. К автобиографии подшит черновик прошения учёного в Вятскую духовную консисторию о расторжении его брака с П.Ф. Бузовой в связи с её аморальным поведением, датированный 1876 г. Этот документ имеет тот же формат, что и «Автобиография».

История рукописи в тёмные для библиографов послереволюционные годы прослеживается пунктирно. Некоторый свет на неё проливают владельческие штампы, а также инвентарные книги ОРРК НБ КФУ. Известно, что после смерти Н.Я. Агафонова его личный архив подвергся раздроблению, после чего многие документы обрели новых хозяев. Вероятно, «Автобиография» В.К. Магницкого попала в библиотеку Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ), на что указывает её нынешняя обложка – неразрезанный типографский лист бланков книжных наклеек библиотеки ОАИЭ.

После Октября 1917 г. «Автобиография» находилась в составе рукописной коллекции библиотеки Центрального музея Татарской АССР (имел предшественником Казанский городской научно-промышленный музей, образованный в январе 1918 г.), которая состояла из архивных материалов национализированных частных и ведомственных библиотек и коллекций. После образования в 1930 г. Татарского научно-исследовательского экономического института (ТНИЭИ), который в 1931 г. был переименован в Татарский филиал Института промышленно-экономических исследований⁵¹, она вместе с другими документами музейной коллекции была передана в его научную библиотеку. 12 августа 1931 г. «Автобиография» была внесена в инвентарную книгу рукописного отделения библиотеки, получив регистрационный номер (№ 518), а на её первой странице появился штамп научной библиотеки ТНИЭИ.

В инвентарной книге ОРРК НБ КФУ следующим за «Автобиографией» номером учтено собрание деловых бумаг В.К. Магницкого периода 1860-х гг.⁵² По своему содержанию к нему примыкает упомянутый черновик прошения о расторжении брака, не учтённый в инвентарной книге. Это указывает на то, что бумаги В.К. Магницкого поступили в ТНИЭИ одновременно, но не были надлежащим образом описаны. Тот факт, что замести-

телем директора ТНИЭИ работал М.К. Корбут⁵³, позволяет думать, что он имел отношение к поступлению бумаг В.К. Магницкого в институт.

После того, как в 1934 г. Татарский филиал Института промышленно-экономических исследований был ликвидирован, его рукописное собрание поступило в Казанский университет. При этом инвентарные книги были попросту переозаглавлены, и рукописи сохранили прежние шифры. По-видимому, в 1930-х гг. в ОРРК НБ КФУ поступила переписка В.К. Магницкого, причем, судя по владельческим штампам, в послеоктябрьский период многие письма числились в «отделении рукописей» Центрального музея Татарской АССР⁵⁴. Наряду с этими документами личный фонд учёного в ОРРК НБ КФУ включает в себя его биографические материалы, ученические тетради, копии исторических документов и др. – всего 25 единиц хранения⁵⁵.

«Автобиографию» отличает откровенность автора, в том числе в вопросах личной жизни, что роднит её с письмами этнографа к друзьям и близким. Вероятно, она предназначалась для близких родственников. Документ содержит ценные сведения по родословной Магницких, о семье К.Е. Магницкого, домашнем обучении детей и др. По большей части подобная информация отсутствует в официальных источниках.

Итак, история обеих автобиографий связана с личностью Н.Я. Агафонова. Используя их информацию, а также письма этнографа, он опубликовал статью о друге с библиографией его трудов⁵⁶, биографическая часть которой была перепечатана в периодическом издании Нижегородской губернской учёной архивной комиссии при посмертной публикации одной из статей В.К. Магницкого⁵⁷. Приведём рассказ Н.Я. Агафонова о периоде жизни этнографа, оставшемся вне рамок публикуемой автобиографии: «В апреле 1877 г. при попечителе П.Д. Шестакове определён инспектором народных училищ Уржумского уезда, но вскоре вышел в отставку. В 1881 году⁵⁸ при содействии И.А. Износкова снова поступил на службу, заняв должность инспектора народных училищ сначала Лаишевского, Спасского и Тетюшского уездов, затем Свияжского и Чебоксарского и наконец (в 1890 г.) Елабужского. Выйдя в 1894 году в отставку без всякого давления извне, он поселился в селе Шуматове Ядринского уезда, где в последнее время служил и умер его отец. Освободившись от довольно хлопотливой службы, Василий Константинович всецело предался своим излюбленным занятиям по описанию быта, языка и мифологии чуваш-язычников и чуваш отатарившихся, а также по исследованию исчезающего племени мишарь, приезжая изредка в Казань повидаться с родным братом и приятелями»⁵⁹.

По изысканиям Е.П. Ключевской, после добровольного ухода со службы в Уржумском земстве из-за некомпетентного вмешательства местных земцев в училищные дела, игнорирования ими его мнения как инспектора и «предвзятой неприязни» (слова В.К. Магницкого) к себе этнограф проживал у брата М.К. Магницкого в Казани и хлопотал о месте секретаря Родионовского института благородных девиц⁶⁰. В письме к отцу от 18 октября 1881 г. он сообщал, что участвовал в конкурсе на какую-то должность, но проиг-

рал конкуренту, однако получил заверения от своих друзей И.А. Износкова и Н.Я. Агафонова оказать протекцию при замещении открывающейся в следующем году вакансии секретаря канцелярии попечителя Казанского учебного округа. В этот период этнограф был увлечён научной работой в архивах и библиотеках, ради которой был готов «должность в канцелярии предпочесть какой угодно вне Казани»⁶¹.

Публикуемые документы удачно дополняют друг друга в информационном плане, содержат новые данные о его биографии, семье и родословной, профессиональном и научном окружении, творческом наследии. Они проясняют ряд вопросов биографии этнографа, например о причинах разноречия в определении даты своего рождения. Оказывается, всё дело в разной интерпретации записи о рождении В.К. Магницкого, сделанной его отцом в книге «Требник»: «Марта 3-го дня (в пятницу) в 3 1/2 часа по полунощи». В разные годы этнограф относил эту дату к ночи то со второго на третье, то – с третьего на четвертое марта. Вслед за ним его друзья также разноречили друг с другом: 4 марта (Н.В. Никольский, Н.А. Архангельский), 3 марта (Н.Я. Агафонов)⁶². Д.В. Абашева также склоняется к первой дате⁶³. Верной датой является 3 (15) марта, что подтверждает метрическая книга Казанской церкви с. Шуматово. В ней указано, что 3 марта 1839 г. в семье священника К.Е. Магницкого родился сын Василий, который был крещён 19 марта⁶⁴.

Пользуясь случаем, укажем на ошибку Н.М. Кедрова, писавшего, что В.К. Магницкий умер 2 марта 1901 г.⁶⁵ На самом деле это произошло 4 марта, о чём сообщали его друзья и что подтверждает метрическая книга церкви с. Шуматово. В ней говорится, что В.К. Магницкий умер 4 марта 1901 г. «от паралича», перед смертью был исповедан и приобщён священником с. Шуматово П. Разумовым. Кроме причта приходской церкви, в похоронах участвовали окрестные священники: И. Громов из с. Русское Чурашево и А. Левашев из с. Аликово⁶⁶. К.К. Магницкий в письме к Н.Я. Агафонову указал точное время кончины брата: «4 марта 1901 года в 7 часов утра, в воскресенье»⁶⁷. Чувашские крестьяне, относившиеся к памяти В.К. Магницкого «с суеверным уважением», были убеждены, что причиной смертельной болезни этнографа стал гнев местной киремети за то, что он нанял трёх мальчиков для доставки предметов, оставленных крестьянами на киреметнице в качестве жертвы⁶⁸.

Указание этнографа на изменение фамилии отца в годы его (В.К. Магницкого) обучения в Казанской духовной семинарии объясняет метаморфозу с написанием родовой фамилии: «Магницкий» – «Магнитский». Известно, что в начале 1880-х гг. учёный «сверился с фамильными документами» и вернул фамилии историческую форму «Магницкий»⁶⁹, которой на то время насчитывалось более 100 лет. Так, в 1766 г. среди учеников Нижегородской духовной семинарии упоминается прадед этнографа Алексей Магницкий (ок. 1751 – ?), сын иерея Ивана Иванова из с. Мигино Курмышского уезда⁷⁰. Однако этнограф не знал об этом факте и считал своего прадеда Алексея Ивановича, так же как и его отца Ивана Ивановича, бесфамильными. Он

писал, что фамилию «Магницкий» носил другой сын Ивана Ивановича, протоиерей г. Ядрин Григорий Иванович (ок. 1757 – не ранее 1829), а после него её принял Константин Егорович – отец этнографа⁷¹.

Непрояснённым остается вопрос об именовании Магницких встарь Велелеповыми: В.К. Магницкий, а за ним и М.К. Корбут писали, что диакон Казанской церкви г. Ядрин Егор Алексеевич (ок. 1780 – ?) носил фамилию «Велелепов»⁷². Развивая эту традицию, Е.П. Ключевская, ссылаясь на семейное предание, пишет, что предки этнографа, нижегородские священники Велелеповы, приняли фамилию «Магницкий» в честь автора знаменитой «Арифметики» Л.Ф. Магницкого. По её мнению, это могло произойти при обучении кого-то из предков в духовном учебном заведении, где традиция перемены фамилий учеников была отменена Синодом только в 1846 г.⁷³ Однако, учитывая тот факт, что родной и двоюродный прадеды этнографа носили фамилию «Магницкий», представляется, что его дед по какой-то причине переменял родовую фамилию, а отец вернул её.

Публикация осуществлена в соответствии с правилами издания исторических документов. Документы снабжены легендами, научными комментариями и примечаниями. В квадратные скобки заключены очевидные пропуски и восстановленные части слов. Титлы раскрыты без оговорок. Печатный текст анкеты выделен полужирным курсивом. Ради однотипности и экономии места перечни статей публикуются не в столбик, как в документе, а в строчку. Исключение сделано в одном случае, где перечень статей сопровождается дополнительной информацией.

Статья иллюстрируется малоизвестными фотографиями В.К. Магницкого и его родных. Фотопортрет этнографа сделан в Казани в ателье В.П. Бибина предположительно в 1880-х гг., имеет размеры 6,5×10,5 см, хранится в семейном архиве внучатой племянницы этнографа Е.В. Гарцевой (Алатырь).

Литература, источники и примечания

¹ *Абашева Д.В.* Из истории фольклористики России. В.К. Магницкий. Чебоксары: ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2004. С. 134.

² *Никольский Н.В.* На родине В.К. Магницкого // Советская Чувашия. 1956. 5 августа.

³ *Муратов Н.И.* Объекты культурного наследия Чувашской Республики: каталог. Кн. 2. Чебоксары, 2012. С. 264–265.

⁴ По воспоминаниям Н.А. Магницкой (1914–2006), Анна Константиновна Магницкая воспитала двух приёмных детей: девочку и мальчика Валентина Григорьевна, который закончил мединститут в Казани и воевал в Великой Отечественной войне (*Ключевская Е.П., Крылова И.П.* Семейная летопись. Помню навсегда... Казань, 2014. С. 18).

⁵ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 682. Л. 14; Сообщено Г.Ф. Артемьевым 10 марта 1997 г. (с. Советское) // Личный архив автора.

⁶ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 7. Л. 104, 110.

⁷ Там же. Л. 110.

⁸ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 682 (Рассказ П.И. Ивановой, 1878 гр.). Л. 14; Сообщено Г.Ф. Артемьевым в с. Советское Ядринского района ЧР 10 марта 1997 г. // Личный архив автора.

⁹ На лицевой стороне: «Под сим крестом погребен иерей Константин Егорович Магницкий. Род. в городе Ядрине 1813 г. 21-го мая. Сконч. 1889 г. 20 ноября. И его супруга Агриппина Васильевна Смеловская. Род. в селе Ядрино. 1818. Сконч. 1866 г. 14 октября». На

другой стороне: «Признательные их дети: Василий, Михаил, Иван, Константин, Юлия Аристовская, Александра и Анна Магницкие. 1890. 21 мая». На третьей стороне: «Души их во благих водворятся!» (НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 682. Л. 3).

¹⁰ *Корбут М.К.* Василий Константинович Магницкий и его труды (1839–1901). Чебоксары, 1929. С. 34.

¹¹ *Никольский Н.В.* На родине В.К. Магницкого // Советская Чувашия. 1956. 5 августа.

¹² *Васильев Л.* Там, где кедр шумит // Советская Чувашия. 2009. 19 марта.

¹³ *Никольский Н.В.* На родине В.К. Магницкого // Советская Чувашия. 1956. 5 августа; *Филиппов Г.И.* В.К. Магницкий – пирён чаплă ентенш [В.К. Магницкий – наш знатный земляк]. Чебоксары, 2010. С. 45.

¹⁴ Показательно, что до последнего времени в Чувашии не было широко известно о здравствующих потомках рода Магницких, в том числе потому, что публикации Е.П. Ключевской по истории её семьи в изданиях Татарстана не доходили до Чувашии. Отдельные сведения о потомках Магницких поступали по другим каналам. Помнится, около 10 лет назад от сотрудницы читального зала отдела рукописей и редких книг Казанского университета я узнал, что в редакции «Татарской энциклопедии» работает родственница В.К. Магницкого. Тогда встретиться с Е.П. Ключевской (это была она) не удалось. Наше знакомство состоялось в 2013 г. во время её очередного приезда в Чебоксары на научную конференцию. В следующем году она с готовностью откликнулась на приглашение приехать в с. Советское Ядринского района Чувашской Республики для участия в конференции, посвященной 175-летию В.К. Магницкого. Там выяснилось, что в Алатыре проживает другая родственница этнографа, его внучатая племянница Е.В. Гарцева. Оказалось, что ещё в 2009 г. на форуме Союза возрождения родословных традиций она выложила старинные фото из семейного архива. Связаться с ней удалось с помощью музейщиков Алатыря, для которых факт проживания в их городе родственников В.К. Магницкого не был новостью. 26 июня 2014 г. Е.П. Ключевская и Е.В. Гарцева встретились в Чебоксарах для атрибутирования фотографий из фонда В.К. Магницкого в Чувашском национальном музее. Тогда же были намечены проекты с их участием, связанные с изучением жизни и деятельности В.К. Магницкого.

¹⁵ *Юркин И.Н.* В.К. Макнитский (асăнни) [В.К. Магнитский (воспоминания)] // Канаш. 1919. 1 октября.

¹⁶ *Корбут М.К.* Указ. соч. С. 42.

¹⁷ ГИА ЧР. Ф. Р–1515. Д. 248. Л. 41.

¹⁸ *Абашева Д.В.* Из истории фольклористики России. В.К. Магницкий. С. 29.

¹⁹ *Кедров Н.М.* Василий Константинович Магницкий // Известия по Казанской епархии. 1901. 15 апреля. С. 368 – 373; *Износков И.А.* Василий Константинович Магницкий // ИОАИЭ. 1901. Т. 17, вып. 1–6. С. 251–254; *Агафонов Н.Я.* В.К. Магницкий (1839–1901) // Казань и казанцы. Казань, 1906. Вып. 1. С. 42–50; *Никольский Н.В.* Биография В.К. Магницкого // ИОАИЭ. 1919. Т. 30, вып. 2. С. 239–242.

²⁰ *Корбут М.К.* Указ. соч. 97 с.

²¹ *Маслова Е.С.* Историк М.К. Корбут (1899–1937): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004. URL: <http://www.dslib.net/istorio-grafia/istorik-m-k-korbut.html>

²² *Башикурова А.Ф.* Некоторые архивные материалы о педагогической деятельности В.К. Магницкого // Учёные записки ЧНИИ. Вып. 15: О дореволюционной культуре чувашского народа. Чебоксары, 1957. С. 237–245; *Романов Н.Р.* В.К. Магницкий – этнограф чувашского народа // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 21. Чебоксары, 1962. С. 355–370; *Абашева Д.В.* В.К. Магницкий – фольклорист и этнограф // Проблемы изучения устного народного творчества: сб. ст. М., 1975. Вып.1. С. 123–135.

²³ Василий Константинович Магницкий – исследователь культуры и быта чувашей: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1989. 104 с.

²⁴ *Абашева Д.В.* Из истории фольклористики России. В.К. Магницкий. 146 с.

²⁵ *Гусаров Ю.В.* Библиотека В.К. Магницкого // Вопросы археологии и этнографии Чувашии: материалы чтений, посвященных памяти В.Ф. Каховского. Чебоксары, 2000. С. 187–204; *Его же.* Библиотека Магницкого В.К. // Чувашская энциклопедия. Т. 1. Чебоксары, 2006.

С. 209–210; *Его же*. Магницкие // Чувашская энциклопедия. Т. 3. Чебоксары, 2009. С. 5–6; *Петров Н.А.* Вопросы обычного права в трудах В.К. Магницкого и Н.В. Никольского // Вопросы археологии и этнографии Чувашии. Чебоксары, 2000. С. 129–135; *Ключевская Е.П.* Магницкие – священники, юристы, педагоги (из истории восьми поколений) // Материалы Лихачевских чтений, 3–5 апреля 2008 г. Казань, 2008. С. 73–79; *Черноярлова М.Ю.* В. К. Магницкий как собиратель и исследователь русских преданий Чувашии // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 324–329.

²⁶ *Ключевская Е.П., Крылова И.П.* Указ. соч. 416 с.

²⁷ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. II. Ед. хр. 682, 705.

²⁸ *Филиппов Г.И.* Указ. соч. 74 с.

²⁹ Библиотека в цифровом формате // Вести Национальной библиотеки Чувашской Республики. Вып. 3. URL: <http://echznbchr.blogspot.ru/2014/03/3.html>

³⁰ Василий Константинович Магницкий – исследователь культуры и быта чувашей. С. 98–104.

³¹ *Иванов В.П., Абашева Д.В.* Жизнь и деятельность В.К. Магницкого // Василий Константинович Магницкий – исследователь культуры и быта чувашей. С. 7; *Абашева Д.В.* Из истории фольклористики России. В.К. Магницкий. С. 32 и др.

³² ОРК НБ КФУ. Рук. 1815. Л. 27 об.

³³ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1215. Оп. 1. Д. 15.

³⁴ ОРК НБ КФУ. Рук. 2308. Л. 56.

³⁵ *Магницкий В.К.* Чувашин-этнограф Спиридон Михайлович Михайлов (К истории местной этнографии) // ИОАИЭ. Казань, 1901. Т. 17, вып. 1–6. С. 76; *Гусаров Ю.В.* Дневник провинциального помещика первой четверти XIX века // Вопросы истории народов Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 1997. С. 66.

³⁶ *Износков И.А.* Указ. соч. С. 254.

³⁷ РГАЛИ. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 15. Л. 69.

³⁸ *Агафонов Н.Я.* Указ. соч. С. 50.

³⁹ ОРК НБ КФУ. Рук. 2310. Л. 22 об.

⁴⁰ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 682. Л. 15; ОРК НБ КФУ. Рук. 2312. Л. 32.

⁴¹ ОРК НБ КФУ. Рук. 2308. Л. 15 об.

⁴² *Бердинских В.А.* Уездные историки: русская провинциальная историография. М., 2003. С. 177.

⁴³ Александр Михайлович Магницкий (1874–1949) – племянник В.К. Магницкого. После окончания физико-математического факультета Казанского университета (1899) работал помощником начальника мастерских порохового завода в Казани. С 1901 г. преподавал естествознание, природоведение, физику в разных учебных заведениях: Первой казанской гимназии, Казанском епархиальном училище, Казанском окружном женском духовном училище, Казанском Родионовском институте благородных девиц. С 1918 г. преподавал на рабфаке Казанского университета и в средних школах Казани.

⁴⁴ *Ключевская Е.П.* Указ. соч. С. 74.

^{44а} *Краснов Н.Г.* Иван Яковлев и его потомки. Чебоксары, 1998. С. 294.

⁴⁵ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 682. Л. 12.

^{45а} ГИА ЧР. Ф. 235. Оп. 1. Д. 17. Л. 46, 47 об.

⁴⁶ Там же. Ф. 333. Оп. 1. Д. 37. Л. 152 об.

⁴⁷ *Корбут М.К.* Указ. соч. С. 31 (примечание), 40.

⁴⁸ *Ключевская Е.П., Крылова И.П.* Указ. соч. С. 214; Письмо Е.П. Ключевской автору от 26.06.2014 г. // Личный архив автора.

⁴⁹ *Романов Н.Р.* Указ. соч. С. 370.

⁵⁰ ГИА ЧР. Дело фонда 334. Л. 8, 9.

⁵¹ Национальный архив Республики Татарстан: путеводитель. Изд. 2-е, перераб. и доп. 1999. URL: <http://guides.rusarchives.ru/browse/GuidebookCard.html?jsessionid=abcgTz9Jja7H2h2xlrRuu?id=24>

- ⁵² Инвентарная книга ОРРК НБ КФУ № 2 (№ 336–711). С. 40.
- ⁵³ Шагалов В.А. Татарский научно-исследовательский экономический институт // Татарская энциклопедия. Т. 5. Казань, 2010. С. 551.
- ⁵⁴ ОРРК НБ КФУ. Рук. 2312 и др.; Н.В. Никольский писал, что в 1933 г., т.е. после ареста М.К. Корбута, большое рукописное собрание Магницкого поступило частично в Чувашский пединститут, частично – в рукописный фонд Казанского университета (*Никольский Н.В.* На родине В.К. Магницкого).
- ⁵⁵ Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского: путеводитель. Казань, 1999. С. 49.
- ⁵⁶ Агафонов Н.Я. Указ. соч.
- ⁵⁷ Магницкий В.К. К истории присурских «чуваш», черемис, мордвы и Фролищевой пустыни // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Н. Новгород, 1903. Т. 5. С. 24–25.
- ⁵⁸ Ошибка Н.Я. Агафонова: В.К. Магницкий был назначен инспектором народных училищ I-го участка Казанской губернии 10 июля 1882 г.
- ⁵⁹ Агафонов Н.Я. Указ. соч. С. 44–45.
- ⁶⁰ Ключевская Е.П., Крылова И.П. Указ. соч. С. 142–144.
- ⁶¹ ОРРК НБ КФУ. Рук. № 2310. Л. 51–52 об.
- ⁶² Никольский Н.В. Биография В.К. Магницкого. С. 239; Износков И.А. Указ. соч. С. 251; Агафонов Н.Я. Указ. соч. С. 43.
- ⁶³ Абашева Д.В. Из истории фольклористики России. В.К. Магницкий. С. 57.
- ⁶⁴ ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 5. Д. 18. Л. 1601 об.
- ⁶⁵ Кедров Н.М. Указ. соч. С. 368.
- ⁶⁶ ГИА ЧР. Ф. 557. Оп. 9. Д. 360. Л. 119 об. – 120.
- ⁶⁷ Абашева Д.В. Из истории фольклористики России. В.К. Магницкий. С. 56.
- ⁶⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. С. 190.
- ⁶⁹ Износков И.А. Указ. соч. С. 251. Судя по подписям под газетно-журнальными корреспонденциями учёного, это произошло не позднее 1883 г.
- ⁷⁰ Можаровский А.Ф. К истории Нижегородской духовной семинарии // Действия Нижегородской ученой архивной комиссии: сб. ст., сообщений, описей и документов. Н. Новгород, 1898. Т. 3. С. 25.
- ⁷¹ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 7. Л. 104.
- ⁷² Там же; Корбут М.К. Указ. соч. С. 6.
- ⁷³ Ключевская Е.П., Крылова И.П. Указ. соч. С. 120.

Приложения

№ 1

1877 г., 1883 г. Августа 28, 1886 г. Июня 19. – Ответы В.К. Магницкого на вопросы библиографической анкеты, составленной Н.Я. Агафоновым, с двумя дополнениями к списку своих трудов

[Л. 68] №

Доставлено 2 января 1878 года.

Магнитский, Василий Константинович.

1. Время рождения (число, месяц и год):*1 «1839 года, марта 3-го дня (в пятницу) в 3 1/2 часа по полунощи» (записано рукой отца на последнем листе «Требника»¹, изданного в Москве в 1749 г. На первом листе

*1 Далее зачеркнуто: 4 марта.

этого «Требника» написано: «Сия книга, глаголемая «Требник», принадлежала священнику села Мигина² Иоанну Иоанновичу, коим передана была города Курмыша³ Покровской церкви священнику Алексею Иоанновичу, по смерти которого доставлена диакону Егору Алексеевичу, им же подарена Константину Егорову Магницкому 1836 года октября 31-го дня». Это мои предки по отцу. По словам отца, село Мигино – в Нижегородской губернии).

2. Место рождения: В чувашском селе Ядрине⁴ (Знаменское) Ядринского уезда Казанской губернии, в 2-х верстах от*¹ границы Козьмодемьянского уезда.

3. Где получил образование (с показанием времени)? Азбуке, чистописанию, Часослову, Псалтирю*², *^{2*} чтению и письму по-латыни учился в селе Ядрине под руководством отца и наблюдением неграмотной матери; нотному пению – у дьячка, имя и фамилию [которого] забыл, в селе Чурашеве⁵, где в сельском приходском училище под руководством дяди-учителя Александра Васильевича Смеловского окончательно был приготовлен к поступлению прямо*³ во 2-й класс Чебоксарского духовного уездного училища; с 1-го сентября 1848*⁴ г. по 15 июля 1854 г. – в Чебокс[арском] дух[овном] уч[илище], с 1-го сентября 1854 г. по 22 декабря 1857 г. – в Казанской духовной семинарии, с 15-го августа 1858 [г.] по 3 сентября 1862 г. – в Казанском университете, где и кончил курс со званием дейст[вительного] студента юридического факультета и разряда⁶.

4. Кто родители (звание, имя, отчество отца и матери; последняя чья урожденная)? Священник села Шуматова Ядринского уезда Константин Егорович Магницкий (со времени изменения моей фамилии в Казанской семинарии – Магнитский) и священническая дочь села Ядрина Василья Степаныча Смеловского Агрофена Васильевна Смеловская⁷.

5. Общественное положение: 30-го октября 1862 г. определен был в штат канцелярии Казанской уголовной палаты на правах кандидата на должность судебного следователя; [с] 18 января 1863 г. по 30 мая командирован в помощь судебному следователю 1-го уч[астка] Лаишевского уезда Поступальскому (гроза уезда и лаишевцев-чиновников по возбужденному им делу о порубке 400 000 дубов*⁸); [с] 15 июля по 1 сентября того же года – к исправ[ляющему] дол[жность] суд[ебного] след[ователя] 4-й ч[асти] г. Казани; 11-го октября 1863 [г.] назначен исправ[ляющим] д[олжность] судебного следов[ателя] 2-го уч[астка] Чебоксарского уезда⁸; 8 апреля 1877 г. – инспектором народных училищ в Уржумский уезд Вятской губ[ернии], от земства.

*¹ Далее зачеркнуто: южной.

^{2-2} Написано вместо зачеркнутого: и.

*³ Подчеркнуто автором.

*⁴ Исправлено с: 1849.

*⁵ В рукописи: о 400 000 порубке дубов.

Во время службы следователем по выбору крестьян-прихожан села Беловолжского⁹, где была следовательская квартира, с 1-го ноября 1870 г. по 1872 г. состоял членом приходского попечительства, с 15 июня 1872 [г.] по *1251* апреля 1877 [г.] двукратно – председателем того же п[опечительств]ва¹⁰.

б. На ком женат? На незаконнорожденной свияжской мещанской девице Прасковье Федоровой Бузовой (дочери крепостной горничной девушки помещицы села Беловолжского Разумовой¹¹. Брак совершен был в Беловолжской церкви в фев[рале] 1868 г. Померла 20 декабря 1880 г. в Уржумской земской больнице, после развода по решению Вятской дух[овной] консистории, утвержденному указом Святейшего синода 18 сентября 1880 г. за № 3490. Имела единственную дочь Елизавету (по убеждению отца, нигде не заявленному, незаконнорожденную), родившуюся в Уржуме в апреле 1879*² г. и умершую там же в июле того же года).

[Л. 68 об.] **Особые примечания, какие кто пожелает сделать, относительно выдающихся обстоятельств из своей ученой или литературной деятельности.** В 1874 году по предложению действительно члена Казанского общества естествоиспытателей Л.А. Износкова¹² избран членом-сотрудником Общества по отделу антропологии и этнографии, каковым и сейчас состою.

[Л. 69] **Полный, по возможности, библиографический список всех своих сочинений и переводов (не исключая и мелких статей).**

В «Казанских губернских ведомостях»:

1* Женские чувашские школы в Ядринском уезде, с подписью: С.У. (студент университета). 1861 г. № 9; 2, Сельские лечебницы в Ядринском [уезде]. 1862 г. № 46; 3, Грамотность у чуваш в Ядринском уезде. 1864 г. №№ 43 и 44; 4, Козловская Воздвиженская ярмарка. 1865 г. № ...*³; 5-е, Училищные сады в Ядринском уезде. 1865 г. №...*⁴; 6, Бушковой десяток и Камайкин дол (Из народных преданий). 1865 [г.] № 50; 7-е, Заметка о Пугачевском бунте. 1866 г. № 16; 8, Из путевых заметок по 2-му стану Чебоксарского уезда. 1866 г. №№ 3 и 46; 9, Старые оставленные кладбища во 2-м стане Чебоксарского уезда. 1866 г. № 46; 10, Разбойничий городок и клады в нем близ дер. Карабаш. 1866 г. № 46; 11, Из села Беловолжского Чебоксарского уезда, с подписью «Проезжий». 1868 г. № 5; 12-е, По инородческому делу. 1868 г. № 10; 13-е, Очерк юридического быта чуваш Ядринского, Козьмодемьянского и Чебоксарско-

* Сохранено авторское оформление нумерации, включая знаки препинания и наращивания падежного окончания при цифрах.

1-1 Написано вместо зачеркнутого: 8.

*2 Исправлено с: 1878/79.

*3 Оставлено место для номера газеты.

*4 Оставлено место для номера газеты.

го уездов. 1868 г. №№ 85, 86, 87, 88, 89 и 93; 14, Дополнительные сведения о Спиридоне Михайловиче Михайлове. 1869 г. № 99; 15, Село Шуматово и его приход. 1870 г. №№ 63 и 68; 16, Чувашская легенда о происхождении Сорминской киремети. 1870 г. № 87; 17, Беловолжская ярмарка. 1873 г. № 60; 18, Курганы в Ядринском уезде ...^{*1}; 19, Будущее село Исменцы. 1874 г. № 73; 20, Материалы для этнографии костюма пригородных чебоксарских крестьян в прошлом столетии ...^{*2}; 21, Археологические достопримечательности во 2-м стане Чебоксарского уезда. 1874 г. № ...^{*3}; 22, Чувашские бабушки^{*4} повитухи. 1874 г. № 28; 23, 24 и 25, Село Беловолжское (корреспонденции с подписью: «В-ий»). 1874 г. № 52, 1875 г. № 97 и ... (не помню); [26,] На память о Николае Ивановиче Золотницком. 1880 [г.] № ...^{*5}

В «Справочном листке г. Казани». 1867 г.:

1, Празднование чувашами Нового года (Соргоры¹³). № 17. 2, Хмелеводство во 2-м стане Чебоксарского уезда. № 79. 3, Спиридон Михайлович Михайлов. № 103. 4, К статье: Спиридон Михайлович Михайлов. № 120. 5, Чуваш кнеге¹⁴. № 137. 6, Чардак. № 138.

В «Русских ведомостях» с 1867 до 1873 г.:

1, 1867 г. № 126; 2, 1868 г. № 9; 3, За исключением нескольких недосланных №№-ов, остальные №№^{*6} были переданы Н.И. Золотницкому^{6*} и по смерти его утрачены в Казан[ском] миссионер[ском] приюте. Все корреспонденции в «Русских ведомостях» с 1867 [по] 1873 [г.] из Чебоксар и уезда принадлежат мне за исключением корреспонденций в №№ 21 и 89 за 1868 год, принадлежащих бывшему мировому посреднику 2-го уч[астка] Чебоксарского уезда Селезнёву¹⁵. За две первые корреспонденции^{*7} был выслан в 1868 г. даровой экземпляр «Русских ведомостей» с приглашением редакции сотрудничества и затем ежегодно высылался^{7*} до 1873 [г.], когда экземпляр не был выслан почему-то редакцией. Вследствие этого прекратилось и сотрудничество).

В «Голосе» (через контору Мейна в Москве):

1871 г. От 6 апреля № 109.

4 июня № 168.

25 июля № 189.

2 сентября № 252.

6 ноября № 320.

} Получено гонорария 21 р[уб].

^{*1} Оставлено место для выходных данных статьи.

^{*2} Оставлено место для выходных данных статьи.

^{*3} Оставлено место для номера газеты.

^{*4} В рукописи: баушки.

^{*5} Оставлено место для номера газеты.

^{*6-6*} Написано над зачеркнутым и исправленным: у Л.А. Износкова и Н.И. Золотницкого.

^{*7-7*} Написано вместо: во все время сотрудничества в «Русских ведомостях» высылался за труд даровой экземпляр, что и продолжалось.

[Л. 69 об.] 1872 г. От 3-го августа № 115. 2 ноября № 202.	}	10 р[уб]. сер[ебром].
1873 г. --/-- 20 февраля № 64. 14 апреля № 122. 26 мая № 159. 13 ноября № 324.		
1874 г. --/-- --/-- № 15. --/-- № 213.	}	22 р[уб]. сер[ебром].

В «Судебном вестнике» *¹1873 г.*¹ в отделе *²«Разные известия»: Нам пишут из Чебоксарского уезда (О последствиях снятия с Криушинских лугов обмелевшего*³ парохода «Мария»). № 261.

В «Церковно-общественном вестнике»:

Из села Беловолжского (Чебоксарского у[езда]) с подписью «П.П.» (председатель попечительства). 1875 г. № 80, 81 и 141.

В «Протоколах Казанского общ[ества] естест[воиспытателей]» за 1875 [г.]:

Лечебные травы чуваш дер. Масловой.

В «Ученых записках Казан[ского] унив[ерситета]» за 1877 г. (по ходатайству отдела антропологии):

Песни крестьян села Беловолжского Чебоксарского уезда. 300 отдел[ьных] оттисков. Казань, 1877 г.

В «Известиях по Казанской епархии»:

Примечания*⁴ к статье «Предания чуваш Бичуринского прихода» М.Ф. (Михаила Фёдорова, учителя Бичуринского 2-клас[сного] училища), с подписью «В.М.».

Рукописи, представленные для напечатания:

1-е, В И[мператорское] Р[усское] геогр[афическое] общество (См. отчет Общества: с 1869 [по] 1874 г.

2-е, На съезд естествоиспытателей в Казани: 1-е, Археологические достопримечательности в приходе села Шуматова. 2-е, Уличные игры крестьянских детей села Беловолжского.

3-е, В Казан[ское] общ[ество] естест[воиспытателей] – Деревня Козловка и Козловская пристань Чебоксарского уезда.

4-е, В «Записках Оренбургского отдела И[мператорского] Р[усского] геогр[афического] общ[ества]» – Замечания на этнографический очерк быта и обычаев чуваш И. Меншова. Вып. IV. 1880 г.*⁵

1–1 *Вписано над зачеркнутым*: за ноябрь или декабрь 1874 [г.] или [187]5 г.

*2 *Прочитано предположительно.*

*3 *Далее зачеркнуто*: на них.

*4 *Далее зачеркнуто*: В.М.

*5 *Далее зачеркнуто*: 5-е. На археологический съезд в Казани.

Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881 г. 600 экз.

Представлены для^{1} издания в Казан[ском] археолог[ическом] обществе: Переживания ^{2*}древней^{2*} культуры у жителей 2-го стана Чебоксарского уезда. (Сборник: 1-е, Поречий <говор> – местных, бранных и унижительных слов <до 2-х тысяч>, побасок <поговорок> и пословиц <до 1000>; 2-е, Верований – примет, погаданий, снотолкований и способов лечений болезней; 3-е, Детских игр и забав <не вошедших в упомянутую рукопись>; и 4-е, Песен <не вошедших в изданные>)¹⁶.

(^{3*}Составляются^{3*}: Заметки об ^{4*}организации и предметах ведомства^{4*} приходских попечительств <Из практики светского председателя сельского приходского попечительства>).

В «Вятских губернских ведомостях»:

1, Выноска (Описание кургана и черемисского предания об нём) под статьей Петра Мышкина «Материалы для истории колонизации Кузнецовского прихода в Уржумском уезде» (заглавие дано автором выноски). 1880 г. – № 41.

В докладах Уржумскому земскому собранию:

1, Отчет о положении начальных народных училищ в Уржумском уезде за 1877/8 учебный год. Вятка. 1879. Том II, стр. 151–174. 2, К отчету о начальном народном образовании в Уржумском уезде за 1878/9 учебный год (Записка инспектора училищ В. Магнитского). Уржум (Вятка). 1880. Стр. 165–193. 3, Записки инспектора училищ В.К. Магнитского (В Уржумскую уездную земскую управу). Вятка. 1881 г. Часть II. Стр. 1–20.

Подпись: Инспектор народных училищ Уржумского уезда Магницкий^{5*}

[Л. 71] *Дополнения:*

В «Волжско-камском слове»:

1, Из быта чуваш. 1881 г. № 12. (Сокращена цензором.) 2, Из Свижского уезда. 1882 [г.] № 29. (Наполовину урезана.) 3, Закупка яиц на Козловской пристани Чебоксарского уезда. № 71. 4, Из села Шуматова Ядринского уезда. № 84. 5, Киремети и праздники у чуваш. № 92, 121, 123 и 126. 6, Сохранение трупов в селах и деревнях. № 114. 7, Из Козьмодемьянского уезда. (Корреспонденции.) № 119, 137, 148, 149, 157 и 160. (Составлялись по письмам священника села Анат-Киняр¹⁷ Николая Васильевича Смеловского¹⁸.) 8, Из Ядринского уезда. № 142. 9, Чувашский край. № 161, 162, 164, 165 и 206. (Окончание этой статьи в «Волжском вестнике» 1883 г.: «Из поездки в

1-1 *Написано над зачеркнутым:* Приготовлены к.

2-2 *Написано над зачеркнутым:* первобытной.

3-3 *Написано над зачеркнутым:* Начаты.

4-4 *Написано вместо зачеркнутого:* задач.

*5 *Подпись на нижнем поле первой страницы анкеты.*

Ядринский уезд)¹⁹. – За «Чувашский край» с редакции «Слова» получено было авансом 25 р[уб.] 10, Факт из быта татар г. Казани. № 181. 11, Село Шуматово, Ядринского уезда. № 211.

НВ. Некоторые статьи подписаны, как и в «Казанских губ[ернских] ведомостях» – «В-ий»^{*1}.

Дополнено *28^{2*} августа, 1883 г. Казань. В. Магницкий.

[Л. 70] *3Литературная деятельность В.К. Магницкого в 1884 и [188]5 годах.

1, В «Волжском вестнике» 1884 г.:

1, К переселенческому вопросу. № 9. 2, Из села Шуматово. № 25. 3, Нечто о татарах. № 55. 4, Спасск. № 108.

1885 года:

1, Из Лаишевского уезда. № 1. 2, Село Тюрлема Чебокс[арского] у[езда]. № 19. 3, Спасский уезд. № 35. 4, Народное образование в Спасском уезде...^{*4} № 54. 5, Луковая сторона. № 73. 6, Урай – монастырь. № 109. 7, Пожар в г. Лаишеве. № 134. 8, Илья Андреевич Сокольский (некролог). № 163. 9, Казанские инородцы и отношение к ним русских просветителей. [С подписью:] «Чувашефил». № 180. 10, Лаишев. № 221. 11, Село Шуматово. № 249.

2. В «Казанских губерн[ских] вед[омостях]» 1884 г.:

1, Священник Василий Петрович Громов. № 77. 2, Дополнения к «Корневному чувашско-русскому словарю». № 125.

3. В «Известиях Казанского общества арх[еологии], ист[ории] и этнограф[ии]»:

1. Из поездки в село Шуматово Ядринского уезда Казанской губ[ернии]. Т. III. Каз[ань], 1884 г. [Л. 70 об.] 2. Особенности русского говора в Уржумском уезде. Т. V. Каз[ань], 1885 г.

Сверх того сделано несколько самостоятельных вставок и описаний (Седьмиозерская пустынь, напр[имер]) в «Списке населенных мест Казанского уезда» И.А. Износкова. Казань, 1885 г., печатавшихся под наблюдением [...] ^{*5} писавшего её с исправлением корректуры. ^{*6}Некоторые выноски^{*6} отмечены «В.М.»²⁰.

Казань. 1886 г. 19 июня.

В. Магницкий^{3*}.

РГАЛИ. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 15. Л. 68–71.

Беловые автографы.

^{*1} Далее зачеркнуто: и Очевидец.

^{*2-2*} Исправлено с: 27.

^{*3-3*} Написано карандашом.

^{*4} Так в документе.

^{*5} Одно слово не прочитано.

^{*6-6*} Написано над зачеркнутым: Вставки не все ... – далее одно слово не читается из-за того, что зашита поля.

Примечания и комментарии

¹ Требник – книга с текстами церковных служб, молитвами для треб.

² Ныне с. Мигино Сергачского района Нижегородской области.

³ Курмыш – город в Симбирской губернии, ныне в составе Нижегородской области.

⁴ В письме к Н.И. Золотницкому В.К. Магницкий вспоминал: «Родившись в Ядринском уезде в чувашском селе, я волей-неволей должен был узнать чуваш челги (чувашский язык. – Ю.Г.), но в продолжение 14-летнего школьного образования перезабыл, пока в конце 1863 года снова судьба не поставила меня лицом к лицу к чувашам, с которыми по официальной обязанности я должен встречаться каждый день» (ОРРК НБ КФУ. Рук. 2308. Л. 1 – 1об.).

⁵ Ныне с. Большое Чурашево Ядринского района Чувашской Республики.

⁶ По воспоминаниям этнографа, К.Е. Магницкий мечтал, чтобы его старший сын учился в Казанской духовной академии, однако, когда тот при поддержке матери из среднего отделения Казанской духовной семинарии (т.е. не окончив полного курса) поступил в Казанский университет, не стал чинить этому препятствий. В.К. Магницкий писал, что позиция его отца изменилась под влиянием примера сына священника из с. Шемердяново Ядринского уезда А.В. Соколова, ставшего профессором юридического факультета Казанского университета (ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 7. Л. 107 об.).

⁷ К.Е. Магницкий и А.В. Смеловская воспитали 4 сыновей и 4 дочерей: Юлию (1838–?), Василия (1839–1901), Александру (1840–1909), Михаила (1841–1917), Марию (1846–1887), Анну (1854–1941), Ивана (1856–?), Константина (1859 – не ранее 1916) – ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 5. Д. 16. Л. 948.

⁸ Судебная реформа 1864 г. изменила систему судебных органов. В 1867 г. приказом по Министерству юстиции Магницкий был утвержден в должности судебного следователя, а в 1870 г. причислен к Министерству юстиции с откомандированием к исправлению должности судебного следователя в округ Казанского окружного суда (ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 7. Л. 2–3).

⁹ Село Беловолжское Чебоксарского уезда Казанской губернии, ныне в составе г. Козловка Чувашской Республики.

¹⁰ Дополним данные о служебной деятельности В.К. Магницкого по послужному списку 1890 г.: 23 октября 1880 г. предписанием попечителя Казанского учебного округа (КУО) по собственному прошению уволен от службы; 10 июля 1882 г. попечителем КУО назначен инспектором народных училищ Казанской губернии 1-го участка, 26 сентября 1886 г. предложением попечителя КУО перемещен в 4-й участок, 9 сентября 1888 г. предложением управляющего КУО назначен членом Свияжского уездного отделения Казанского епархиального училищного совета, с 1 сентября 1890 г. по предложению попечителя КУО переведен на должность инспектора народных училищ Елабужского уезда Вятской губернии. В 1885 г. Сенатом был произведен в чин статского советника за выслугу лет со старшинством с 25 декабря 1882 г. 22 декабря 1889 г. награжден орденом Св. Станислава 3-й степени (Ф. 334. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–7). В 1894 г. по состоянию здоровья и выслуге лет В.К. Магницкий вышел на пенсию и поселился в с. Шуматово (НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 370. Л. 413).

¹¹ Разумова Анастасия Федоровна – надворная советница, помещица с. Беловолжское (см.: *Клементьев В.Н.* Козловка: исторический очерк. Чебоксары, 1997. С. 36).

¹² Износков Ильядор (Иладор) Александрович (1835–1917) – деятель народного образования, приятель В.К. Магницкого.

¹³ Сурхури (чув.) – старинный чувашский новогодний молодежный праздник.

¹⁴ Чăваш кĕнеки (чув.) – чувашская книга.

¹⁵ Упомянут бывший коллега В.К. Магницкого В.Н. Селезнев.

¹⁶ Первоначальное название фольклорно-этнографического сборника – «Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде». Магницкий завершил его в 1878 г. и тогда же представил в Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (*Магницкий В.К.* Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде. Казань, 1888. С. V).

¹⁷ Анат-Киняры – с. Козьмодемьянского у. Казанской губ., ныне – Чебоксарского р-на ЧР.

¹⁸ Н.В. Смеловский – дядя В.К. Магницкого по линии матери.

¹⁹ *В-ий.* Из поездки в Ядринский уезд (Заметки о быте присурских чуваш) // Волжский вестник. 1883. 7 августа. С. 640–642; 14 августа. С. 660–661.

²⁰ Инициалы: Василий Магницкий.

Не позднее 1889 г. – Автобиография В.К. Магницкого, полученная казанским краеведом Н.Я. Агафоновым от племянника этнографа А.М. Магницкого в 1902 г.

[Л. 1] Я, В[асилий] К[онстантинович] М[агницкий] – старший сын священника села Шуматова Ядринского уезда, Константина Егоровича, прежде Магницкого, ныне Магнитского, родился в чувашском селе Ядрине того же уезда, на границе Козьмодемьянского [уезда], от Агрофены Васильевны, дочери священника села Ядрина, Василия Степановича Смеловского¹, как записано в «Гребнике» отца – 4 марта 1839-го года, вторым после сестры Юлии² *¹ [и] назван Василием, по словам покойной матери, в честь деда, *²её отца^{2*}, считавшегося умным и богатым. Несмотря на *³эти достоинства^{3*} деда, мать моя⁴ была⁵ неграмотная⁶, до 16 лет, по её рассказам, бегала⁷ по улицам в рубашке и каталась зимой с горы на донце гребня³ *⁸.

Что дед мой⁹, Василий Степаныч, был человек умный – я этому верю потому, что когда учился в Казанской духов[ной] семинарии, [на] подволок⁴ у бабушки Марьи Михайловны⁵ *¹⁰ нашел утратившийся у меня, к сожалению, который-то том стихотворений Державина⁶ с надписью по листам: «Сия книга принадлежит священнику села Ядрина Василью» и т.д. – это такая диковинка, которую и сейчас трудно встретить среди духовенства. А что дед¹¹ был богат – мать в доказательство показывала до 20¹² серебряных екатерин[ин]ских рублевиков, данных ей в приданое¹³ и хранившихся у *¹⁴неё до её смерти^{14*}. Умер дед не знаю когда, но знаю, что оставшихся после него 5-х сыновей и 3-х дочерей, младших, воспитывала бабушка, сделавшись по смерти деда, её мужа, в селе Ядрине просвирней⁷.

*¹ *Далее зачеркнуто:* (названной так отцом по имени какой-то умницы, ученицы его, в бытность его у нее частным учителем во время семинарского курса) и.

^{2-2} *Написано над зачеркнутым:* по матери.

^{3-3} *Написано вместо зачеркнутого:* оба, последнее качество.

*⁴ *Далее зачеркнуто:* как бабушка.

*⁵ *Далее зачеркнуто:* женщина.

*⁶ *Далее зачеркнуто:* Мать моя.

*⁷ *Далее зачеркнуто:* летом.

*⁸ *Далее зачеркнуто:* обращаться с коим она только и умела.

*⁹ *Далее зачеркнуто:* по матери.

*¹⁰ *Далее зачеркнуто:* жены деда.

*¹¹ *Далее зачеркнуто:* он.

*¹² *Далее зачеркнуты одно-два слова из 10–11 букв.*

*¹³ *Далее зачеркнуты 2–3 слова.*

^{14-14} *Написано над зачеркнутым:* отца.

[Л. 1 об.] Больше от матери об ее предках мне слышать ничего не довелось^{*1}. Отец же однажды на мои расспросы говорил, что его прадед, а мой прапрадед Иван Иванович⁸ был священник села Мигина Нижегородской губернии. У него были между прочим сыновья Семён, Алексей и Григорий. Из них два первых были сначала дьячками⁹ в одном селе с прапрадедом, жили с ним в одном доме и занимались земледелием. Впоследствии же Алексей¹⁰, женатый на дочери священника г. Княгинина¹¹ Марье Ильинишне, был священником в г. Курмыше, ныне Симбирской губернии, при Покровской и Никольской церквях, а Григорий Иванович – протои[е]ре[е]м¹² в г. Ядрине. У Григория Ивановича был сын Александр Григорьевич – священник села Шемердянова Ядр[инского] у[езда], и у этого последнего между прочими [детьми] – Македон Александрыч Магнитский – популярнейший между духовенством кулачный боец на Кабане¹³ в Казани; у Алексея же Ивановича – сын Егор Алексеич, сначала дьячок Покровской цер[кви] г. Курмыша, а потом дьякон¹⁴ Казанской церкви г. Ядрина и Воздвиженской – г. Чебоксар; от него родился в г. Ядрине мой отец.

От прадеда Алексея Ивановича сохранилась нижеследующая рукописная печатными буквами, с виньетками киноварью¹⁵ нотная книга¹⁶. Про него мне отец рассказывал, что он в Великом посте, отслужив заутреню, запрягал лошадь и отправлялся на ней за р. Суру за дровами на так называемую Ильину гору, на которой стоит село с этим именем¹⁷. Вот заглавия написанных весьма изящно прадедом книг.

Книги прадеда: 1, Праздники¹⁸. (Сии праздники города Курмыша церкви Покрова Пречистыя Богородицы иерея¹⁹ Алексея Иванова собственные. Написаны 1782 года.) 2, Октоих²⁰ Знаменского распева. (От числа книг города Курмыша Николаевской церкви иерея Алексея Иванова. Написана 1783-го года.) 3, Ирмологий²¹. (От числа книг города Курмыша Покровской [церкви] дьячка Егора Алексея, его собственная, а писал сию книгу отец его, бывший священник Покровской церкви Алексей Иванов сам своеручно 1783-го года июля 25 дня <В конце книги: июля 25 дня 1784 года>.) [4,] Зашевелился младенец 1812 года декабря 11 дня. (Сия книга Города Ядрина Казанской церкви диакона Егора Алексея.) [Л. 2] [5,] Без начала (с 12 листа) окончена марта 19 дня 1790 г. Сбоку: 1797 года апреля 1 дня города Курмыша Покровской церкви дьячок Егор Алексеев указное повеление слышал и подписался²² 2.

*1 По смыслу к данному месту автобиографии примыкает абзац, написанный на полях рукописи в качестве дополнения к тексту, который не получил продолжения и был отвергнут в ходе работы – перечеркнут по центру сплошной линией: Отец мой Константин Егорович Магнитский – не знаю, сын дьячка или дьякона г. Ядрина Егора Алексея Магницкого (далее зачеркнуто: был в Ядрине сначала дьячком, а потом дьяконом, умер он дьяконом Воздвиженской церкви в г. Чебоксарах), кончил в 1836 году полный курс в Казанской духовной семинарии. Так как в Казанском университете профессор Микшевич²³ на экзаменах постоянно спрашивал меня, не родственник ли я бывшего попечителя Магницкого²⁴, то я считаю не лишним привести родословную отца.

2-2 Написано карандашом.

Нотному искусству, видимо, старался умудриться и дед Егор Алексеевич: от него сохранился без начала Обиход²⁵ церковный, но [ни] нотное искусство, ни письменная каллиграфия ему не дались, как об этом можно судить по его надписям на Обиходе и книгах деда.

Отец мой Константин Егорыч родился в г. Ядрине. По окончании в 1836 г. курса в Казанской духовной семинарии во 2-м разряде, он поступил во священники в село Ядрино, откуда перешел впоследствии к Никольской церкви в г. Козьмодемьянск, а чрез 11 месяцев – в с. Шуматово, в 15 верстах от с. Ядрина, где и сейчас живет в доме, перевезенном из села Ядрина²⁶.

Родился я с сестрой Юлией и, кажется, братом Михаилом в доме бабушки, у которой отец жил до постройки своего дома. Жизни в доме бабушки сам я не помню, но помню очень хорошо то время, как с сестрой Юлией из своего дома бегал к бабушке играть с ее двумя внуками, моими двоюродными сестрами, [Л. 2 об.] дочерьми моей крестной матери Лизаветы Васильевны, сестры моей родной матери, священнической вдовы села Петнур Козьмодемьянского уезда²⁷, по смерти мужа, священника Андрея Яковлевича Кудрявцева, поселившейся у ба[б]ушки и бывшей впоследствии просвирней.

Наш дом, состоявший из равномерных, трехконных по улице горницы и избы (кухня), соединенных под одной крышей холодными сенями, стоял на сам[ом] краю села, против северной стороны деревянной, выкрашенной *1 желто-красной^{1*} краской церкви, и задом своими составлял загороду пахотного поля. Против дома и алтаря церковного был огромный луг, на который двоюродные сестры – дочери Лизаветы Васильевны и её брата, а моего дяди, свящ[енника] Конст[антина] Вас[ильевича] Смеловского²⁸, жившего по другую сторону церкви также крайним, приходили играть и часто тайком от меня уводили сестру к себе в дом бабушки. Заметив это, я подымал рев и брань: «Юлька, б...дь, возьми меня!» Так ругал я сестру Юлию за покидание меня до тех пор, пока не подрос брат Михаил, а у дяди Константина Васильевича второй его сын Виктор, когда у нас и составилось особое мальчишечье товарищество.

По рассказам матери, слову «б...» научила меня моя родная тётушка по отцу, старая, рябая, толсторожая дева Лисафета Егорьевна, жившая, чего я не помню, в доме отца, притом будто бы [Л. 3] научившая применять это слово к ней: «Скажи, мол, тетка б...», что я и делал.

Был я в детстве болезненный, так что мать не ожидала, чтоб я остался жив. Бывало, [как] говорила мать, приткнусь где-нибудь и, потирая ногу об ногу*, прохнычу часа два. За это и за [выученное от] тётки [ругатель-

1-1 *Исправлено с:* красноватой.

* Как ни стыдно, но я считаю небесполезным сознаться, что от потирания ног с ущемлением промеж их известного органа я долго не мог отстать и после того, как в среднем отделении семинарии прочитал данную на весь класс инспектором иеромонахом Варсонофием, ныне епископом²⁹, книгу об онанизме, когда впервые узнал значение приобретенной с детства привычки, оставшейся*² неизвестной моим воспитателям. – *Прим. В.К. Магницкого.*

*² *Исправлено с:* остававшейся.

ство] «б...» отец, любивший сестру Юлию и давший ей это имя на память об умной его ученице в Казани в бытность еще семинаристом, меня-де часто бил, но я всё-таки не унимался и этим *¹постоянно накликал побои^{1*} со стороны отца, побои² заступавшейся за *³своего любимца^{3*} матери⁴.

Тетушка Лисафета, помню я сам, учила меня нюхать табак (сама она, помнится, нюхала вместе с отцом). Но я раз так нанюхался, что у меня вскружилась голова и произошла рвота, после чего я от предложений тётушки с омерзением отказывался.

В другой раз на похоронах старика пономаря³⁰ Онтоньча (Федор Онтоньч) – его и сейчас помню по овчинному малахаю³¹ с длиннейшими концами, как у башлыка³² – [Л. 3 об.] я напился допьяна пива, отчего меня по приходе домой так же вырвало, и я до сих пор без отвращения пива пить не могу.

Все это было, должно быть, на 5[-ом] и 6[-ом] годах моего детства. В это время я еще не учился грамоте и бегал, помнится, без *⁵портков^{5*} – слово неблагозвучное, но в той среде, в какой я воспитывался, оно отнюдь не считалось неприличным, и не было ему даже известно другого эпитета. Этот эпизод я считаю нужным включить в свою автобиографию потому, что, приучившись мальчиком⁶ ходить в *⁷портках^{7*}, что помню хорошо, с непривычки было неприятно и вызывало на измышление способов, как от них избавиться – начиналось только с достижением всем известного возраста⁸. Чтобы отделаться от портков, помню, я несколько раз, умаявшись, развязывал гашник³³ (опять слово неблагозвучное, но слово «стяжка» я узнал только в университете – в этом только времени я упросил мать⁹ нам, братьям, шить подштанники с пуговицами, что для неё была весьма трудная задача¹⁰), снимал портки и, опасаясь совсем их бросить, нехотя подходил к матери с заявлением: «Мамынька, у меня портки развязались!»

Грамоте учить начал меня отец одновременно с сестрой Юлией. Первым нашим учебником была, конечно, «Азбука», а вспомоществующим средством при заучивании азов и складов – красиво выделанная отцом деревянная указка. За «Азбукой» следовали Часослов³⁴ и Псалтырь³⁵, а после них уже для меня одного – Священная история и бог весть какого-то автора Нотный обиход и Лимонарь³⁶ на латинском языке.

^{1-1} *Написано вместо:* навлекал, вызывал постоянно.

*² *Далее зачеркнуто:* любившей меня.

^{3-3} *Написано над зачеркнутым:* меня.

*⁴ *Так в рукописи. Правильно:* постоянно накликал побои со стороны отца на заступавшуюся за своего любимца мать.

^{5-5} *Написано вместо:* штанов.

*⁶ *Прочитано предположительно.*

^{7-7} *Написано над зачеркнутым:* штанах.

*⁸ *Так в рукописи.*

*⁹ *Далее зачеркнуто:* начала.

*¹⁰ *Так в рукописи. Правильно:* что для неё было весьма трудной задачей.

Насколько лучше сестры я учился, не могу сказать, но помню, что сестра писала хуже меня. За это отец начинал её, как *1более возрастную*^{1*}, стыдить, а я*2 – плакать³⁷. Этим я всегда сердил отца и почти постоянно накликал на себя побои. Несмотря на это, я плакать не отучился и плакал до 3-го класса Чебок[сарского] дух[овного] училища – в последнем чаще вследствие сознания несоразмерности урока*3. Впрочем, слезы и сейчас вырываются у меня при малейшем умильно-жалобном впечатлении³⁸.

Учение шло уроками: затвердить это следовало*4 с повторением каждый раз задов. Во время отлучек из дому отца, сидя в горнице, помню, нередко вместо чтения мы с сестрой во весь голос просто мычали и, сообразив [Л. 4] время³⁹, отправлялись в избу к матери с заявлением: «Мамынька, мы выучили!» По большей части мать нам верила и отпускала *5играть*^{5*}, но иногда, вследствие встрясок отца, приезжавшего из отлучек по большей части пьяным и буйным, заставляла прочитать при ней. Хотя сама она, как я уже сказал, грамоты не знала, но враки наши отгадывала по смыслу. Попадалась впросак всегда сестра. За это мать начинала ругать сестру. *6Не по жестокосердечию*^{6*}, а по какой-то физиологической особенности мать ругала сестру за всякую безделицу и, принявшись ворчать, продолжала по часу и более, повторяя на разные лады одно и то же, но билась сестру едва ли раз пять во всю жизнь.

Нередко мы с сестрой, встав утром, чтобы не учиться, удирали *7в село*^{7*} и не являлись домой вплоть до вечера. Проголодавшись, мы являлись к бабушке и жалобным своим видом вынуждали её дать нам по куску ситного хлеба⁴⁰, который у неё был всегда замечательно вкусный.

Помета: Получено 27-го сентября 1902 г. от А.М. Магницкого в полное моё распоряжение. Н. Агафонов (подпись)*8.

Листы в верхнем левом углу сшиты чёрной ниткой. На документе имеется прямоугольный штамп: «Рукописный отдел Научной библиотеки Т.Н.И.Э.И. № 518».

ОРРК НБ КФУ. Рук. 518. Л. 1–4.

Черновой автограф.

1-1 *Написано вместо зачеркнутого:* старшую меня.

*2 *Далее зачеркнуто:* вследствие мягкосердечия своего.

*3 *Далее зачеркнуто:* с временем для вызубривания его.

*4 *Прочитано предположительно.*

5-5 *Написано вместо зачеркнутого:* гулять.

6-6 *Написано над зачеркнутым:* и, как теперь помню.

7-7 *Написано над зачеркнутым:* к бабушке.

*8 *Написано на первом листе, в правом верхнем углу.*

Примечания и комментарии

¹ Смеловский Василий Степанович – дед В.К. Магницкого по линии матери. Уроженец с. Болобаново Симбирской губернии. В 1804 г. окончил Казанскую духовную академию. В 1805–1836 гг. служил священником в с. Ядрино Ядринского уезда Казанской губернии. По свидетельству этнографа, его дед был образованным человеком: «основательно» знал латынь, свободно владел чувашским языком, имел литературные способности, собрал «значительную для своего времени» личную библиотеку, в которой имелись книги, подаренные архиепископом Казанским и Симбирским Амвросием Протасовым. По миссионерской деятельности В.С. Смеловский находился «в близком дружестве» со священником с. Чемеево Ядринского уезда, чувашским переводчиком Алексеем Алмазовым. У него хранилась рукопись перевода последнего на чувашский язык пастырского увещания (наставления) Филарета, которая после смерти В.С. Смеловского перешла к К.Е. Магницкому (*Магницкий В.К.* Из поездки в Ядринский уезд (Заметки о быте присурских чуваш) // *Волжский вестник*. 1883. 14 августа. С. 661; ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 7. Л. 109).

² Юлия Константиновна – старшая сестра этнографа. Родилась в с. Ядрино Ядринского уезда 3 января 1838 г. Вышла замуж за бухгалтера Чебоксарского уездного казначейства Ивана Егоровича Аристовского (ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 5. Л. 25; Ф. 225. Оп. 5. Д. 17. Л. 910 об.).

³ Гребень – здесь: ручная прялка.

⁴ Подволока (диал.) – чердак, простор между накатом и кровлей.

⁵ Мария Михайловна, вдова В.С. Смеловского.

⁶ Русский поэт Г.Р. Державин (1743–1816).

⁷ Просвирня (устар.) – женщина, пекущая просфоры.

⁸ Как писал В.К. Магницкий Н.Я. Агафонову, далее его родословная «делается неизвестной, теряясь во мраке минувших веков!» (*Агафонов Н.Я.* В.К. Магницкий (1839–1901) // *Казань и казанцы*. Вып. 1. С. 43).

⁹ Дьячок – псаломщик, низший служитель в православной церкви.

¹⁰ Прадед В.К. Магницкого Алексей Иванович Магницкий (ок. 1751 – ?).

¹¹ Княгинин – уездный город Нижегородской губернии, ныне – пгт. Княгинино Нижегородской области.

¹² *Исправлено с:* протопопом. Протоиерей – священник высшего чина, который до начала XIX в. назывался протопопом. Звание протоиерея даётся в качестве награждения за особые заслуги. Григорий Иванович (1757 – не ранее 1829) окончил Нижегородскую духовную семинарию, в 1791 г. был произведен в протопопы Преображенской церкви г. Ядрина. Одновременно с того же года «для лучшего продовольствования» исполнял должность священника городской Троицкой церкви (*Ключевская Е.П., Крылова И.П.* Указ. соч. С. 124).

¹³ Кабан – озеро в черте г. Казани.

¹⁴ Дьякон – низший духовный сан, помощник священника при совершении церковной службы в православной церкви. Егор Алексеевич (ок. 1780 – не ранее 1822) не имел образования. В 1811 г. был определён дьяконом в Троицкую церковь г. Ядрина, в 1814 г. переведён в Казанскую церковь того же города (*Ключевская Е.П., Крылова И.П.* Указ. соч. С. 124).

¹⁵ Киноварь – минерал красного цвета (сернистая ртуть), здесь: краска из этого материала.

¹⁶ Нотные книги – собирательное название вида богослужебных книг, содержащих православное церковное пение. Вероятно, имеется в виду Нотный обиход (ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 7. Л. 108).

¹⁷ Ильина Гора – ныне одноименное село Ядринского района Чувашской Республики.

¹⁸ Праздники нотные – богослужебные книги, заключающие в себе стихиры господских и богородичных православных праздников.

¹⁹ Иерей – священник православной церкви.

²⁰ Октоих (греч. – осьмигласник) – книга песнопений православной церкви на восемь голосов. Представляет собой сборник отдельных песен, молитв и канонов.

²¹ Ирмологий – богослужебная книга, содержащая в себе избранные из различных канонов песнопения, называемые ирмосами.

²² По просьбе В.К. Магницкого его отец через Е.А. Малова пожертвовал все рукописные книги, доставшиеся от предков, а также упоминавшуюся выше рукопись А. Алмазова в Казанскую духовную академию (ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 7. Л. 107 об. – 108, 109 об.).

²³ Микшевич Юлий Антонович (1824–1878) – профессор политической экономии и статистики Казанского университета с 1857 г. В 1863–1873 гг. – декан юридического факультета.

²⁴ Магницкий Михаил Леонтьевич (1778–1844) – государственный деятель, в 1819–1826 гг. – попечитель Казанского учебного округа, получивший за свою деятельность на этом посту репутацию реакционера и обскуранта.

²⁵ Обиход – певческая книга русского православия, содержащая стабильные песнопения всенощной, литургии и других богослужений.

²⁶ К.Е. Магницкий (1813–1889) в 1836 г. окончил Казанскую духовную семинарию. 8 января 1837 г. женился на сироте, дочери священника с. Ядрино Ядринского уезда В.С. Смеловского Агриппине (венчание состоялось в церкви с. Ядрино). 31 января того же года определен священником в церковь с. Ядрино. 31 декабря 1846 г. из-за упразднения в ней должности второго священника переведен в Никольскую церковь г. Козьмодемьянска. 13 октября 1847 г. по собственному желанию перешёл в с. Шуматово Ядринского уезда. В 1877 г. награжден наперсным крестом от Синода, в 1882 г. – знаком Красного Креста за сбор пожертвований в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в 1885 г. – орденом Святой Анны 3-й степени, в 1887 г. – Святого Владимира 4-й степени, в 1889 г. – серебряной медалью с надписью «За усердие» на Александровской ленте для ношения на груди за труды по народному образованию. Имел также бронзовый крест на Владимирской ленте в память о Крымской войне 1853–1856 гг. (Известия по Казанской епархии. 1877. 1 июня; 1882. 15 декабря; 1885. 15 мая; ГИАЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 7. Л. 104, 106 об., Ф. 225. Оп. 5. Д. 16. Л. 948; *Ключевская Е.П., Крылова И.П.* Указ. соч. С. 125).

²⁷ Ныне с. Пергнуры (Портныры) Горномарийского района Республики Марий Эл.

²⁸ Смеловский Константин Васильевич – священник с. Ядрино, сын В.С. Смеловского.

²⁹ Варсонофий (Охотин Иаков Петрович; 1828–1895) – религиозный деятель. В 1854 г. окончил Казанскую духовную академию и был назначен преподавателем в Казанскую духовную семинарию. В 1855–1864 гг. служил в ней инспектором. В 1876–1882 гг. являлся епископом Старорусским, с 1888 г. – епископом Симбирским и Сызранским (URL: http://www.orthorus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_5279).

³⁰ Пономарь – причетник, низший служитель в православной церкви, в обязанности которого входит чтение и пение на клиросе и ведение церковного делопроизводства.

³¹ Малахай – род старинного крестьянского головного убора: большая шапка на меху с наушниками.

³² Башлык – суконный теплый головной убор: остроугольный колпак с длинными концами, надеваемый поверх шапки.

³³ Гашник (прост.) – шнурок, продернутый в верхней части штанов.

³⁴ Часослов – церковно-богослужебная книга, содержащая псалмы, молитвы, песнопения и другие тексты суточного круга богослужения. Предназначается для церковных чтений и певчих.

³⁵ Псалтирь – сборник псалмов, входящий в Ветхий Завет.

³⁶ Лимонарь – название нравоучительной книги, составленной в Средние века, которая содержит повествования о жизни христианских подвижников.

³⁷ В.К. Магницкий вспоминал, что он, а также все его братья и сестры унаследовали от отца такие качества, как робость и застенчивость. Своей впечатлительностью учёный также был обязан отцу, который мог неожиданно для себя заплакать из чувства сострадания (ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 7. Л. 108, 108 об.).

³⁸ В письме к И.А. Износкову от 3 марта 1892 г. В.К. Магницкий так писал о своей чувствительности: «За слезы в минуты душевной тревоги до школы и в школе аз многожды

биен бывах и заушаем (наказан за уши. – Ю.Г.). Бывало, отец бранит за каллиграфию сестру (с которой я начал учиться одновременно), а я – плакать, и меня – бить. В училище из-за «больших урков» (хулиганов. – Ю.Г.) я плакал даже в последнем классе (хотя был в числе первых учеников), я, чтобы развлечься, стал чаще визжать» (ОРПК НБ КФУ. Рук. 2309. Л. 5 об. – 6).

³⁹ То есть выждав определенное время.

⁴⁰ Ситный хлеб – испеченный из муки, преимущественно пшеничной, просеянной сквозь сито.

Yu. V. Gusarov

TWO AUTOBIOGRAPHIES OF V.K. MAGNITSKII, ETHNOGRAPHER AND SPECIALIST IN FOLKLORE

Two autobiographies of the well-known ethnographer and specialist in folklore of the Volga region V.K. Magnitskii, whose 175th anniversary is celebrated this year, are published. Both autobiographies were written in 1880s – in the nick of time of blossoming of his creative activity. The first one represents answers with additions to questions of the printed biobibliographic questionnaire developed by the Kazan local historian N. Ya. Agafonov, the second one is a story from the first person about relatives and childhood time. The first document is a fair manuscript, and the second is an unfinished draft. Documents successfully supplement each other pertaining to information; specify our knowledge of V.K. Magnitskii's life and creativity, history of his family and ancestry. Documents are stored in the archives of Moscow and Kazan, were not published earlier.

Keywords: history of ethnography of Russia of the second half of the 19th century, ethnography of the Chuvash people, local lore, study of Magnitskii, memoirs sources, V.K. Magnitskii.

**Диалог о книге «Откуда мы? Куда идем?
Беседы под деревом познания. Книга I»
(авторы – А.П. Леонтьев и Н.И. Егоров)**

Минуло восемь лет с тех пор, как увидел свет первый номер научного журнала Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН) «Чувашский гуманитарный вестник». За этот отрезок времени на его страницах опубликованы несколько десятков статей, сообщений, обзоров, рецензий, аннотаций, а также ряд исторических источников. Авторами научной продукции выступили как отечественные исследователи, так и ученые из зарубежных стран. В 2010 г., к 80-летию ЧГИГН, журнал инициировал среди ученых-гуманитариев республики дискуссию «Чувашское гуманитарное сообщество: прошлое и настоящее».

В научно-информационном пространстве Чувашии и региона «Чувашский гуманитарный вестник» призван занимать особую нишу – развивать чувашеведческую отрасль гуманитарных знаний. Настоящий номер преследует цель заложить традицию широкого научного обсуждения выпускаемых в стране научных трудов по истории и культуре чувашей. Представляется, что такая необходимость давно уже назрела. На суд читателей выносится диалог по совместной книге главного редактора газеты «Хыпар» А.П. Леонтьева и доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника ЧГИГН Н.И. Егорова «Откуда мы? Куда идем? Беседы под деревом познания. Книга I» (Чебоксары: Издательский дом «Хыпар», 2012. 608 с.: ил.). В ней затронуты множество сюжетов, имеющих отношение к прошлому, настоящему и будущему чувашского этноса. Тематика труда гармонично перекликается с исследовательским полем «Чувашского гуманитарного вестника», включающим такие научные дисциплины, как археология, искусствоведение, история, культурология, литературоведение, социология, философия, фольклористика, этнология и языкознание. В обсуждении книги приняли участие кандидаты филологических наук П.Я. Яковлев, И.Ю. Кириллова (ЧГИГН), кандидаты исторических наук С.В. Охотникова и С.В. Щербаков (ЧГИГН),

кандидаты философских наук Г.Н. Плечов (г. Чебоксары) и И.Е. Ильин (ЧГИГН). Диалог открывается обращением Н.И. Егорова к научной аудитории, в котором он рассказывает об истории создания книги и делится ее замыслом.

Н.И. Егоров: *О бедной культуре замолвите слово...*

Идея книги «Откуда мы? Куда идем?» зародилась спонтанно. Накануне моего 60-летия А.П. Леонтьев оказал честь, пригласив вашего покорного слугу в «Гостиную “70 и 7”» на откровенную беседу с читателями возглавляемого им литературно-публицистического альманаха «КИЛ». И мне пришлось ответить на подготовленные редактором все «семьдесят и семь» вопросов о Культуре, Искусстве и Литературе (КИЛ. 2009. № 1. С. 115–145).

Основным лейтмотивом книги являются, пожалуй, размышления о судьбе чувашского народа, роли в его жизни культуры, в течение тысячелетий обеспечивающей его витальность. К всеобщему нашему стыду, в нашем Отечестве доминируют донельзя искаженные, превратные представления о культуре, порожденные евроцентрическим (а теперь уже евроатлантическим) образованием. Мы все еще разделяем культуры и народы на «развитые» и «отсталые», на «престижные» и «варварские». При этом уровень совершенства иных этнических культур определяется исключительно степенью близости и похожести их на усредненную «европейскую культуру». Такой высокомерно-чопорный «евростандарт» культуры базируется «токмо» на комплексах и дремучих предрассудках западного обывательского бомонда. В свое время, работая в Институте культуры и искусств, я поразился тому, что в нашей стране вся социально-гуманитарная сфера деятельности людей низведена до уровня индустрии развлечения и досуга. Я уже не удивляюсь тому, что ответственные за культуру министры всех уровней, говоря «культура», подразумевают «искусство». Да, искусство, несомненно, является тонким слоем на поверхности культуры, но оно никогда не обслуживало потребности народных масс, а предназначалось исключительно «сливкам общества», элите. Такое превратное «утонченно-возвышенное» понимание культуры, то бишь искусства, не вина власти предрежущей, а общая беда нашего общества. А корни её произрастают из приснопамятного советского прошлого, когда у нас такой науки, как культурология, не было и в помине.

Культура, по сравнению с искусством, понятие более широкое, охватывающее практически всю жизнь людских сообществ, и в то же время гораздо приземлённое, практически инкорпорированное в повседневную жизнь, быт простых тружеников. Вместе с тем любая этническая культура – самодостаточная и иерархически организованная сложная система. Импортные «фенечки и фишечки» только расстраивают работу налаженного веками механизма адаптации этнических сообществ к меняющимся условиям ок-

ружающей природной (геобиоценоз) и социально-культурной (этноценоз) среды. Следовательно, культуру надо воспринимать как сложный механизм организации социальной деятельности этнических сообществ.

Современная социально-культурная антропология (или сокращенно антропокультурология, этнокультурология) в составе традиционной культуры в сугубо аналитических целях выделяет такие основные компоненты (или подсистемы), как *культура природопользования* (расселения и первичного производства), *культура материального жизнеобеспечения* (питания, одежды, жилища), *культуры соционормативная, гуманитарная и психоментальная*. Витальность людских сообществ (в том числе и этнических) детерминирована эффективностью их хозяйственно-экономической деятельности на эксплуатируемой территории (с её геобиоценозом).

В реальной жизни людских сообществ все эти компоненты объединены функциональными связями – пищевыми и производственно-хозяйственными цепочками, энергетическими импульсами и информационным полем. Пусконаладочным механизмом управления всем этим сложным механизмом жизнеобеспечения является гуманитарная культура (идеология), которая формирует аппарат управления (соционормативная культура, то есть политику).

В традиционных доиндустриальных обществах вся эта архисложная «машинерия» жизнеобеспечения работала слаженно и без сбоев, ибо она была доведена тысячелетним опытом «проб и ошибок» до совершенства. Эффективность адаптивно-жизнеобеспечивающей функции культуры доказана многотысячелетней историей всех ныне здравствующих народов. К сожалению, в индустриальную эпоху постоянные революционные перестройки общества и глобализационные процессы полностью расстроили традиционную систему жизнеобеспечения этнических сообществ. В настоящее время система традиционных этнокультурных ценностей требует существенной модернизации, чтобы довести её до уровня современных социально-культурных стандартов. А это невозможно без очень серьёзного и строго выверенного социально-гуманитарного научного обеспечения всей общественной жизни. Ведь наука всё же куда более существенный компонент культуры, чем искусство. Перманентные, спонтанные передергивания ручек управления динамикой социально-культурных процессов ни к чему хорошему не приведут. Но все же... Надежда, как известно, умирает последней.

Грядущий 2014 г. в нашей стране объявлен Годом культуры. Поэтому в глубине души теплится искорка надежды: может, какая-то крупинка конструктивной идеи, родившаяся в заковыристых беседах под Древом Познания, вдруг да и будет востребована благонамеренным просвещённым обществом...

Хотя вряд ли. Наше «просвещённое» (научное, творческое, политическое и проч.) общество все же страшно далеко и от народа, и от культуры.

П.Я. Яковлев (Яккусен): *О пользе беседы под деревом познания*

Только тогда можно понять сущность вещей,
когда знаешь их происхождение и развитие.

Аристотель

Услышав «Да здравствует прогресс!»,
всегда спрашивай: «Прогресс чего?»

Станислав Ежи Лец

«Откуда мы? Куда идем?» – извечные вопросы человечества. Поль Гоген даже написал картину под названием: «Откуда мы пришли? Кто мы? Куда идем?» В этом отношении название книги перекликается с общепило-софскими проблемами, однако авторы обсуждаемого издания рассматривают эти вопросы в этническом аспекте. Языки и культуры вымирают с поразительной быстротой. Для большинства их носителей процесс ассимиляции проходит очень болезненно. Одна треть из более чем шести тысяч языков мира не изучается подрастающим поколением, а значит, отсутствует процесс воспроизводства, что в конце концов закончится «самоуничтожением таких языков» (Б. Арапович). Прогнозируется, что в конце XXI в. менее чем каждый десятый из них будет существовать и употребляться в жизни. Объективные причины этого явления кроются в глобализации информационных процессов, увеличивающейся миграции и урбанизации населения, все более возрастающем преобладании аудиовидеокommunikационного восприятия над текстовым и т.д., а субъективная причина заключается в национальной политике ряда стран – утверждения одного языка в качестве государственного и игнорирования остальных.

Настоящее издание в целом как раз можно охарактеризовать как своеобразную этноцентристскую позицию, которая пытается противостоять выше-названным объективным и субъективным процессам. «Пятьдесят три интервью публициста с ученым, языковедом-тюркологом, научным популяризатором – уникальны по охвату проблем, по искренности размышлений и по их исповедальному духу. Родной край и родина-страна-государство. Патриотизм не “квасной” (исходя из содержания книги можно было сказать “уй-ранный”. – П.Я.), а со слезами сердца и плачем души, с болью совести. Древнейший наш язык и его нынешнее состояние. Многострадальная история. Тюркский мир и Азия-прародина. Этнос – народ – нация. Вопросы образования, воспитания и просветительства. Гуманитарные науки, культура, вера и религия, традиционные обряды... Образованщина и интеллигенция...» Да простит меня читатель за столь пространную цитату из аннотации к книге, но без нее «объять необъятное» абсолютно невозможно, а нам предстоит дать оценку этому трактату.

Итак, начнем с *проблемы жанра*. Интервью является одним из жанров публицистической литературы. В России уже в XIX в. появляются мате-

риалы, оформленные в форме вопросов и ответов, тогда же закладываются основные черты, характеризующие интервью: типы вопросов, риторические и стилистические фигуры и пр. В филологических науках можно отметить использование формы вопросов и ответов еще раньше – в 1748 г. В.К. Третьяковский издал объемистый труд «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой». В.К. Третьяковский хотел, чтобы работа его была доступна простым людям, поэтому данный прием был рассчитан не на специалистов, а именно на «простых людей». Попутно заметим, что «Заметки для ознакомления с чувашским наречием» Н.И. Золотницкого копируют форму вопросов и ответов В.К. Третьяковского. Справедливости ради следует указать, что такой прием уходит корнями в глубь веков: азы вероучения и богословские трактаты часто написаны именно в такой форме (например, «Краткий катехизис»).

Разумеется, жанр интервью в своем историческом развитии претерпел ряд изменений, но следует отметить, что база в определении жанра интервью сохранилась как *беседа, имеющая общественный интерес, определяющийся не только актуальностью или злободневностью обсуждаемого вопроса, но и непосредственным отношением читателя к затрагиваемой проблеме.*

Таким образом, мы можем сказать, что популяризаторы науки А.П. Леонтьев и Н.И. Егоров в своем трактате слово «интервью» употребляют не в качестве жанра (более 600 страниц!), а в качестве метода, уходящего корнями в глубь веков.

Как было сказано выше, книга состоит из 53 интервью, и было бы неправдой утверждать, что прочитал сие произведение за один присест. Но правда то, что после его прочтения испытал огромное чувство сожаления. Жаль, что во времена нашей молодости не было подобных книг, кто знает, может, тогда и мы были бы немного другими: сплоченнее, умнее и лучше. Кто знает, может, центробежные силы родного этноса в какой-то мере уравновешивались бы с центростремительными и мы не имели бы на сегодняшний день столь плачевную этнодемографическую и языковую картину. Помните, как мы «доставали» ксерокопии рукописей Льва Гумилева и зачитывали их до дыр. Сейчас мы понимаем, что нас тянуло нестандартное, неофициальное мышление известного человека, но тогда он для нас, молодых людей, желающих посвятить себя гуманитарным наукам, в какой-то степени был кумиром. Что касается чувашской научной и публицистической среды, я могу назвать лишь такие произведения Гурия Комиссарова, как «Чăваш халăхĕ малалла кайĕ-ши, каймĕ-ши?» (Может ли чувашский народ иметь свое будущее?) (Уфа, 1918), «Чăваш халăхĕн историйĕ» (История чувашского народа) (Казань, 1921). Мне кажется, обсуждаемая книга как раз перекликается с этими изданиями, разумеется, в контексте современной общественно-политической ситуации и духовно-интеллектуальных нужд XXI в.

Следует оговориться, что при всем желании в пределах заданного объема текста нет никакой возможности проанализировать столь объемис-

тый и разноплановый труд. Отмечу лишь следующее: в книге подняты самые болезненные, самые неоднозначные вопросы чувашского бытия, острые проблемы этнокультурологии, этноглотохронологии и истории. Я, как и любой читатель, могу соглашаться с автором, могу категорически не принимать те или иные постулаты данного труда, но одно можно сказать с уверенностью: книга заставляет думать, *и не только думать, но и сопереживать*. Если это является основным замыслом авторов, то можно их поздравить: своей цели они достигли.

Большинство глав настоящей книги читается легко, увлекательно. А.П. Леонтьев и Н.И. Егоров хорошо представляют себе читателя-специалиста: совершенные узоры богатого языка заманивают в глубины содержания научно-публицистической литературы. В то же время вкрапления воспоминаний о детстве, жизни в деревне, студенческих годах значительно оживляют текст. Лично я людей узнаю по воспоминаниям: если воспоминания добрые, то и человек добр, то есть вычеркивает из памяти все плохое, злое. Поэтому простим профессора за значительную идеализацию того очень непростого и противоречивого времени. Однако из этого приходим к выводу: человек-то он хороший, добрый.

Как историк языка Н.И. Егоров является противником алтайской гипотезы. Рассказывая о своем отходе от рамстедтовской позиции, профессор отмечает, что все изменилось после личного знакомства с А. Рона-Ташем. В частной беседе он как-то ненавязчиво посоветовал: «А ты представь себе, что монгольские языки еще до нашей эры в Центральной Азии понабрали чувашских слов...»

И действительно, когда Николай Иванович начал примеривать рамстедтовские тюрко-монгольские языковые сближения с позиций теории заимствований, все противоречия традиционной алтайской гипотезы стали исчезать как бы сами собой.

Кстати, теория заимствований несколько не задевала самолюбия молодого исследователя: получалось, что чувашский язык задолго до рубежа нашей эры оказывал мощное воздействие на монгольские, тунгусо-маньчжурские и другие центральноазиатские языки! Сам А. Рона-Таш в монгольских языках выявил более 1500 «древнечувашских» заимствований. Правда, он чересчур осторожно называет их «тюркскими словами болгаро-чувашского фонетического облика», но это не меняет сути. В западной тюркологии для обозначения центральноазиатского этапа развития тюркского языка болгаро-чувашского типа, то есть далекого исторического предка современного чувашского языка, обычно используется специальный термин «огурский язык». В научном отношении этот термин более корректен, так как этноним «чуваш» окончательно формируется только в период Казанского ханства.

Осмыслив новые знания, Николай Иванович начал отходить от алтайской гипотезы Г.Й. Рамстедта (с. 34). Не будучи специалистом в области

истории языка, все же я этот раздел чувашской филологии не упустил из поля зрения. Поэтому могу честно сказать, что позиция Н.И. Егорова по этой проблеме мне очень близка. Основные положения научной концепции или, вернее, концептуальной парадигмы истории чувашского языка изложены на 35–36-й страницах. На мой взгляд, это одно из самых интересных мест в книге, потому что для будущих исследователей открываются совершенно новые горизонты, совершенно новый взгляд на огуро-булгаро-чувашский этноглоктогенез. Эта гипотеза требует кардинального пересмотра многих устоявшихся стереотипов и даже всей концептуальной парадигмы ранних этапов этноязыковой истории обширной степной полосы Евразии.

Интересны рассуждения известного филолога о взаимоотношении культуры и цивилизации. Здесь Н.И. Егоров в основном опирается на известные труды О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби, П.А. Сорокина и Н.А. Бердяева, которые понимали под цивилизацией некий завершающий этап определенной культуры, когда она, исчерпав свою духовную силу, концентрируется на материальном благополучии и потреблении. Чтобы раскрыть свои основные социальные и философские позиции, Н.И. Егоров приводит слова Н.А. Бердяева: «...Всякая культура неизбежно переходит в цивилизацию. Цивилизация есть судьба, рок культуры. Цивилизация же кончается смертью, она уже есть начало смерти, истощение творческих сил культуры. Чем отличается цивилизация от культуры? Культура религиозна по своей основе, цивилизация – безрелигиозна... Культура происходит от культа, она связана с культом предков, она невозможна без священных преданий. Цивилизация есть воля к мировому могуществу, к устройению поверхности Земли. Культура – национальна, цивилизация – интернациональна. <...> Империализм и социализм – одинаково цивилизация, а не культура. Философия, искусство существуют лишь в культуре, в цивилизации они невозможны и не нужны» (с. 172). Таким образом, в своих воззрениях на современность Н.И. Егоров придерживается тезиса о том, что культура породила цивилизацию, цивилизация же проглотила культуру.

Прекрасно написаны и увлекательно читаются многие главы книги. Вопросы А.П. Леонтьева уместны и не без чувства юмора. Ответы, хотя и не без сарказма и критики, все же не наводят на безысходный пессимизм. Выделить как-то особенно удачные главы не представляется возможным: читатель в каждой главе получает для себя что-нибудь новое, поучительное, интересное. Скажем честно, такой научно-популярной публицистики у нас еще не было. Смело утверждая свою позицию, известный филолог не боится, что наживет немало «врагов», ведь агрессивность является одной из важных черт характера дилетантов. Оппонентам, конечно, будет нелегко: кто у нас еще обладает столь широким фактологическим материалом и глубиной теоретических выкладок? Так что своим оппонентам уважаемый профессор не оставляет почти никаких шансов. Возьмем, для примера, хотя бы главу «О том, почему кому-то “шумерится”, или Об экскурсах дилетантов в историю». Все мы являемся свидетелями того, что с конца XX в. проис-

ходит своеобразный бум фальсификации истории чувашского народа: появляются книги и брошюры, где на полном серьезе утверждается, что чуваша являются потомками египтян, шумеров, скифов, хурритов, этрусков и т.д. В пользу своих теорий авторы этих «шедевров» втискивают в текст лингвистический материал. Профессор Н.И. Егоров даже приводит такой «сенсационный» пассаж из целой серии брошюр, где черным по белому написано, что недавно ученые открыли остатки космического метеорита с древними чувашскими письменами. Действительно, псевдонаука порождается глубоким разрывом между обыденным сознанием и научным знанием, что является естественным результатом стремительного развития науки и характерным для обыденного сознания стремлением к немедленному (чудесному) решению злободневных вопросов, которого наука пока не предлагает. Поэтому профессор даже в этом «нервном» вопросе проявляет по-настоящему интеллигентский такт. Вот что он пишет: «В принципе, я ничего не имею против мифа о шумерских истоках чувашского или любого другого современного народа. Но миф он и в Африке миф и, разумеется, не в ладах с нормальной логикой» (с. 281). От себя хочу конкретизировать вышесказанное: с нарушенной причинно-следственной связью. Н.И. Егоров совершенно справедливо отмечает, что «никогда еще страницы газет и журналов, программы радио и телевидения не поставляли читателям и слушателям такое невероятное количество самых разнообразных материалов к “необычным” явлениям. Причем “необычное” следует понимать в самом широком смысле – от полтергейста до летающих тарелок, от телекинеза до астрологии, от фантастических гипотез о переднеазиатской прародине чувашей и их зороастрийской вере до отдаленных родственных связей с древними племенами Месоамерики и т.д.» (с. 282). Но тут, конечно, ученого выручает врожденное чувство юмора: «Жениться не на ком. Весь мир в родственниках. Кровных!.. Кончайте так шутить, братцы!..» (с. 283).

С болью в сердце Н.И. Егоров говорит о проблемах национальной интеллигенции, о будущем своего народа.

«– Смотреть на гуманитариев свысока начали уже в первые годы советской власти. Помните реплику красноармейцев из фильма «Чапаев»: “Хорошо идут!.. Интеллигенция!..” И ее, эту “гнилую интеллигенцию”, сгноили потихонечку в лагерях... Иных же приучили к покорности и тихому прозябанию.

– Нынешнюю молодежь такой удел не прельщает. Лучшие, одаренные и талантливые сыны и дочери чувашского народа еще с довоенных времен уезжали за образованием в большие города, от Москвы и Питера до Киева и Свердловска, и редко кто из них возвращался назад. Утечка мозгов продолжалась из года в год. Чувашская деревня к 80-м годам прошлого века уже потеряла элитную часть своего генофонда. А города наши никогда не давали чувашского по духу поколения. Нынешние родители сами из кожи вон лезут, чтобы всеми правдами и неправдами устроить своих чад в мос-

ковские и питерские вузы. И они готовы заплатить за это любые деньги... И невдомек им, бедным, что они своими руками рубят сук, на котором сидят. Мы сами уничтожаем молодую поросль, а потом возмущаемся, что, мол, народ гибнет... <...> Получив образование в столичных и просто больших городах, наша молодежная элита уже не вернется к родному народу. Даже при всем своем великом желании она уже никогда не сможет служить ему хотя бы потому, что родимая Отчизна не может дать ей подходящую работу по выбранной специальности» (с. 46).

Таким образом, определена следующая болевая точка нашего «развития». Действительно, вышесказанное известно каждому члену общества (хотя бы на уровне подсознательном), но эту проблему одной критикой в адрес чиновников не решить. И вообще, решается ли она? Разве только если посадить человека на цепь... Можно вспомнить времена рабства, крепостного права, отказа в выдаче паспортов сельскому населению Советского Союза вплоть до 60-х гг. XX в. Следует еще добавить, что молодежь Москвы и Санкт-Петербурга, многих суверенных государств мира давно уже ориентируется на Запад. Эта проблема является общемировой, и именно она является основной причиной опустынивания российской территории. Чувашию же пока спасают, на мой взгляд, ментальная привязанность к малой родине и густонаселенность.

Недостатком и даже промахом настоящего издания, на мой взгляд, является то, что уважаемый профессор иногда переходит ту зыбкую границу, которая отделяет критику от критиканства. Уже в предисловии А.П. Леонтьев предупреждает читателя следующими словами: «Вполне вероятно, кое-кому могут показаться чересчур категоричными некоторые его утверждения. Однако, согласитесь, ученый-гуманитарий, возбуждающий научные круги своими гипотезами, вправе тревожить умы и совесть рядовых сограждан и проживающих жизнь. Как известно, всякая истина поначалу воспринималась как ересь. А наш гость никогда не опасался публично говорить правду-матушку» (с. 6). Увы, «правда-матушка» она у каждого своя. *Все должно оцениваться исходя из достигнутого.* Вот, например, как оценивает Н.И. Егоров «Этимологические словари чувашского языка».

«– Михаил Романович успел при жизни выпустить 2 тома “Этимологического словаря чувашского языка”, в предисловии выразил “искреннюю признательность профессорам Л.П. Сергееву и Н.И. Егорову за проявленное профессиональное внимание к рукописи”. Как вы оцениваете этот труд вашего учителя и наставника?

– В свое время я опубликовал довольно пространный, но по возможности щадящий отзыв на эту работу моего учителя. Это было еще при его жизни. Сейчас могу позволить себе быть более объективным.

Во-первых, это всего лишь переработанный и значительно дополненный вариант “Этимологического словаря чувашского языка” другого моего, правда, “экстраординарного”, учителя – В.Г. Егорова, изданного еще в 1964 г.

Поэтому, если быть справедливым, данный труд нужно считать результатом усилий двух авторов.

Во-вторых, эту работу по большому счету трудно назвать собственно этимологическим словарем. Она не отвечает *даже минимальным требованиям* (курсив наш. – П.Я.), предъявляемым к современным этимологическим словарям. <...> Этимологические словари такого уровня составлялись на рубеже XIX–XX веков. <...> Так что труд, названный М.Р. Федотовым “Этимологическим словарем чувашского языка”, по сути своей представляет всего лишь систематизированный в алфавитном порядке сырой материал, причем далеко не достоверный и, разумеется, не претендующий даже на первоначальное приближение к полноте» (с. 36–37).

Итак, можно согласиться с уважаемым профессором, можно не согласиться. Дело не в этом. Дело в том, что Николай Иванович в другом месте отмечает, что «в середине 70-х гг. с подачи венгерского тюрколога А. Рона-Таша Чувашский научно-исследовательский институт (ныне Институт гуманитарных наук) затеял грандиозный проект – создать большой многотомный “Историко-этимологический словарь чувашского языка”. По примеру трехтомного венгерского... <...> Собрали всех языковедов – от маститых и остепененных до мелкосошных и начинающих – и создали рабочий коллектив. <...> Работа над “Историко-этимологическим словарем” с самого начала шла ни шатко ни валко. Примерив свои силы и возможности, “маститые” наши языковеды стали отказываться один за другим от амбициозного проекта. <...> Грандиозный шапкозакидательский проект тихо приказал долго жить» (с. 40–41). На этом собрании присутствовал и автор данных строк. Насколько мне не изменяет память, в этой авантюре – да простят меня коллеги – с самого начала отказались участвовать только двое: профессор И.А. Андреев и я, «мелкосошный» и молодой, только что направленный на работу в институт. Причина была одна – уровень специализированной профессиональной подготовки. Так вот, если наше поколение чувашских филологов не справилось с планкой, имеем ли мы моральное право критиковать предыдущее в лице В.Г. Егорова и М.Р. Федотова? Лично для меня это не праздный вопрос.

И слава Богу, таких мест в книге не так уж много. В основном критика Н.И. Егорова задевает за живое, отмахнуться от нее невозможно. Я целиком и полностью, например, согласен с его позицией по вопросу о нашем отношении к интеллектуальному богатству. «Где у нас архивы, – вопрошает филолог, – скажем, того же М.Р. Федотова, Н.П. Петрова, В.Г. Егорова, Н.А. Андреева? Где научные библиотеки выдающихся деятелей науки? Где архив и библиотека Союза писателей? Что имеем – не храним, потерявши – плачем... Да и к чудом сохранившимся научным архивам отношение у нас плевое. Вы бы посмотрели, как у нас хранятся фрагменты архивов Н.И. Ашмарина, Н.В. Никольского и др. И как мы вводим в научный оборот это бесценное уникальное наследие... Да никак! Уже страшно взять в руки некоторые тома – бумага крошится. Вот мы затеяли издание свода чуваш-

ского фольклора в 50 томах. Я протудировал все 7 ранее изданных томов и ни в одном не увидел материалов из архива Н.И. Ашмарина. Нашим молодым фольклористам и в голову не пришла мысль заглянуть в рукописное наследие языковеда Н.И. Ашмарина. Да и фонд Н.В. Никольского тревожится только спорадически, от случая к случаю. Языковеды, в свою очередь, мало заглядывают в фонды фольклористов и этнографов. Об огромном фонде В.К. Магницкого мы вообще имеем самое смутное представление...» (с. 43).

Вопросы и реплики А.П. Леонтьева часто даже провокационны, например:

«Реплика:

– Получается, ситуация в филологии как в одной старинной притче. Привели как-то трех незрячих к слону. Подходит первый слепец к слону спереди, натывается на хобот и говорит: «Шланг». Второй хватается за ногу и определяет: «Столб». Третий дергает за хвост и ничтоже сумняшеся заявляет: «веревка». А слона-то и не заметили.»

Здесь Н.И. Егоров говорит, что мы всю филологию растащили по своим частным лавочкам, что у нас уже давно фонолог не понимает морфолога, морфолог – лексиколога, лексиколог – синтаксиста. «А в итоге уже никто не имеет цельного представления о языке. О целостной филологии я уже и не заикаюсь».

Увы! Уважаемый Николай Иванович, времена пророков прошли. То, что изрекал пророк, теперь исследуется десятками институтов. И в этом виноваты, скорее всего, не люди, которые измелъчали, а объем знаний. Не только филология, но и все науки, вся современная цивилизация развиваются дорогой специализации. Уже во времена В.Г. Егорова одному человеку справиться с фонетикой и грамматикой чувашского языка было не под силу. Его великолепный для своего времени «Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении» включает лишь разделы «Фонетика», «Лексика», «Графика и орфография», а «Морфология» и «Синтаксис» отсутствуют. С позиций же сегодняшнего состояния языкознания, такое смешение синхронии и диахронии недопустимо. Поэтому мне кажется, что А.П. Леонтьев и Н.И. Егоров здесь лукавят, приводя притчу о слоне.

Иногда наш профессор, доктор филологических наук, скатывается до популизма. Вот, например, он говорит: «...мы, языковеды, сами того не замечая, разговариваем на своем профессиональном жаргоне, напичканном всякими там фонемами, морфемами, лексемами, семемами, парадигмами, темами, ремами, синтагмами и проч., проч., проч. <...> Длительные (псевдо) научные и околонучные разговоры зачастую мало о чем говорят даже профессионалам, и, наоборот, чем более они непонятны, тем выше уровень “научности”» (с. 304). Прекрасно зная разницу между жаргоном и научной терминологией, зная, что никакая наука (в том числе и лингвистика) не может обходиться без собственной терминологической системы, Николай Иванович ставит знак равенства между термином и жаргоном, хотя эти понятия, в

принципе, противостоят. Что же касается псевдонаучной трескотни, когда за терминологической заумью ничего не стоит, кроме пустоты, сразу возникает вопрос: «А при чем тут термины?» Очень часто люди выражают пустоту самой сочной народной, разговорной речью, так что наукообразие (пустота) и научные термины – это понятия совершенно разных уровней. Я, конечно, понимаю, что интервью готовилось для журнала, для массового читателя, который недолюбливает «умные речи» ученых, но нельзя же исследователю так опускать планку. При том объеме информации, который мы имеем на сегодняшний день, пытаясь синтезировать разделы наук и сами науки, мы можем лишь впасть в другую ересь – под названием «универсальный дилетантизм».

Кроме того, на мой взгляд, профессор Н.И. Егоров является по натуре своей не максималистом, как себя характеризует, а идеалистом-романтиком. Вот мы читаем: «Не должно быть слепых к красоте, глухих к слову и равнодушных к настоящей судьбе народа. А для этого нужны знания, нужна интеллигентность, которые даются *исключительно гуманитарными науками* (курсив наш. – П.Я.)» (с. 29). Вспомним, что говорил пророк Исаия еще до нашей эры: «Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не слышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтоб Я исцелил их» (Исаия, 6:10). Из чего делаем вывод, что народ-то, в общем, не изменился.

Н.И. Егоров благоговейно относится к прошлому. По его словам, он еще помнит «*доколхозный* (курсив наш. – П.Я.) облик чувашской деревни, где каждый объект – произведение искусства, будь то изба, ворота, амбар, мостик, колодец, родник... Даже простой плетень вокруг деревни». Интервьюируемый счастлив тем, что еще застал подлинных крестьян, которые были по-настоящему интеллигентны. «Они были исключительно добры в отношениях друг с другом. Как соблюдали чистоту в своих деревнях, домах, дворах, огородах, на улицах... Они умели ценить хорошие песни и сами их пели. Умели рассказывать сказки и были, жили упорядоченным бытом, гостеприимные и приветливые, понимали и чужое горе, разделяли и чужую радость» (с. 67). «Между прочим, каждый из тех полуграмотных стариков и "полутемных" старух Богом забытой деревеньки мог порой пофилософствовать *не хуже Толстого и достичь уровня Платона* (курсив наш. – П.Я.). Мужик поддерживал непрерывную связь с огромным мирозданием, по мере своих возможностей подпитывал космическую гармонию и умирал в глубинах Вселенной рядом с самим Творцом» (с. 67–68).

Николай Иванович полагает, что в процессе формирования мировоззрения людей и духовной культуры решающая роль принадлежит общению с природой. Исследователь убежден, что «чистое звездное небо, которое каждую ночь видели над своими головами кочевники евразийских степей, его необъятность и величественность, которые совершенно по-особому воспринимаются в этих бескрайних степях, в немалой степени способствовали возникновению столь качественно самобытной религии, как тенгрианство, или

же, скажем, эпического мировоззрения, послужившего философской основой таких эпических полотен, как якутские олонхо или киргизский “Манас”» (с. 21). Я тут вынужден заметить, что общение с природой не спасает от дикости. Об этом красноречиво говорит история человечества. Кроме того, из почти 500 определений слова «культура» самым лаконичным и объемным по смыслу, на мой взгляд, является следующее: «Культура – это не-природа». В природе нет культуры. Конечно, искусственная среда обитания выдвигает перед человечеством множество проблем, порой неразрешимых, но призыв «Назад, к природе!» всегда сталкивается с едким афоризмом польского поэта: «Нет возврата в пещеры: нас слишком много». Хотя можно сказать, что мегаполисы и небоскребы, которыми гордится современная цивилизация, это те же самые пещеры, вырытые в небе.

Профессор Н.И. Егоров считает: «Наше заформализованное, занормализованное, зашоренное, ограниченное образование губит нравственность в корне, гасит последнюю искру духовности (*чунлӑх*). Вся хваленая система образования нацелена на воспитание бездушных конформистов». Он признаётся: «Весь жизненный опыт убедил меня в том, что только в душе человека, воспитанного в лоне традиционной фольклорной культуры, может загореться светоч истинной духовности и доброты» (с. 14). Во-первых, представители пишущей братии всегда уповают на *чунлӑх*, хотя это всего-навсего означает «душевность», то есть данное природой человеческой натуре качество, а духовность есть приобретенное культурное, религиозное состояние. Таким образом, речь тут должна идти о *чӗмлӑх* (возрожденный архаизм, которым сейчас пользуются в литературном языке). Во-вторых, все мы родом из советской школы, а сколько талантливых людей вокруг! Их, судя по приведенной цитате, вроде и не должно быть. Прекрасным опровержением, на мой взгляд, является сам Н.И. Егоров. Мне могут возразить, что в данном случае это *не благодаря, а вопреки*. Так вот, смело можно утверждать, что люди творчества здесь и сейчас, всегда и всюду появляются *не благодаря, а вопреки*. В-третьих, если даже допустить, что Н.И. Егоров прав, где искать в настоящее время «традиционную фольклорную культуру»? В Чандрово? В Чебоксарах? В Москве? В Нью-Йорке? Человечество живет уже в других измерениях, где «светочем истинной духовности и доброты» являются другие парадигмы, например профессиональное искусство, литература, религия и т.д.

На мой взгляд, книга только выиграла бы, если сократить безадресную критику «государевых людей» – чиновников. Их разрешено критиковать для отвода глаз, на самом же деле они лишь порождение той или иной политической системы. Наивно ждать, что придет хороший чиновник и все встанет на свои места.

При этом следует отметить, что в книге содержится глубокий анализ современного состояния чувашского фольклора, фольклористики, народной художественной культуры, народных праздников. Признаться, такого анали-

за я не встречал даже в специализированных научных изданиях, а эта книга по замыслу все же является научно-публицистической, научно-популярной.

Почему эту книгу написал ученый-филолог? По всем параметрам, ее должен был написать писатель. Во-первых, тематика интервью настолько обширна, что это под силу лишь человеку, основой мышления которого является *синтез* (писатель), а в основе мышления ученого-лингвиста все же лежит *анализ*. Во-вторых, проблемы, поднимаемые в книге, требуют энциклопедических познаний: лингвистика, фольклор и фольклористика, культура и культурология, религия и религиоведение, этнография и этнология, образование, искусство, политика и т.д. Вот и осенила меня мысль: а есть ли у нас писатели, которым под силу такой груз? Ответ, кажется, отрицательный. Мне показалось, что именно эту пустующую нишу и заполнили своей великолепной книгой два подвижника: журналист и историк языка.

Наше поколение выросло на волне перемен, наступивших после смерти И.В. Сталина, когда в обществе возникли либерально-демократическое направление «шестидесятничество» (неозападники) и почвенничество (неославянство). Последнее чаще встречается под названием «деревенская проза», «тихая лирика». Такие авторы, как В. Белов, В. Распутин, В. Шукшин, Ф. Абрамов, во второй половине XX в. нередко выступали в жанре публицистики. Сам термин «почвенничество» обозначает идеалистическое направление русской социально-философской мысли второй половины XIX в., представители которого проводили идею о «национальной почве» как основе и форме социального и духовного развития. Идеологи этого направления (А. Григорьев, братья М. и Ф. Достоевские, Н. Страхов) отвергали и крепостничество, и строй буржуазной демократии. Почвенники желали объединить все общественные течения на базе идей нетронутых цивилизацией основ народного быта, народного духа, народной культуры, провозгласив духовным стержнем «русскую идею».

Да простит меня читатель за столь пространное «просветительство», но ведь основные мысли данной книги напрямую смыкаются с этим направлением («почвенничеством»), разумеется, в чувашском варианте, и автору настоящих строк очень важно определить место этой весьма оригинальной книги в общественной и научной жизни Чувашии. Можно даже дать название этому направлению, например, «огурофильство». Вдобавок отметим, что этот трактат, объективно изображающий современное состояние чувашской гуманитарной науки (и не только), будет востребован и в других республиках. Насколько мне известно, у неславянских народов полным-полно общих проблем.

Возможно, лет через пятьдесят интеллектуалы, прочитав эту книгу, скажут: «Смотрите-ка, каких высот достигла чувашская общественная и научная мысль уже в начале XXI века!»

Но я, видимо, еще больший идеалист-романтик, чем авторы этой книги А.П. Леонтьев и Н.И. Егоров. Живу в Деревне, на Природе, великий отшельник, так сказать, и поздравляю авторов с прекрасной и нужной книгой. Надеюсь, таких нужных книг у нас будет больше.

С.В. Охотникова: *Об «узах родства» и прочих «свойствах»*

Ярким примером тесной взаимосвязи этнолингвистики с историческими науками являются многочисленные труды языковеда-тюрколога Н.И. Егорова, посвященные этногенезу и этнической истории чувашей. Одной из недавних работ, отразивших взгляды ученого на прошлое и настоящее чувашского народа, стала его совместная с А.П. Леонтьевым книга-интервью «Откуда мы? Куда идем? Беседы под деревом познания». В отличие от предыдущих трудов, характеризующихся научностью изложения материала, данная книга написана в публицистическом стиле и основана на выводах автора, аргументированных им ранее.

Важное место в книге отведено истории формирования и развития чувашского этноса в XIII – первой половине XVI в. Среди большого количества сюжетов по истории средневековой Чувашии, в той или иной степени в ней затронутых, выделяется своей актуальностью и дискуссионностью следующий круг вопросов: болгаро-чувашская преемственность; языковая и религиозная принадлежность болгар в домонгольский и золотоордынский периоды; положение населения Волжской Булгарии в составе Золотой Орды; этническая принадлежность упоминаемых в русских источниках второй половины XVI–XVII в. «чуваша» левобережья Казанского края. На протяжении нескольких столетий данные сюжеты волновали научное сообщество, учеными были выдвинуты различные гипотезы, опутанные порой идеологическими мифами. В своих трудах Н.И. Егоров не раз обращается к названным темам, некоторые из них красной нитью проходят и через настоящую книгу.

Краеугольным камнем изложенной в книге концепции формирования чувашского народа является утверждение об определяющей роли болгарского этноса в этногенезе чувашей. Разделяя мнение Р.Г. Ахметьянова, В.Д. Димитриева и В.П. Иванова и некоторых других исследователей, Н.И. Егоров относит завершение трансформации болгарского народа в чувашский этнос к концу XV в. Автором неоднократно подчеркнуты близкое родство чувашского и татарского народов, общность болгарского наследия для двух этносов. Формирование самостоятельного этноса казанских татар, по мнению Н.И. Егорова, началось только в середине XV столетия, то есть с момента образования Казанского ханства в результате постепенного смешения пришлых с юга кыпчаков – преимущественно ногайцев Мангытского юрта – с местным болгаро-чувашским населением. Последнее утверждение требует для своего обоснования весомых аргументов, так как многие языковые и культурные материалы свидетельствуют о проникновении значительной массы кыпчакизированных и кыпчакско-ногайских групп в этническую среду населения бывшей Волжской Булгарии начиная с XIV в. Источники позволяют датировать окончательное оформление этнической общности казанских татар XIV – серединой XVI в.¹

Интерес представляют рассуждения автора на тему языковой и религиозной принадлежности болгар в домонгольский и золотоордынский перио-

ды. Н.И. Егоров считает, что в золотоордынскую эпоху население Булгарского улуса продолжало говорить на болгарском языке, являвшемся предшественником чувашского². Основываясь на эпиграфических данных каменных надгробий, расположенных в центральных районах бывшей Волжской Булгарии, он утверждает, что булгарам удалось не только сохранить язык болгаро-чувашского типа, но и распространить его среди населения Золотой Орды. По мнению ученого, языковая ассимиляция пришлого населения сопровождалась этнической: мигранты со всей Золотой Орды, большей частью из Средней Азии (Хорезма), с середины XIII в. прибывавшие на территорию Закамья, поглощались болгарским населением: «Завоеватели мира – и те на нашей святой земле становятся чувашами»³. Эта точка зрения противоположна мнению В.Д. Дмитриева, относившего к XIII в. начало процесса ассимиляции болгаро-чувашей кыпчаками-татарами путем распространения ислама и языка кипчакского типа⁴. При этом версия В.Д. Дмитриева на фоне постепенного вытеснения в XV в. с эпиграфических памятников болгарского языка, преобладавшего в XIII–XIV вв., татарским языком, на наш взгляд, выглядит более логично.

Касаясь религиозной ситуации в средневековой Булгарии, Н.И. Егоров склоняется к мнению, что подавляющая часть ее населения в болгарскую и золотоордынскую эпохи придерживалась традиционных верований. Согласно его взглядам, в Волжской Булгарии булгары, принявшие ислам, проживали в основном в больших городах и были «худыми» мусульманами, так как не соблюдали всех обрядов, предписываемых данной религией. По версии автора, они были перебиты во время завоевательных походов монголов в первой половине XIII в. Новая волна распространения ислама в болгарской среде началась в XIV в. после придания исламу статуса официальной религии Золотой Орды и прибытия в Булгарский улус мусульманских миссионеров из разных концов государства. Свои предположения ученый подтверждает отсутствием в VIII–XIII вв. у булгар-мусульман эпитафической традиции, «привнесенной извне в золотоордынскую эпоху».

Однако детальное изучение вопроса дает несколько иную картину. Согласно специальным исследованиям, «распространение ислама и вместе с ним арабской письменности, приобщение к высокоразвитой в то время мусульманской культуре являются одним из факторов возникновения традиции установления надмогильных памятников с выдержками из Корана, однако между этими двумя явлениями нет прямой связи. Обычно эпиграфика возникает немного позднее. На Северном Кавказе, например, между распространением ислама и появлением эпиграфических памятников существует хронологический разрыв, достигающий 200–300 лет»⁵. Таким образом, отсутствие эпитафической традиции не может служить доказательством того, что до XIV в. булгары являлись «худыми» мусульманами.

Несколько противоречивыми, на наш взгляд, являются суждения Н.И. Егорова о положении болгаро-чувашского населения в составе Золотой Орды. С одной стороны, автор считает вторжение монголо-татар в Волж-

скую Булгарию и создание Золотой Орды «одним из самых мрачных и ужасных бедствий в средневековой истории» народа, длившимся целых три столетия и стершим с лица земли болгарское государство⁶. Величайшей трагедией справедливо назван период завоевания: в 1223–1241 гг. Волжская Булгария, отчаянно сопротивляясь монгольским ордам, понесла огромные людские, экономические, политические и культурные потери. Развернувшаяся с 1380-х гг. в Золотой Орде борьба за власть, сопровождавшаяся многочисленными битвами на территории Булгарской земли, привела к «геноциду болгарского этноса», в ходе которого было уничтожено около 200 болгарских городов и более 1000 сельских поселений, погибло не менее $\frac{4}{5}$ населения. По приблизительным подсчетам Н.И. Егорова, к началу XV в. на правобережье Волги осталось всего около тысячи болгаро-чувашей⁷.

С другой стороны, период Золотой Орды назван языковедом временем восстановления относительной автономии Волжской Булгарии и расцвета городской культуры. Таким образом, Н.И. Егоров примкнул к ряду исследователей, отмечающих прогрессивную роль Золотой Орды в развитии болгарской экономики, торговли и строительства городов⁸. Оригинальность суждений автора по поводу существования «монголо-татарского ига» проявилась прежде всего в стремлении заменить понятия «иго» и «дань» терминами «вассальная зависимость» и «военный налог». Как известно, большинство чувашских ученых придерживается мнения о значительных размерах ежегодных платежей, взимаемых с покоренного населения в пользу монголо-татар. Так, В.Д. Дмитриев и И.П. Паньков, ссылаясь на сведения Плано Карпини, писали о выплатах булгарами «дани десятинной» (ясака), равной одной десятой части людей и имущества⁹. Отвергая тезис о чрезвычайной обременительности монгольской дани для болгаро-чувашского народа, автор опирается на материалы, касающиеся положения на Руси, и руководствуется расчетами, опубликованными в исследованиях публициста В.В. Кожина¹⁰, историков П.Н. Павлова¹¹ и С.М. Каштанова¹², согласно которым монгольская дань составляла полторы буханки хлеба на человека в год. В противовес чувашским историкам, писавшим о «режиме жесткого гнета», Н.И. Егоров утверждает, что «отношения между Булгарским улусом и Золотой Ордой... основывались на обоюдных интересах и рациональном выполнении взаимных обязательств между “центром” и “субъектом федерации”»¹³. Автором сделан несколько преувеличенный, на наш взгляд, вывод о достижении чувашским народом в этот период истории «высшей точки социально-политического, экономического и культурного расцвета»¹⁴.

У читателя возникает закономерный вопрос, к сожалению, не озвученный в ходе интервью: возможны ли были восстановление и расцвет Волжской Булгарии после массового истребления болгарского народа за столь недолгий период (согласно Н.И. Егорову, он длился около 140 лет) относительно мирного развития в составе Золотой Орды? Справедливости ради отметим тот факт, что разорительные войны на территории Булгарии продолжались

и после 1241 г. Так, в 1277–1278 гг. была подавлена очередная попытка болгар вернуть независимость. Если же принять во внимание эпидемию чумы 1346–1350-х гг., засухи и голод 1360–1370-х гг., то ухудшение положения населения бывшей Булгарии следует отнести не к 1380-м гг., а к середине XIV в. В связи с этими доводами нам представляется, что ближе к истине находится следующая точка зрения: «временем относительного благоденствия Булгарии в составе Орды»¹⁵, периодом постепенного роста численности болгарского населения и восстановления экономики после разорительных войн была только первая половина XIV в. Если же рассматривать итоги золотоордынского периода в целом, то справедливым является мнение большинства историков об отрицательной роли Золотой Орды в развитии болгарской народности, оказавшейся в конце XIV – первой трети XV в. на грани исчезновения¹⁶.

Лаконично и образно Н.И. Егоров выразил свое отношение к проблеме этнической принадлежности «ясачных чувашей» левобережья Казанского края – «если поскрести татарина, то, скорее, вылезет чуваш», «лучший татарин – это чуваш»¹⁷. Несмотря на шуточный тон повествования, ученым высказано несколько весомых аргументов в пользу данного утверждения: 1) на заказанских и предкамских землях источниками зафиксировано более 250 селений, жителями которых в XVI – первой половине XVII в. являлись «чюваша», с конца XVII в. – татары и «чюваша»; 2) на территории Заказанья имеется большое количество топонимов чувашского происхождения; 3) в районах Татарстана, населенных в период Казанского ханства «чювашами», записаны легенды, идентичные чувашским преданиям. Кроме того, языковедом отмечено промежуточное положение татарского языка между стандартными тюркскими и чувашским языками, обусловленное его формированием на основе «чувашского» субстрата, который «перетянул» татарский вокализм на свою сторону¹⁸. К сожалению, в рамках интервью автором не представлено подробное обоснование озвученных аргументов, поэтому замечание Д.М. Исакова по поводу возможного сохранения названий селений и после частичной или полной смены первоначального этнического облика населения, давшего эти названия, осталось без ответа¹⁹.

Своеобразием отличаются взгляды Н.И. Егорова об экономическом положении чувашей в составе Казанского ханства. Ссылаясь на записки австрийского дипломата XVI в. С. Герберштейна, автор сообщает о существовании в казанскоханский период у чувашей армии в 40 тыс. стрельцов. Этот «факт», на взгляд Н.И. Егорова, свидетельствует об их экономической состоятельности и позволяет опровергнуть утверждения чувашских историков о том, что «ненасытные ханы обирали народ до нитки»²⁰. Между тем, обратившись к источнику, можно заметить, что в «Записках о Московии» речь шла не о 40-тысячной, а о 30-тысячной армии казанского хана, «преимущественно пехотинцев, среди которых черемисы и чувашаи – весьма искусные стрелки»²¹. Таким образом, чувашаи составляли лишь некоторую часть многочисленной и многонациональной ханской армии. Эта фактическая не-

точность, допущенная автором, ставит под сомнение и его выводы о материальном благосостоянии чувашского населения ханства.

Особого внимания заслуживает затронутая в книге проблема численности болгаро-чувашского населения правобережья Волги в начале XV – середине XVI в. За неимением статистических сведений за этот период единственным средством объективного выяснения вероятной динамики его численности является метод аналогии. Так как более или менее достоверные показатели, позволяющие дать оценку численности населения России, появились только в XVIII в., обратимся к данным о численности населения Казанской губернии по итогам V ревизии, проведенной в 1794–1795 гг., сопоставленным с данными текущего учета населения на 1 января 1914 г. Данное сопоставление, проведенное В.Д. Димитриевым, показало, что за 118 лет (1795–1913) население губернии увеличилось на 233,7 %, то есть в 3,4 раза²². Путем нехитрых подсчетов получаем, что за период в 150 лет прирост должен был составить около 324,2 %. «Примеряя» эти цифры на интересующий нас период и учитывая, что, по мнению Н.И. Егорова, к началу XV в. на правобережье Волги осталось всего около тысячи болгаро-чувашей, получаем, что численность чувашского населения на этой территории к середине XVI в. должна была составлять чуть более 4000 чел. Применение расчетов Я.Е. Водарского, основанных на естественном приросте (для периода 1500–1700 гг. им принята величина прироста в Поволжье 75 % за столетие)²³, дало несколько иную численность правобережных чувашей – 2000 чел. в 1550 г. Данные результаты не могут соответствовать действительности, так как, по приблизительным подсчетам Б.Л. Хамидуллина, численность чувашского населения в составе Казанского ханства в XV–XVI в. составляла 50–80 тыс. чел., при этом основным местом их проживания, по мнению ученого, была северная часть Горной стороны²⁴. В.П. Иванов полагает, что численность чувашей в ханстве колебалась в пределах 90–120 тыс. чел.²⁵ Проведенный анализ позволяет усомниться в утверждении Н.И. Егорова о проживании в начале XV в. на территории современной Чувашии столь малочисленного болгаро-чувашского населения.

В заключение хотелось бы отметить, что несомненным достоинством научного подхода Н.И. Егорова является стремление к объективному освещению проблемы болгарской преемственности и изучению наследия болгар согласно принципу «и татары, и чувашки». Выступая против сторонников «булгаризма», автор неоднократно подчеркивает мысль об участии многочисленных этнокультурных компонентов в формировании как чувашского, так и татарского этносов на разных этапах их исторического развития.

Наибольший вес при обосновании взглядов ученого на различные аспекты истории средневековой Чувашии, несомненно, имеют аргументы, основанные на анализе языкового материала. Именно они позволили автору сделать достаточно обоснованные выводы по таким дискуссионным темам, как язык и религия болгар в VIII–XV вв. и этническая принадлежность «ясач-

ных чувашей» левобережья Казанского уезда. Неоднозначны, но от этого не менее содержательны и интересны суждения автора по проблемам экономического положения булгар в составе Золотой Орды и чувашей в период существования Казанского ханства.

Образные и эмоциональные рассуждения Н.И. Егорова о наиболее ярких сюжетах средневековой истории малой родины – полемичные, местами противоречивые, но проникнутые любовью к своему народу, гордостью за наше героическое прошлое – заденут за живое и не оставят равнодушным ни одного читателя. Язык ученого, легкий, богатый красками, временами разговорный, местами насыщенный научной терминологией, захватывает с первых страниц. С научной точки зрения, многие из высказываний автора могут стать предметом дискуссии, со многими из них можно согласиться, но в одном автор, несомненно, прав: «...нелепо писать историю булгаро-чувашей эпохи Средневековья, забывая, что Булгария и Чувашия в то время были провинциями больших государств – Золотой Орды и Казанского ханства... Нам еще предстоит лучше познать историю своего народа...»²⁶.

Литература

¹ *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1989. 200 с.; *Исхаков Д.М.* Татары: популярный очерк этнической истории и демографии. Набережные Челны: КамАЗ, 1993. 50 с.; *Мухаметшин Д.Г.* Татарские эпиграфические памятники: региональные особенности и этнокультурные варианты. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2008. Вып. 6. 132 с.

² *Леонтьев А.П., Егоров Н.И.* Откуда мы? Куда идем? Беседы под деревом познания. Кн. I. Чебоксары: Издательский дом «Хыпар», 2012. С. 354.

³ Там же. С. 340–341.

⁴ *Димитриев В.Д.* О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVIII – начале XX века // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 47: История, этнография, социология. Чебоксары: ЧНИИ, 1969. С. 242–246.

⁵ *Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С.* Эпиграфические памятники города Булгар. Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. 128 с.

⁶ *Леонтьев А.П., Егоров Н.И.* Указ. соч. С. 336–337.

⁷ Там же. С. 348.

⁸ *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 243 с.; *Халиков А.Х.* Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань: Фэн, 1994. 164 с.; *Рыбаков С.В.* Северная Русь, Золотая Орда и Русско-Литовское государство в XII–XIV веках // История России с древнейших времен до второй половины XIX века: курс лекций: в 2 т. / под ред. Б.В. Личмана. Екатеринбург: Урал. гос. тех. ун-т, 1995. Т. 1. С. 68–92.

⁹ *Димитриев В.Д., Паньков И.П.* Население Чувашского Поволжья под властью Золотой Орды // Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1958. Вып. 1. С. 88.

¹⁰ *Кожин В.В.* История Руси и русского слова: (Опыт беспристрастного исследования). М.: Алгоритм, 1999. 480 с.

¹¹ *Павлов П.Н.* К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института. Красноярск, 1958. Вып. 2. С. 74–112.

¹² *Каишанов С.М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 9, 10.

¹³ *Леонтьев А.П., Егоров Н.И.* Указ. соч. С. 342.

¹⁴ Там же. С. 344.

¹⁵ Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. С. 62–63.

¹⁶ Димитриев В.Д., Паньков И.П. Население Чувашского Поволжья под властью Золотой Орды // Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1958. Вып. 1. С. 85–94; Иванов В.П. Этническая история // Чуваши: история и культура: историко-этнографическое исследование: в 2 т. / под общ. ред. В.П. Иванова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 1. С. 56–78; Закиев М.З. Волжско-Булгарское государство и роль Золотой Орды в его падении (и своего тоже) // URL: <http://bulgarizdat.ru/book401.shtml> (дата обращения: 11.06.2014).

¹⁷ Леонтьев А.П., Егоров Н.И. Указ. соч. С. 354–355.

¹⁸ Там же. С. 355.

¹⁹ Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам Нового времени (этнополитический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.

²⁰ Леонтьев А.П., Егоров Н.И. Указ. соч. С. 333.

²¹ Герберштейн С. Записки о Московии. М.: МГУ, 1988. С. 170.

²² Димитриев В.Д. О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVIII – начале XX века. С. 244.

²³ Водарский Я.Е., Кабузан В.М. Территория и население России в XV–XVIII веках // Российская империя: от истоков до начала XIX века: очерки социально-политической и экономической истории. М.: Русская панорама, 2011. С. 334–335.

²⁴ Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. С. 166–167.

²⁵ Иванов В.П. Расселение и численность чувашей в России: историческая динамика и региональные особенности: (Историко-этнографическое исследование): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2005. С. 25.

²⁶ Леонтьев А.П., Егоров Н.И. Указ. соч. С. 338.

Г.Н. Плечов: *Выводы следует делать, не игнорируя факты*

Увидевший недавно свет совместный труд главного редактора газеты «Хыпар» А.П. Леонтьева и доктора филологических наук Н.И. Егорова «Откуда мы? Куда идем? Беседы под деревом познания. Книга I» (далее – I) по ряду сюжетов переключается с опубликованной годом раньше монографией А.П. Леонтьева под названием «“Хыпар”: минувшее и настоящее. Факты. События. Личности. Судьбы» (Чебоксары: Издательский дом «Хыпар», 2011. 640 с.; ил.) (далее – II). В связи с этим, на наш взгляд, правомерен диалог сразу по этим двум изданиям.

В книгах заметное место занимают вопросы взаимоотношений известных исторических личностей – чувашского просветителя-демократа И.Я. Яковлева (1848–1930) и основателя, первого редактора чувашской газеты «Хыпар», историка и этнографа Н.В. Никольского (1878–1961). Замечу, что в монографии А.П. Леонтьева данному сюжету посвящена специальная глава (II, с. 104–112). Характерной и общей особенностью указанных изданий является, на наш взгляд, недостаточное, слабое использование первоисточников. Отсюда – весьма спорные и односторонние выводы, с необоснованным обвинительным уклоном в сторону И.Я. Яковлева. На фоне общих фраз о том, что «И.Я. Яковлев был одним из первых, кто указал своему народу путь в просвещенный мир» (II, с. 80), о «громдном авторитете его в общественной жизни» (II, с. 24) и упоминания его некоторых дел ему припи-

сываются «далеко не благожелательное отношение» к «Н.В. Никольскому, как и ко всей чувашской творческой интеллигенции» (I, с. 17), непризнание заслуг последнего в просвещении чувашского народа, немотивированность его отрицательного высказывания о Н.В. Никольском (II, с. 100) и т.д.

О несостоятельности упреков в адрес И.Я. Яковлева в том, что он неблагоприятно относился к творческой интеллигенции, в том числе к Н.В. Никольскому, не использовал в Симбирской чувашской школе его словарей, нам уже приходилось писать¹. Здесь хотелось бы развить высказанные ранее положения.

Первое. Утверждение Н.И. Егорова о том, что «к этому времени», то есть ко времени появления словарей Н.В. Никольского (как он сам пишет, его русско-чувашский словарь увидел свет в 1909 г., а чувашско-русский – в 1919 г.), «перевод Библии на чувашский язык был уже давно завершен» (I, с. 17), не соответствует действительности. Известно, что Ивану Яковлевичу с сотоварищами не удалось при жизни завершить перевод Библии на чувашский язык, хотя он об этом мечтал. Были переведены Евангелия и другие части Нового Завета, которые были изданы в 1911 г., а также некоторые иные библейские тексты. Закончить полный перевод Библии на чувашский язык и издать его удалось, как известно, только в наше время.

Второе. Иван Яковлевич поддерживал творческие начала в постановке учебно-воспитательной работы в Симбирской и других чувашских школах, при этом, естественно, он должен был считаться с возможностями и требованиями учебных планов, программ и высшего начальства, так или иначе поощрять тягу воспитанников и преподавателей школы к самостоятельной, созидательной деятельности в области культуры и просвещения. Достаточно вспомнить, что в Симбирской чувашской школе с поощрения и поддержки И.Я. Яковлева была создана и издана (замаскированная под фольклорное произведение в общем сборнике, чтобы избежать замечаний учебного начальства) ставшая классической поэма «Нарспи» К.В. Иванова, организована постановка фрагментов оперы М.И. Глинки «Жизнь за царя». Здесь работали оркестры и хоры, шла коллективная работа по переводу Библии на чувашский язык и др. Как известно, ряд будущих деятелей чувашского профессионального искусства, которые отличились и прославили себя в творчестве, воспитывались и работали в свое время именно в стенах Симбирской чувашской школы. И в первой чувашской газете «Хыпар», основанной Н.В. Никольским, активно сотрудничали, а впоследствии и задавали тон бывшие ее ученики. Разумеется, все это не могло исключить противоречия между И.Я. Яковлевым и отдельными представителями формирующейся национальной интеллигенции. Иван Яковлевич оценивал взгляды и действия окружающих его людей исходя из собственной оценки реальной действительности и общей морали и сообразуясь с ними.

Третье. В его творческом наследии нами не обнаружено ни одного документа, в котором содержалось бы его отрицательное высказывание о научных трудах Н.В. Никольского. А вот претензии к его личности, его по-

ступкам у Ивана Яковлевича были. Когда это произошло и в чем они выражаются?

Имеющиеся документы свидетельствуют о том, что отношения между И.Я. Яковлевым и Н.В. Никольским первоначально были весьма равными и многообещающими. После окончания Казанской духовной академии в 1903 г. молодой Никольский (ему тогда исполнилось 25 лет) начал сотрудничать в г. Казань с переводческой комиссией Православного миссионерского общества (не с поддержки ли Ивана Яковлевича, одного из шести членов Совета комиссии?), одновременно преподавая чувашский язык, историю и этнографию чувашей на миссионерских курсах при Казанской духовной семинарии. В эти годы он опубликовал в журнале «Православный собеседник» статьи по вопросам истории народного образования у чувашей и использования родного языка в школах, на что, должно быть, обратил внимание Иван Яковлевич. Между ним и Н.В. Никольским стали устанавливаться близкие деловые отношения.

В тетради Н.В. Никольского имеется запись от 9 июля 1904 г. о том, что к нему в д. Хоразан обратился чуваш, 17 лет, окончивший курс в двухклассной школе Министерства народного просвещения, за советом, куда ему следует поступить учиться и где можно купить землю. «Я перебрал учебные заведения. Все оказались трудными – малодоступными», – пишет Никольский. Парню он «посоветовал обратиться к И.Я. Яковлеву, сказав, что у последнего есть список земель продающихся, с точным указанием, где и какие бытовые условия»². Когда исследователь истории просвещения русских народов Среднего Поволжья, приближенная царской семьи, публицист С.В. Чичерина совершала в августе 1904 г. ознакомительную поездку по чувашским и другим инородческим селениям, на встречу с ней в Казанской инородческой учительской семинарии 3 августа наряду с директором семинарии и И.Я. Яковлевым был приглашен и Н.В. Никольский. В той же тетради он оставил сообщение о том, как С.В. Чичерина допытывалась у И.Я. Яковлева и у него о наличии сепаратизма среди чувашей и как они единодушно, дополняя друг друга, объяснили ей о невозможности его в воззрениях своих соплеменников³.

В контексте темы весьма любопытно письмо Ивана Яковлевича Н.В. Никольскому от 20 декабря 1904 г. В нем находим: «Любезный Николай Васильевич! Вы все живете в Казани, это может надоесть, хотя Казань – прекрасный город и центр умственной жизни в Поволжье. Приезжайте-ка сюда, посмотрите на наш скромный город – поживите в нем дней 10. Вы ведь давно собираетесь в Симбирск. Прошу Вас остановиться в школе, у меня в доме. Познакомьтесь у меня с моим семейством, на празднике все приедут. Дочь с мужем уже приехали и в [школе], а два сына приедут накануне Рождества. Мне с Вами очень приятно будет провести вместе несколько дней, да вот и Михаил Петрович (Петров, в то время преподаватель Симбирской чувашской школы. – Г.П.) жаждет лично с Вами познакомиться. Итак, я жду Вас; поезд из Казани и Москвы (один) приходит в г. Симбирск

вечером, около 8 часов, возьмите с вокзала извозчика и прямо велите везти в Чувашскую школу».

Далее И.Я. Яковлев сообщает о том, что он недавно послал М.А. Машанову (как председателю переводческой комиссии при Братстве святителя Гурия в Казани) Евангелие, Послания святым и Священную историю Афинского, и в завершение письма пишет: «Если Вам будет возможно, то Вы, едучи в Симбирск, возьмите с собою выпускное свидетельство. Это требуется законом. Есть еще один человек, приезд которого доставил бы мне удовольствие, – это Федор Никифорович (Никифоров, в то время преподаватель Казанской инородческой учительской семинарии. – Г.П.), не приедет ли он в Симбирск вместе с Вами. Но Вы [и] один приедете. Ваш покорный слуга И. Яковлев»⁴. Вот такое глубоко искреннее, теплое письмо просветителя молодому Н.В. Никольскому. Как откликнулся последний на это приглашение, нам неизвестно.

И.Я. Яковлев и дальше стремился поддерживать с ним доверительные отношения. Когда Г.Т. Тимофеев прислал Ивану Яковлевичу для ознакомления свои этнографические очерки о чувашах «Тәхәръял», тот представил их на отзыв Н.В. Никольскому, который, возвращая 19 августа 1905 г. Яковлеву рукопись, сердечно благодарил его и положительно отозвался о ней, рекомендовал ее в печать⁵. По просьбе И.Я. Яковлева этот труд прорецензировали также Н.И. Ашмарин и А. Антонов⁶. Без учета вышеприведенных и других аналогичных документов невозможно, на наш взгляд, объективно оценить личные взаимоотношения Яковлева и Никольского в рассматриваемое время, а также и в последующие периоды. Как видно, Иван Яковлевич стремился установить хорошие, деловые связи с молодым, подающим определенные надежды в области чувашского просвещения работником.

Однако выше рассмотренные документы остались вне поля зрения авторов рецензируемых книг. Они проигнорировали также один важный отрывок из мемуаров И.Я. Яковлева. Разбирая его тексты о «крупном столкновении», происшедшем в 1908 г. в переводческой комиссии между Яковлевым и его недругами («ненавидевшими мою переводческую деятельность»), участником которого был и Н.В. Никольский, и о деятельности Общества мелких народностей Поволжья, руководимого Н.В. Никольским, доставившим Ивану Яковлевичу немало неприятностей и страданий, особенно на его съездах в 1917 г.⁷, А.П. Леонтьев не замечает другого упоминания в них о Н.В. Никольском. Он пишет: «В своих “Воспоминаниях” И.Я. Яковлев упоминает Н.В. Никольского всего-навсего в двух (!) эпизодах» (II, с. 110). А все-таки не в двух, а в трех!⁸ Н.И. Егоров, не учитывая также это высказывание о Никольском (приводя лишь критическую характеристику его) и слова И.Я. Яковлева о том, что последний «эксплуатировал» его переводы, пишет: «Но где, как и в чем это проявлялось, нигде не эксплицировано» (I, с. 17), то есть не объяснено Иваном Яковлевичем.

Между тем обойденное вниманием авторов книг сообщение И.Я. Яковлева может многое объяснить в начавшейся размолвке между ним и Н.В. Ни-

кольским. Приводим его текст: «С 1877 или 1878 года мои издания стали печататься на средства Всероссийского миссионерского общества. Так как цензура подобных изданий была возложена Святейшим синодом на казанское Братство святителя Гурия, а с 1876 или 1877 г. при Братстве была учреждена переводческая комиссия, то деньги эти отпускались в распоряжение совета Братства. (На всех моих переводных изданиях имеются отметки с указанием, на какие средства и что печаталось.)

Но тут стал делаться подрыв моим изданиям. Кажется, в 1896 году делопроизводитель переводческой комиссии Никольский вздумал, без моего ведома и согласия, перепечатывать мои ходкие в продаже чувашские издания (Букварь, Священную историю протоиерея Афинского, молитвенники и др.). Он выпускал самостоятельные издания, не давая при этом отчета Братству в приходе-расходе денег. Приехав в совет Братства, в заседание, в котором рассматривался годовой отчет переводческой комиссии, я заявил, что хотя и остаюсь по-прежнему членом переводческой комиссии, но, желая сам печатать мои издания, прошу ничего не перепечатывать без моего ведома, что я даже отказываюсь от пособий, как отказываюсь от членского вознаграждения. После этого переводческая комиссия взяла издания мои под свою охрану, я стал печатать их сам и только представлять в переводческую комиссию для цензуры»⁹.

Следует сразу заметить, что в текст И.Я. Яковлева в части указания даты описанного события (1896) прокралась явная ошибка, которая осталась неисправленной. Делопроизводителем переводческой комиссии Братства святителя Гурия Н.В. Никольский стал работать с февраля 1906 г., хотя, как было указано выше, после окончания Казанской духовной академии в 1903 г. начал сотрудничать в ней. Этот факт, а также приведенные выше и последующие документы позволяют предположить, что описанное Яковлевым событие произошло где-то в первой половине 1906 г. или чуть раньше.

Спрашивается: разве указанные слова И.Я. Яковлева не содержат объяснения его претензий к Н.В. Никольскому по существу, об отсутствии которого пишет Н.И. Егоров? Не с них ли начались трения в их личных взаимоотношениях? Ведь серьезный конфликт между Яковлевым и его противниками, происшедший в 1908 г., тоже касался использования последними чужих переведенных трудов. Как вспоминает Иван Яковлевич, тогда на заседании переводческой комиссии на него начались нападки со стороны отдельных его участников. Он пишет: «“А вы что делаете? – сказал я им. – Занимаетесь тем, что пользуетесь трудами других!...” Произошло крупное столкновение. Обиженный Никольский ушел с заседания комиссии. Он потом написал по поводу этого инцидента письмо сыну моему Алексею, в котором жаловался ему на меня»¹⁰.

А.П. Леонтьев, воспроизведя полный текст этой части воспоминаний, не приводит никаких конкретных аргументов против сути заявления И.Я. Яковлева, а ограничивается рассуждениями, что «представители симбирской и казанской чувашской интеллигенции находились в не самых дружественных

связях» (II, с. 104) и «И.Я. Яковлев с большим предубеждением относился к представителям казанской чувашской интеллигенции, особенно к молодой поросли» (II, с. 105). Письмо И.Я. Яковлева к Н.В. Никольскому от 20 декабря 1904 г. и другие документы, содержание которых мы приводили выше, опровергают это упрощенное представление А.П. Леонтьева.

А.П. Леонтьев упрекает И.Я. Яковлева в том, что он не поддерживал идею издания Н.В. Никольским газеты на чувашском языке, и пишет, что в его воспоминаниях «мы не находим какой-либо оценки газеты “Хыпар”, он ее ни разу в них не упомянул» (II, с. 107).

Появление в январе 1906 г. еженедельной газеты «Хыпар» на чувашском языке, основанной и первоначально редактировавшейся Н.В. Никольским, действительно явилось важным событием в общественно-политической и культурной жизни чувашей. И.Я. Яковлев был в курсе того, что чувашская интеллигенция и простой люд с воодушевлением встретили начало выпуска и первые номера газеты на родном языке, об этом ему сообщали и с мест. Бывший воспитанник Симбирской чувашской школы иерей С. Васильев в своем письме Ивану Яковлевичу из Бугуруслана 23 января 1906 г. писал: «Чувашская газета здесь у всех вызвала восторг. Слава и честь инициаторам! Теперь чувствуется, что и нас считают за людей. Ах, увидел бы это Николай Иванович (Ильминский. – Г.П.) и другие радетели инородческого просвещения! Благослови, Господи, это доброе дело и поддержи его! Мы с нетерпением ждем №№ газеты. Подписываются и из народа. Надо бы быть осторожным г.г. издателям. Как бы не закрыли. Иван Яковлевич! Это письмо секретное и предайте [его] уничтожению»¹¹.

Воспитанник И.Я. Яковлева, по существу, вступил с ним в тайную переписку по поводу появившейся чувашской газеты. Политическая ситуация в стране и крае тогда в связи с начавшейся народной революцией была сложной. Она оказалась опасной и для чувашского просвещения, деятельности И.Я. Яковлева. В конце 1905 г. революционное брожение проникло и в Симбирскую чувашскую школу. В нее стала тайно доставляться нелегальная литература, учащиеся старших классов (II–III) стали ходить на городские митинги. 29 ноября они по примеру учащихся Симбирской духовной семинарии, гимназии и реального училища забастовали. Руководству школы была подана петиция с рядом требований по организации учебно-воспитательного процесса в школе, предоставлению больших свобод учащимся и др. На следующий день участники забастовки, учащиеся старших классов, не явились на занятия, а затем разъехались по домам (занятия учащихся II класса возобновились лишь в феврале, а III класса – в апреле 1906 г.). Возникла реальная угроза закрытия Чувашской школы¹². В этих условиях И.Я. Яковлев не мог делать какие-либо открытые высказывания в поддержку газеты «Хыпар», но мы не располагаем и никакими другими документами, свидетельствующими о его публичных выступлениях против газеты.

Вообще он был в предыдущие и те годы противником издания газеты, в том числе и на чувашском языке, считая, что она навлечет на себя поли-

тические подозрения властей и серьезно навредит всему чувашскому делу, повлечет за собой закрытие Симбирской чувашской школы. О такой позиции И.Я. Яковлева знал, в принципе, и Н.В. Никольский (II, с. 107).

Забегая вперед, можем сказать, что вскоре опасения относительно судьбы первой чувашской газеты подтвердились: она была закрыта властями по политическим мотивам в мае 1907 г. (просуществовала всего 17 месяцев, вышло только 65 ее номеров) (II, с. 52). То, что И.Я. Яковлев как руководитель чувашского просвещения не связал себя с газетой, в этом плане оправдало себя, иначе был бы нанесен непоправимый ущерб всему делу чувашского просвещения.

По вопросу о том, почему И.Я. Яковлев вообще не упомянул в своих мемуарах о газете «Хыпар», можно делать и другие предположения. Его воспоминания записывались преимущественно по наводящим вопросам А.В. Жиркевича. Вопрос о первой чувашской газете просветителю не был задан, а Ивана Яковлевича прежде всего занимали сюжеты, относившиеся непосредственно к его деятельности.

У Ивана Яковлевича была причина и для личной обиды на газету и ее редактора Н.В. Никольского, хотя об этом он сам не упоминает. Полистаем ее номера. В первом же номере «Хыпара» на первой странице напечатана статья «Николай Иванович Ильминский». В ней говорится, что просвещать чувашей впервые начал Николай Иванович Ильминский, благодаря ему чувашаи сегодня имеют газету на чувашском языке, о которой двадцать лет тому назад не могли и думать; поэтому нельзя не вспомнить и не сказать слова благодарности Николаю Ивановичу; он указал чувашам, по какому пути идти, наставлял первых просветителей из чувашей, и т.д. Но в статье ни слова не сказано об И.Я. Яковлеве, который, будучи учеником и последователем Н.И. Ильминского, уже около сорока лет и в тесной связи с ним проводил в жизнь идеи своего учителя, успешно и творчески занимался чувашским просвещением. Как будто Яковлева вообще не было в чувашском просвещении¹³. Имя Яковлева обошли и в другой статье об Ильминском¹⁴.

В бытность редакторства Н.В. Никольского в газете об И.Я. Яковлеве впервые было упомянуто в сообщении о том, что 9 мая 1906 г. на могиле Н.И. Ильминского была совершена панихида по нему на чувашском, татарском, марийском и вотякском языках. В данной информации о панихиде о Яковлеве пишется как о человеке, чужом для газеты. Вот текст (перевод наш. – Г.П.): «Николай Иванович очень старался для чувашского народа. В 1868 году *один чуваш по имени Иван Яковлевич Яковлев* (выделено нами. – Г.П.) для обучения чувашских детей грамоте основал школу. Николай Иванович много помог и этой школе, Ив[ан] Як[овлевич] в чувашской школе чувашских детей учил, как указывал Николай Иванович; и в переводах религиозных книг на чувашский язык ему помогал Николай Иванович. Если бы Николай Иванович так не заботился о чувашах, мы не знали бы божественные законы Христа»¹⁵.

Второй раз в бытность редакторства Н.В. Никольского в «Хыпаре» И.Я. Яковлев был упомянут в объявлении о том, что в Симбирске в Чувашской учительской школе можно приобрести религиозную литературу на чувашском языке (октоих, требник, служебник, пасхальные песнопения, Священную историю Афинского, молитвенник и др.), а заказы предлагалось направлять в адрес инспектора И.Я. Яковлева¹⁶.

При других редакторах в газете «Хыпар» прошли сообщения об исключении из Симбирской чувашской школы 40 учеников за выступление против преподавателя русского языка Д.И. Кочурова и участие в манифестации в день открытия Государственной думы¹⁷, о якобы грубом отношении И.Я. Яковлева к учащимся¹⁸. Притом в обеих заметках содержались угрозы в адрес И.Я. Яковлева и предупреждение о том, что газета будет и впредь публиковать аналогичные материалы о Симбирской чувашской школе и ее инспекторе.

Вот так неприязненно обращалась газета «Хыпар» с Иваном Яковлевым, оставшимся для народа уважаемым, общепризнанным руководителем чувашского просвещения, что не могли отрицать и его недруги. Один из них, Д. Петров (Юман), публиковавший против Яковлева едкую критическую статью в одной из газет, в письме к Л.Н. Толстому 2 июля 1908 г. сообщал: «Главным центром просвещения чуваш является существующая с конца семидесятых годов (точнее с 1860-х гг. – Г.П.) в г. Симбирске чувашская школа, во главе которой состоит директор из чуваш же». Правда, фамилия этого руководителя школы, то есть И.Я. Яковлева, не названа¹⁹.

Многих представителей чувашской общественности беспокоили неприязненные личные отношения между И.Я. Яковлевым и Н.В. Никольским. Об этом можно судить по письму священника Д.Ф. Филимонова, бывшего преподавателя Симбирской чувашской школы, переводчика книг с русского на чувашский язык, к Н.В. Никольскому от 10 декабря 1908 г. В нем автор, в частности, пишет: «Сердечно благодарю Вас за Ваше дышащее искренностью письмо, в котором Вы сообщаете относительно предстоящего в Казани съезда инородческих деятелей и высказываете свои планы и соображения. Но я больше всего рад и благодарен тому, что Ив[ан] Яковлеви]ч заходил к Вам на квартиру побеседовать (выделено нами. – Г.П.)»²⁰. Смеем думать, что посещение И.Я. Яковлевым Н.В. Никольского произошло на почве интересов чувашского просвещения, его желания нормализовать свои отношения с последним. Если и испытал Яковлев на себе несправедливо причиненные ему огорчения с его стороны, но он не оказался в их плену, сумел подняться над ними во имя общечувашского дела, как он делал и в других аналогичных случаях.

В упомянутом письме к Н.В. Никольскому от 10 декабря 1908 г. Д.Ф. Филимонов высказывает пожелание и надежду, что адресат возглавит в будущем чувашское просвещение. «Дай Бог Вам, Николай Васильевич, – пишет он, – доброго здоровья и сил, чтобы неустанно нести тяготы инородческого (чувашского) дела, которое естественным ходом событий может

всецело лечь на Ваши плечи». Многое говорит о том, что и И.Я. Яковлев желал в свое время увидеть в Н.В. Никольском своего последователя и преемника, чтобы он мог передать ему руководство чувашским просвещением, и он ничуть не хотел осложнять личные отношения с ним.

Представляется, что отмеченные выше высказывания И.Я. Яковлева в адрес Н.В. Никольского и негативная характеристика его на страницах своих воспоминаний в немалой степени были вызваны его отрицательным отношением к деятельности Общества мелких народностей Поволжья, организованного в марте 1917 г. частью национальной интеллигенции и учащейся молодежи в Казани, инициатором создания и руководителем которого был Н.В. Никольский, и не остывшими еще впечатлениями и переживаниями от нападок и клевет на него со стороны отдельных его членов на съездах этого общества в мае и августе 1917 г. в Казани. В своих воспоминаниях Иван Яковлевич подробно описывает эти события, считая, что поход против него был вредным не только ему, но и общечувашскому делу и вообще инородческому делу²¹.

Кстати, любопытный момент. А.П. Леонтьев, указывая на резкий характер высказывания И.Я. Яковлева о Н.В. Никольском (II, с. 106), не прочь воспользоваться сам некорректным выражением в адрес сторонников Яковлева. Он, в частности, заявляет, что «некоторая часть чувашской интеллигенции» «по-церберски “охраняет” святой лик Патриарха И.Я. Яковлева» (II, с.108).

Воспоминания И.Я. Яковлева писались в указанные выше годы. А.В. Жиркевич, помогавший ему в их составлении, отмечает на этапе их завершения и просмотра (в 1922 г.): «Иван Яковлевич все боится, что в своих мемуарах пропустил благодарно помянуть кого-либо из тех, кто делал ему в жизни добро (тут он даже прослезился)»²². К сожалению, Н.В. Никольского в их числе, то есть среди тех, кто сделал ему что-то хорошее, не оказалось. Но все это не означало прекращения всяческих связей между Н.В. Никольским и Яковлевыми. Николай Васильевич начиная с 1905 г. и вплоть до середины 40-х гг. прошлого века имел связь с сыном И.Я. Яковлева Алексеем Ивановичем, неоднократно обращался к нему за помощью и содействием при подготовке докторской диссертации и решении разных бытовых вопросов. А.И. Яковлев был хорошо осведомлен о конфликтах между Никольским и своим отцом, которого он всячески поддерживал в его просветительных делах и в необходимых случаях защищал его публично, в том числе в судах. Он знал содержание воспоминаний отца. Тем не менее Н.В. Никольскому не было отказано в поддержке со стороны А.И. Яковлева, а можно сказать, и Яковлевых вообще²³. Общеизвестно, что Иван Яковлевич принципиально не хотел преследовать своих обидчиков из среды соплеменников.

Таковы факты, касающиеся взаимоотношений И.Я. Яковлева и Н.В. Никольского. Они, таким образом, опровергают необоснованные утверждения, содержащиеся в рассмотренных книгах, о предвзятом отношении Ивана Яковлевича к Никольскому.

В чувашском деле Николай Васильевич сосредоточил свои усилия не на всех его областях, не на всей системе народного просвещения, как И.Я. Яковлев, а главным образом в сферах, связанных с научной деятельностью. Его собранные историко-этнографические материалы, представленные в почти трех сотнях томов, и оригинальные научные труды бесценны. Он активно участвовал в распространении научных и социальных знаний среди чувашского населения. То, что кандидат и магистр богословия, впоследствии доктор исторических наук, профессор Н.В. Никольский посвятил себя не религиозно-церковной службе по полученной им первой профессии, а мирским делам, прежде всего науке и добился в них больших результатов, – это, естественно, самоотверженный поступок, чем мы восхищаемся. Но нам представляется, что, чтобы воздать должное творчеству Н.В. Никольского и приподнять его, нет необходимости принижать роль и значение И.Я. Яковлева. А в утверждении А.П. Леонтьева, что «Н.В. Никольский, несомненно, велик и как ученый, и как личность, настолько велик, что многим просто недоступны его масштабы» (II, с. 98), проявляется, на наш взгляд, определенный снобизм автора, преувеличенное восприятие им объекта своего внимания.

Творческое наследие И.Я. Яковлева и Н.В. Никольского – это наше уникальное национальное достояние. Исследование и осмысление явлений и фактов, связанных с их жизнью и деятельностью, как и других видных деятелей культуры и общественной жизни, необходимо вести, максимально опираясь на документы, в широком историческом контексте, не исключая выявления и рассмотрения присущих им противоречий, научных споров. При этом, по нашему мнению, неоправданно и излишнее заикливание на мелочах, на проявлениях субъективных сторон их личностей, черт характера, свойственных всем людям, в ущерб раскрытию основного содержания, тенденций и смысла их деятельности.

Не дискутируя здесь по вопросу о различиях просветительных концепций И.Я. Яковлева и Н.В. Никольского, о чем подчеркивается в рассмотренных трудах (II, с. 35 и др.), хотелось бы только отметить, что эпоха И.Я. Яковлева и время Н.В. Никольского, включившегося также в дело просвещения родного ему народа три с лишним десятилетия спустя, – это, по нашему представлению, этапы единого, противоречивого и взаимосвязанного поступательного процесса в чувашской истории второй половины XIX – первой четверти XX в.

Литература и источники

¹ Чебоксарская правда. 2013. 19 июля.

² Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 144. С. 274–275.

³ Там же. С. 334–335.

⁴ Там же. Ед. хр. 228. Л. 162–162 об.

⁵ Там же. Ед. хр. 119. Л. 283.

⁶ См.: Дореволюционная чувашская литература: тексты. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. С. 360–361, 409–412, 512, 514. На чув. яз.

- ⁷ См.: Яковлев И.Я. *Моя жизнь: Воспоминания*. М.: Республика, 1997. С. 282, 571.
- ⁸ Там же. См. также: С. 277, 278.
- ⁹ Яковлев И.Я. Указ. соч. С. 277, 278.
- ¹⁰ Там же. С. 282.
- ¹¹ Государственный архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 207. Оп. 1. Д. 441. Л. 128 об.
- ¹² Там же. Д. 441.
- ¹³ Там же. 1906. 8 января. № 1. С. 1.
- ¹⁴ Там же. 23 апреля. № 16. С. 252. Нумерация страниц тогда была общей для всех номеров.
- ¹⁵ Там же. 14 мая. № 19. С. 305.
- ¹⁶ Там же. 1 июня. № 22.
- ¹⁷ Там же. 1907. 18 марта. № 8. С. 58.
- ¹⁸ Там же. 27 мая. № 18. С. 127.
- ¹⁹ Д.П. Петров (Юман). *Избранные произведения*. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1997. С. 447.
- ²⁰ НА ЧГИГН. Ед. хр. I. Т. 161. Л. 193–195.
- ²¹ Яковлев И.Я. Указ. соч. С. 569–571.
- ²² Жиркевич А.В. *Мои встречи с И.Я. Яковлевым: из дневника за 1916–1924 годы*. Чебоксары: Руссика, 1998. С. 290.
- ²³ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 66. Л. 221–222 и др.

С.В. Щербаков: *Нация и национальное самоопределение – где точка отсчета?*

Спектр вопросов, рассмотренных в книге, широк, и каждый может найти для себя интересную тему. Она может быть интересна и языковеду, и историку, и филологу, и культурологу, и искусствоведу. Издание являет собой, образно выражаясь, широкое красочное полотно, в котором долго можно рассматривать различные детали, а потом, соединив их в единое целое, получить достаточно цельное представление по тому или иному интересующему сюжету. Мне хотелось бы, в силу своих научных интересов, сосредоточить внимание на этнонациональном развитии чувашского народа и национально-государственном устройстве Чувашской Республики. Само собой разумеется, что придется быть не только восторженным читателем, но и критичным оппонентом.

В последнее время трактовка термина «нация» приобрела, выражаясь по-современному, «политизированное» звучание. На наш взгляд, это связано с тем, что в международном праве в течение XX в. прочно устоялся концепт о праве наций на самоопределение. Если в начале прошедшего столетия мало кого интересовал вопрос об отличии понятия «нация» от понятий «народ», «народность» и «этнос», то в его конце он становится, без преувеличения, принципиальным. Основной точкой напряжения в данном случае является разная трактовка термина «нация». Нация – это гражданско-правовое образование или биосоциальное явление? Если, например, какая-нибудь национальная республика Российской Федерации будет апеллировать к праву нации на самоопределение, то кого следует считать нацией – всех жителей субъекта Российской Федерации или только представителей той или иной

национальности? На данный момент однозначная трактовка данного понятия отсутствует.

Что же отличает, по мнению Н.И. Егорова, нацию от народа (народности, этноса)? В книге находим, в частности, следующее определение: «Нация от народа отличается как завершенностью государственного суверенитета, так и своим местом в мировом содружестве наций» (с. 462). Выходит, если у народа есть завершенный государственный суверенитет и он является субъектом мирового сообщества, то он, то есть народ, является собой нацию. Надо полагать, если такими «параметрами» общность не располагает, то она не является таковой. В книге Н.И. Егоров не раз возвращается к «расшифровке» данного понятия, дополняя ее новыми штрихами: «люди, живущие общими экономическими, социально-политическими, культурными интересами национального государства» (с. 463); «сообщество людей, добровольно объединившихся в государственную общность, независимо от этнического происхождения» (с. 465); «национальную принадлежность граждан федеративного государства, если уже следовать западным образцам, хотим мы того или нет, придется определять по принадлежности граждан к национальным республикам» (с. 464).

На первый взгляд кажется, что Н.И. Егоров принадлежит к числу исследователей, кто склонен рассматривать нацию как политическую общность – жители, например, Республики Марий Эл вроде как все должны быть в политическом смысле марийцами, Республики Крым – крымчанами, а все жители Чувашской Республики – чувашами, и так далее. Такая постановка закономерно порождает множество вопросов. Но, как мне представляется, Н.И. Егоров здесь на вещи смотрит не «механически», а гораздо глубже – то есть все жители этих субъектов Российской Федерации сейчас должны начать формировать свою территориальную общность, построенную на основе традиций государствообразующего этноса. Другими словами, чтобы чувашам стать нацией, необходимо, чтобы вырелась биосоциальная, политическая и экономическая общность жителей республики на основе чувашской культуры. С учетом этого полагаю, что Н.И. Егоров является сторонником объединения двух понятий – политического и биосоциального, где скрепляющим стержнем соединения является идея государственности и суверенитета.

Для человека, привыкшего к традиционному определению, такое толкование понятия «нация» достаточно неожиданно. Ранее мне неоднократно приходилось сталкиваться на интернет-форумах с рассуждениями национально ориентированной чувашской молодежи о необходимости строительства чувашской нации. Я у них спрашивал: разве сейчас чувашский народ не является нацией, а сто лет тому назад являлся? Внятного ответа я не дождался. В книге мне пришлось ознакомиться со схожей позицией, но в более развернутом виде. Что по этому поводу сказать? Вероятно, подобную позицию надо только приветствовать. Так или иначе, но происходит коренная переоценка темы. Я бы сказал, молодое поколение исследователей при поддержке старшего поколения ищет новые подходы к разрешению застарелых

«болячек», что вполне закономерно – не получилось по-старому, может получиться по-новому. Если ленинско-сталинская трактовка термина не дала должного эффекта, то, может быть, его европейское понимание поможет разрешить данный вопрос в нужном русле. Пока сложно сказать что-нибудь определенное. Но для того, чтобы получилось, необходимо объективно рассмотреть научно-методологические основы прежнего определения с современных позиций и с учетом прошлого опыта.

В книге авторы часто критикуют сталинский подход в решении национального вопроса. Их много, и выражу наиболее существенный из них. Н.И. Егоров назвал сталинское определение понятия «нация» странным, так как среди его пяти признаков нет главного признака – государственности (с. 463). Мне кажется, напротив, было бы странно, если бы И.В. Сталин в 1913 г. в их числе назвал критерий государственности, тем более применительно к народам Российской империи. Напомним, что в то время олицетворением суверенности и государственности был российский самодержец и его династический род, а не народ. То же самое в начале XX в. было в Британской, Османской и Австро-Венгерской империях. Если следовать приведенным Н.И. Егоровым критериям нации, то в то время не было ни английской, ни турецкой, ни чешской, ни индийской, ни шотландской, ни болгарской и других многих наций, а они должны были считаться этносами. Тогда возникает вопрос: а чем бы принципиально отличались англичане в начале XX в. от зулусов, у которых с начала XIX в. шли государствообразующие процессы и образование государства Зулуленда. В Великобритании, напомним, до сих пор формально высшим носителем суверенитета и государственности является английский монарх, а премьер-министр страны только его первым советником.

Вот еще один пример. Сейчас в Шотландии прошел референдум о выходе из состава Великобритании. Вопрос: шотландцы сейчас являются нацией или этносом? Согласно определению, данному Н.И. Егоровым, получается, что они нацией станут только тогда, когда получат государственность и международное признание. Хорошо, но до XVIII в. Шотландия на протяжении многих столетий была независимым королевством и обладала, как сейчас мы выражаемся, полным суверенитетом. К тому же была активным субъектом общеевропейской политики того времени. Согласно вышеизложенному определению, шотландцы, безусловно, являлись нацией. Однако вот уже три столетия они находятся в составе английского государства – традиция непрерывного самостоятельного развития была прервана, и они находились в орбите социокультурного, экономического и политического пространства Великобритании. Получается, шотландцы некогда были нацией, потом перешли на статус этноса, а сейчас вновь хотят стать нацией? Возьмем для примера чувашей. До XIII в. предки чувашей в Волжской Болгарии обладали суверенитетом, международным признанием. Значит, наши прадеды являлись нацией, а их потомки впоследствии стали этносом. То же самое можно сказать и о казанских татарах. Думаю, что критерий государствен-

ности в трактовке понятия «нация» не в полной мере позволяет его раскрыть.

В понимании термина «нация» в работах И.В. Сталина можно привести много интересных аспектов, которые вполне актуальны и в решении современных проблем. Например, малоизвестно, что Сталин разделял понятия «национальная» и «государственная общность». В статье «Марксизм и национальный вопрос» (1913) одним из критериев этой дефиниции, по его мнению, является то, что в первом случае используется «народно-разговорный язык», во втором – «официально-канцелярский». Так что есть смысл перечитать работы И.В. Сталина и других марксистских теоретиков по национальному вопросу. Думаю, там можно найти немало конструктивного.

Перейдем к следующему аспекту трактовки понятия «нация», связанному с международным признанием. Это, напомним, наряду с наличием государственности, является вторым важным условием для признания какого-либо народа или этноса нацией. Советское понимание права народа на равенство и на самоопределение своими корнями уходит в дореволюционное прошлое, к опыту Российского государства, а также восточноевропейской традиции (немецкой, австро-венгерской), для которой характерен примордиализм. Для того, чтобы получить это право, необходим некоторый качественный уровень какого-либо этноса в культурной, социально-политической и экономической сфере. То есть доразвился до определенного уровня – имеешь право на самоопределение. Это примерно так: ребенок достиг совершеннолетия – и он теперь правосубъектен, имеет ряд равных со взрослыми прав и сам за себя несет полную ответственность. Однако в советской традиции, основанной на разработках В.И. Ленина и И.В. Сталина, есть такой важный момент, где указывается целесообразность применения этого права, а также четкая схема того, какие народы имеют право на создание национальной государственности, а какие нет. Согласно ей, только тот народ, который вступил в стадию буржуазного развития и в котором пролетариат еще не может победить своих эксплуататоров, имеет возможность создания своего независимого национального государства. Вместе с этим внедрялся и другой императив: когда пролетариат укрепится и классово созреет, то он в этой буржуазной республике должен взять власть в свои руки, а затем, из соображений интернационалистской солидарности, добровольно слиться в содружество равноправных социалистических наций и совместно строить коммунизм. О конечной цели сейчас принято не вспоминать, но у россиян крепко закрепилось убеждение, что для того, чтобы этнос получил право на самоопределение, необходимо доразвиться до определенного уровня.

Западная демократическая модель признания права нации на самоопределение в меньшей степени апеллирует к этническим корням, уровню общественно-экономического развития и степени развитости классового сознания. Определяющую роль в них играет уровень общественного сознания. Есть самосознание определенной общности – этот народ и считается нацией. Типичным примером в данном плане являются американцы: если есть гражданство и ты признаешь американские ценности, то ты американец, а

вопросы расовой, конфессиональной и этнической принадлежности отходят на второй план. То же самое, хотя и в меньшей степени, наблюдаем в Великобритании, Франции и других странах Западной Европы. Основным принципом является не на определении уровня развития какого-либо этноса, а на фундаменте свободы личности и его праве на борьбу с тиранией. Фундаментом такой традиции стал «билль о правах» 1689 г. в Англии, где протестантскому населению гарантировалось право на сопротивление королевской власти с оружием в руках, если та будет склоняться к деспотизму. Затем этот принцип был развит в Декларации независимости США 1776 г., где говорилось о праве «одного народа расторгнуть политические узы, связывающие его с другим народом, и занять самостоятельное и равное место среди держав мира». Эта правовая основа укоренилась и во Франции и записана в Декларации прав человека и гражданина 1789 г., где утверждается о праве населения на сопротивление угнетению со стороны власти.

Для удовлетворения этого права отдельные личности могут объединяться в различные сообщества, в том числе и в нации. Не случайно одна из доминирующих западноевропейских традиций определения так и называется – «конструктивистская», то есть сами люди из собственных соображений формируют эти сообщества. Принцип хороший, очень демократичный, но порождает огромное количество геометрически развивающихся противоречий как внутри различных общностей, так и в их взаимоотношениях. Так, в Западной Европе и США за самоопределение в свое время боролись протестантские сообщества, потом за равноправие стали бороться женщины, негры и многие другие. Сейчас это так называемое ЛГБТ-сообщество (то есть люди с «различной гендерной идентичностью»), которое уверяет, что в мире есть талантливая, но угнетенная общность людей, которым необходимо объединиться и отстаивать свои права. Но это уже не тема нашего диалога. Резюмируя, можно сказать, что понятие права нации на самоопределение зачастую носит конъюнктурный и ситуативный характер.

От общетеоретических вопросов перейдем к конкретной ситуации: куда идти чувашскому народу? Н.И. Егоров считает, что чувашский этнос еще в процессе формирования нации и необходимо повышать статус его государственности. Но как это сделать в современных условиях? В 1920-х гг. признанию со стороны советского правительства Чувашской автономной области и Чувашской АССР способствовала ленинско-сталинская теория решения национального вопроса, а также общая нестабильность в послевоенном российском обществе. Тут сложно за что-то вновь зацепиться. Согласно второму, западному сценарию, надо раскачивать лодку политической стабильности рассуждениями о тирании и деспотизме со стороны правительства страны. Губительность такого подхода очевидна, и нет необходимости доказывать обратное. Думаю, что Н.И. Егоров также разделяет это мнение, так как неоднократно призывает не искать общего врага, а решать внутренние разногласия и качественно повышать культурный уровень чувашского этноса. В частности, авторы пишут: «В мире идет жесткая конкуренция

между национальными культурами. Конкуренция не оставляет надежды на будущее для ослабленных внутренними раздорами наций» (с. 52).

Вопросам поиска путей разрешения внутренних разногласий внутри чувашской интеллигенции в книге посвящено значительное место. Со многими из них согласен, но не всеми. Остановлюсь на одном примере. Часто в среде чувашской интеллигенции высказывается тезис о стесненных условиях для дальнейшего развития этноса и нации, при этом настаивают на приемлемости в отношении чувашей понятия «геноцид». Сторонником такого подхода является и Николай Иванович. На с. 460–461 признаком геноцида чувашского народа он указывает изъятие из паспортов пункта о национальности и политику «деэтнизации» россиян. Термин «геноцид» широко применяется в идеологической риторике западной правовой системы. Он закреплен и в системе международного права. Получается, что если доказать его наличие, то появляется гарантированное право на повторное самоопределение народа и региона. В ряде случаев этот идеологический механизм действительно работает. Но сработает ли такой подход в нашем, чувашском случае? Сомневаюсь.

Однако я понимаю боль автора и уверен, что он хочет предостеречь от *духовного* геноцида. Вместе с тем вольное использование терминов может привести к другой проблеме: если часто будем применять звучные, эмоционально окрашенные понятия, то внимание в обществе со временем приупится и оно будет проявлять невосприимчивость.

И.Ю. Кириллова: *Разделение литературной массы на «хорошую» и «плохую» лишено смысла*

Книга «Откуда мы? Куда идем? Беседы под деревом познания», авторами которой являются А.П. Леонтьев и Н.И. Егоров, интересна уже своим жанром – интервью, где нет ограничивающих тематических рамок, канонов, и беседы носят чисто субъективный характер. В целом, в книге выражена позиция Н.И. Егорова по вопросам истории чувашского народа и культуры, устного народного творчества, языка и т.д. Интересны его рассуждения об этнографии, этнологии, культурологии и политологии. Хочу коснуться проблем развития современной чувашской литературы, литературоведения и фольклористики.

Вот Н.И. Егоров сетует на то, что «книга пишется для того, чтобы, прочитав ее, читатели задумались о добре, зле, взаимоотношении людей, анализе того, что в человеке спрятано и теперь вытаскано наружу, напоказ», а «наше искусство сегодня приучает лишь отдыхать», на то, что увеличение количества произведений произошло за счет падения их качества и писать стали больше потому, что снизились требования к писательскому труду (с. 61). Доля правды в высказанном есть. Но вместе с тем подобные тенденции характерны практически для каждой национальной литературы, в том числе и русской. Во все времена писали много, правда, не все могли печатать.

таться, да и цензурный запрет заставлял скрывать написанное. Сегодня, буквально в последние десятилетия, когда появилась возможность свободно печататься, самим выкладывать свое творчество в Интернете, «написанное в стол» получило возможность увидеть свет. Если раньше читателю приходилось довольствоваться неким идеологически направленным интеллектуальным продуктом, то сегодня за ним право выбора. И удовлетворить запросы искусственного изобилием читателя не так-то просто. Как показывает история, время выявляет достойных. Современная молодежь даже не имеет представления об агитационных рассказах на тему коллективизации и строительства коммунизма, в то же время пытается трактовать по-своему классические произведения прошлого столетия.

Особая разновидность современной литературы, которую невозможно игнорировать в связи с ее усиливающимся значением, – это массовая литература, или литература массового спроса, своей целенаправленностью противостоящая нравоучительной, философской, познавательной – одним словом, интеллектуальной литературе. Она состоит из устойчивых жанров: любовный роман, детектив, фэнтези и т.д. – и, по-видимому, нужна не в меньшей степени, чем интеллектуальная: у нее свои функции, свои задачи. На ум и эмоции она действует не возбуждающим, а успокаивающим образом, чем и нравится «уставшим, переутомленным однообразием и бессмысленностью своей работы людям» (с. 62). Но сегодня, когда ранее господствовавшие в общественном сознании ценности отходят на второй план, мы видим, что границы между массовой и интеллектуальной литературой постепенно размываются.

Разделение литературной массы на «хорошую» и «плохую» лишено смысла. Каждое произведение найдет своего читателя. Литература, бывшая «нашим все»: и кафедрой учителя, и святым словом, и пророчеством, и философией, и политикой, и социологией, – освобождается от всех этих функций в связи с их легализацией в действительности. Она становится... всего лишь литературой¹. Мало это или много? Если советский человек жить учился по книгам, то в конце XX в. он увидел, что ему литература не нужна. Не нужна в той степени, в какой нужна была несколько лет назад, когда она заменяла ему жизнь. Переломный момент 90-х гг. привел к поляризации читательских вкусов, смене кумиров, сокращению читательской аудитории.

По-видимому, на вопрос «Устраивает ли Вас современное состояние чувашской литературы?» немалая часть сегодняшних читателей ответит, как и уважаемый Николай Иванович: «Однозначно – нет!» (с. 386). Это при том, что в союзах писателей Чувашской Республики сегодня состоит более 300 чел. К примеру, союз «Хурянташ» насчитывает 60 членов, из которых плодотворно работающих, как отмечает сам его руководитель Хв. Агивер, только 3–4 чел.² Получается, количество «пишущей братии» нужно только самим руководителям для престижа своего союза, а выпускаемые ими книги тиражом в 100–150 экземпляров – для праздничной презентации. Писатели также обеспокоены существующим положением дел. Давно ведутся споры об объединении союзов в один – Союз профессиональ-

ных писателей Чувашской Республики, что сократило бы число «писарчуков». Литературный журнал «Таван Атӑл», выходящий один раз в месяц, с трудом набирает материал, так как мало достойных художественных произведений, когда как раньше писатели ждали год и более, чтобы издать свое творение. «Поросль» варится в собственном соку, ища ориентиры в русской и зарубежной литературах, не находя поддержки у старших товарищей. Редакторы ждут литературно-критических статей от литературоведов с анализом и действительно критической оценкой издаваемых произведений³.

Если обозреть литературные издания последних десятилетий, то можно найти и достойные произведения – А. Тарасова, Н. Сидорова, Н. Ильиной, Е. Нарби, Е. Лисиной, М. Карягиной, Н. Теветкеля, П. Яковлева (Яккусен), Б. Чиндыкова и др. Современная литература интересна уже тем, что отражает нашу реальность. Читая небольшие по объему рассказы Н. Ильиной, задумываешься о судьбе чувашской интеллигенции, которая не сумела воспитать преемников, проповедников своих идей («Даниил»). Ее рассказы дают правильное представление о нравственности и духовных ценностях современного общества («Турӑсӑр тупӑн телей», «Юлашки кӑр» и др.). Проза Е. Нарби и Е. Лисиной полезна в воспитании будущего поколения. Зрители с удовольствием посещают спектакли по пьесам А. Тарасова и Б. Чиндыкова, поднимающих в своих драматических произведениях как актуальные вопросы современности, так и извечные проблемы. Поэзия М. Карягиной, не принимающая извороты современного общества, изумляет своим философским видением жизни. И подобных примеров немало, о чем свидетельствует интерес к ним читателей.

У нас есть авторы, заслужившие признание как писатели и поэты (В. Эндип, П. Эйзин, Л. Мартянова, П. Яккусен, Д. Гордеев и др.). Правда, сегодня мы не видим их новых произведений. Но ведь есть чему у них научиться. Необходимо создавать творческие объединения, «мастерские» для начинающих авторов, жаждущих познать все и вся. Только так писательская аудитория начнет удовлетворять потребности современного общества.

«Чувашская литература страшно далека от народа... Причина, по моему, в том, что литературой у нас занимается первое поколение сельских мигрантов», которое не может «заглянуть дальше родной деревни» (с. 386). Хотелось бы уточнить: а чем занято второе поколение? Почему потомки чувашской интеллигенции – «дети» наших писателей, ученых, деятелей искусств – не пожелали продолжить дело «отцов»? Хорошо это или плохо, но чувашезычные писатели по традиции ориентируются в целом на сельского читателя. Но именно в деревне, по словам самого Н.И. Егорова, и сохранилась традиционная чувашская культура. Где еще искать примеры для подражания, остатки истинно народной этнокультуры? «“Свяига впадает в Волгу” и “Черный хлеб” будут жить не потому, что в них злоба дня, а потому, что они выше политики и идеологий – над ними, а не при них» (с. 223). Вместе с тем они написаны в эпоху, когда в литературе существовали жесткие

рамки метода социалистического реализма. Может, сегодня как раз и не хватает той самой идеологии, но в современной ее интерпретации?

«Все наши “мастера искусств” норовят разговаривать на чужом, непонятном для обывателя языке. Хоть убей, не хотят наши деятели литературы и искусств “говорить” по-чувашски. Поэты со времен М. Сеспеля пишут стихи по русской метрике, композиторы сочиняют свою музыку по русским и западным образцам, художники подражают “передвижникам” или реалистам...» (с. 233). Чувашские стихи на основе русской метрики, то есть силлаботоники, поэты пытались писать еще в XIX в. (Э. Турхан). В начале XX в. она утверждалась за счет переводов русской поэзии на чувашский язык (К. Иванов, Г. Комиссаров). В 1920-х гг. переходу чувашского письменного стиха от силлабики к силлаботонике способствовало введение в литературный язык системы акцентуации верхового и средне-низового диалектов. Да и силлаботоника, отвечая духу эпохи преобразований, позволяла поэтам выстраивать форму стиха соответственно содержанию, четче выражать интонацию и пафос произведения. Нельзя не учесть и следующий фактор. То, что поэты писали по русской метрике, явилось также следствием «утверждения в чувашском обществе новой системы мирозерцания и типа мышления, европейского понимания пространства и времени»⁴, в отличие от традиционного языческого мировидения. В целом же, как видно из практики, при переходе на русскую метрику чувашский стих не потерял своей национальной специфики, и чувашская силлаботоника существенно отличается от русской. И народный поэт, переводчик П. Хузангай в свое время отмечал, что она позволяет максимально приблизиться к оригиналу при переводе европейской литературы на чувашский язык. Люди искусства, свободные, как никто другой, в выборе формы изложения и воспроизведения своего творчества, во все времена искали свои пути достижения цели. Так и у наших поэтов был и есть выбор того или иного метра, что делает невозможным ограничить поэзию лишь одной, народной системой стихосложения. К примеру, благодаря свободному стиху народный поэт Чувашии Г. Айги, писавший на чувашском и русском языках, вошел в десятку лучших в мировой поэзии XX в. (его ставили в один ряд с Малларме и Рембо).

С высоты своего полета Н.И. Егоров современную чувашскую литературу оценивает как «ниже уровня хорошего букваря» (с. 386). А если задуматься, сегодня такой профессии, как писатель, и не существует. Ныне писатель – и журналист, и ученый, и артист, и главный бухгалтер строительной фирмы и т.п., в лучшем случае – находящийся на заслуженном отдыхе, то есть пенсионер. Оправданны ли такие высокие к ним требования? Выучиться в литературном институте и жить только творчеством, увы, не получается. 2015 г. объявлен в России Годом литературы, и, может быть, государство наконец-таки снизойдет до наших «бедных» писателей. «Раньше на гонорар за одну книгу мы могли прожить, целый год не работая», – вспоминает с грустью народный писатель Денис Гордеев. И здесь не меркантильность,

а боль за сегодняшний статус писателей, к которым относятся как к «писарчукам» (с. 386).

В попытках дать оценку современной литературе необходимо помнить, что мы прикасаемся к «свежеиспеченному» материалу, анализируем произведения, которые написаны всего лишь год или даже менее назад. Это литература, которая существует здесь и сейчас. Поэтому все наши теоретические заключения могут носить лишь предварительный характер, и только время и последующее поколение смогут воздать должное тому, что имеет место сегодня.

Критерием развития художественной литературы по-прежнему остается критика. Действительно, надо признать: «нашей науке очень не хватает критики» (с. 248). Испокон веков, являясь неотъемлемой и равноправной частью литературного процесса, она была идеальным посредником между писателем и читателем. Именно критик должен предлагать читателю ценностный ориентир, воплощенный в образе героев, указать на «правильную» литературу, тем самым отсеивая произведения, не вписывающиеся в литературный канон.

С 1990-х гг. кардинально изменились условия существования не только литературы, но и чувашской литературной критики, которая перешла от обзора современной литературы, обязательно соотносимого с социальными проблемами, к анализу отдельных произведений и творчества тех или иных определенных авторов. И если задачи критики были в целом возложены на литературные издания, то сегодня, когда журнал «Тăван Атăл» выпускают два журналиста, произведения современной литературы частично оцениваются литературоведами и преподавателями-филологами. Отсутствие хорошей интерпретации литературной деятельности сказывается на качестве самой продукции: нет ориентиров ни для самих писателей, ни для читателей, потерявшихся в этой «массовой культуре».

Литературная критика тесно связана с литературоведением. Оценивая современную литературу, критик должен исходить из общего понимания объективных особенностей, закономерностей и перспектив развития литературы. И при этом он опирается на наблюдения, научные обобщения и выводы, к которым приходит литературоведение. А у нас – критики и литературоведы в одном лице. Из анализа немногочисленных критических статей, печатающихся в журналах «Тăван Атăл» и «ЛИК», можно выделить Г.И. Федорова, В.В. Никифорову, Ю.В. Яковлева, Н.Н. Осипова, которые так или иначе дают некоторую характеристику современной прозе и поэзии. Хотелось бы увидеть работы, ориентирующие современную молодежь на поэзию, идущую от сердца, и душезахватывающую прозу.

Основной задачей наших литературоведов сегодня является реализация проекта «История чувашской литературы XX века» (на русском языке), который должен стать академическим изданием, раскрывающим поэтапное развитие чувашской литературы в свете современных литературоведческих методологий. Литературный процесс в нем анализируется в контексте общественно-политического, религиозно-философского и литературно-эсте-

тического сознания народа, а также сопоставляется с литературными феноменами других народов Урало-Поволжья. Данное научное издание должно стать итогом многолетней работы литературоведов и выявить место чувашской литературы в мировом литературном сообществе.

Н.И. Егоров – учёный с разносторонними знаниями и интересами, разбирающийся в вопросах как языкознания, культурологии, этнологии, этнографии, фольклористики, так и образования, политики, этнопедагогике и т.д. И научных деятелей он склонен видеть такими же: «Мы все закуклились в коконах своих узких специализаций» (с. 255). Сегодня чувашские литературоведы все большее внимание стали уделять компаративистским исследованиям (В.Г. Родионов, А.Ф. Мышкина и др.). Рассмотрение чувашской литературы и фольклора в контексте литератур других народов, в частности Урало-Поволжского региона, предполагает в свою очередь сотрудничество литературоведов с соседями-коллегами (татарами, башкирами, марийцами, удмуртами и др.). Обоюдное участие в научно-практических конференциях, контактный взаимообмен исследовательским опытом позволили расширить границы регионального литературоведения, что не может не способствовать обогащению научного интеллекта ученых, и, наконец, пропагандируется сама национальная литература и отечественная наука. На сегодняшний день чувашская литература является объектом исследований пусть пока региональных коллег, но ведь не только собственно чувашских.

Как исследователь фольклорных традиций, Н.И. Егоров хорошо осведомлен о положении дел в чувашской фольклористике: «На нашем воистину неисчерпаемом материале чувашская фольклористика давно должна была выйти на мировой уровень» (с. 124). Но если «термин “фольклор” в наше время широко применяется к музыкальным, изобразительным, акциональным... и другим невербальным видам устной традиции» (с. 124), то и ответственность за исследование фольклора должна лежать не только на фольклористах и филологах, но и на искусствоведах, культурологах, социологах и т.д.

Чувашскую фольклористику, многие годы развивавшуюся в лоне литературоведения, как отдельную науку начали рассматривать лишь с 1970-х гг., что сказалось и на ее сегодняшнем состоянии. Повлияло и отсутствие в республике фольклористского направления в образовании. Но усилиями наших фольклористов – И.И. Одюкова, Е.Ф. Сидоровой, Г.Ф. Юмарта и др. – издано 6-томное собрание фольклорных материалов «Чувашское народное творчество», куда вошли лучшие образцы чувашских народных сказок, сказаний и преданий, поговорок и пословиц, детского фольклора и т.д.

В настоящее время чувашское устное народное творчество с научной точки зрения изучается в ЧГИГН специалистами филологического направления. Основная задача исследователей – это издание томов свода «Чувашское народное творчество». С 2004 по 2014 г. увидело свет 12 томов. Согласно плану-перспективе серии, предполагается издание 50 томов вместе с переводами их на русский язык, что способствовало бы введению чуваш-

ского устного народного творчества и чувашской фольклористики в российское научное пространство.

Издания в серии «Чувашское народное творчество» востребованы не только в Чувашской Республике, но и далеко за ее пределами. Если взять, к примеру, восьмой том свода «Январ юмахёсем» (Сказки о животных; автор-составитель – научный сотрудник ЧГИГН Н.Г. Ильина), то он уникален в своем роде. Сегодня мало у какого народа мы найдем отдельное собрание сказок о животных, так как данный вид сказочного эпоса не очень богат и составляет примерно 7–10 % всего сказочного репертуара (Пропп В.). Более того, $\frac{3}{4}$ использованного Н.Г. Ильиной материала составляют ранее не опубликованные сказки, тексты снабжены комментариями и расположены по сюжетно-вариантным гнездам, некоторые из них встречаются в 10 и более вариантах (например, сказки о куклах, которые есть только в чувашской сказочной прозе). Так же богат каждый том свода, и не только фольклорным, но и теоретическим материалом.

«Вот издание свода чувашского фольклора в 50 томах. Я проштудировал все 7 ранее изданных томов и ни в одном не увидел материалов из архива Н.И. Ашмарина. Нашим молодым фольклористам и в голову не пришла мысль заглянуть в рукописное наследие языковеда Н.И. Ашмарина. Да и фонд Н.В. Никольского тревожится только спорадически, от случая к случаю. Языковеды, в свою очередь, мало заглядывают в фонды фольклористов и этнографов. Об огромном фонде В.К. Магницкого мы вообще имеем самое смутное представление...» (с. 43). Данное замечание можно принять как послы. Но фольклористы используют архивный фонд. Так, в седьмом томе свода «Ача-пăча фольклорё» (Детский фольклор, 2009; составитель В.А. Ендеров) в источниках часто указываются фонды и Н.И. Ашмарина, и Н.В. Никольского, и К.В. Элле и др.

Интересна в рецензируемой книге А.П. Леонтьева и Н.И. Егорова беседа тридцать пятая – «Об эпосе и не только», где ключевой фразой является следующая: «Отсутствие эпоса куда престижнее, чем его наличие...» (с. 405). Н.И. Егоров доходчиво объясняет, что, если нет эпоса, значит, этот «народ относительно рано создал свое государство и, следовательно, у него рано сформировалась логическая – если хотите, научная – система мышления». Радуетесь за свой родной народ, у которого сохранились лишь предания о богатырях-ульпах. Действительно, у нас нет специалиста по эпосоведению, что и сказалось на работе по тому «Народный эпос» из свода «Чувашское народное творчество». Автор-составитель этого тома Г.Ф. Юмарт поставил перед собой цель собрать примеры народного эпоса для дальнейшего их изучения. В предисловии он знакомит с историей развития чувашского эпосоведения, дает краткую характеристику включенного в книгу материала, и становится ясно, что под термином «народный эпос» подразумеваются им «эпические жанры чувашского фольклора». Поэтому название «Народный эпос» может ввести в заблуждение читателя-неспециалиста. Думаю, что, будучи рецензентом данного тома, Н.И. Егоров получил ответ на

вопрос, «почему включены в данный том «Саламалик» или «авторские произведения, написанные в духе фольклора», и на другие подобные вопросы.

Возражения Н.И. Егорова можно понять, некоторые – принять: наши фольклористы специализированы по литературоведению, тех, кто защищен по шифру 10.01.09 (фольклористика), во всей республике один специалист. Однако им надо отдать должное – они развиваются за счет участия в школах и семинарах, конференциях и конгрессах по фольклористике (Казань, Ижевск, Москва), где слушают доклады видных российских ученых, участвуют в комплексных научных экспедициях по проекту «Чуваши Приволжского федерального округа», «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», руководят проектами («Фольклор чувашей Нурлатского района РТ» по гранту РГНФ, 2008–2009, Е.В. Федотова) и др. И они безмерно благодарны Н.И. Егорову за его научные труды, за помощь в составлении свода чувашского фольклора и рецензирование статей, за наставничество и дельные советы в повседневной работе.

Беседы о литературе и фольклоре так же неисчерпаемы, как само народное творчество. Авторы достигли цели – заставили задуматься о нашей науке. Нельзя не признать работу авторов – книга, несомненно, состоялась и найдет своего читателя, будет интересна и будущим поколениям. У каждого ознакомившегося с ней возникнут собственные мысли: сколько людей – столько и мнений. Главную идею книги я бы выразила словами самого Н.И. Егорова: «Чуваши мои, чувашаи! Живите душа в душу, любите друг друга. Ведь вы – порождение той самой страны и дети того самого народа, что удивили весь мир своим жизнелюбием и жизнестойкостью и еще не раз впредь весь мир приведут в изумление. Берегите же друг друга, как берегли сородичей ваши предки, уважайте друг друга взаимно – вспомните далеких и близких предков ваших! Во веки веков поклоняйтесь дорогой своей земле и своему бесценному народу!» (с. 394).

Литература

¹ Иванова Н. Гибель богов. М., 1991. С. 67.

² «Таван Атӑл» журнал редколлегийӑн анлӑ ларӑвӑ // Таван Атӑл. 2014. 2 №. С. 62.

³ Савра сӑтел // Таван Атӑл. 2013. 12 №. С. 26–31.

⁴ Родионов В.Г. Чувашский стих: проблемы становления и развития. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. 224 с.

А.И. Мордвинова: *О лабиринтах современного чувашского искусства*

«Откуда мы? Куда идем? Беседы под древом познания» – уже название книги, авторами которой являются А.П. Леонтьев и Н.И. Егоров, готовит нас к тому, что круг вопросов, поднимаемых ими, будет обширным и остроактуальным. Красной нитью в ней проходит мысль о негативных переменах в духовной жизни современного общества и трагических утратах в

богатом культурном наследии чувашского народа. Интервьюер и респондент ведут диалог заинтересованно и эмоционально, увлекая читателя не только богатыми знаниями и эрудицией, но и силой, проникновенностью и искренностью чувств, богатством слова, часто приправленного юмором или язвительной иронией.

В своих размышлениях доктор филологических наук Н.И. Егоров, герой книги, много внимания уделяет традиционной народной культуре, выразившей основы жизнеустройства и мировоззрения чувашей. Несколько «бесед» посвящено именно этой теме, в которой он последовательно и эмоционально утверждает мысль о необходимости поднять этнокультурные традиции на новый уровень. Согласимся со многими высказываниями ученого, с его анализом состояния фольклорного наследия в советский период, с его обоснованными выводами о современном состоянии народной художественной культуры. Ученый глядит в корень, когда обозначает одной из главных причин такого положения дел утрату традиционной крестьянской общины, урбанизацию деревни и т.д. (с. 178). Однако чересчур многочисленные выпады в сторону власти и чиновников от культуры, с которыми можно согласиться лишь отчасти, придают высказываниям исследователя популистский характер. «А мы с приснопамятных советских времен всю социально-культурную деятельность направляем на искоренение традиционных форм национальных культур», – пишет Н.И. Егоров, причисляя к обвиняемым в этом случае и ученых, и «бесхребетную интеллигенцию» (с. 109). Смущает и некоторая агрессивность по отношению ко всему ученому сообществу и людям творческих профессий. Во всяком случае, не хочется причислять себя к «самодетельным» искусствоведам, когда доктор филологических наук утверждает: «У нас все “самодетельные” – и кандидаты, и доктора наук, и академики» (с. 202). Хотя, что совершенно справедливо, он выделяет исследователей чувашского профессионального и традиционного искусства А.А. Трофимова и М.Г. Кондратьева за их выдающиеся заслуги в области культуры и искусства. В настоящем диалоге, однако, хочется остановиться лишь на тех вопросах, которые нам близки и вызвали у нас, в душе профессионального искусствоведа, довольно сильный протест.

Развивая тему национальной культуры в современном мире, собственно искусству Н.И. Егоров уделяет гораздо меньше внимания. Его размышления в этом случае не так пространны и, возможно, поэтому являют нам квинтэссенцию его взглядов на эту «тонкую область культуры», по его выражению. Собственно его, искусства, ученый касается мимоходом, попутно и всегда отзывается о нем крайне негативно.

В первую очередь, вызывает недоумение категорическое противопоставление искусства и культуры, хотя понятно, что первое является органичной частью второго. «Культура – необъятный океан, – пишет он, – в котором собраны и многовековые трудовые навыки, и психологические нюансы души, и отношение человека к человеку, обществу, природе... Именно в культуре кроется истинный потенциал народа...» (с. 50–51). Далее читаем: «Все

наши беды от того, что нам вместо *культуры* постоянно подсовывали *искусство*... В истории эстетики сущность искусства истолковывается красивым словом “мимезис”, что, в общем-то, означает “подражание”, “чувственное выражение сверхчувственного”. Если немножко утрировать, искусство – это примерно то, когда тебе вместо хлеба приносят искусно нарисованное изображение каравая. Разумеется, чтобы утолить голод, требуется настоящий хлеб, а не его изображение или литературное описание» (с. 108). Мы же вспомним и другие определения этого понятия. Большая советская энциклопедия определяет искусство как «одну из форм общественного сознания, важнейшую составляющую культуры человечества, специфический род практическо-духовного освоения мира»¹. Или в словаре «Искусство» М.А. Волошина: «Искусство (от старославянского: искусы творити) – процесс или итог выражения внутреннего мира в (художественном) образе, творческое сочетание элементов таким способом, который отражает чувства или эмоции. В масштабах всего общества искусство – особый способ познания и отражения действительности, одна из форм общественного сознания и часть духовной культуры как человека, так и всего человечества, многообразный результат творческой деятельности всех поколений»². Таким образом, искусство в подлинном смысле этого слова никогда не имело в виду примитивный натурализм. Подходя с предубеждением к тому или иному предмету, можно сильно исказить его суть. И совершенно повергла в недоумение сентенция уважаемого профессора, произнесенная в ответ на вопрос А.П. Леонтьева «Что вы думаете об идее спасения мира искусством?»: «А вы видите в нашей современной жизни искусство?» (с. 242). Столь высокомерное отношение к искусству прослеживается на всем протяжении диалога. Еще одно высказывание «Наше искусство сегодня приучает людей лишь отдыхать...» (с. 61) зачеркивает труд не только талантливых, но и выдающихся композиторов, художников, поэтов, через произведения которых мы полнее постигаем историю, характер и душу чувашского народа.

Кроме явных нелестных выпадов в сторону профессионального художественного творчества и творцов, в высказываниях Н.И. Егорова об искусстве встречаются интересные замечания, часто противоречивые. Надо отдать ему должное: в оценке искусства советского периода, так называемого соцреализма, он во многом прав. «В советском государстве искусство отождествлялось с “агитпропом”, то есть агитационно-пропагандистской деятельностью, переименованной затем в “культурно-просветительскую работу»» (с. 204). С особым чувством и пониманием он пишет о деформации традиционной народной культуры, которую пытались с первых же лет после Октябрьской революции поставить на службу новой власти. «Новая социалистическая праздничная культура стряпалась из муки самого грубого, партийного помола. Но это был хлеб культуры. И он давал забитым трудящимся массам возможность сделать первые шаги в сторону культуры, закладывал основы нового социального поведения, морали» (с. 204). Фраза «за-

битым трудящимся массам возможность сделать первые шаги в сторону культуры» смущает именно потому, что в течение всего разговора им утверждаются, и совершенно справедливо, высокие этические, эстетические и художественные составляющие традиционной культуры чувашей. Согласимся и с тем, что в тот период «фольклор был куда более действенным средством воздействия на духовный мир человека, чем современное профессиональное искусство, поскольку не сводился к эстетической в современном понимании этого слова сфере и обладал доступностью, распространялся повсеместно, а не в узких социальных средах, как это происходит подчас с профессиональным искусством» (с. 118). Действительно, искусство профессиональных художников не может и не должно следовать лозунгу «Искусство принадлежит народу!». Оно требует часто немалой подготовки, образовательного уровня и умственного напряжения, настроя на восприятие этого искусства. Однако его постижение обогащает наши души, дает яркое эстетическое впечатление. И нет никакой необходимости отвергать его и противопоставлять традиционной культуре.

Не стоит также искать причину наполнения современной жизни попкультурой, «произведениями» так называемой массовой культуры в недоступности высокого искусства. Н.И. Егоров пишет: «Вся инфраструктура культуры, все виды и роды искусства, в сущности, предназначены для диалога, для общения между людьми. Только вся наша беда в том, что все эти средства, изначально призванные вызывать людей на общение, страшно удалены от людей: картины спрятаны в запасники, музыка загнана в филармонии, опера укрыта за занавесом...» (с. 233). Думается, это лишь пышная фраза. На самом же деле в филармонии звучит прекрасная музыка, в том числе и классическая, в том числе в исполнении выдающихся музыкантов, и редко бывает, когда на концерт не достать билетов. В Чувашском театре оперы и балета идут спектакли на любой взыскательный вкус, на ставших традиционными оперных и балетных фестивалях блещут артисты из лучших театров страны. В Художественном музее можно наслаждаться картинами А.И. Миттова и В.И. Агеева, а если хотите – И.Е. Репина, В.А. Серова, К.А. Коровина и Н.И. Фешина. В двух зданиях с постоянной экспозицией показано все лучшее, чем владеет музей. В Национальном музее, наконец, выставлены подлинные чувашские вышивки и украшения XVIII столетия. И работают музеи даже в выходные дни.

Не согласимся и с произвольной, слишком общей оценкой Н.И. Егоровым искусства прошлого столетия: «В XX в. искусство потеряло свое облагораживающее значение, впервые за всю свою историю утратило сакральный смысл и превратилось в одну из форм делового предпринимательства, направленного на удовлетворение спроса унифицированного потребителя» (с. 169–170). Отчасти это верно, хотя в таком случае все то, о чем здесь говорится, перестает быть искусством в полном смысле слова.

Что же касается истории чувашского искусства, то Н.И. Егоров отмечает большую роль казанской художественной школы. «К сожалению, –

пишет он, – мы все еще мало представляем себе историческую роль Казани в становлении и развитии чувашской национальной культуры... В Казани зародилось чувашское профессиональное искусство: изобразительное, театральное, литературное и прочее. На этом фоне роль Симбирска выглядит несравненно бледной» (с. 16). О роли казанской частной школы К.Н. Баратынской, Казанской художественной школы и училища в формировании Н.К. Сверчкова и М.С. Спиридонова – основоположников чувашской профессиональной живописи – писали в свое время первые чувашские искусствоведы Н.А. Ургалкина и А.Г. Григорьев. Не забывают упоминать об этом и современные исследователи.

Далее выделим рассуждения Н.И. Егорова об искусстве соцреализма. «Что остается от сплошь политизированного и пропитанного пресловутым социалистическим реализмом чувашского профессионального искусства советского периода? Почти ничего. Миниатюры А.И. Миттова...» – пишет ученый (с. 223). Нам кажется (при том что имя Миттова действительно стоит на первом месте в ряду чувашских художников, определивших самобытность искусства Чувашии в XX в.), время огульного отрицания и охаивания искусства и художников этого периода уже прошло вместе с революционными настроениями эпохи «перестройки». Думается, наступила пора анализировать и отделять истинные достижения от вымышленных. Ведь для многих художников метод «соцреализма» был в рассматриваемый период, а во многих случаях и сегодня остается главным в творчестве. Однако содержание его не было столь однообразным. Не будем говорить о тех, кто видел своей главной задачей беспрекословное следование политической программе Советского государства. Первым среди них был Н.В. Овчинников, картины которого были посвящены важным историческим событиям страны и республики, прославляли вождя Октябрьской революции В.И. Ленина, выдающихся людей Чувашии. Они были просты для понимания неискушенного зрителя, чем решался вопрос о понятности и доступности искусства народу, постулированный еще В.И. Лениным в первые послереволюционные годы. Произведения художников этого плана характеризовались односторонностью трактовки любых тем и сюжетов и отражали жизнь советского общества в идеализированном ключе. И здесь мы отчасти согласимся с Н.И. Егоровым, который назвал такое искусство «вульгарной глупостью (типа марризма, лысенковщины и прочих “художеств” в духе соцреализма)» (с. 57). Хотя это определение также излишне жесткое и упрощенное. Было много художников другого плана. Почему мы должны отрицать великолепные по качеству живописи «реалистические» портреты, пейзажи и натюрморты, несущие в себе заряд жизнелюбия, искренности и, если хотите, патриотизма? Этот круг художников не подчинялся идеологическому диктату, не противостоял ему, а просто жил с представлениями о высоком искусстве.

Творческие поиски всякого рода за пределами реалистического направления почти окончательно были подавлены в конце 1930-х гг. Снова они

стали возрождаться начиная 1950-х гг. в разнообразных формах андеграунда. Двойные стандарты советской действительности вызвали глухое сопротивление в душах мыслящих людей, в первую очередь живописцев, музыкантов, поэтов. Именно этот период отмечен поиском «правды жизни». Эти настроения пусть слабо, но возникали и в Чебоксарах. Глубокая перестройка художественных основ начинается в творчестве молодых художников Чувашии через освоение «сурового стиля». Со второй половины 1960-х гг. набирает силы новое поколение художников. П.В. Павлов, Н.С. Ведерников, К.В. Владимиров, Н.А. Енилин, П.В. Петров были людьми новой формации, не приемлющими идеологических установок в искусстве.

Но еще важнее то, что для художников национальных республик Советского Союза поиск художественной правды был направлен в сторону освоения традиционной культуры народа – языка, мелодии, прикладного искусства, фольклора. Этот шаг был сделан благодаря их глубокой интуитивной связи со своей землей, народом и его традициями, с одной стороны, и огромными творческими усилиями – с другой. Интересно, что чувашские художники при общем интересе к родной культуре нашли свои собственные, самостоятельные, неординарные художественные решения.

В рамках заданного объема текста невозможно вспомнить все достойные имена, но двух выдающихся художников нельзя не назвать. С глубокой любовью и болью вопреки требованиям своего времени и общества говорили о своем, чувашском, В.И. Агеев (род. в 1932 г.) и А.И. Миттов (1932–1971). Чтобы пробиться сквозь идеологические штампы, установленные властью и Коммунистической партией, таким художникам приходилось жертвовать многим: материальным благополучием, признанием коллег и социальным статусом. Они пошли на эти жертвы, и их искусство никак нельзя назвать искусством для отдыха. Они нашли свой язык и адекватные образы, которые мы почитаем сегодня как национальные символы.

В это время жил и творил А.И. Миттов, который, получив пресловутое академическое образование и прожив совсем короткую жизнь, стал первопроходцем в вопросе становления национальной живописи. Выражение своего, родового, исконного стало одной из главных идей гениального художника, творчество которого формировалось со стремительной быстротой в начале 1960-х гг., а в середине и второй половине достигло высот и завершилось. Он оказался в своих поисках, в своем приближении к национальному искусству наиболее оригинальным и глубоким. Художник ясно понимал цель своего искусства (читай – жизни) и не раз об этом писал в своих дневниках: «Я стараюсь найти чувашскую форму изобразительного искусства (чтобы можно было говорить о чувашском национальном изобразительном искусстве в такой мере, как существует чувашский язык, чувашская музыка (мелодия), чувашская поэзия, чувашская вышивка...)»³. Еще раз подчеркнем: это происходило в самые «махровые» советские времена. Именно в искусстве вопреки идеологическим установкам власти появлялось пространство свободы, хотя путь к нему лежал через мучительные поиски и препятствия.

К 1963–1965 гг. относятся знаменитые произведения А.И. Миттова, объединенные в циклы «Земля наших дедов» и «Алран кайми аки-сухи». Используя в своем творчестве характерные качества музыкального, поэтического, танцевального, художественного наследия чувашского народа, как то: ритм, певучесть, «музыкальность» силуэтов и линий, композиционные контрасты, противопоставления, стилизацию фигур и деталей, – Миттов проби­вался к глубинным, архаичным пластам «чувашского мира». Так что далеко не всегда в искусстве новое «шло от эпатирования, озорства, шутки» (с. 251).

В.И. Агеев и сегодня является одной из центральных фигур чувашского изобразительного искусства, определивших силу и глубину своеобразия чувашского искусства. Причем сумел это сделать в рамках реалистического искусства, открыв новые его возможности. Сила его таланта и цельность натуры произрастают из чувашской земли, из мировоззрения и характера чувашского крестьянина, его образа жизни и традиционного быта, природного ландшафта, которые органично переплавились в живописные полотна. В своих картинах он максимально выразил народные эстетические представления. Его образы кажутся нам полными мощной, из глубины веков идущей животворящей силы.

Что касается «геометрических загогулин», которые «наляпаны» в картинах художников в поисках «национальной» формы (с. 59), то вспомним, что и Анатолий Миттов прошел эту стадию поисков, названную Г.Н. Айги «этнографической» в творчестве художника. Произведения современных мастеров этого плана интересны, но никто еще не назвал их шедеврами. Элементы национального орнамента как символа «чувашского мира», сформированного столетиями, дают богатые формальные возможности, и эксперименты художников в данном направлении могут принести новые результаты.

В текст вкраплены и высказывания ученого об искусстве авангарда. Его критическое отношение ко всему современному искусству дает ему хорошую возможность «попасть в точку». Но при всем его уничижительном отношении к современному искусству хочется отметить во многом верные высказывания ученого. «Я плохо разбираюсь в нюансах так называемого “авангарда”. Но поверьте тем, кто не перестает напоминать, что авангард несет в себе довольно сильный разрушительный импульс. В авангарде, насколько я его знаю, превалирует элемент молодежного эпатирования, бравады, желания бросить вызов устоям. Так бывало всегда, на всем протяжении истории человечества. Молодости всегда было тесно в рамках устоявшихся канонов, и она стремилась к новому, неведомому. В этом залог прогресса. Иначе мы бы давно погрязли в застое... Если присмотреться к истории искусств повнимательнее, нетрудно заметить, что новизна и необычность почти всегда воспринимались как подрыв основ. Такова диалектика развития искусства, оно всегда происходит в бесконечной борьбе “авангарда” с канонами, с традицией», – пишет он и оказывается прав (с. 242–243).

Искусство сегодняшнего дня существует в самых разнообразных формах, как старых, так и новых, получивших жизнь в последние десятилетия

XX в. На смену авангардизму пришел так называемый постмодернизм, полнее отразивший мироощущение современного человека. Он не несет в себе больших идей, не требует от художника трагических усилий. Ирония и самоирония – движущая сила этого «интеллектуального стиля». Искусство не хочет искать «смыслов» и не хочет иметь перспектив... Это к высказыванию Н.И. Егорова о том, что «телевидение и СМИ посадили народ на “попсовую иглу”... Уродуется духовный мир: музыка превращается в какафонию... живопись – в поиск бессмысленных сюжетов, отражающих собственную бесперспективность» (с. 106). Дело в том, что «попса», с одной стороны, и современная музыка и живопись в их новых формах – с другой, – это «две большие разницы», ставить их рядом и сравнивать невозможно. Собственно современная живопись и музыка – предмет, созданный интеллектуальной элитой и для элиты. И не средства массовой информации формируют мировоззрение нового поколения художников.

Что же касается традиционной культуры чувашского народа, то в ее реанимацию, кажется, не верит и сам Н.И. Егоров. Дальнейшее ее существование видится в реставрации и консервации сохранившихся пока объектов и явлений. Этим занимаются редкие специалисты, главным образом музейщики, фольклористы. Подлинные произведения народного творчества будут «выпрямлять» и в будущем лабиринты творческих поисков.

Литература и источники

¹ Большая советская энциклопедия. Т. 10. М., 1972. С. 475.

² Волошин М.А. Искусство: словарь. URL: <http://maxvoloshin.ru>.

³ Анатолий Иванович Миттов. Воспоминания, стихотворения. Очерки, художественно-критические статьи. Дневниковые записи, рассказы, стихи художника / сост., примеч. и коммент. О.В. Таллеровой-Миттовой. Чебоксары, 1990. С. 170.

И.Е. Ильин: *Думать и размышлять «социологически»...*

Устойчивый интерес к проблемам этнокультурного развития чувашского народа обусловлен причинами глобального масштаба в разрезе геокультурной парадигмы. В центре ее содержания – человек, его цели, идеалы, ценности; смысл его жизни; сотрудничество и доверие; терпимость и ответственность. Геокультура – это смысл, форма и сфера деятельности человека, народов мира и государств в культурном масштабе на основе уважительного диалога, культуры мира и безопасности, стратегического компромисса по поводу формулирования, уточнения и достижения личных, национальных и цивилизационных целей, идеалов, ценностей, интересов; сохранения, развития и защиты норм и традиций людей, семей, наций и обществ, их социальных институтов от неприемлемых вызовов, рисков, опасностей и угроз.

В основу материалов бесед А.П. Леонтьева и Н.И. Егорова положен социокультурный подход, исследующий социально-экономические и этнокультурные процессы через взаимодействие социума и культуры. Авто-

ры имеют право рассматривать и делать умозаключения по теории познания, ключевым ее этапам (с. 57). Естественно, в нашем непростом мире мыслей каждый имеет право высказывать свое видение любого общественного явления. Но «философия жизни» авторов переворачивает многие постулаты на основе «сознание определяет бытие», что вызывает вопросы (с. 21, 256). Известно, что для понимания места и роли культуры в жизни российского общества большое значение имеет уяснение взаимодействия культуры и экономики. Здесь авторы солидарны с позициями Э. Дюркгейма и М. Вебера, которые считали, что именно культура играет определяющую роль в жизни общества, обеспечивает его целостность и развитие, оказывает существенное влияние на сферы жизни и прежде всего на экономику. По моему мнению, культура вырастает из экономической деятельности человека, надстраивается над ней, обслуживает эту деятельность. Хотя не исключается наличие обратной связи между ними – влияние культуры на экономику.

Работа насыщена категориями обществоведческих наук (философия, филология, социология, экономика, история, этнология и др.), и ее характерной чертой является использование материалов данных наук (полевые записи, этнологический, этимологический, фольклорный материалы) для анализа истории чувашского народа. Философско-социологическая основа познания включает в себя усвоение содержания переживаемого положения вещей, состояний, процессов с целью нахождения истины. Новое познание, не зависящее от внутреннего и внешнего опыта, может возникнуть только как следствие творческой фантазии. Вся «социология жизни» дается Н.И. Егоровым через биографии, переживания отдельных представителей чувашского этноса в переломные моменты истории страны, республики, конкретной семьи, что демонстрирует палитру настроений, жизненных удач-неудач «маленького человека» (с. 386).

Последний тезис в определенной степени перекликается с философско-социологическим воззрением немецко-американского философа, социолога и политолога, одного из видных представителей франкфуртской школы Герберта Маркузе. По его мнению, развитие науки и культуры позволило господствующему классу капиталистического общества сформировать через механизм потребностей новый тип массового «одномерного человека» с атрофированным социально-критическим отношением к обществу и тем самым «сдерживать и предотвращать социальные изменения» (Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994). Включаясь под воздействием навязываемых ему ложных потребностей в потребительскую гонку, рабочий класс развитых капиталистических стран интегрируется в социальное целое и утрачивает свой революционный потенциал. В этих условиях революционная инициатива в рамках развитого общества переходит, по Маркузе, к «аутсайдерам» (преследуемые национальные меньшинства, безработные, люмпены), а также к радикальным слоям студенчества и гуманитарной интеллигенции, выступающим в роли политических лидеров.

«Маленькие», но честные и добросовестные люди в условиях кризисных, переломных этапов развития общества заслуживают всемерной поддержки со стороны государства, иных структур. Уважения достойны все люди, несмотря на их социальное положение. В книге с особой теплотой Н.И. Егоров рассматривает вклад деревенских стариков, с которыми судьба предоставила ему счастливую возможность общаться (с. 10). На первом месте в иерархии ценностей чувашского этноса – уважительное, нежное отношение к хранительницам семейного, родительского очага – сельским женщинам, вынесшим в прямом и переносном смысле все тяготы и лишения сложной исторической судьбы. Их роль в передаче жизненного и социального опыта последующим поколениям огромна (с. 12–13). Этих людей невозможно отнести к категории «маленький человек», они – пот и соль фундамента сельского бытия, сельского мира. Во все времена чувашская деревня являлась источником изъятия ресурсов (демографических, интеллектуальных и т.д.) для развития всего народнохозяйственного комплекса страны, сама оставалась на грани выживания. В XXI в. ситуация повторяется, «чувашские варяги» завоевывают мегаполисы, нефте- и газодобывающие регионы, оголяя свои семейные тылы. В настоящее время роль мужчины в семье сводится к добыче материальных (денежных) средств, а воспитательно-контролирующая функция отдана женщинам. При рассмотрении этих сюжетов авторы используют различные источники, предлагают пути выхода из создавшегося положения на основе методов этнопедагогики, объединения усилий власти, бизнеса и сельского сообщества. Бьют в колокол, призывают относиться к современной чувашской деревне как хранительнице народных обычаев, традиций, воспроизводящей культуру этноса, народа (с. 19, 20, 46).

Переживания сельчан рассматриваются через призму анализа истории своей деревни, ее жителей. Боль ценителя вклада каждого крестьянина в копилку национальной культуры проходит красной нитью через всю книгу, история жизни отдельного человека как ручеек вливается в историю деревни, республики, страны. Н.И. Егоров не забывает о тех, кто жил и живет сегодня в стране, которую С. Есенин вслед за крестьянами назвал «Расея». В стране «Расея» свой лад, имеющий мало общего с теми процессами, которые присущи городской беспокойной рыночной среде. Именно в «Расее» (а не в России, как принято в современном языке) оказались ныне многие пожилые женщины и мужчины деревни. Когда нынешние бабушки были молоды, страна оставалась крестьянской, сельское население составляло большинство. Пришло другое время, дети многих из них переселились в города, стали заполнять всю хозяйственную, политическую, научную, государственную, военную и т.д. структуры. Ныне они живут в новой России. Живут ли их матери в новой России? На этот вопрос трудно ответить однозначно. Все они, исполнив какую-нибудь большую или маленькую социальную роль, со временем переходят в разряд пенсионеров и, если не доводится продолжать работу в рамках своей профессии, встречаются примерно с одинаковым набором жизненных проблем – состоянием

собственного здоровья, настроения, взаимодействия с родными и близкими, средой обитания, властными органами.

Значительный блок бесед посвящен размышлениям, воспоминаниям, анализу «социологии жизни». Самая большая ценность в мире – это жизнь, чужая, своя, жизнь животных и растений, жизнь народа, культуры, языка... Одно правило должно быть у каждого человека в повседневном его поведении: надо прожить жизнь с достоинством, чтобы не стыдно было вспомнить ни одного поступка, ни одного прожитого дня, ни одного сказанного слова (с. 10).

Взаимопомощь во многих сферах жизнедеятельности человека была доброй традицией чувашского народа на протяжении столетий. В минуты, часы трудностей, жизненных неурядиц люди ищут поддержку среди своих близких, друзей, односельчан и т.д. Однако рыночная стихия рубежа XX–XXI вв. внесла в реальность изменения: в определенной степени люди обособились, закрылись в своих гнездах (квартирах, домах), стали «глухими» к судьбе отдельного «маленького человека», к обществу в целом. «И все же друзья молодости оказались самыми верными, постоянными. Нужно друзей беречь, ибо настоящая дружба очень помогает и в горе, и в радости» (с. 9).

Беседы, включающие в себя такие высокие морально-нравственные ценности, как патриотизм, любовь к большой и малой родине, к народу, к каждому человеку, вызывают у читателя бережное и чуткое отношение ко всему богатству духовной культуры чувашского народа, побуждая не к забвению, а к приумножению ее по частичкам, кирпичикам... (с. 24–25).

Духовная культура современного человека включает в себя множество составляющих: и научные основы мироздания, и законы развития общества, и духовный мир человека, и многое другое. Процесс формирования духовной культуры человека, его мировоззрения крайне сложен. Он проходит под воздействием множества факторов. Это и семья, и ближайшее окружение, и традиции, и общение с разными людьми, и соприкосновение с природой и искусством...

Для успешного функционирования современной деревни как подсистемы общества необходимо знать особенности духовного развития, динамику и тенденции, определяющие духовный мир различных категорий сельского населения. Выходцы из села постоянно пополняют состав жителей городов, привнося в них свои ценностные ориентации и установки, вследствие чего в социальную, идейную и нравственную жизнь общества вносятся определенные особенности. Данные сюжеты авторами книги подаются в контексте «конфликта культур: культуры сельской и культуры городской» (с. 20). Определенные группы записываются в маргинальные сообщества, не сумев приспособиться, адаптироваться к городским социально-культурным условиям. На наш взгляд, в данном аспекте авторы, «деревенщики 1970-х гг.», слишком категоричны по отношению к сельским мигрантам конца XX – начала XXI в. (с. 19–20).

Решение многих практических задач общества невозможно без конкретного и детального анализа общего и специфического в духовном разви-

тии сельского населения, в функционировании основных институтов культуры на селе, без учета связи современного сельского хозяйства с промышленностью, образа жизни деревни и города.

В условиях рыночных отношений многие традиционные для села формы духовного общения неизбежно претерпевают изменения, при этом не все проблемы своевременно и полно осмысливаются обществоведами. Существенным изъяном научной литературы, призванной дать информацию о деревне, является отсутствие анализа духовных явлений в сочетании с социально-экономическими преобразованиями современного села, недостаточно глубокое изучение его культурной среды за последние два десятилетия (1990–2000-е гг.). Мало исследованы также роль духовных факторов, влияющих на стабильность трудовых коллективов, состояние микроклимата в них, место различных социально-культурных институтов в обогащении духовного мира жителей деревни, укреплении их нравственного и правового, религиозного и этнического сознания. В этом плане анализируемая книга показывает основные направления изучения вышесказанных проблем, авторы вносят посильный вклад в проблематику, методологию исследования на базе интердисциплинарного (А.П. Леонтьев), междисциплинарного (Н.И. Егоров) подходов (с. 256, 257). В организации академического полипарадигмального исследования авторы предлагают объединить усилия ученых Чувашского государственного института гуманитарных наук (с. 259–261).

Духовная культура, духовная жизнь человека неразрывно связаны с его повседневной деятельностью, определяются комплексом материально-вещественных, психологических и идеологических условий, зависят от множества внешних факторов. При изучении их динамики необходимо, с одной стороны, вычлнить духовные явления из производственно-трудовой сферы, социально-политической деятельности, бытовых отношений, с другой – зафиксировать изменения в области сознания, мировоззрения, чувств, настроений, культурного творчества с учетом преобразований в области материальной жизни, являющейся основой и предпосылкой жизни духовной.

Основным лейтмотивом книги являются размышления о судьбах народа и роли культуры в исторической судьбе этноса, о главной жизнеобеспечивающей функции культуры, в течение тысячелетий обеспечивающей жизнённость, жизнестойкость чувашского народа.

В данном аспекте острой необходимостью является более широкое объяснение, толкование происходящих этнокультурных процессов в условиях культурного плюрализма. Одна из форм проявления культурного плюрализма – осознанное восприятие каждым членом общества своей принадлежности к определенной субкультуре. Важной является проблема культурной идентичности в условиях культурного плюрализма, так как одновременно индивид может быть включен в разные сегменты культуры. Особенно острым становится вопрос об этнической идентичности, которая в определенных условиях может стать основой идеологии этноцентристских

движений. Рост этнического самосознания и оформление культурных общностей не должны разрушать целостности многонациональной и полиэтнической России.

В условиях глобализации проблема культурного плюрализма приобретает принципиально важное значение, так как выступает одной из возможных парадигм взаимодействия и взаимовлияния культур, способной противостоять сглаживанию (нивелированию) этнокультурного разнообразия, их унификации. В общественном сознании формируются гуманистические установки на утверждение идей диалога культур, новой системы ценностей как реальной возможности продвижения человечества к цивилизационной интеграции при сохранении многообразия культур.

Реалии социальной жизни таковы, что все происходящее в стране перемены имеют национально-региональные особенности. Без внимательного и глубокого их анализа нельзя прогнозировать дальнейшее политическое, социально-экономическое, этнокультурное развитие многонациональной России, потому что этническая идентичность как элемент более широкой гражданской идентичности нередко служит опорой индивида при потере многих других привычных ориентиров в обществе.

В настоящее время важной задачей стало нахождение верных путей развития отдельных этносов и правильного сочетания интересов каждого из них в отдельности с общими интересами многонационального российского народа. Решению этой задачи может способствовать конкретная работа по повышению уровня жизни, восстановлению уважительного отношения к родному языку, национальной культуре, традициям и обычаям, поиск мер утверждения согласия, дружбы между народами. Каждая проблема требует огромного внимания, за каждой стоит судьба как отдельного «маленького» человека, так и целых этносов, общечеловеческих ценностей.

За годы трансформации российского общества сменились границы страны, режим, лидеры и цели. Изменения затронули не только политические институты, прошли через внутренний мир граждан. Всем поколениям пришлось адаптироваться к новой общественной среде. Человек, попавший в подобные условия, как правило, теряет ориентировку, и до тех пор, пока не найдет себя в новой обстановке, говорить об успехах демократических преобразований преждевременно.

Авторы рассматривают – в отдельных случаях весьма фрагментарно – изменения в социально-экономическом портрете современной России: тотальное социально-экономическое неравенство, глубочайшее социальное и межрегиональное расслоение внутри российского общества. Приведенные в книге цифровые, статистические данные демонстрируют глубокую пропасть между богатыми и бедными, нерегулируемую дифференциацию в социальной структуре населения. Логическим завершением картины обездоленных, брошенных на произвол судьбы российских граждан является напоминание о возможных последствиях, нарастании социальных конфликтов в обществе (с. 201).

Значительное место в книге занимает анализ результатов рыночной трансформации аграрных отношений в новой России, регионах. Аграрная реформа и ее социальные последствия затронули все стороны жизнедеятельности сельского социума: отношения собственности, сферу труда, материальной и духовно-нравственной жизни, культуру, социальную структуру и образ жизни, продовольственную и национальную безопасность. Ключевой проблемой является трудоустройство сельских жителей, сокращение числа безработных, обеспеченность сельскохозяйственных предприятий специалистами, кадрами массовых профессий. Трудоспособная и наиболее активная часть уезжает на заработки в города, северные регионы страны.

Авторы приглашают к активному обсуждению роли и места сельских жителей в аграрных преобразованиях «сверху». «Российский мужик устал от всяких революций, преобразований, перестроек, модернизаций... От огромной и беспощадной своей земли, которая ни кровью, ни потом, ни слезами напиться никак не может» (с. 491). В этих словах трепетное отношение, искренняя любовь к Матери-земле! Без должной финансовой, материально-технической государственной помощи многие хозяйства разорились, утонули в водовороте рыночной экономики, а земля осталась без хозяина. Многие тысячи и миллионы гектаров земли превратились в пустошь, выведены из севооборота. Об этих явлениях, о негативной социально-демографической ситуации в сельской местности с болью рассказывают А.П. Леонтьев и Н.И. Егоров. Мне созвучны их переживания о судьбе многих чувашских (и не только) деревень и деревушек. В их беседах – гражданская смелость, авторы не только показывают действительную картину сельской жизни, но пытаются найти пути выхода, формулируют позитивные направления развития сельских территорий Чувашии.

В условиях экономических санкций со стороны США, стран Евросоюза необходима корректировка аграрной политики, учитывающая интересы крестьянства, представления о социальной справедливости, что позволит вывести сельский социум из состояния социальной апатии и безысходности, найти собственный оптимальный вариант аграрного развития, наиболее полно соответствующий российским реалиям.

В книге сформулированы методологические подходы при анализе социально-экономического развития современного российского общества. В обществоведческой литературе широко используется модернизационный подход, на который опираются авторы рецензируемой работы. В период реформ российское общество вступило, будучи урбанизированным, городским, грамотным, имеющим развитые науку и технологии. Этап модернизации был пройден им во второй половине XX в., и переход к рынку должен был сделать общество еще более современным, российскую экономику – более совершенной и эффективной. Если по истечении двадцати лет реформ модернизация снова ставится в повестку дня, это может означать только одно: в этот период российское общество либо стояло на месте,

либо деградировало до того состояния, когда ему снова необходим модернизационный рывок.

Анализируя менталитет чувашского народа, составляющего 67,7 % населения республики, авторы приходят к выводу о том, что в нем сочетаются установки как на духовные, так и на материальные ценности. Мера этого сочетания в разные периоды у разных индивидов и социальных групп различна. Сегодня эта мера нарушена как в сторону чрезмерной ориентации на материальные блага, так и в направлении привыкания к бедности и нищете, что ведет к утрате материальной заинтересованности в труде. Обе опасности имеют разрушительный характер.

Трансформационные процессы, происходящие в современной России, ее регионах, повлекли за собой глубокую социально-экономическую дифференциацию населения. Невиданное расслоение российского общества, бездонная пропасть между бедными – абсолютным большинством населения страны – и богатыми, «кучкой олигархов и жирующим чиновничеством» (Н.И. Егоров), способствуют обострению социальных противоречий. Экономические проблемы ухудшают общий психологический фон в социуме, приводят к тому, что начинают искать виноватых. А виноваты, как правило, «чужие». Чужие в любом отношении – социальном, культурном, этническом, конфессиональном... Здесь авторы не сгущают краски, а выделяют конфликтные ситуации, требующие оперативного вмешательства государственных, коммерческих и общественных структур (с. 186–187).

Выделяется проблема миграции (внутренней и внешней), рассматриваются социальные последствия челночной миграции трудоспособного сельского населения республики, социальные вызовы «мигрантофобии» (с. 190). На наш взгляд, неприязненное, прохладное отношение к мигрантам, в первую очередь к выходцам из кавказских и среднеазиатских регионов, обусловлено неуважительным отношением последних к культуре и обычаям местного (коренного) населения. Об этом наглядно свидетельствуют материалы проведенных социологами ЧГИГН исследований.

Всемерную поддержку рецензента заслуживает мнение авторов книги о необходимости возрождения комплексных фундаментальных и прикладных исследований проблем социальной жизни села, специфики социально-экономического функционирования сельских сообществ и сельского образа жизни, изменений в социальной структуре современной деревни, в ценностных ориентациях и поведении разных групп сельского населения; приоритетов социальной политики в деревне на общероссийском и региональных, а также поселенческих уровнях, форм и методов регулирования социальной жизни села; развития деревни на базе органического соединения социально-культурных традиций и модернизационных новаций, пробуждения сознательной активности сельского населения и т.д. Социальная политика в деревне должна последовательно опираться не на идеологические мифы, которыми особенно грешили либеральные экспериментаторы, а на подлинно научно

обоснованные проекты, преследующие только одну цель – социальное возрождение деревни, а с нею России и Чувашии.

Вопросы развития села, сельских территорий – это вопросы развития всей республики, ее будущего. И здесь выделяется важнейшая характеристика села как колыбели культуры этноса, главное – обеспечить системный подход в возрождении села, очень важны газификация, дороги, современная связь. В Чувашии проводится реструктуризация сельских школ, появляются базовые учебные заведения, оснащенные по требованиям XXI века. Создаются социально-культурные образовательные комплексы, где под одной крышей объединяются учреждения образования, культуры, спорта, здравоохранения. Экономия расходов при этом достигает 20–30 %. Еще одно направление в обновлении села – создание современных модельных библиотек. Новое в сельском здравоохранении – формирование сети офисов семейного врача, оснащенных современным оборудованием.

В современных условиях многократно возрастают требования морально-этического, нравственного характера к деятельности ученых, которые должны ориентироваться на получение объективных, достоверных данных функционирования сельского социума. По сей день актуальны и созвучны слова П.А. Сорокина, отражающие, на наш взгляд, гражданскую позицию ученых-гуманитариев. «Но когда же кризис действительно происходит, то он производит основательную и эпохальную революцию в человеческой культуре. Нам предоставлен редкий шанс жить, наблюдать и действовать в котле такого мирового пожара. Если мы не в силах остановить его, то следует хотя бы попытаться понять его природу, причины и последствия. Если же мы сможем это сделать, то, вероятно, в некоторой степени сократим его трагический ход, смягчим его последствия»¹.

Происходящие социально-экономические перемены в стране серьезно затронули сферу межнациональных отношений, которые авторы рассматривают через всю гамму социальных процессов, происходящих в конкретной социально-этнической общности. «Главной причиной обострения межнациональной, межэтнической, межконфессиональной нетерпимости и роста экстремизма является ухудшение уровня жизни народа» (с. 197).

Определенный интерес вызывают рассуждения Н.И. Егорова о развитии социологии, активном использовании результатов социологических опросов при рассмотрении *«взаимодействия культуры и социума в условиях усиления глобализационных процессов в мире»*, особую важность автор придает необходимости и возможности своевременно повлиять *«социологически»* на кризис культуры, ее отставание от уровня развития передовых стран мира. Достоинством в суждениях «дилетанта в социологических и тем паче в политических проблемах» (с. 229) Н.И. Егорова является тезис, что «ученый не всегда должен отвечать на вопросы, но он, безусловно, должен хотя бы правильно их поставить. Нередко заслуга правильной постановки вопроса в науке может оказаться даже более важной, чем нечеткий ответ» (с. 249). Хотелось бы добавить, что главное в социологии – использование

данных репрезентативных социологических исследований в управленческой практике.

В современных условиях важной проблемой является оценка людьми другой культуры. Зачастую люди склонны оценивать другие культуры через призму своей собственной. Такая позиция называется этноцентризмом. В какой-то степени этноцентризм присущ всем обществам. Люди склонны переоценивать свою культуру и при этом недооценивать все другие. На наш взгляд, в книге прослеживается некоторая недооценка достижений русской культуры, вклад русского этноса в строительство единого Российского государства (с. 191).

Этноцентризму противостоит культурный релятивизм, провозглашающий абсолютную самобытность любой культуры. Представляется неверным делать акцент только на самобытность культуры, не увязывая данную культуру с другими, не рассматривая культурный процесс как общечеловеческий процесс, развитие мировой цивилизации в целом. Самый рациональный путь развития и восприятия культуры в обществе – сочетание черт этноцентризма, и культурного релятивизма, когда индивид, испытывая чувство гордости за культуру своего этноса, в то же время способен понять другие культуры, поведение членов других этносов, признавая их право на существование.

Книга намного выиграла бы, если бы авторы показали пути, каналы передачи, сохранения культурного наследия (часть материальной и духовной культуры), созданного прошлыми поколениями народов, населявших в различные исторические периоды территорию страны.

Со стороны общества, естественно, возникает потребность объективного изучения диалога культур в отдельных его подсистемах. Многоаспектность и сложность проблемы вызвали полемику, дискуссию политиков, ученых, широкой аудитории чувашской (и не только) общественности, выражавших разнообразие взглядов и подходов к ее решению.

Посильный вклад авторов книги в изучение проблем культуры, повышение ее роли в поступательном движении многонационального российского общества, оригинальность теоретических, методологических и эвристических смыслов рассмотрения культуры обусловлены материалами авторских разработок и заслуживают поддержки со стороны ученого мира, общественности в целом.

Литература

¹ *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 435.

Материал диалога подготовлен к печати Г.А. Николаевым.

ЧГВ, 2014 г., № 9

© **С.Н. Кодыбайкин**. Рец. на: **Отечественная война 1812 г.: документы и материалы из фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики** / сост. Ю.В. Гусаров, А.А. Чибис. – Чебоксары: Новое время, 2012. – 390 с.

Подготовка исследований и археографических изданий к юбилейным датам является давней традицией отечественной исторической науки. Эта практика вполне оправданна, ибо позволяет подвести итоги очередного исследовательского этапа, с современных позиций дать оценку важных событий прошлого, подчеркнуть социальную значимость исторической памяти, ввести в оборот вновь выявленные источники. Ряд этих задач решает рецензируемый сборник документов Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР) по истории Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 и 1815 гг. Он приурочен к 200-летию «грозы 12-го года».

Книга продолжает серию археографических изданий ГИА ЧР, посвящённых участию Чувашии в войнах России: «Чувашский край в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: документы и материалы» (сост. С.И. Выйкин, Т.Н. Иванова, А.А. Чибис. Чебоксары, 2004. 91 с.), «Чувашский край в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.» (мультимедийное издание; сост. А.А. Чибис, С.И. Выйкин, О.В. Александрова и др. Чебоксары, 2005). Подобно названным изданиям, рецензируемый труд вызвал живой интерес у специалистов-историков и краеведов Чувашии и её соседей. Заслуженно он стал лауреатом республиканского конкурса «История в архивных документах» за 2012–2013 гг. Остается сожалеть, что сборник не поступил в продажу – это особенность архивных изданий.

До выхода в свет рецензируемой книги чувашская историография не располагала подобным изданием. Таким образом, она восполнила лагуну в серии публикаций документов, посвящённых важным событиям российской истории на региональном уровне.

Составителями сборника являются известные историки Ю.В. Гусаров и А.А. Чибис. Они зарекомендовали себя добросовестными исследователями архивных документов. Для Ю.В. Гусарова это первый опыт подготовки сборника документов, для А.А. Чибиса – десятый.

Предисловие включает информацию об использованных архивных фондах, в нем даются видовая характеристика комплекса привлеченных документов, обзор истории публикаций документов об участии Чувашии и чувашского

Сергей Николаевич Кодыбайкин – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова; e-mail: skodyb@mail.ru.

народа в Отечественной войне 1812 г., историографический обзор литературы по теме. Вниманию читателей также предложен краткий анализ материалов сборника, в котором обозначены новые акценты в изучении темы и указаны факты, ранее не попадавшие в поле зрения местных исследователей. Например, о принудительно-добровольном (а не добровольном, как писалось ранее) характере пожертвований населения на военные нужды, о некоторых особенностях организации рекрутских наборов и комплектования ополчений на территории современной Чувашии, об активном участии в благотворительных акциях духовенства, что не афишировалось советской историографией и др. Предисловие завершает блок археографического введения, в котором рассказано о приемах оформления и передачи текстов документов.

В сборник вошло 216 архивных документов, которые примерно поровну распределены по двум разделам. Первый из них составили документы о проведении военно-мобилизационных работ и благотворительных мероприятиях в Средневолжском регионе – преимущественно на территориях Казанской и Симбирской губерний. Рескрипты и манифесты императора Александра I, распоряжения военного министра, указы губернаторов и иные документы, исходящие от органов центральной и местной власти, запечатлели напряжённую атмосферу кануна наполеоновского нашествия, сложность и объём задач, решавшихся в тылу в условиях войны. Большинство документов посвящено вкладу населения региона во исполнение военных нужд армии и государства – сбора пожертвований, поставки лошадей, формирования и финансирования ополчения (включая снабжение его оружием, одеждой и провиантом), обеспечения квартирами военнотранзитных воинских частей, заготовки для них провианта и фуража, конвойного сопровождения партий ремонтных кавалерийских лошадей, содержания лазаретов и пленных, выделения пастбищ для кавалерийских частей и т.д. В совокупности документы отражают весь спектр военно-мобилизационных и благотворительных мероприятий и возникавших в ходе их реализации проблем. Они убедительно показывают, что война 1812 г. была отечественной для народов России и чувашский народ внес свой вклад в победу над грозным врагом. В сборнике представлено множество новых фактов по истории родного края: о материальной поддержке населением края разоренных неприятелем регионов страны, времени и маршруте следования Казанского ополчения по территории Чувашии, пребывании на ней военнопленных французской армии и т.д.

Второй раздел посвящён участникам боевых действий. Подавляющее большинство документов представлено паспортами и отпускными билетами рядовых и унтер-офицеров, уволенных со срочной службы в период с 1814 по 1835 г. Однотипные по форме, они содержат информацию о боевом пути своих владельцев. Судя по ним, военная биография уроженцев края, принявших участие в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах, сложилась по-разному. Кто-то прослужил «всего» два года и был уволен по ранению, а кто-то провёл в боях и военных походах многие годы и был уволен по «дряклости и выслуге лет». Немало наших земляков приняли участие в антинаполеоновских войнах. Бесстрастные строки документов повествуют о сражениях, в которых они участвовали, о полученных ими в боях ранениях и о наградах. По биографиям некоторых ветеранов можно изучать военную историю России конца XVIII – первой половины XIX в. Их судьбы сложились по-разному. Военная биография чувашского крестьянина д. Кармалы Цивильского уезда М.А. Алексева (док. № 122), служившего рядовым, началась с участия в Русско-шведской войне в 1790 г., а завершилась в 1814 г. после взятия Парижа русскими войсками. За время службы он был ранен, побывал в плену, был награждён знаком отличия ордена Свято-

го Георгия. Указ об отставке С.И. Толстова, бывшего крепостного крестьянина алатырского помещика, графа И.П. Салтыкова (док. № 215), зафиксировал этапы биографии солдата, прошедшего путь от рядового до штабс-капитана (среди его наград, к стати, имелся знаменитый Кульмский крест). Всего в сборник вошло 115 документов о боевом пути уроженцев нашего края – пехотинцев, артиллеристов, моряков, кавалеристов.

Примечания, представляющие обязательный компонент сборников документов, выполнены в лучших традициях отечественной археографии. Они не только подробно комментируют содержание документов, но и значительно дополняют и расширяют их комплекс. Так, в примечаниях к первому разделу (содержит 111 документов) использовано несколько десятков как опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот документов. Отдельно отмечу примечания ко второму разделу, в которых объяснены и идентифицированы географические названия, а также военные термины, записанные со слов неграмотных солдат и до неузнаваемости искаженные волостными писарями. Можно представить, каких трудов это стоило составителям. Здесь же помещены краткие справки о сражениях и боевом пути отдельных частей и подразделений русской армии, что избавляет читателя от информационных поисков и облегчает понимание документов.

«Темные места» и противоречия документов могут иметь толкования, отличные от тех, что были высказаны составителями сборника документов. Применительно к этой части сборника уместны замечания по поводу неточностей, допущенных составителями в содержании примечаний. Так, в документе № 205 говорится о том, что унтер-офицер Кронштадской кораблестроительной части С. Спиридонов из д. Кибечи Цивильского уезда Казанской губернии «первоначально поступил в гребной флот матросом, а потом в 1804 году в сию команду конопатчиком». Составители считают, что это «по-видимому, ошибка копииста, так как далее в паспорте говорится, что в 1804 г. С. Спиридонов участвовал в кампаниях на военных судах. Вероятно, он поступил в конопатчики кораблестроительной команды в 1814-м или последующих годах» (с. 259). Замечу, что в конопатчиках служили не только в кораблестроительных командах, но и на военных судах, выполняя ремонтные работы в походных условиях.

Научно-справочный аппарат книги включает список библиографических сокращений, именной и географической указатели, что облегчает пользование сборником.

Основной комплекс вошедших в сборник документов был выявлен в 13 фондах ГИА ЧР. Их документы сильно разнятся между собой по видовому и количественному составу. В большей степени это относится к документам о военной службе наших предков. Поэтому во втором разделе сборника представлена в основном информация об уроженцах Цивильского уезда.

Хочу пожелать Ю.В. Гусарову и А.А. Чибису продолжить работу по выявлению документов и материалов о событиях 1812–1815 гг., относящихся к Чувашии, в том числе в архивах других городов. Со слов Ю.В. Гусарова я знаю, что уже выявлено более полутора десятков формулярных списков чиновников органов управления, различных учреждений и организаций дореволюционной Чувашии, принимавших участие в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах русской армии 1813–1814 и 1815 гг.

Научная новизна и актуальность, высокий археографический уровень рецензируемой книги позволяют рекомендовать её научным работникам, архивистам, музейщикам и широкому кругу любителей отечественной истории. Без сомнения, она придаст новый импульс изучению эпохи Отечественной войны 1812 г. в региональном аспекте.

© Э.Е. Лебедев. Рец. на: **Durmuş Oğuzhan. Çuvaş-Mari Dil İlişkilerine Genel Bir Bakış I: Çuvaşçanın Mariceye Etkisi** // Türk Moğol Araştırmaları. Prof. Dr. Tüncer Gülensoy Armağanı. Ankara, 2012. — S. 153–168. (**Дурмуш Огузхан. Общий взгляд на чувашско-марийские языковые связи. I: Влияние чувашского языка на марийский язык** // Тюрко-монгольские исследования: к юбилею Т. Гюленсоя. — Анкара, 2012. — С. 153–168.

Статья Огузхана Дурмуша «Общий взгляд на чувашско-марийские языковые связи» вышла в сборнике, посвященном известному турецкому исследователю, монголисту и тюркологу, профессору Тунджеру Гюленсою, и является, по словам автора, первой из работ, где рассматривается тематика чувашско-марийских языковых взаимосвязей.

Структура статьи выстроена в соответствии с заявленной темой и содержит в себе введение, пять параграфов, где представлено собственно исследование, и заключение, включающее в себя основные выводы.

Во введении Огузхан Дурмуш, что вполне правомерно, рассматривает общую проблематику урало-алтайской языковой общности, которая, как известно, характеризуется некоторыми типологическими параллелями в грамматическом строе языков. Здесь приводятся ссылки на таких известных ученых, как М. Кастрен, Ф. Видеман и Д. Синор.

Упоминается здесь также новая теория кодов взаимодействия Ларса Юхансона (code interaction). Как известно, на современном этапе тюркологической науки генеалогическое родство даже алтайских языков подвергается серьезному сомнению, не говоря уже о родстве уральских и алтайских языков. Здесь, скорее всего, речь идет (и Дурмуш говорит об этом) о языковых взаимосвязях, которые продолжались на протяжении огромного временного отрезка в несколько тысячелетий.

Целью рецензируемой статьи автор называет описание основных черт языкового взаимодействия между марийским языком — представителем волжской группы финно-угорской языковой семьи и чувашским языком — единственным живым потомком волжскобулгарского языка, относящегося к семье тюркских языков. При этом следует иметь в виду, что понятие «взаимодействие языков» подразумевает охват всех языковых уровней — фонетику, лексический состав, морфологию и синтаксис. В процессе языковых контактов между двумя заявленными в статье языками доминантную роль, по мнению Дурмуша, играет чувашский язык.

Первый параграф рецензируемой работы посвящен классификации уральских языков и месту в данной классификации марийского языка. Говоря об урало-алтаистике в целом, автор подчеркивает, что развитие этого направления в Турции находится еще только в начале своего пути. Из серьезно исследуемых в турецких научных центрах и университетах уральских (или, точнее, финно-угорских) языков можно назвать лишь венгерский язык, преподаваемый в Анкаромском университете. Другими словами, всю группу уральских языков, в которую входят самодийские и финно-угорские языки, представляет только один — венгерский. И хотя изучение венгерского языка имеет огромное значение для развития урало-алтаистики, присутствие лишь одного уральского языка в программах университетского образования в Турции — это очень мало. Схема классификации уральских язы-

Эдуард Евгеньевич Лебедев — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: edlebed@gmail.com.

ков представлена О. Дурмушем на основании работ Б. Комри, Н. Гюнгормуша и П. Хайду.

В следующем параграфе статьи речь идет о языковых взаимосвязях уральских и тюркских языков. Автор отмечает такую особенность этих языков, как их распространение на огромной территории, что, естественно, оказывает свое влияние на наличие множества языковых контактов. Влияние же тюркских языков на уральские языки, по мнению О. Дурмуша, можно охарактеризовать как суперстратное. Существует множество работ, посвященных связям между тюркскими языками и венгерским языком. Кроме этого, изучались отношения тюркских языков с мордовскими, удмуртским и финским.

Темой третьего параграфа является языковой ареал Волго-Камья и Среднего Поволжья. Особенностью этого ареала можно считать то, что здесь в тесной взаимосвязи проживают народы – представители трех крупных языковых семей – славянской (русский язык), тюркской (тагарский, башкирский и чувашский языки), финно-угорской (марийский и мордовские, а также коми и удмуртский языки). Соответственно, между ними существовали и существуют активные контакты. При этом связи между русским и тюркскими и финно-угорскими языками на данной территории имеют не такую долгую историю, как контакты между собственно тюркскими и финно-угорскими языками.

В четвертом параграфе описываются краткая история и современное положение марийского народа и марийского языка. Даны сведения о расселении марийцев в границах Республики Марий Эл, а также в соседних республиках и областях, о двух основных диалектах марийского языка: горном и луговом. Первая грамматика марийского языка, который в то время еще носил название «черемисский язык», была напечатана в 1775 г. в Санкт-Петербурге. Наиболее плодотворным периодом в изучении двух основных литературных языков стал XX в., когда были в целом описаны все грамматические особенности горномарийского и лугового марийского языков. При этом литературный луговой марийский язык, по мнению Дурмуша, находится в доминантном положении по отношению к горномарийскому языку.

Следующий параграф посвящен собственно изучению чувашско-марийских языковых связей. Он делится на две части – в первой части речь идет об истории изучения этих взаимосвязей, а во второй части даны примеры из обоих языков, иллюстрирующие взаимосвязи на разных языковых уровнях.

При рассмотрении истории изучения тюркско-марийских языковых связей важно отметить тот факт, что на марийский язык оказывали воздействие прежде всего два тюркских языка – чувашский и татарский, причем эти языки по своей структуре относятся к двум разным группам тюркской языковой семьи. Татарский язык относится к группе кыпчакских языков, а чувашский – типичный и единственный представитель булгарской группы. Этот факт, конечно, имеет большое значение при определении влияния тюркских языков на марийский язык. Кроме этого, Дурмуш отмечает еще одну интересную особенность, которая заключается в том, что влияние чувашского языка по временной протяженности было гораздо более длительным, чем влияние татарского языка. Среди ученых, изучавших в разное время чувашско-марийские языковые контакты, автор статьи отмечает М. Рясенена, М.Р. Федотова, К. Адягаши, А. Хесельбака. К сожалению, О. Дурмуш не упоминает в своей статье работу Г. Лукоянова¹, где изучена марийская лексика, вошедшая в говоры верхового диалекта чувашского языка.

По мнению О. Дурмуша, если раньше при исследовании языковых контактов в научных трудах рассматривались прежде всего лексические заимствования, то в современной лингвистике языковые связи изучаются в комплексе, на всех языковых уровнях. Сюда входят и контакты на уровне фонетики, и лексические заимствования, и взаимовлияние морфологической и синтаксической

систем языков. В этом отношении как раз представляет интерес упомянутый труд Г. Лукоянова, так как во второй его части описываются основные фонетические правила усвоения марийских слов чувашами — даны переходы гласных и согласных звуков при заимствовании слов из марийского языка в чувашский язык. То есть затронуты не только лексические взаимодействия, но и фонетические соответствия двух языков.

В связи с этим можно вполне обоснованно говорить о влиянии чувашского языка на звуковую систему марийского языка. Автор статьи подтверждает этот тезис следующими примерами: наличие в западном диалекте марийского языка фонемы *ʃ*, которая отсутствует в других диалектах и, что вполне вероятно, является результатом влияния чувашского языка, наличие согласных фонем *f*, *t*, *h*, которые тоже характерны лишь для западного диалекта, а также, в соответствии с мнением Берецки, ударение, падающее на последний слог, где имеется некрайний гласный звук и др. Из морфологических особенностей марийского языка, которые имеют чувашское происхождение, Дурмуш выделяет наличие усилительной частицы *-ок*, частицы *да*, вопросительной частицы *-и*, образование неопределенных местоимений в горномарийском наречии при помощи морфемы *та-* и при помощи вспомогательного слова *кирек*, наличие отрицательной частицы *ни*, аффикса формы сравнительной степени *-рах* (который, впрочем, имеется и в татарском языке) и др.

В сфере словообразования также имеется ряд аффиксов, образующих имена из глаголов и комбинированные глагольные основы и заимствованных из чувашского языка, такие, как *-чӓк*, *-ем*, *-лӓх*, *-тар*, *-тат*, *-ар*, *-кала*, *-лан* и др. Аффикс *-сӓр*, который в марийском языке имеет отрицательное значение, без всякого сомнения, заимствован именно из чувашского языка, по той причине, что в других тюркских языках (включая татарский) этот аффикс имеет зетацированную форму *-сыз*. Морфологический элемент *-мала* (*-малы*), присутствующий в чувашском языке и в огузских языках, встречается в звениговском говоре марийского языка.

Чувашские заимствования имеются и в синтаксисе марийского языка. Так, к ним относится союз *те... те...* и некоторые послелогии и наречия, такие, как *пуӓне*, *вара*, *пӓрле* и др. Особое внимание автор статьи уделяет так называемым сложным глаголам, которые образуются сочетанием деепричастия со вспомогательным глаголом. Особенность марийского языка здесь состоит в том, что подобные конструкции в других финно-угорских языках отсутствуют (за исключением их небольшого количества в удмуртском языке, что тоже является заимствованием). Аналитические формы с акционсартовыми значениями, которые в большом количестве представлены в обоих языках, исследовались и ранее как в чувашском, так и в марийском языкознании². Имеется и наше исследование, в котором проводится сопоставление этих форм в двух языках. В нем в результате проведенных сопоставлений сделан вывод, что, несмотря на внешнее сходство механизма образования подобных форм, их внутренняя, семантическая составляющая в обоих языках достаточно сильно различается, что говорит об особом пути их развития в марийском языке по сравнению с чувашским и другими тюркскими языками³.

В заключение отметим, что рецензируемая статья О. Дурмуша представляет собой относительно подробное исследование влияния чувашского языка на марийский язык. Автор охватывает все уровни обоих языков и предлагает нашему вниманию общую картину заимствованных элементов из чувашского языка, опираясь на работы многих ученых. Исследования такого рода, несомненно, имеют свою актуальность в свете общего сопоставительного языкознания. Несмотря на небольшие недочеты, работа О. Дурмуша в целом выполнена на высоком научном уровне. Надеемся в скором времени увидеть продолжение начатого исследования в виде его второй части.

Литература

¹ См.: *Лукоянов Г.В.* Марийские заимствования в чувашском языке. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1974. 120 с.

² *Чхаидзе М.П.* Спаренные глаголы в марийском языке. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1960. 107 с.

³ *Лебедев Э.Е.* Сложновербальные аналитические формы с акционсартовыми значениями в чувашском и марийском языках // Труды Ин-та финно-угроведения. Вып. 5: Проблемы языков, литератур и фольклора народов Урало-Поволжья / Мар. гос. ун-т.; Ин-т финно-угроведения. Йошкар-Ола, 2008. С. 102–107. (Finno-Ugrical).

ЧГВ, 2014 г., № 9

© **Д.Г. Бугров, Л.А. Вязов.** Рец. на: **Мясников Н.С. Этнокультурные процессы в Чувашском Поволжье в I–VIII веках нашей эры в свете археологических данных** / Н.С. Мясников; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2013. – 72 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 13).

Рецензируемая работа являет собой текст доклада на научной сессии Чувашского государственного института гуманитарных наук по итогам работы за 2013 г. Общий ее объём 72 с., в том числе 34 с. собственно текста и 20 л. иллюстраций. Структурно текст состоит из введения, пяти разделов и заключения.

Исследование Н.С. Мясникова посвящено важной и малоизученной проблеме – динамике этнокультурных процессов на территории северной части Среднего Поволжья в I–VIII вв. н.э.

Рассматриваемый в работе период по праву считается важнейшим для изучения ранней истории и этногенеза народов Среднего Поволжья. Комплекс социально-экономических и политических процессов, происходивших в последние века до нашей эры и первые столетия нашей эры, вызвал к жизни своеобразное явление, известное как Великое переселение народов, перекроившее этнокультурную карту всей Евразии. Именно в результате этих событий, распространившихся на весь континент и продолжавшихся практически всё I тысячелетие н.э., происходит формирование этнических групп, впоследствии ставших основой современных народов. Археологические материалы эпохи Великого переселения отражают интенсивный и разносторонний процесс культурного взаимодействия, охвативший обширные территории. Очевидно, что изучение этнокультурной динамики I тысячелетия н.э. в общевразийском масштабе попросту невозможно без детального рассмотрения процессов, развивавшихся в отдельных регионах, и без тщательной их синхронизации с изменениями, происходившими в соседних областях. Несмотря на длительную историю изучения, территория Чувашского Поволжья по-прежнему остается во многом слабо исследованной, что делает работу, сделанную Н.С. Мясниковым, исключительно актуальной. Сам автор вполне справедливо определяет её как «попытку по-новому взглянуть на этнокультурные процессы в Чувашском Поволжье в I–VIII вв. н.э.» (с. 34–35).

Дмитрий Геннадьевич Бугров – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела первобытной археологии Института археологии Академии наук Республики Татарстан; e-mail: shikhan66@mail.ru.

Леонид Александрович Вязов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела первобытной археологии Института археологии Академии наук Республики Татарстан; e-mail: l.a.vyazov@gmail.com.

Во введении и первом разделе (с. 2–6) автор кратко характеризует степень изученности археологических памятников Чувашского Поволжья I–VIII вв. н.э., по достоинству оценивает заслуги и достижения предшественников, обозначает основные проблемы в исследовании исторических процессов, происходивших в регионе в рассматриваемый период, и свою точку зрения на эти проблемы. В следующих четырёх разделах он обосновывает своё мнение, детально анализируя материальную культуру населения Чувашского Поволжья первой половины – середины I тысячелетия н.э. Выделив четыре культурно-хронологические группы, Н.С. Мясников логически выстраивает схему развития культур и культурных типов населения Чувашского Поволжья в I тысячелетии н.э. (андреевско-писеральские, таутово-сендимиркинские и древнемордовские при периферийном участии на поздних этапах именьковского населения), достаточно аргументированно определяет хронологические позиции как отдельных комплексов и памятников, так и рассматриваемых культурных образований в целом и в итоге представляет непротиворечивую картину культурогенеза на территории современной Чувашии в изучаемый отрезок времени.

Как положительный момент следует отметить то, что проведённое автором на современном методическом уровне скрупулёзное исследование архивных и музейных коллекций 1950–1960-х гг. позволило извлечь значительный объём новых и полезных сведений о памятниках, информационный потенциал которых считался давно исчерпанным. Не менее важно оперативное включение в работу материалов новейших полевых исследований, проводившихся лично Н.С. Мясниковым либо при его участии. Именно новые материалы позволили автору выделить именьковскую составляющую в ряду культурных типов Чувашского Поволжья, а также подтвердить гипотезу В.В. Гришакова о наличии «переходного звена» между андреевско-писеральскими и древнемордовскими памятниками и с полным правом наименовать это «звено» по Сендимиркинскому могильнику, исследование которого Н.С. Мясников успешно осуществляет в последние два года.

Решение на практике поставленных в работе задач Н.С. Мясников осуществляет посредством анализа нескольких опорных памятников каждого из выделяемых им периодов. Для первых веков нашей эры за опорные памятники принимаются городища «Пичке Сăрчĕ», Конарское селище и ряд кладов (Тиханкинский, Янмурзинский). Они относятся Н.С. Мясниковым к андреевско-писеральскому кругу, а их возникновение связывается с процессом «расселения в регионе писеральско-андреевского населения» (с. 13). Вещеведческий анализ, проведенный автором доклада, не вызывает существенных возражений. Следует только отметить, что, говоря об андреевско-писеральском горизонте, Н.С. Мясников делает вывод о плотном заселении Чувашского Поволжья пришлым населением, основываясь на материалах единственного исследованного городища «Пичке Сăрчĕ». Данное утверждение выглядит несколько легковесным.

Следующий этап в культурогенезе Чувашского Поволжья автор доклада определяет в рамках II – начала III в. н.э., а ключевыми памятниками этого периода выступают Таутовский и Сендимиркинский могильники. Н.С. Мясников отмечает близость материалов этих могильников к древнемордовским памятникам селиксенского типа, однако усматривает и локальное своеобразие чувашских памятников, а также следы сарматского влияния (с. 20). А вот указание на связь появления лощеной посуды в Нижнем Посурье – типа лощеной или тщательно заглаженной миски из погребения 3 Таутовского могильника (рис. 6: 19) с распространением в Среднем Поволжье древностей позднезарубинецкого и киевского круга нуждается в более тщательной аргументации: если даже игнорировать определённое несоответствие морфологии таутовской миски позднезарубинецким и раннекиевским аналогам и почти полное отсутствие лощеной керамики в памятниках типа Сиделькино-Тимяшево, следовало бы учесть, что

наиболее ранние памятники этих групп (Инясево) датируются не ранее первой половины III в. н.э., а значит, в лучшем случае являются поздними современниками таутовских. Следовательно, можно говорить лишь о каких-то, возможно, общих истоках лощеной посуды Чувашского Поволжья и Прихопёрья.

Новый этап культурного развития Чувашского Поволжья начинается с середины III в. н.э. В качестве ключевых памятников этого времени названы городище Ножа-Вар и Ивановский могильник (с. 21). Основной слой городища Ножа-Вар автор датирует второй половиной III–V в. н.э. и связывает с древнемордовской культурой (с. 22). При этом он отмечает наличие на городище Ножа-Вар и более раннего слоя, датирующегося I–III вв. н.э., но из текста остается неясным, связан ли этот ранний комплекс также с древнемордовской культурой или относится к предшествующим культурам (и каким). Из приведенной характеристики керамического комплекса (с. 22) следует, что культурный облик населения региона заметно изменился в III в. н.э.

Представляется сомнительной позиция автора относительно источников появления в регионе вещей круга восточноевропейских выемчатых эмалей. Находка бронзовой литой подвески-лунницы с эмалью на городище Ножа-Вар связывается Н.С. Мясниковым с позднезарубинецкими и раннекиевскими древностями Среднего Поволжья, к которым, по его мнению, относятся памятники типа Шапкино-Инясево и Сиделькино-Тимяшево (с. 22). Между тем находки эмалевых предметов на сопредельных с Чувашским Поволжьем территориях известны в комплексах рязано-окских, древнемордовских, азелинских и мазунинских могильников, большинство из которых не имеет прямых связей с памятниками типа Шапкино-Инясево и Сиделькино-Тимяшево. Представляется, что появление вещей круга эмалей в Среднем Поволжье может быть связано не с формированием этих древностей, а с совершенно другими культурными процессами. Сама лунница из Ножа-Вара по морфологии («барочный стиль») может быть отнесена к поздней фазе развитого этапа восточноевропейских эмалей, а значит, датируется, скорее, серединой III в. н.э., не захватывая II в. н.э. (ср. с. 22).

Вторым памятником, характеризующим древнемордовскую культуру, по мнению Н.С. Мясникова, является Ивановский могильник. Несмотря на удручающее состояние коллекции, автор доклада постарался извлечь максимальную информацию из материалов раскопок этого памятника. Не вызывает серьезных возражений проведенная Н.С. Мясниковым хронологическая интерпретация древностей (с. 28–29), так же как и предложенные аналогии височным подвескам с грузиком в древнемордовской культуре (с. 29). Что же касается попытки проследить культурные связи иваньковского населения по керамическим материалам (с. 30), то состояние источников вряд ли дает такую возможность.

Отдельный раздел доклада Н.С. Мясникова посвящен группе поселений второй и третьей четвертей I тыс. н.э. в Посурье (с. 31–33). На основании анализа материалов из фондов региональных музеев и серии разведочных работ на юго-западе Чувашии автор доклада убедительно обосновывает отнесение этих памятников к именьковской культуре и, следуя устоявшейся историографической традиции, интерпретирует именьковские древности как оставленные населением, имеющим предположительно славянскую этническую принадлежность.

В качестве пожеланий к дальнейшим исследованиям хотелось бы отметить следующее.

Анализ керамического материала Н.С. Мясников строит на классификации В.В. Гришакова. Признавая тщательную разработанность этой классификации, стоит отметить, что она остается довольно узкоспециализированной, региональной. Эта схема попросту «не работает» при попытке сопоставления местных материалов с керамикой синхронных культур соседних регионов. Отдельной проблемой является соотнесение погребальной и поселенческой керами-

ки. Представляется, что для продуктивного выявления культурных взаимодействий следует обратиться и к другим классификационным схемам. В качестве одной из них, особенно эффективной при анализе фрагментированного керамического материала, можно назвать классификацию А.М. Обломского.

Не совсем корректным для научного доклада представляется использование беллетризованных названий разделов — имеется в виду использование терминов «военный выплеск» применительно к андреевско-писеральским памятникам (с. 6) и «ранние славяне» в отношении именьковской культуры (с. 31). И то, и другое словосочетания в данном контексте могут рассматриваться не иначе как весьма умозрительные и практически недоказуемые гипотезы С.Э. Зубова (в первом случае) и, по-видимому, М.И. Жиха (во втором), и вынесение их в заголовки раздела, скорее, вредит имиджу добросовестного исследования Н.С. Мясникова. Кроме того, само содержание термина «военный выплеск» расшифровывается в работе только в заключительной части (с. 35).

Целый ряд вопросов возникает при попытке автора реконструировать именно этнокультурные процессы. Как известно, при отсутствии письменных источников возможности археологической науки в прослеживании этнических процессов весьма ограничены. В ситуации же, когда хорошо исследованные памятники единичны, постановка вопроса об этнических реконструкциях представляется несколько преждевременной.

Из технических недочетов работы наиболее досадным представляется отсутствие списка использованных источников и литературы, а также использование затекстовых ссылок и примечаний, не применяемых в отечественной и зарубежной археологической литературе с 1940–1950-х гг. и крайне неудобных в использовании.

Впрочем, имеющиеся недостатки могут быть легко устранены при дальнейшей работе. Они ни в малейшей степени не влияют на качество представленной работы, которая является оригинальным самостоятельным исследованием, вносящим заметный вклад в изучение этнокультурной ситуации I тысячелетия н.э. в Среднем Поволжье и Восточной Европе в целом. Доклад характеризует Н.С. Мясникова как состоявшегося, вдумчивого и хорошо подготовленного исследователя. Намеченные автором направления дальнейших исследований можно только приветствовать.

ЧГВ, 2014 г., № 9

© **В.П. Иванов.** Рец. на: **Бойко И.И., Харитонов В.Г. Общегражданская и этническая идентичности населения Чувашии** / И.И. Бойко, В.Г. Харитонов; науч. ред. Г.А. Николаев. — Чебоксары, 2013. — 44 с. — (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 14).

В 1970–1980-х гг. одним из ведущих теоретиков по проблемам этнографической науки почитался директор Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Макля АН СССР академик Ю.В. Бромлей. В 1978–1981 гг. я учился в очной аспирантуре этого института, и мне посчастливилось послушать несколько лекций академика, которые он читал для студентов и аспирантов. Я тогда ни разу не услышал из его уст понятие «идентичность», очень распространенное сегодня. Поразительно, но факт: в самых известных программных монографиях Ю.В. Бромлея «Современные проблемы этнографии»

Виталий Петрович Иванов — доктор исторических наук, главный научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: vitali.etno@mail.ru.

(М., 1981) и «Очерки теории этноса» (М., 1983) это понятие не упоминается ни разу, кроме одного случая, и то в цитируемом высказывании двух зарубежных авторов¹. (Кстати, в указанных монографиях академика не употребляется также и такое расхожее сегодня понятие, как «этническая психология».) В той или иной мере все аспекты проблематики «этнической идентичности» и «этнической самоидентификации» Ю.В. Бромлеем обсуждаются с помощью универсальных для него понятий «этничность», «этническое (национальное) самосознание».

В коллективной монографии «Чуваши: современные этнокультурные процессы» (М.: Наука, 1988), подготовленной на материалах массового статистико-этнографического исследования 1981–1982 гг., понятие «этническая идентичность» опять-таки оказалось совершенно незадействованным. Как я полагаю, в советский период особого интереса к вопросу, как люди сами себя идентифицируют в этническом плане, не было: как зафиксирована в паспорте национальность, так она и должна быть – записан «чувашином», так, значит, чувашом и остаешься. Как говорится, нечего там копать в самосознании в поисках тонких психологических нюансов своей этнической идентичности. В доперестроечный и особенно перестроечный периоды исследователей этнического/национального в большей мере волновали проблема межнациональных отношений в распадающемся Советском Союзе, природа конфликтов между народами и людьми разных национальностей. В постсоветское время с межнациональными отношениями будто бы стало в общем и целом ясно и понятно: какие они есть, такие и есть, главное – не допустить их обострения. В связи со стремительным втягиванием России в глобализационные процессы, интенсификацией межэтнических контактов, с тем, что стало ненужным фиксировать в паспортах национальную принадлежность россиянина, в условиях широко развернувшихся ассимиляционных процессов наука углубилась в область психологии. Стало интересно и актуально выяснение того, как сами этнофоры позиционируют себя в полиэтничном пространстве многонациональных селений, городов и регионов. Одним словом, исследовательские акценты явно сместились, и сегодня динамично меняющаяся действительность подталкивает ученых обращать внимание на необходимость выяснения механизма воспроизводства и трансляции не только этнической идентичности, но и общегражданской и региональной. В результате сравнительного анализа данных переписей 1989, 2002 и 2010 гг. только по чувашскому этносу Российской Федерации у исследователей, что называется, «глаза на лоб полезли», ибо если в период 1989–2002 гг. численность чувашей ежегодно уменьшалась (главным образом по причине смены этнической идентичности) на 10 тыс. чел., то за 2002–2010 гг. – уже на 25 тыс. чел. Почему это происходит? В этом и заключена актуальность изучения самоидентификационных процессов у целого ряда народов страны.

В рецензируемом докладе И.И. Бойко и В.Г. Харитоновой рассматриваются в одной организационной связке три «ипостаси» идентичности: 1) общегражданская, 2) региональная и 3) этническая. Причем последняя, в отличие от первой и второй, сформулирована паллиативно: «этничность, этническая идентичность» (с. 6). Тем самым авторы как бы подчеркнули, что понятие «этническая идентичность» – явление весьма сложное, комплексное и что его содержание не уместается в формальный смысл самого понятия.

Цель моих кратких заметок – обратить внимание не только на выход в свет интересной во всех отношениях научной работы, но и на её проблематику. Вряд ли есть необходимость представлять авторов. Имена И.И. Бойко и В.Г. Харитоновой хорошо известны, они много лет являются ведущими специалистами по ведению этнологического мониторинга в республике. Тот социологический материал, который набран ими с 2006 г., позволяет уверенно анализировать современную ситуацию, сложившуюся в Чувашии в сфере межнациональных отношений.

По объему работа И.И. Бойко и В.Г. Харитоновой сравнительно небольшая, но она имеет весьма насыщенное содержание. Структурно доклад выстроен логично, с учетом заявленной темы, состоит из «Введения» и трех разделов. В первом разделе разбирается вопрос об общероссийской (общегражданской) и региональной идентичностях, во втором — освещается проблематика этнической идентичности и межкультурного диалога, в третьем — отдельно рассматривается роль и значение языковой ориентации как одного из важнейших признаков этнической идентичности.

Во «Введении» авторы обосновывают актуальность идентификационных процессов и их сложность. И надо с ними согласиться, что проблема идентичностей активно изучается сегодня, в том числе и по причине их быстрой динамики, интеграции и разделения (с. 4). В центре внимания авторов — исследование не только состояния, но и особенностей взаимосвязи общегражданской, региональной и этнической идентичностей населения Чувашии в пределах конца 1990-х — первого десятилетия 2000-х гг.

Авторы справедливо отмечают, что по теме их работы как по России в целом, так и по ряду регионов в последнее десятилетие появились интересные публикации. В докладе перечислен целый ряд исследователей, которые своими трудами существенно расширили представления о разнообразии форм этнической идентичности.

Авторы доклада дают на размышление две исследовательские установки: о необходимости создания общероссийской идентичности и о соотношении её с идентичностью этнической (с. 7). И при этом, как следствие, делают попытку разобраться в вопросе содержания понятия «российское общегражданское единство» («общегражданская идентичность»). Сделать это, конечно, очень сложно, так как в такой многонациональной стране, как Россия, где проживает компактно, причем на своих этноисторических территориях, множество этносов, имеющих порой различия по происхождению и невероятно уникальные культурные и языковые особенности, иерархия идентичностей в каждом конкретном случае не может не иметь своей специфики. Неудивительно (и на это совершенно правильно указывают авторы доклада), что даже у руководителей страны размышления относительно того, какая идентичность первична, а какая вторична или третична, сводятся в конечном итоге к тому, что «каждый гражданин любого государства должен прежде всего ощущать себя частью большой страны, и уже во вторую очередь — представителем того или иного этноса» (Д.А. Медведев), что «любой человек, живущий в нашей стране... должен прежде всего быть гражданином России» (В.В. Путин).

Мне показалось, что авторы доклада в целом критично относятся к такому категоричному иерархированию идентичностей, им импонирует более адекватная реальности точка зрения В.А. Тишкова, убежденного в том, что отдельная личность может иметь согласованные этническую и гражданско-политическую идентичности (с. 6). Собственно говоря, именно эта идея и проходит красной нитью через весь доклад, хотя в ходе анализа своих материалов авторы так или иначе придерживаются контуров этой самой иерархии идентичностей. Впрочем, думается, что это, скорее, исследовательский прием и проявление стремления авторов все разложить «по полочкам», а потом свести это во что-то целое с уклоном все-таки в доминантность российской общегражданской идентичности.

Вопросов, конечно, возникает много, ибо не все можно рассматривать в однозначном смысле. Итак, как мне представляется, методологически не совсем корректно сравнивать проявления общероссийской, региональной и этнической идентичностей чувашей и русских, ибо изначально (априори) ясно, что результаты будут явно различаться. Чуваши и русские — народы разные как по происхождению и языку, так и по этносоциальной истории и традиционной культуре, наконец, даже по «весовой» (демографической) категории. Русские

веками ощущают себя государствообразующим этносом России, для них «родина» — вся страна. Чуваши же подсознательно чувствуют себя только как одну из множества частей общероссийской общности. Поэтому уже в самом опыте сопоставительно-сравнительного анализа идентификационных трендов чувашей и русских заложено различие в иерархии идентичностей. Мне уже приходилось писать, что «родина» для чуваша — это родное селение, ближний окрестный край (*тăван тавралăх*), с советского времени — Чувашская Республика. А за их пределами — уже чужбина (*ют çĕр*)². Впрочем, выводы авторов доклада не диссонируют с отмеченным: «данные подтверждают, что у чувашей более, чем у русских, заметна ориентация на поселенческую и региональную идентичность. Если же говорить о ее общероссийском уровне, то здесь наблюдается некоторое преобладание подобного выбора среди русских» (с. 12).

В итоге исследователи приходят к заключению, что если у русских на первом месте общероссийская идентичность, то у чувашей практически одинаковые значения имеют и общероссийская, и региональная, и интегральная идентичности (с. 16), при этом «чуваша в большей степени, чем русские, настроены на свою национальность» (с. 15). Также не выглядит совсем неожиданным тот факт, что у горожан обеих национальностей иерархия идентичностей сильно не отличается, как это наблюдается у городских и сельских чувашей. Казалось бы, выводы риторические, но здесь важно другое, а именно то, что И.И. Бойко и В.Г. Харитоновна сделали попытку научно подтвердить их, привлекая, анализируя и согласовывая массовые данные.

На первый взгляд, вроде бы и можно согласиться с авторами в том, что в ходе проведения современных переписей желательно бы фиксировать факт наличия у человека сложной этнической идентичности (с. 24–25), но тут возникает вопрос: если перепись проводится государством с целью узнать в том числе и о том, сколько же в действительности насчитывается чувашей (татар, русских и т.д.) именно “природного” происхождения, то с переходом на фиксацию сложных форм этнической идентичности мы получим искаженные данные и не будем знать реальный расклад национального состава населения страны. Вслед за В.А. Тишковым, которого, кстати, авторы доклада обильно цитируют, они позиционируют себя как сторонники фиксации множественной идентичности (двойной национальности), при этом, конечно же, выражают солидарность с теми, кто считает методы статистических органов и паспортных столов, фиксирующих только один вариант национальной принадлежности, не соответствующими новым реальностям. Тут я должен поспорить. Все-таки авторы (как и весьма известные ученые, на которых они ссылаются) не должны забывать, что у государственной статистики своя задача и она не обязана заниматься выявлением предпочтений в вопросах этнической идентичности. Это предмет интереса научных, социологических исследований. Так что было бы ошибкой одно путать с другим.

В докладе осуществлен достаточно подробный анализ итогов переписи 2010 г. в аспекте проблематики этнической самоидентификации титульного этноса Чувашии (раздел II). Надо с удовлетворением отметить, что вопрос рассматривается в динамике, сопоставляются полученные данные, по крайней мере, с материалами переписи 2002 г. Главный вывод авторов не вызывает сомнений, ибо он, в принципе, лежит на поверхности: «продолжается отмеченная ранее тенденция отхода от этнической самоидентификации “по крови”, от тесной связи с национальной принадлежностью родителей даже в этнически однородных семьях... В городской сфере, в условиях тесных межэтнических контактов, отмечено стремление молодежи идентифицировать себя русскими» (с. 24). В условиях православной Чувашии многие, в том числе и попадающие в социологические выборки, из тех, кто категоризируется как представитель титульной национальности, на самом деле уже живут и участвуют как минимум в двух культу-

рах, если они не ближе к русской культуре и русскому языку. Это реальность, и она, надо отметить, получила отражение в докладе.

В работе отмечается, что в период подготовки к переписи 2010 г. и в ходе ее проведения наблюдалась определенная мобилизация этничности у основных национальностей республики (чувашей, татар, мордвы), органы власти в этом вопросе также проявили активность. Впрочем, как бы то ни было, перепись 2010 г. зафиксировала в Чувашии незначительные изменения, относящиеся к численности и этническому составу населения. Если и происходило снижение численности, то оно было связано с естественной и миграционной убылью (с. 20–21).

Очень интересны приведенные в докладе факты и зарисовки об особенностях этнической самоидентификации людей в ходе переписи в разрезе сельского и городского населения, молодежи, старшего и среднего поколений, членов национально смешанных семей. Особенно любопытны описания «мучений» переписываемых людей в вопросе этноязыковых предпочтений (с. 29–33). Все это придает докладу живой характер, существенно дополняет сухие цифровые данные. Следует иметь в виду, что русский язык большинством нерусского населения России воспринимается зачастую просто как средство общения, так же, например, как во всем мире люди самых разных национальностей совершенно без всякой этнической предубежденности пользуются английским языком. Этот фактор следует учитывать. И вряд ли корректно в том, что немалая часть респондентов в ходе переписей и социологических обследований русскому языку отдает предпочтение, видеть только результат смены идентичности. Вообще-то данный аспект вопроса требует дополнительного изучения.

Состояние «этничности» у каждого человека индивидуально, ибо человек даже неосознанно стремится в любом вопросе самоопределиться, иначе постоянно будет испытывать психологический дискомфорт. Вышедший из сельской глубинки среднестатистический чуваш, оказавшись в городе, а тем более за пределами Чувашии, может полагать, что для того, чтобы сойти за русского в иноэтнической среде, достаточно иметь европейскую внешность и русскую фамилию. В реальности, конечно же, все гораздо сложнее. Ибо, как пишет В.А. Тишков, среди русских существует масса вариантов, что для отдельных лиц означает быть русским: для одних — это язык и высокая культура, для других — православная религия и традиция соборности, для третьих — любовь к ландшафту и русской зиме, для четвертых — загадочная коллективная душа и особая миссия, для пятых — держава и историческое величие, наконец, надо, может быть, просто иметь «русскую физиономию» и фамилию, оканчивающуюся на «ов»³.

В условиях Чувашии, в отличие, к примеру, от Башкортостана, Якутии, Бурятии, Дагестана и ряда других республик, между чувашами и русскими, ввиду отсутствия резко выраженных фенотипических, визуальных различий, межгрупповая культурная дистанция не столь значима. Поэтому для чувашей, характеризующихся смешанным монголоидно-европеоидным и преобладающим европеоидным физическим типом и в абсолютном большинстве имеющих фамилию и имя русского типа, в русскоязычной городской среде не возникает коллизий в процессе ситуативной этнической самоидентификации. Наблюдения показывают, что многие из них просто-напросто всем своим языковым поведением и нередко даже нарочитым игнорированием своей национальной принадлежности декларируют новому окружению, что они не чуваша, а «скорее русские».

Нельзя не отметить, что, обсуждая языковые аспекты идентичности, авторы доклада не замкнулись границами только Чувашии, а сделали (хотя это от них и не требовалось) краткий сравнительный обзор состояния этноязыковых предпочтений чувашей ряда крупных регионов страны.

И вот еще о чем хотел бы сказать. Как уже отмечено, в докладе заслуженно большое внимание уделено осмыслению итогов переписной компании 2010 г. Однако один из аспектов самой технологии переписи, напрямую касающихся

показателей этнической самоидентификации людей разных национальностей, все-таки остался вне внимания. Речь идет о тех лицах, в переписных листах которых не была указана национальная принадлежность. Подводя первые итоги переписи 2010 г., некоторые авторы склонны были в этом увидеть проявление отказа самого человека от отождествления себя с этнической группой⁴ (в целом по стране между переписями 2002 и 2010 гг. количество таких лиц увеличилось вчетверо⁵). К сведению: по Чувашской Республике численность лиц, в переписных листах которых не была указана национальная принадлежность, составила 48 069 чел. (причем отдельной строкой указано, что из них 2 114 чел. «отказались отвечать на вопрос о национальной принадлежности»). Много это или мало? В масштабе республики это весьма значительно, ибо речь идет о количестве, составляющем примерно население города Канаша (там проживает 45,6 тыс. чел.). В целом же, в переписных листах в 2010 г. не была указана национальная принадлежность 4 % населения республики. Этот показатель, что интересно, соответствует общероссийскому, который равняется 3,94 %⁶. Так вот, в действительности, как указывают В.В. Степанов и В.А. Тишков, в рассматриваемом случае «при проведении переписи населения произошла драматическая ошибка, заложенная поправками к закону о переписи населения, которые были приняты незадолго до проведения переписи. Чтобы облегчить работу переписчиков, удешевить проведение опроса... подправленный закон в этот раз официально позволял получать данные не только в результате прямого опроса, но и с использованием данных из административных источников. Эта поправка снизила стремление организаторов переписи “дойти до каждого”, произвести предварительные и контрольные обходы населения, что всегда делалось в предыдущие переписи (хотя по данным паспортных столов негласно кое-кого из труднодоступных жителей и переписывали)»⁷. Я не поленился и посчитал результат этой «драматической ошибки» по Чувашии. Так вот лицами с неуказанной национальностью в абсолютном большинстве — 90 % — оказались горожане. Удельный вес таких лиц по отношению к переписанному населению в городах был зафиксирован на разной отметке: в Новочебоксарске — 7 %, в Чебоксарах — 6,3 %, в Канаше — 4,4 %, в Алатыре — 4,1 %, в Ядрине — 3,4 %, в Мариинском Посаде — 2,5 %, в Козловке — 0,4 %, в Цивильске — 0,2 %. В сельских районах оказались не охваченными переписью «в прямом контакте» от 0,24 до 1,8 % населения (самые высокие показатели в Алатырском и Шумерлинском районах — 1,8 %, самые низкие — от 0,24 до 0,3 % — в Аликовском, Батыревском, Канашском, Комсомольском, Козловском, Цивильском, Яльчикском, Красноармейском и Шемуршинском районах).

Если все отмеченное свидетельствует о влиянии (скорее, о бездействии, нежелании чиновников заниматься, как положено, с порученным делом) административного фактора, то оно, в общем-то, понятно. Интерес же вызывает число лиц, отказавшихся (в том числе) отвечать на вопрос о национальной принадлежности. Что удивительно, их число по республике совсем незначительно — всего 2 114 чел., причем 1 934 из них (91,5 %) — горожане. Основную массу (92,5 %) их составляют чебоксарцы (1 192 чел.), канашцы (311 чел.) и новочебоксарцы (287 чел.). В сельской местности «отказниками» оказались всего 173 чел., причем в 17 из 21 района их число составляло не более чем 6–8 чел. А сравнительно высокие показатели были отмечены лишь в Канашском (51 чел.), Красночетайском (29 чел.), Чебоксарском (17 чел.) и Ядринском (16 чел.) районах.

Таким образом, вывод напрашивается сам собой: этническая идентичность имеет стойкую природу. Но в то же время в условиях глобализации, как и во все века, она подвержена размыванию, больше всего в полиэтнических городах. В моноэтнической среде (в сельской местности), по крайней мере, на уровне исторической памяти все ещё продолжают сравнительно стойко сохраняться (и культивироваться) представления о родном крае и общих предках.

Таковы некоторые общие размышления, навеянные выводами, к которым пришли авторы доклада. Я намеренно не касался здесь частных, ряд которых следует отнести и к его недостаткам, потому что оценка работ такого характера должна определяться не фактическими недочетами, а проблемностью обсуждаемой темы. Так, некоторые положения доклада остались нераскрытыми, неразвитыми. Например: «Характерный для Чувашии заметный рост показателей общероссийской идентичности позволяет активизировать ряд направлений социокультурного развития республики». По крайней мере, я не понял, что этим хотят сказать авторы. И ещё. По нашему мнению, в современном городе – в нашем случае в Чебоксарах и Новочебоксарске – переселившиеся из сельской местности молодые люди постоянно оказываются в ситуации так называемой вынужденной этнической идентичности. Этот аспект в докладе не затронут, но актуален и требует изучения.

В целом, заслугой авторов доклада стали не только важные с научной точки зрения выводы, но и то, что им удалось продемонстрировать образец достаточно объективного, независимого от сиюминутных политических задач анализа современного состояния, взаимосвязи и динамики общегражданской, региональной и этнической идентичностей населения Чувашской Республики.

Литература и примечания

¹ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 17.

² См.: Иванов В.П. О некоторых аспектах историко-культурной обусловленности этнической психологии чувашей // Культурные традиции в условиях трансформации общества : Материалы научно-практической конференции, посвященной 130-летию со дня рождения Н.В. Никольского. Чебоксары, 2011. С. 50.

³ См.: Ресурсы мобилизованной этничности. М., 1997. С. 94.

⁴ Напр.: Шабаетов Ю. Перепись-2010 как индикатор культурных процессов среди финно-угров РФ // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 году: Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М.: ИЭА РАН, 2012. С. 39.

⁵ См.: Вот какие мы – россияне // Российская газета. 2011. 22 декабря.

⁶ Подсчитано автором.

⁷ Степанов В., Тишков В. Первые итоги переписи-2010 об этническом составе населения России // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 году: Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М.: ИЭА РАН, 2012. С. 32–33.

ЧГВ, 2014 г., № 9

© Б. Байрам. Рец. на: Лебедев Э.Е. **Строй чувашского языка: проблемы, задачи и методы изучения** / Э.Е. Лебедев; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2013. – 36 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 15).

Доклад Э.Е. Лебедева представляет собой научное исследование проблем и задач, имеющихся в чувашском языкознании. Во время их анализа автор опирается на наиболее известные работы чувашских лингвистов. В исследовании имеются ссылки на труды Н.И. Ашмарина, В.Г. Егорова, И.П. Павлова, В.И. Котлеева, И.А. Андреева, Л.П. Сергеева, В.И. Сергеева и др.

Бюлент Байрам – доктор филологических наук, доцент кафедры современных тюркских языков и литератур Университета Кыркларели (Турция); e-mail: bulentbayram01@hotmail.com.

Доклад состоит из двух частей и нескольких глав. В первой части каждая глава посвящена отдельной подсистеме чувашского языка, которых, по мнению автора, четыре: фонетическая, морфологическая, лексическая и синтаксическая. Деление системы языка на эти уровни отражает реальное положение. Единицы фонетической подсистемы являются наиболее минимальными, затем следуют морфемы, слова, словосочетания и предложения. В таком же порядке располагаются и главы.

В своем докладе Э.Е. Лебедев ставит вопрос о введении в научный оборот термина «строй чувашского языка». Мы согласны с тем, что данный термин лучше, чем термин «грамматика», отражает природу языка. Термин «грамматика» используется только для морфологии и синтаксиса, так сложилось в традиции лингвистики. Фонетика и лексика в этом случае как подразделы языка существуют отдельно. А термин «строй языка» объединяет все четыре подсистемы. Также докладчик показывает, что все эти подсистемы взаимосвязаны. Так, слоги являются переходным элементом от фонетики к морфологии, аналитические конструкции – переходный этап от морфологии к синтаксису или лексике, словообразовательные морфемы – от морфологии к лексике.

У нас есть небольшие замечания по главе «Фонетическая подсистема». Мы считаем, что для наглядности автору желательно было бы привести примеры из работ не только российских, но и зарубежных авторов. Например, таких европейских ученых, как Й. Бенцинг, А. Рона-Таш, или турецких исследователей чувашского языка – Э. Джейлан, Т. Текина, Ф. Эрсоя и др.

Присоединяемся к мнению Э.Е. Лебедева, что термин «части речи» не является удачным, так как он противоречит разделению «язык» и «речь». Может быть, более удачен термин «виды слов» (*kelime türleri*), который используется в турецком языкознании, например у Ф. Эрсоя, или термин «классы слов» (*kelime sınıfları*), встречающийся у З. Коркмаз.

Существуют некоторые различия в составе, так называемых частей речи в чувашском и турецком языках. Например, у З. Коркмаз числительные не выделяются в качестве отдельной части речи, а входят в состав прилагательных. Кроме этого, в качестве указательных прилагательных (*işaret sıfatları*) она приводит слова *bu, şu, o*, аналоги которых в чувашском языке считаются указательными местоимениями. То есть в этом направлении еще необходимо работать, для того чтобы установить окончательный состав частей речи в чувашском и других тюркских языках. Э.Е. Лебедев правильно поднимает подобные вопросы.

Окончательной ясности еще нет, по нашему мнению, и в вопросе падежей. Чувашский ученый Л.П. Сергеев в своих работах ставит вопрос, чтобы признать падежными формы на *-алла / -елле, -лӑ / -лӛ, -ччен, -серен* и др. Автор настоящего доклада объясняет, почему не были эти формы отнесены к падежным. По его мнению, причина в том, что они не могут употребляться со всеми существительными. А этот признак всегда считался обязательным для падежных форм. Э.Е. Лебедев ставит этот признак под сомнение, говоря о том, что он взят из грамматик индоевропейских языков. Для чувашского языка, который относится к совершенно другой типологической группе, этот признак не является обязательным. Мы в этом вопросе тоже занимаем сторону Э.Е. Лебедева.

С другой стороны, в чувашском языке в качестве одного из падежей признан лишительный падеж (*суклӑх падежӗ*) с формой на *-сӑр / -сӛр*. Он соответствует турецкой форме на *-siz / -siz / -suz / -süz*, которая никогда не считалась здесь падежной. Так же, как и ее антоним, – форма на *-lı / -li / -lu / -lü*. А ведь в чувашском языке тоже есть аналогичный по значению аффикс *-лӑ / -лӛ*, но его почему-то в разряд падежных не включили. Налицо непоследовательность. Поэтому мы считаем, что вопрос о составе категории падежа (и других категорий) Э.Е. Лебедевым поднят правильно.

Во второй части доклада рассматриваются общие методы, которые применялись в чувашском языкознании. Автор выделяет четыре основных метода. Правда, два из них – сопоставительный и функционально-семантический – использованы в небольшом количестве работ (у Н.А. Резюкова и В.А. Андреева). По большому счету, настоящий доклад – это первое исследование применения общих лингвистических методов в чувашском языкознании. Конечно, нельзя ожидать, что в одном докладе будут решены и рассмотрены все вопросы по методологии, но уже хорошо, что есть первый пробный камень. Отталкиваясь от него, можно будет продолжать работу в этом направлении.

Классификацию методов Э.Е. Лебедев привел, по нашему мнению, правильно. Мы не совсем согласны с тем, что формально-описательный метод преобладает в работах по чувашскому языку другие методы. По крайней мере, если учитывать работы европейских и турецких авторов, то не меньшее место в них занимает сравнительно-исторический метод. Кроме того, теоретический уровень многих работ таких авторов, как Н.И. Ашмарин, В.Г. Егоров, И.А. Андреев, И.П. Павлов, В.И. Сергеев и др., достаточно высокий. Они явно поднялись над простым описанием фактов, у них имеется много и теоретических обобщений. Об этом в докладе, с кратким перечислением некоторых работ, говорится в параграфе «Использование общих теоретических методов исследования в трудах чувашских лингвистов». Конечно, рамки доклада не позволяют рассказать более подробно об этом. Честно говоря, нужно провести отдельное большое исследование в отношении методов, применявшихся в работах этих ученых.

Метод сопоставления чувашского и турецкого языков используется в работах некоторых турецких ученых, например Ф. Эрсоя, Н. Юдже, О. Дурмуша и др. Автор доклада прав, что этот метод является актуальным для языков родственной группы, таких, как турецкий и чувашский.

В последнем параграфе второй части доклада автор пишет о структурном и генеративном методах, которые приобрели популярность в последнее время у тюркологов, но до сих пор не применялись в чувашском языкознании. В докладе даны лишь общие сведения об этих методах, говорится, что они могли бы использоваться в компьютерной лингвистике.

Выводы, которые даны автором в заключении, полностью отражают содержание доклада. Настоящий доклад отвечает всем требованиям в отношении работ такого плана.

ЧГВ, 2014 г., № 9

© М.Э. Дубровина. Рец. на: Лебедев Э.Е. **Строй чувашского языка: проблемы, задачи и методы изучения** / Э.Е. Лебедев; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2013. – 36 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 15).

В рецензируемом докладе Э.Е. Лебедева затронут важный вопрос о взаимодействии различных языковых уровней. Автор справедливо делит систему чувашского языка на четыре основные подсистемы: фонетическую, морфологическую, лексическую и синтаксическую, объединяя их под общим названием «строй чувашского языка». Учитывая тот факт, что это понятие до настоящего времени не использовалось в трудах по чувашскому языкознанию, можно сделать вывод о новаторском характере данного исследования. Отрадно отметить также и обращение Э.Е. Лебедева к вопросу о методике исследования чувашского языка, который рассмотрен им во второй части доклада.

Маргарита Эмильевна Д у б р о в и н а – кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии восточного факультета СПбГУ; e-mail: maggydu@rambler.ru.

В работе определены одна общая и несколько частных проблем, которые стоят перед исследователями строя чувашского языка. Общая проблема, по мнению автора, заключена в исследовательском подходе, который должен быть направлен на изучение своеобразия тюркского по своей сути языкового строя. Мы согласны с утверждением автора о том, что в процессе этого изучения должны быть критически рассмотрены и изменены некоторые постулаты (а также часть терминологического аппарата), пришедшие в тюркологию из индоевропеистики.

Первая часть доклада, посвященная проблемам и задачам в изучении строя чувашского языка, состоит из четырех глав. В каждой из этих глав рассмотрено по одной из четырёх подсистем, составляющих общую систему чувашского языка. Э.Е. Лебедев логично начинает рассмотрение частных проблем и задач с подсистемы минимальных строевых элементов языка — звуков (или фонем). Справедливо поставлен вопрос об установлении точного количества и состава фонем в чувашском языке на базе аргументированных критериев.

По мнению автора, одной из насущных проблем в современном чувашском языкознании является определение правил сочетаний аффиксов с корнями слов иноязычного происхождения. В наш век компьютеризации подобные вопросы возникают при создании морфологических анализаторов и машинных переводчиков. Действительно, невозможно оспаривать актуальность этой проблемы.

Следующий раздел первой части доклада посвящен морфологической подсистеме языка. Автор, на наш взгляд, вполне оправданно начинает с разделения существующих морфологических показателей в соответствии с их функционально-семантической природой на две группы: словообразовательные и словоизменительные. При этом словообразовательные морфемы, сочетаясь с основами слов, преобразуют, прежде всего, их лексическое значение. При присоединении же словоизменительных морфем не образуется новой лексической единицы, то есть единицы с новым лексическим значением. Вопрос о том, какие формы в тюркских языках являются словообразовательными, а какие — словоизменительными, к сожалению, пока окончательно не решен. Прежде всего это касается таких категорий, как категория залога и категория аспектуальности. В чувашском языкознании традиционно эти категории (вернее, образующие их формы) считаются словообразовательными. Однако в последних исследованиях по другим тюркским языкам (турецкому, древнетюркскому, узбекскому, татарскому и др.) преобладает точка зрения, в соответствии с которой залог и аспектуальность представляют собой словоизменительные категории. Залоговые формы передают значения, в которых отражаются связи действия и предмета, а формы с аспектуальными значениями или, если точнее, со значениями способов глагольного действия передают различные характеристики действия, показывая, как оно (действие) протекает.

Мы согласны с мнением Э.Е. Лебедева, что непризнание существования вышеуказанных категорий как полноправных членов системы словоизменительных категорий глагола в чувашском языке несправедливо, так как критерий тотальности, применяемый к ним, не является обязательным, как в случаях с индоевропейскими языками. В основу здесь должен быть положен функционально-семантический критерий, в соответствии с которым словоизменительными должны признаваться те формы, которые, присоединяясь к основам слов, преобразуют исходное лексическое значение, не меняя его, а добавляя информацию дополнительного, служебного характера о свойствах или связях исходных основ.

Что же касается аналитических форм глагола (аналитических конструкций, перифрастических форм и т.д.), то здесь мы с автором тоже придерживаемся одной позиции, которая состоит в следующем: аналитические формы входят в словоизменение глагола, так как если речь идет не о свободных сочетаниях двух глаголов, то второй глагол становится глаголом-модификатором. Его функция — модифицировать исходное значение, то есть уточнить его и добавить ин-

формацию о свойстве действия: протекать быстро или медленно, однократно или многократно, регулярно, длительно и т.д. Если мы оттапливаемся от функционального подхода к языку, то увидим, что для носителя языка нет разницы, как передать грамматическое значение – с помощью аффикса или с помощью служебного глагола. Эти средства относятся к морфологии.

В третьем разделе рассмотрены проблемы и задачи лексической подсистемы. Э.Е. Лебедев предлагает включать в эту подсистему и морфологические показатели со словообразовательными значениями. Не беремся судить, насколько это правомерно, но такой подход, возможно, имеет право на существование. В отношении других средств оперативного-грамматического преобразования слов (словосложения и т.д.), включение их в эту подсистему мы находим правильным.

Изучение лексической подсистемы чувашского языка, по мнению автора доклада, возможно в двух аспектах: синхроническом и диахроническом. Собственно, существующие работы по лексикологии тюркских языков подтверждают этот тезис, так как в них, как правило, четко прослеживается использование в основе исследования одного из двух методов – синхронного или сравнительно-исторического.

Строевыми элементами синтаксической подсистемы языка являются словосочетания, предложения и текст. При этом под словосочетаниями в синтаксисе чаще всего понимаются сочетания двух или более полнозначных слов. Э.Е. Лебедев, на наш взгляд, достаточно точно определил основные проблемы и задачи в области изучения данной подсистемы чувашского языка, включая такие ее подразделы, как изафетные конструкции, классификация сложноподчиненных предложений и т.д.

Интересен подход автора в отношении вопросов методического обеспечения исследования строя чувашского языка, которые он рассматривает во второй части своего доклада. По его мнению, можно выделить четыре общих метода, которые применялись и применяются в настоящее время в чувашском языкознании: формально-описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный и функционально-семантический. Со слов автора (которые подтверждены примерами из работ ученых-чувашеведов) можно сделать вывод, что подавляющее количество трудов базируется на первых двух методах. Присоединяемся к мнению Э.Е. Лебедева о том, что формально-описательный метод сыграл большую роль в истории развития науки о чувашском языке (как, собственно, и других тюркских языков). Именно с использованием этого метода было создано большинство работ на этапе накопления фактов тюркских языков. Впоследствии, после работ выдающегося компаративиста Г. Рамстедта, в тюркологии был дан огромный импульс развитию сравнительно-исторических исследований. Это привело к тому, что сравнительно-исторический метод также занял свое достойное место наряду с формально-описательным.

Но развитие научной мысли не стоит на месте. На протяжении XX в. были разработаны новые методы исследования языков. Сейчас уже не будет преувеличением сказать, что функционально-семантический подход к изучению языковых фактов приобрел большое количество сторонников и в тюркологической науке. На базе этого метода были подготовлены исследования по турецкому, татарскому, древнетюркскому, якутскому, узбекскому языкам. Нам интересно было узнать, что работы на его основе появились и в чувашском языкознании.

Заслуживает внимания и мнение Э.Е. Лебедева в отношении сопоставительного метода исследования. Автор использует термин «сопоставление» с целью подчеркнуть синхронический характер подобных исследований и отделить их от сравнительных, опирающихся на диахронию. При этом подчеркивается, что сопоставительное изучение языков, относящихся к одной генеалогической группе, не менее актуально, чем сопоставление неродственных языков.

В пятом подразделе второй части доклада рассмотрено использование различных теоретических методов исследования на примере некоторых работ чувашских ученых. Автор объединяет их под общим названием — «методы теоретического обобщения». Справедливым представляется утверждение, что в лингвистических работах зачастую встречается использование нескольких методических подходов, хотя в основе обычно лежит один из них. Так, например, в трудах на базе функционально-семантического метода может применяться и формально-описательный метод, в описательных исследованиях могут встречаться элементы сравнительно-исторического анализа, и наоборот. Сопоставительный же метод вполне сочетается с функционально-семантическим или формально-описательным.

В шестом подразделе кратко рассмотрены те общие методы лингвистического исследования, которые еще не применялись в трудах по чувашскому языкознанию.

В заключении автором доклада представлены основные выводы, перечислены рассмотренные в нем проблемы и задачи изучения строя чувашского языка.

Считаем, что рецензируемый доклад подготовлен на высоком теоретическом уровне, цели и задачи исследования, поставленные автором во введении, достигнуты. Выводы соответствуют всему ходу анализа.

ЧГВ, 2014 г., № 9

© Ю.Б. Лебедев. Рец. на: **Чебоксары: исторический очерк: коллективная монография.** — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. — 511 с., ил.

Одним из наиболее актуальных и современных направлений мировой и отечественной историографии на сегодняшний день является углубленное изучение локальной и региональной истории. За последние 20–30 лет практически во всех странах Европы появилось большое число монографических исследований истории отдельных провинций (во Франции), земель (в Германии), графств (в Великобритании), опубликованы десятки исследований по истории городов. А монументальная монография Э. Ле Руа Ладюри по истории крохотной пиренейской деревушки Монтайю стала событием для сообщества историков всего мира¹.

Коллективная монография об истории г. Чебоксары, изданная Чувашским государственным институтом гуманитарных наук, как нельзя лучше вписывается в этот тренд, не говоря уже о том, что она достойно завершает серию «Города Чувашии», начатую ещё в 70-х гг. прошлого столетия.

Рецензируемая книга впервые предлагает читателю панораму многовековой истории города, в ходе которой изменялись его государственная принадлежность и административный статус. Авторам удалось обобщить результаты исследований многих поколений историков и краеведов, привлечь большое количество документов из региональных и центральных архивов — Чебоксар, Казани, Москвы, Санкт-Петербурга. Все это делает монографию актуальной и интересной как для учёных-историков, так и для широкого круга читателей (учителей, студентов, краеведов-любителей, школьников старших классов и всех интересующихся историей Чувашии и её столицы).

Структурно книга состоит из краткого, но весьма содержательного предисловия, десяти глав, списков примечаний, аббревиатур и сокращений. Главы

Юрий Борисович Лебедев — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой общественных дисциплин Чувашского республиканского института образования; e-mail: chrio5@cap.ru.

выстроены в хронологической последовательности – от времени возникновения городского поселения на территории современных Чебоксар в начале XIII в. до 1991 г., когда рухнул СССР и родилась новая Россия. Последняя дата выглядит вполне обоснованной, так как наряду с 1861 и 1917 гг. представляет хронологический рубеж между качественно отличными историческими эпохами. Каждая глава выстроена по проблемно-тематическому принципу, сами же тексты глав разделены на рубрики, которые в целях навигации снабжены подзаголовками. Такая классическая схема построения делает объёмный труд удобным для чтения и поиска информации.

Предисловие (автор – Ю.В. Гусаров) содержит общие сведения о современных Чебоксарах, историю написания монографии, историческую справку о развитии научных взглядов по дискуссионному вопросу о времени основания Чебоксар, сжатый обзор истории города от основания до конца XX в. и обзор историографии его истории с XVIII до начала XXI в. Всё это знакомит читателя с книгой и её проблематикой, подготавливая его к восприятию основного содержания.

Первая глава, принадлежащая перу одного из крупнейших специалистов по средневековой истории Чувашии Василия Дмитриевича Дмитриева, начинается с экскурса в древнейшее прошлое района современных Чебоксар. Затем довольно подробно разбираются вопросы о времени и обстоятельствах возникновения Чебоксарского поселения в домонгольскую эпоху, превращения его в город в начале XIII в. и развития болгаро-чувашского города до середины XVI в.

Вторая глава, написанная тем же автором, всесторонне освещает историю Чебоксар как форпоста власти Московского царства в только что завоеванном Поволжье на протяжении второй половины XVI–XVII в. Отдавая дань памяти В.Д. Дмитриева, отметим, что работа над главами для книги стала одной из последних в его жизни.

Третья и четвертая главы (авторы – Л.М. Гаврилова, Ю.В. Гусаров, М.А. Судаков, Е.П. Погодин) посвящены двум очень разным периодам истории города. Первый – «золотой век» Чебоксар, пришедшийся на XVIII столетие. Второй – затяжной упадок и стагнация в XIX в. с элементами оживления в начале XX в. Бросается в глаза стремление авторов четко формулировать свои суждения, подкрепляя их архивными материалами. Импонируют попытки авторов показать историю города на общероссийском и региональном фоне, выделяя её общие черты и особенности.

Очень сложный и до сих пор недостаточно изученный период истории исследуется в пятой главе «Чебоксары в годы революций и Гражданской войны» (авторы – А.В. Изоркин, Е.В. Касимов). Сравнительно небольшая по объёму (30 с.), она содержит 9 параграфов, то есть больше, чем любая другая. Думается, что некоторое их укрупнение и, соответственно, количественное сокращение, пошли бы только на пользу. Приятно отметить, что авторы сумели очень полно учесть всю имеющуюся по данному периоду историографию, весьма широко использовали материалы научного архива ЧГИГН и Государственного исторического архива Чувашской Республики.

Самая маленькая по объёму (22 с.) – шестая глава «Чебоксары в годы новой экономической политики» (авторы – В.С. Григорьев, Д.А. Захаров, Г.Г. Можаров). Шесть параграфов охватывают основные сферы жизни горожан – от экономики и культурной деятельности до политики и бытовых условий жизни. Вместе с тем рецензенту представляется, что было бы правильно уделить больше внимания такому поистине грандиозному событию, как голод 1921–1922 гг., его причинам, масштабам, последствиям и героям борьбы с ним (в рамках Чувашии). Обо всем этом сказано скороговоркой и вскользь.

Глава седьмая «Чебоксары в 1928–1941 гг.» написана Г.П. Павловым и И.В. Титовой. Авторы акцентируют внимание на экономическом развитии горо-

да (этому посвящены три параграфа из пяти). Отдельный параграф отведен сфере образования, здравоохранения и культуры. Рецензенту представляется более логичным рассматривать историю здравоохранения в одном ряду с другими аспектами быта горожан. Параграф «Общественно-политическая жизнь» описывает две непересекающиеся, но одновременно существующие реальности. В первой – 10 тыс. чел. выступают на собраниях по обсуждению проекта новой (1936) Конституции СССР, во второй – год спустя – арестовываются практически все руководящие работники республики и районов, то есть организаторы упомянутых собраний, расписывавшие достоинства «самой демократической конституции» мира. Хорошо бы авторам задаться вопросом: как эти реальности совмещались в головах чебоксарцев – современников массовых политических репрессий?

Главы восьмая и девятая (автор – И.И. Бойко) охватывают период от начала Великой Отечественной войны до 1964 г. Обе главы отличает широкое использование архивных материалов и прекрасное знание литературы. Многие страницы, посвящённые труду и быту жителей города, читаются с захватывающим интересом, будят мысль читателя и раскрывают незнакомые сферы и стороны жизни города. Хочется отдельно поблагодарить автора за публикацию нескольких просто потрясающих документов, извлеченных из Государственного архива современной истории Чувашской Республики и пожелать ему подготовить на их основе сборник документов.

Последняя глава «Чебоксары в 1964–1991 гг.» (авторы – В.С. Григорьев, Е.В. Касимов, В.В. Орлов) вполне достойно завершает монографию. Наиболее интересными и содержательными, на взгляд рецензента, являются страницы, посвященные анализу (на материалах Чебоксар) экономических и социальных проблем «закатных лет развитого социализма». Авторы, как правило, избегают далеко идущих выводов, напрашивающихся из анализа приведённых фактов, но приводимые цифры и сопоставления говорят, что называется, сами за себя. Поистине просвещающее чтение!

Оценивая коллективную монографию «Чебоксары: исторический очерк» в целом, следует сказать, что опыт по созданию первого систематического изложения истории столицы Чувашской Республики с XIII в. до 1991 г. оказался удачным. Учен и критически использован практически весь имеющийся корпус исторической и краеведческой литературы, работа имеет весьма широкую документально-архивную базу, многие вопросы ставятся и освещаются впервые. Отдельно следует сказать о богатом иллюстративном материале, который во многом дополняет информационное поле книги.

Монография строго соответствует нормам и правилам оформления, предъявляемым к тексту и научно-справочному аппарату подобных исследований. Своим уровнем она обязана тому, что авторский коллектив составили учёные разных поколений, а научными редакторами выступили ведущие чувашские историки-исследователи И.И. Бойко, Ю.В. Гусаров, В.Н. Клементьев и В.В. Орлов. Отдельные спорные, на взгляд рецензента, моменты, отмеченные выше, не снижают общей высокой оценки монографии. Думаю, что она не потеряется в ряду аналогичных изданий, посвящённых городам России. Её материалы вполне могут быть использованы в учебном вузовском и школьном процессе при преподавании таких дисциплин, как «история Отечества», «история и культура родного края».

Литература

¹ *Ладюри Ле Руа* Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 541 с.

Сюрпризом нынешнего года, юбилейного для памяти этнографа и фольклориста Поволжья В.К. Магницкого (1839–1901), стала книга по семейной родословной сестёр Е.П. Ключевской и И.П. Крыловой, центральное место в которой отведено роду священников и дворян Казанской губернии Магницких¹. Ради справедливости скажем, что ранее основной автор книги, искусствовед Е.П. Ключевская, опубликовала фрагмент мемуаров своей матери и статьи по семейной истории Магницких и Каменевых², однако в условиях, когда малотиражные местные издания зачастую не преодолевают границ своего региона, они прошли не замеченными гуманитариями Чувашии.

Своеобразной презентацией будущей книги стало выступление Е.П. Ключевской 15 марта 2014 г. на научно-практической конференции, посвященной 175-летию В.К. Магницкого и состоявшейся в с. Советское Ядринского района Чувашской Республики, с докладом «Казанская ветвь Магницких». Её приезд на родину В.К. Магницкого вызвал большой интерес, поскольку ранее не было широко известно о здравствующих потомках рода, давшего известного этнографа.

Список литературы о В.К. Магницком насчитывает не одну сотню названий, однако, как справедливо отмечают авторы книги, актуальной задачей магницковедения является расширение источниковой базы исследований. Традиционно (добавим — обоснованно) исследователи обращаются к наследию В.К. Магницкого по чувашской этнографии, являвшейся основной в его творчестве, статьи же по краеведению незаслуженно остаются невостребованными (с. 132). Так, авторы отмечают, что в поле зрения современных исследователей творчества краеведа г. Елабуга И.В. Шишкина (отца знаменитого пейзажиста) не попали статьи В.К. Магницкого, выступившего его первым биографом (с. 146).

В книге впервые рассмотрена история рода Магницких и породнившихся с ним семей: казанского музыканта, литовца К.А. Корбута, казанских купцов Егоровых, связских купцов Каменевых, польских дворян Ключевских и др. на протяжении восьми поколений (более 70 персоналий). В судьбах их представительств отразились все катаклизмы XX в.: три революции, Первая мировая, Гражданская и Великая Отечественная войны, сталинские репрессии. Под пером авторов книги биографии предков соединяются в летопись рода, которая вливается в историю местного края и страны. Повествование сопровождается родословными схемами и историческими справками, что расширяет его информационные границы и придаёт наглядность. В канву семейных историй удачно вплетены самостоятельные сюжеты о праздновании в Казани 300-летия царской династии, о друзьях семьи, дореволюционном Свияжске и др.

Книгу открывают воспоминания внучатой племянницы В.К. Магницкого Н.А. Магницкой и её старшей дочери И.П. Крыловой, которые содержат богатую фактографию событий и быта Казани и Читы первой половины XX в. Мемуары дополняют картину связей рода Магницких с Чувашией. Из них узнаём, что летом 1918 г., когда Восточный фронт Гражданской войны приблизился к Казани, семью А.М. Магницкого приютили в Цивильске родственники, священники Лавинские, а в 1922 г. у них же его дочь Наталья пережила страшный голод 1921–1922 гг.

Юрий Владимирович Гусаров — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: gsr63@yandex.ru.

Родословную Магницких авторы ведут с первой половины XVIII в., производя её от нижегородских священников Велелеповых. Основное внимание уделено К.Е. Магницкому и его потомкам (из восьми его детей пятеро создали свои семьи). В.К. Магницкий, как известно, был несчастлив в браке и не имел детей, зато многочисленные потомки его сестры Юлии, братьев Михаила и Константина ныне проживают в Алатыре, Казани, Москве, Ульяновске, Самаре, Санкт-Петербурге, Алма-Ате и других городах и всех России и ближнего зарубежья. О многих из них впервые рассказано в книге. Оказывается, М.К. Магницкий (1841–1917) дослужился от канцеляриста до судебного пристава Казанского окружного суда, его внучка Л.А. Магницкая (1912–1976) руководила изостудией Московского Дворца пионеров и была наставницей юной художницы-самородка Нади Рушевой, врач Порецкой учительской семинарии К.К. Магницкий (1859 – не ранее 1916) в годы Первой мировой войны служил полковым врачом в г. Термез, его сын Н.К. Магницкий (1906–1974) стал заслуженным учителем РСФСР, кавалером орденов Ленина и «Знак Почёта», и его имя присвоено школе в с. Тахтамыгда Амурской области и др.

В.К. Магницкому посвящен отдельный параграф, из которого читатель узнает немало нового о нём и его окружении. Так, авторам удалось стереть «белое пятно» в биографии этнографа, относящееся к периоду добровольной отставки после увольнения с поста инспектора народных училищ Уржумского уезда Вятской губернии (1880) до назначения инспектором народных училищ Казанской губернии I-го участка (1882). Выяснилось, что, не желая мириться с некомпетентным вмешательством уржумских земцев в школьные дела, а также игнорированием его мнения как инспектора, он обратился к попечителю Казанского учебного округа с просьбой о служебном переводе, признаваясь: «Моя заветная мечта – служить среди родичей-чуваши Казанской губернии». Оказавшись не у дел, этнограф поселился у брата М.К. Магницкого в Казани и хлопотал о новом служебном назначении, в частности, искал места секретаря Родионовского женского института (с. 142).

Тему родословной невозможно исчерпать одной книгой. Авторы признают, что генеалогические разыскания далеки от завершения, и выражают надежду, что новые поколения рода продолжат их дело (с. 371). Так, остаётся непрояснённой судьба И.К. Магницкого (1856–?), служившего счётным чиновником Бакинской контрольной палаты, ждут более подробного документированного описания истории семей К.К. Магницкого, Ю.К. Аристовской (Магницкой) и многое другое.

Книга является плодом многолетних занятий Е.П. Ключевской в библиотеках и архивах г. Казань. Ей удалось охватить широкий круг научно-исторической, справочной литературы, периодических изданий XIX – начала XX в., а также интернет-источники. Жанр семейной летописи позволил полностью или частично опубликовать немало документов из государственных и семейных архивов, имеющих научный и познавательный интерес: послужные списки, служебные рапорты, личные письма и многое др. Книга богато иллюстрирована ранее не воспроизводившимися фотографиями из семейных архивов авторов книги. Особо отметим фотопортрет В.К. Магницкого, сделанный в Казани предположительно в 1880-х гг., оригинал которого находится в семейном архиве внучатой племянницы В.К. Магницкого Е.В. Гарцевой (Алатырь), фотографии К.К. Магницкого, М.К. Магницкого и членов их семей.

Книгу отличают высокий уровень художественного оформления и качество полиграфии. В ней органично сочетаются научный характер и популярное изложение. Подкупает трепетное отношение авторов к памяти предков, многих из которых они спасли от забвения, основательность и вкус в подборе фактического и иллюстративного материала. Всё это ставит книгу в ряд лучших образцов изданий по генеалогии.

Современные издательские стандарты учитывают потребность читателя в оперативном поиске информации. На наш взгляд, книга только выиграла бы от дополнения её научно-справочного аппарата библиографическим списком и указателями имён и иллюстраций.

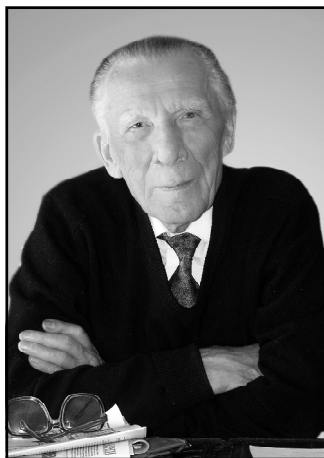
Итак, пусть название книги не вводит читателя в заблуждение: она имеет отнюдь не узкосемейное значение и будет интересна историкам, архивным и музейным работникам, учителям и краоведам. К сожалению, книгу нельзя купить: она издана на средства авторов мизерным тиражом. Однако любители исторического чтения смогут ознакомиться с ней в Чувашском национальном музее и Национальной библиотеке Чувашской Республики, куда авторы презентовали по одному её экземпляру.

Литература и примечания

¹ Основателем дворянского рода Магницких является священник с. Шуматово Ядринского уезда Казанской губернии К.Е. Магницкий (1813–1889), который в 1888 г. получил потомственное дворянство. Все его предки до третьего колена принадлежали к духовенству Нижегородской и Казанской губерний.

² *Ключевская Е.П.* Магницкие – священники, юристы, педагоги (из истории восьми поколений) // Материалы Лихачевских чтений, 3–5 апреля 2008 г. Казань, 2008. С. 73–79; *Её же.* Свяжская ветвь рода Каменевых // Диалог поэтов в культурном пространстве Казани: литературно-публицистические чтения к 200-летию смерти Г.П. Каменева и 170-летию приезда А.С. Пушкина в Казань (Казань, 23–24 октября 2013 г.). Казань, 2004. С. 16–19; *Её же.* Купеческий род Каменевых: из истории благотворительности в Свяжске в XIX в. // Свяжские чтения: сборник докладов конференции. Свяжск, 2009. Вып. 1. С. 65–71; *Магницкая Н.А.* В Цивильске. В доме священника Лавинского // Раифский альманах. 2012. № 2. С. 100–107.

ПАМЯТИ КОЛЛЕГ

ДЕНИСОВ ПЕТР ВЛАДИМИРОВИЧ
1928–2014

24 апреля 2014 г. скончался видный чувашский этнолог и историк, доктор исторических наук, профессор Петр Владимирович Денисов.

П.В. Денисов родился 28 августа 1928 г. в д. Бахтигильдино Первомайского (ныне Батыревский) района Чувашской АССР в семье колхозного активиста Владимира Денисовича Денисова. После окончания историко-филологического факультета Казанского государственного университета (1949) по рекомендации научного наставника, профессора Н.И. Воробьёва поступил в аспирантуру Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР. В годы учёбы П.В. Денисов познакомился с первым профессиональным чувашским историком и этнографом Н.В. Никольским. Общение с ним и изучение его трудов пробудили у начинающего исследователя интерес к проблеме христианизации нерусских народов Поволжья; тогда же он стал собирать материалы о первой чувашской газете «Хыпар».

Трудовая деятельность П.В. Денисова началась в 1952 г. в качестве научного сотрудника сектора истории и этнографии НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР. Тесные дружеские связи сложились у него с историком И.Д. Кузнецовым, который в 1957 г. предложил ему должность заведующего редакцией научной литературы в руководимом им Чувашском книжном издательстве. Впоследствии под редакцией П.В. Денисова были изданы монографии историков И.Д. Кузнецова, В.Ф. Каховского, И.Е. Петрова и др. Работа в издательстве обогатила ученого знаниями в области редакторского дела и сформировала у него живой и образный стиль изложения научного материала.

В 1962 г. П.В. Денисов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Религиозные верования чуваш» и перешёл на работу в Чувашский пединститут, где занимал должности старшего преподавателя и доцента кафедры истории. В 1967 г. Петр Владимирович связал свою жизнь с Чувашским государственным университетом, где вначале работал доцентом, а в 1973–1988 гг. — заведующим кафедрой истории СССР. В 1990 г. по его инициативе на историческом факультете ЧГУ была

создана кафедра археологии, этнографии и региональной истории, которой он руководил на протяжении 12 лет (с 2002 г. — её профессор). Костяк кафедры составили его ученики — историки и этнологи О.Г. Вязова, Ю.В. Гусаров, Д.В. Егоров, О.В. Егорова, С.Н. Кодыбайкин, Н.А. Петров, Л.А. Таймасов и др. В 1973 г. за монографию «Религия и атеизм чувашского народа» учёному была присвоена степень доктора исторических наук. В 1976 г. он получил ученое звание профессора.

П.В. Денисов является автором более 150 научных работ, в том числе 12 монографий. Под его научной редакцией было издано свыше 50 монографий, учебников, тематических сборников по вопросам истории и этнографии чувашского народа. Его капитальные труды по истории и этнографии чувашей получили признание не только в России, но и за рубежом. Имя П.В. Денисова включено в энциклопедический справочник, изданный в 1994 г. Международным библиографическим центром Кембриджского университета (Великобритания).

П.В. Денисов внес значительный вклад в исследование этногенеза религиозных верований чувашского народа, истории его христианизации, этнокультурных параллелей дунайских болгар и чувашей. Труды ученого активно используются болгарскими и венгерскими коллегами при изучении истории праболгар (протоболгар), влияния тюркско-болгарской культуры на мадьяр и др.

П.В. Денисов плодотворно занимался изучением жизни и творчества видных деятелей чувашской и российской науки: В.А. Сбоева, В.К. Магницкого, Н.М. Охотникова, Н.И. Ашмарина, Н.В. Никольского. Более тридцати лет он посвятил изучению наследия основоположника российского востоковедения Н.Я. Бичурина. Благодаря стараниям учёного увидели свет многие работы выдающегося ориенталиста.

Более 45 лет жизни П.В. Денисов отдал преподавательской работе. Его эрудиция, постоянный интерес к научным новинкам, корректность, уважение к чужому мнению, доступность снискали ему авторитет среди коллег и студентов. П.В. Денисов обладал оригинальным стилем чтения лекций: оперировал огромным фактическим материалом, использовал личные воспоминания, что делало занятия яркими и незабываемыми.

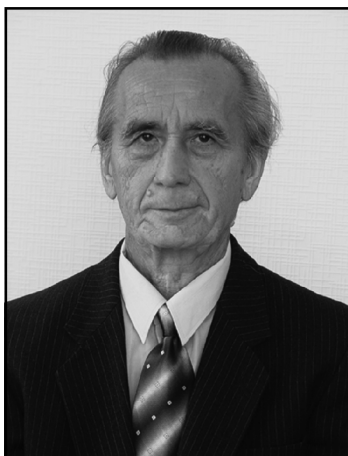
Многие годы П.В. Денисов руководил Чувашским филиалом Географического общества СССР и республиканским отделением Российского фонда культуры. В 1992 г. был избран действительным членом Академии наук Чувашской Республики (с 1995 г. — Национальная академия наук и искусств ЧР).

П.В. Денисов активно участвовал в воспитании научных кадров. В 1993—2005 гг. являлся заместителем председателя диссертационного совета по истории при ЧГУ. Под его научным руководством защищено 19 кандидатских и 8 докторских диссертаций по этнологии народов Поволжья и Приуралья. Из его воспитанников сформировалась школа этнологов, успешно исследующих традиционную культуру и быт чувашского народа. Любовь к науке учёный привил своим дочерям — Н.П. Зильберг и О.П. Вовиной, которые стали учёными-этнографами и ныне работают соответственно в Израиле и США.

П.В. Денисов внёс заметный вклад в организацию Музея этнографии народов Чувашии на историческом факультете ЧГУ. Полезной была его помощь в создании этнографического музея под открытым небом в пос. Ибреси. Он выступил в качестве консультанта при формировании экспозиций музея «Бичурин и современность» в пос. Кугеси.

Заслуги П.В. Денисова в научно-педагогической деятельности отмечены почетным званием «Заслуженный деятель науки Чувашской АССР» (1980), Государственной премией Чувашской Республики в области науки и техники (1998), Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Чувашской АССР, Государственного Совета Чувашской Республики и др.

Н.А. Петров.

ХЛЕБНИКОВ ГЕННАДИЙ ЯКОВЛЕВИЧ
1932–2014

11 сентября 2014 г. на 83-м году ушел из жизни известный чувашский литературный критик, литературовед, кандидат филологических наук, профессор Геннадий Яковлевич Хлебников.

Г.Я. Хлебников родился 17 сентября 1932 г. в д. Шанары Мариинско-Посадского района Чувашской АССР в семье сельского учителя. Окончил Карачаевскую среднюю школу Козловского района (1949), историко-филологический факультет Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова (1954).

Свою трудовую деятельность Г.Я. Хлебников начал в Ораушской средней школе Вурнарского района Чувашской АССР, где четыре года проработал учителем русского языка и литературы.

По завершении очной аспирантуры Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в 1962 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию «Становление и развитие чувашского романа» (научный руководитель – востоковед И.С. Брагинский). Позже она легла в основу монографии «Чувашский роман» (1966), которая стала научно-теоретической работой нового уровня мышления и литературного анализа с учетом художественности произведения. В ней автор обозначил пути типологического изучения чувашской литературы, исследовал социально-исторические, художественные условия и особенности становления и развития чувашского романа.

В 1962–1969 гг. Геннадий Яковлевич работал в должности научного сотрудника, затем заведующего сектором литературы и фольклора Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР, по совместительству – старшим преподавателем Чувашского государственного педагогического института (ныне университет) им. И.Я. Яковлева. Анализ процесса развития чувашской литературы 1950–1960-х гг. изложен им в книге «Современная чувашская литература» (1971). В своем исследовании он отмечает произведения начинающих тогда авторов (А. Артемьева, Ю. Скворцова), в которых предпочтение отдается изображению внутреннего мира героев, впервые открывает мир поэзии А. Воробьева, А. Кана-

ша, Г. Айги, Н. Теветкеля. Данное исследование в чувашском варианте вошло в коллективную монографию «Чăваш совет литературы (1917–1967)» (1972).

С 1969 г. до ухода на заслуженный отдых занимал научно-исследовательскую деятельность Г.Я. Хлебников совмещал с преподаванием в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова в должности доцента, позже профессора и заведующего кафедрой чувашской литературы факультета чувашской филологии и культуры. На кафедре он руководил студенческим поэтическим объединением «Силсунат» (Пегас), явившимся творческой мастерской для будущих известных писателей, журналистов, культурных деятелей (С. Эрдиван, В. Кервень, Ю. Силэм, А. Смолин, А. Леонтьев, В. Тургай, В. Абрамов, А. Мышкина, Е. Нарби и др.).

В 1960–1970-х гг., когда в чувашском литературоведении еще сохранялись догматическое понимание соцреализма и принципы классовости и партийности в исследовании творческого процесса, научные труды Г.Я. Хлебникова отличались глубоким осмыслением литературных явлений, анализом художественно-эстетической и содержательной форм произведений. В своих исследованиях («Пултарулах тĕшши» (Ядро таланта, 1981) и «Меслетпе асталăх» (Метод и мастерство, 1984) он раздвинул границы метода соцреализма, обогатил чувашское литературоведение понятиями «эстетический идеал», «национальное своеобразие», «идея народной эстетики», «художественная концепция» и т.д., разработал проблему прекрасного и идеала красоты в чувашской литературе. Заслуга ученого в том, что он сумел расшатать устой социологизированно-описательного направления в чувашской критике и литературоведении, подняв их на новый уровень развития.

Г.Я. Хлебников является автором 6 монографий, в разные годы им опубликованы десятки научных статей. Свои исследования в области поэтики он изложил в монографиях «Чăваш совет литературин поэтики. Малтанхи тапхăр» (Поэтика чувашской советской литературы. Начальный этап; 1990) и «Чувашская литературная классика и ее наследники» (2001), где в ходе тонкого и глубокого анализа раскрываются тайны художественного своеобразия творчества выдающихся чувашских писателей: Мих. Федорова, К. Иванова, М. Сеспеля, Ф. Павлова, И. Тхти, П. Хузангая, В. Митта, Ю. Скворцова и др.

Г.Я. Хлебников внес значительный вклад и в методику преподавания чувашского языка и литературы. Он является автором учебника «Тăван литература: 6-мĕш класс валли» (Родная литература: для 6 класса; 1972), который с некоторыми уточнениями и дополнениями переиздавался двенадцать раз, и учебного пособия «Чăваш литературы: 10-мĕш класс валли» (Чувашская литература: для 10-го класса; 1973).

Скромность и интеллигентность, редкая работоспособность, порядочность, отзывчивость, большое чувство долга и внимательное отношение к людям снискали ему заслуженный авторитет среди коллег, студенчества, научной и культурной общественности, уважение знакомых и друзей. За многолетнюю плодотворную работу и неоценимый вклад в чувашское литературоведение Геннадий Яковлевич был награжден Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Чувашской АССР, Совета министров Чувашской АССР, Союза писателей Чувашской Республики, Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Не стало Геннадия Яковлевича Хлебникова, прекрасного человека, без остатка отдававшего себя развитию чувашской литературы. Светлая память об этом талантливом исследователе навсегда сохранится в сердце чувашского народа.

И.Ю. Кириллова.

КЛЯШТОРНЫЙ СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
1928–2014

21 сентября 2014 г. ушел из жизни выдающийся российский ученый-тюрколог, сотрудник Института восточных рукописей РАН, профессор ряда российских и зарубежных университетов Сергей Григорьевич Кляшторный.

Будущий исследователь истории и древних письменностей тюркских народов родился в 1928 г. в г. Гомель (Белоруссия). Интерес к науке, который проявился у него с самого детства, привел его в 1945 г. на кафедру тюркской филологии восточного факультета Ленинградского государственного университета. Успешно окончив курс обучения в этом университете, Сергей Григорьевич в 1950 г. начал свою трудовую деятельность в должности сотрудника Всесоюзного института геологии, где трудился до 1957 г. Затем он был приглашен на работу в качестве младшего научного сотрудника в сектор тюркологии и монголистики Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (в настоящее время — сектор Центральной Азии Института восточных рукописей РАН), где проработал в разных должностях вплоть до 2013 г.

Сергей Григорьевич на протяжении многих лет занимался и преподавательской деятельностью. В период с 1969 по 2009 г. читал курсы по истории и письменности древних тюрков на кафедре тюркской филологии СПбГУ (до 1991 — ЛГУ), в 1995–2009 гг. — на кафедре Центральной Азии и Кавказа СПбГУ. Кроме этого, в качестве приглашенного преподавателя неоднократно читал курсы лекций в университетах Германии (г. Бонн), Кыргызстана (г. Бишкек), Казахстана (г. Алма-Ата, г. Астана), США (г. Блумингтон), Польши (г. Варшава), Турции (г. Стамбул), Венгрии (г. Будапешт) и др. Имел множество наград и званий, являлся членом всевозможных научно-исследовательских обществ разных стран.

С.Г. Кляшторный является автором более 300 научных работ, включая 14 монографий, которые изданы во многих странах мира на русском, турецком, английском, немецком, китайском и французском языках. Диссертация на соискание степени кандидата наук, которую он защитил в 1962 г., называлась «Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии».

Начиная со студенческих лет и вплоть до 2003 г. С.Г. Кляшторный был активным участником различных геологических и археологических экспедиций. Именно во время полевых исследований он находил много нового материала для своей научной деятельности. Среди экспедиций, в которых он участвовал, были такие, как Памиро-Ферганская (1947–1953), Волго-Донская (1949), Среднеазиатская (1954–1959), Саяно-Тувинская (1968–1973), Советско-Монгольская (1969–1990), Иртышская (2003) и др.

Сергей Григорьевич был преподавателем и ученых-исследователей чувашского языка, таких, как В.А. Андреев, Г.А. Дегтярев, Э.Е. Лебедев. Им всем выпал удивительный шанс учиться у такого замечательного и требовательного наставника. Занятия профессора Кляшторного всегда проходили как на одном дыхании – интересно и познавательно. Он умел заинтересовать в читаемом им предмете любого студента, поражал своей эрудицией и знанием фактического материала. В последний раз автору этих строк довелось увидеть Сергея Григорьевича на Всемирной Алтайской конференции, которая проходила в 2007 г. в Казани. Будучи уже в преклонном возрасте, С.Г. Кляшторный потрясал своей энергией, собирал вокруг себя молодых ученых, давал подробные ответы на интересующие их вопросы, устраивал импровизированные мастер-классы. Именно таким, активным, бодрым, всегда преданным главному делу своей жизни – тюркологической науке Сергей Григорьевич навсегда останется в нашей памяти и в наших сердцах.

Э.Е. Лебедев.

ПРОХОРОВА ВЕРА АНДРЕЕВНА
(1926–2014)

Ушла из жизни Вера Андреевна Прохорова, научный и литературный редактор. Знавшие Веру Андреевну ученые-гуманитарии называли ее самым грамотным человеком Чувашии. И это не было просто гиперболической фигурой.

Вера Андреевна родилась 14 января 1926 г. в д. Ямайкасы Ядринского у. (ныне Красноармейский район). В 1946 г., окончив историко-филологический факультет Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева, работала в г. Кронштадт Ленинградской области: учительницей, потом заведующей методическим кабинетом учебного отряда связи им. А.С. Попова краснознаменного Балтийского флота. Вернувшись в 1958 г. в Чувашию, работала редактором научной и научно-популярной литературы Чувашского книжного издательства, секретарем исполкома Чебоксарского городского Совета (с 1965 г.). Более четырех десятилетий своей жизни, начиная с 1967 г., она отдала работе в НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН). В первое время работала младшим научным сотрудником сектора истории, затем переклочилась на редакторскую работу и вскоре возглавила редакционно-издательский отдел. Эта работа и стала ее настоящим призванием.

За время трудовой деятельности в институте ею отредактировано более четырехсот фундаментальных научных трудов по истории, этнографии, искусствоведению, а также энциклопедические издания (в их числе «Краткая чувашская энциклопедия» и четырехтомная «Чувашская энциклопедия»). Общий объем отредактированных В.А. Прохоровой текстов составил свыше полутора тысяч авторских листов.

Авторитет Прохоровой основывался не только на профессиональных достоинствах. Прекрасный специалист, Вера Андреевна отличалась и высокой требовательностью, и человечностью. Хорошо понимая и уважая авторов научных текстов, она помогала и молодым, и опытным исследователям донести свои мысли до читателя, не жалея времени на обсуждение рукописи, добиваясь ясно-

сти изложения. При этом авторы всегда чувствовали и ценили доверие редактора, который не навязывал собственные формулировки – что не так уж редко встречается в издательской практике.

Уровень компетентности поддерживался и оригинальными научно-исследовательскими статьями Веры Андреевны, в которых она высказывала свои мысли по истории и культуре чувашского народа.

Особенно ее занимали вопросы этногенеза. В научных и популярных журналах выходили статьи под названиями «Авалхи пӓлхарсен йӓрӓпе», «Италири авалхи пӓлхарсем», «По вопросу об этногенезе чувашей. Размышления наивного читателя над статьей академика». Углубляясь в эту тему, Вера Андреевна вела широкую переписку с историками и этнографами Болгарии – И. Коевым, П. Пунтевым, С. Дончевым, П. Добревым, Р. Сефтерски, Н. Кауфманом, П. Митревой, М. Чалыковым и др. Благодаря этому ученые Чувашии получили доступ ко многим исследованиям по проблеме древних болгар, публиковавшимся в Софии. Кроме этого, ряд исследований болгарских коллег перевела на русский язык, некоторые были опубликованы в Чебоксарах. В газетах и журналах публиковались статьи В.А. Прохоровой, посвященные научной деятельности А. Тодорова, И. Коева.

В свободные часы Вера Андреевна Прохорова увлекалась вышивкой и стала настоящим мастером декоративно-прикладного искусства. Статья «Цвет и народное искусство» обобщила ее творчество как народной мастерицы.

В 1979 г. ей было присвоено почетное звание заслуженного работника культуры Чувашской АССР. В 1982 г. она была удостоена Почетной грамоты Президиума Верховного Совета Чувашской АССР. А за большую работу, проделанную при подготовке издания «Краткой чувашской энциклопедии», В.А. Прохорова стала лауреатом Государственной премии Чувашской Республики в области гуманитарных наук (2001).

Скончалась Вера Андреевна 17 декабря 2014 г. в г. Чебоксары, похоронена в родной деревне.

М.Г. Кондратьев.

Правила для авторов

1. Материалы для публикации должны соответствовать тематике журнала и представлять оригинальное научное исследование, не издававшееся ранее. Как исключение к печати могут быть приняты сочинения, издававшиеся частично – до 25 % объема. Текст представляемой научной продукции должен быть тщательно выверен авторами на предмет наличия орфографических ошибок и опечаток.

2. Представляемые в редакционную коллегию материалы должны иметь титульный лист, содержащий следующие сведения: фамилия, имя, отчество автора; почтовый адрес; адрес электронной почты; номер телефона (домашнего, рабочего, мобильного); место работы; должность; ученая степень и ученое звание; тематика научных изысканий. На первой странице рукописи печатаются: название статьи (сообщения); инициалы и фамилия автора (инициалы перед фамилией). Заголовок набирается строчными буквами. На первой странице под текстом указываются: полное имя, отчество и фамилия автора; ученая степень, ученое звание и должность. Форма: Иванов Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературоведения Чувашского государственного университета.

3. Материалы для публикации должны быть напечатаны в 2 экземплярах, на одной стороне листа. В редакционную коллегию они представляются вместе с электронным вариантом. Распечатанный текст должен быть подписан автором (авторами). Основные параметры верстки печатного и электронного текстов: кегль – 14 пунктов, междустрочный интервал – полуторный, формат страницы – А-4, выравнивание по ширине (для заголовка – по центру), отступ абзаца – 1 см, все поля 2 см, без переносов, нумерация страниц снизу и по центру листа. Гарнитура Times New Roman. Редактор – MS Word. При наличии таблиц и рисунков они должны быть созданы стандартизированными средствами MS Word и внедрены в текст. Таблицы и рисунки должны иметь собственную нумерацию и названия. В таблицах обязательно указываются единицы измерения величин. Названия и нумерация к ним помещаются над конструкцией и набираются полужирным шрифтом 12. Текст внутри таблиц набирается шрифтом 12. Нумерация и пояснения к рисункам помещаются под конструкцией и набираются шрифтом 12. Формулы располагаются по центру страницы. Шрифт для греческих букв Symbol, для всех остальных – Times New Roman. Число таблиц и рисунков в рукописи не должно превышать 6. Фотографии прилагаются в двух файлах – в тексте рукописи и отдельной единицей – с разрешением 300 dpi в формате TIFF, JPEG.

4. Рукописи в редакционную коллегию авторов представляются вместе с двумя рецензиями, написанными кандидатами или докторами наук по профильной научной дисциплине. Они должны быть заверены печатью той организации, где работают рецензенты. Решением редакционной коллегии полученные материалы могут быть приняты к печати, отправлены на дополнительное рецензирование или возвращены на доработку. Возвращение рукописи на доработку не означает, что она принята к печати.

Доработанный текст автор вправе вновь представить вместе с первоначальным его вариантом и ответами на замечания в редакционную коллегию журнала.

5. Поступившие в редакционную коллегию рукописи, как принятые к печати, так и отклоненные, а также рецензии и сопутствующие материалы поступают в научный архив ЧГИИП. Они авторам не возвращаются.

6. В рукописях допускается использование общеизвестных аббревиатур (СССР, РСФСР и др.). В случае оперирования с малоизвестными аббревиатурами в тексте при первом употреблении им должны предшествовать расшифрованные формы. Например: Всероссийский союз городов (ВСГ). Замена ключевых понятий исследования аббревиатурами (например, СО вместо сельское общество) не допускается.

7. Структура статьи (сообщения) должна определяться соображениями целесообразности. В ее (его) вводной части (не менее 0,5 с.) обязательны постановка проблемы и определение исследовательских задач, в заключительной (не менее 0,5 с.) – полученные в ходе анализа выводы. Статью (сообщение) завершают примечания и краткое резюме. Используемая литература и источники указываются в примечаниях.

8. Ссылки на использованную литературу и источники даются с помощью автоматических номерных сносок в конце текста. Кегль – 14 пунктов. Фамилия и инициалы авторов исследований в сносках выделяются курсивом. Названия архивов даются аббревиатурами. При первом употреблении аббревиатуры должны быть расшифрованы. Форма: Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).

9. Источники, представленные для публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, должны быть оформлены в соответствии с «Правилами издания исторических документов» (М., 1990) и иметь предисловие, примечания и комментарии.

10. Ориентировочный объем для публикаций: для статьи – до 25 страниц (50 тыс. знаков), сообщения – до 15 страниц (20 тыс. знаков), рецензии – до 7 страниц (12 тыс. знаков), аннотации – до 3 страниц (5 тыс. знаков). В печатный объем входят текст, таблицы, рисунки и список литературы. Источники, представленные к публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, могут иметь объем до 23 страниц (40 тыс. знаков). Объем краткого резюме к статье (сообщению) – 8–10 строк.

11. Редакционная коллегия вправе вносить в настоящие правила изменения.

СОДЕРЖАНИЕ

История

- Мухамадеев А.Р.* Проявление власти и особенности статуса правителей в начальный период развития Волжской Болгарии 3

Этнология

- Егоров Н.И.* К проблеме определения границ предметно-понятийного поля терминов «ментальность» и «менталитет»: этнокультурологический аспект 10
- Иванов В.П.* Некоторые проблемы социокультурной адаптации мигрантов в полиэтническом пространстве Чувашской Республики 36

Искусствоведение

- Мордвинова А.И.* Тенденции и имена в чувашской живописи конца XX – начала XXI века 55

Филология

- Лебедев Э.Е.* Структуралистический подход к изучению глагольной морфологии в чувашском языке 80
- Кириллова И.Ю.* Илья Ефимович Ефимов: штрихи к творческому портрету 96

Социология

- Иванова Н.М.* Социология региона: опыт и тенденции исследований 112

Исторический архив

- Гусаров Ю.В.* Две автобиографии этнографа и фольклориста В.К. Магницкого 132

Дискуссии и обсуждения

- Диалог о книге «Откуда мы? Куда идем? Беседы под деревом познания. Книга I» (авторы – А.П. Леонтьев и Н.И. Егоров). *Материал диалога подготовлен к печати Г.А. Николаевым*..... 162

Рецензии

- Кодыбайкин С.Н.* Рец. на: Отечественная война 1812 г.: документы и материалы из фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики / сост. Ю.В. Гусаров, А.А. Чибис. – Чебоксары: Новое время, 2012. – 390 с. 221
- Лебедев Э.Е.* Рец. на: Durmuş Oğuzhan. Çuvaş-Mari Dil İlişkilerine Genel Bir Bakış I: Çuvaşçanın Mariceye Etkisi // Türk Moğol Araştırmaları. Prof. Dr. Tüncer Gülensoy Armağanı. – Ankara, 2012. – S. 153–168. (Дурмуш Огузхан. Общий взгляд на чувашско-марийские языковые связи. I: Влияние чувашского языка на марийский язык // Тюрко-монгольские исследования: к юбилею Т. Гюленсо-ся. – Анкара, 2012. – С. 153–168. 224
- Бугров Д.Г., Вязов Л.А.* Рец. на: Мясников Н.С. Этнокультурные процессы в Чувашском Поволжье в I–VIII веках нашей эры в свете археологических данных / Н.С. Мясников; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2013. – 72 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 13) 227
- Иванов В.П.* Рец. на: Бойко И.И., Харитонов В.Г. Общегражданская и этническая идентичности населения Чувашии / И.И. Бойко, В.Г. Харитонов; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2013. – 44 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 14) 230
- Байрам Б.* Рец. на: Лебедев Э.Е. Строй чувашского языка: проблемы, задачи и методы изучения / Э.Е. Лебедев; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2013. – 36 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 15) 236
- Дубровина М.Э.* Рец. на: Лебедев Э.Е. Строй чувашского языка: проблемы, задачи и методы изучения / Э.Е. Лебедев; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2013. – 36 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 15) 238
- Лебедев Ю.Б.* Рец. на: Чебоксары: исторический очерк: коллективная монография. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. – 511 с., ил. 241
- Гусаров Ю.В.* Рец. на: Ключевская Е.П., Крылова И.П. Помню навсегда... Семейная летопись. – Казань, 2014. – 416 с., ил. 244

Памяти коллег

- Денисов Петр Владимирович (1928–2014) 247
- Хлебников Геннадий Яковлевич (1932–2014) 249
- Кляшторный Сергей Григорьевич (1928–2014) 251
- Прохорова Вера Андреевна (1926–2014) 253
- Правила для авторов 255

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Чувашский гуманитарный вестник
№ 9. 2014

Научный журнал

Редактор *Т.Н. Таймасова*
Корректор *Г.И. Алимасова*
Верстка *Л.Н. Сапоговой*

Публикуемые материалы
не обязательно отражают точку зрения редколлегии
При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Чувашский гуманитарный вестник» обязательна

Подписано к печати 28.11.2014. Формат 70×100¹/₁₆.
Дата выхода в свет 29.12.2014. Печать оперативная.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Цена свободная.
Усл. печ. л. 20,09. Уч.-изд. л. 15,87. Тираж 100. Заказ № 22.

Учредитель: БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования и молодёжной политики Чувашской Республики
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-39825 от 12 мая 2010 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издатель – БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования и молодёжной политики Чувашской Республики
428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.
тел 8(8352) 45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05
e-mail: human2000@yandex.ru

Адрес редакции: 428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29/1.
Тел.: 8(8352) 45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05,
e-mail: human2000@yandex.ru

Оригинал-макет подготовлен РИО ЧГИГН
Отпечатано в РИО ЧГИГН 29.12.2014
г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.